

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Vet DK4. S2765.085

X-й экз.

~~1995~~

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

VI. -8

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, ИСТОРИИ и ПОЛИТИКИ.

ВТОРОЕ ДВАДЦАТИНАТЕЛѢТІЕ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.

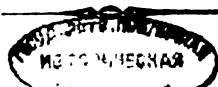
ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 7-8

Редакторъ Николай Гречъ.

ИЗДАНИЕ

книгопродавца Александра Смирдина.

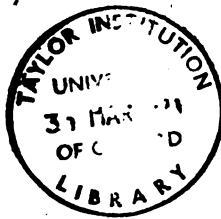
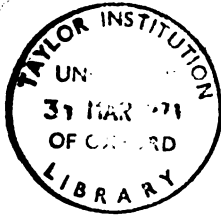
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМІРДИНА.

1838.

CONFINED TO
THE LIBRARY.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1838 года, Юля 15 дня.

Ценсоръ *Н. Корсаковъ.*
Ценсоръ *А. Крыловъ.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПАМЯТНИКЪ ПЕТРА
ВЕЛИКАГО.

Чей ликъ величавый здѣсь гордо возникнулъ?
Могучія длави простеръ опъ къ кому?
Въ туманную вѣчность онъ взоромъ проникнулъ —
Утѣсь непреступный подпожье ему!

Ковъ борзый несется, великаго чуя —
Ему не преграды ня лѣсъ, ни гора,
На аспида злаго онъ сталь, торжествуя!
О всадникъ! въ тебѣ познаю я Петра.

Смотрите : какъ сѣло , взлетѣвъ на стремнину ,
 Людей и стихіи зоветь онъ на бой ,
 И мнится безстрашно на славы вершину ,
 Съ презрѣемъ сѣбя надъ грозной судьбой.

И, мнится, гласитъ онъ въкамъ изумленнымъ ,
 На градъ указаю , воздвигнутый имъ :
 « Смотрите : путемъ я , отъ блатъ затопленнымъ ,
 Вломился въ Европу съ народомъ моимъ !

« Мой Россѣ , на обломкахъ низверженныхъ Шведовъ ,
 Подъ громомъ Полтавы , знамена развилъ ,
 И міръ , оглушенный симъ громомъ победы ,
 На Русь удивленный свой взоръ обратилъ.

« Стрѣльцы , предрасудки , и Кармъ , и природа
 Напрасно стремились мнѣ путь преградить ;
 Я всюду , ведомый лишь благомъ народа ,
 Напору ихъ не далъ себя сокрушить.

« Здѣсь были болото и лѣсъ необъятной ,
 Сынъ жалкій природы , здѣсь Финнѣ обиталъ ;
 Смотрите — столица страны благодатной ,
 Градъ — слава Россіи , въ томъ мѣстѣ возсталъ !

« Смотрите , какъ быстро пародъ мой несется
 По славной дорогѣ , указанной мной ;
 Лува присмирѣла , левъ гордый трясется ,
 Кавказъ непокорный трещитъ подъ ногой.

« Скажите жъ мнѣ , древніе сверстники міра ,
 Кто смертный природу , какъ я , побѣдилъ ?
 И тяжесть правленья , величье порфиры
 Для блага народовъ достойпѣй поснлъ ? » ...

М. РОЗЕНГЕЙНЪ.

МЕЖДУДѢЙСТВІЕ

ИЗЪ

III-ГО АКТА ТРАГЕДІИ АРГИВЯНЕ.

(Театръ не перемѣняется; оркестръ играетъ торжественную протяжную симфонію. Оры, богини времени, спускаются на свѣтлоѣ облакъ въ храмъ и раздѣляются на два полухора.)

ПЕРВЫЙ ПОЛУХОРЪ.

Съ небесъ высокихъ и священныхъ,
По вѣчно свѣтлому пути,
Урашя, въ сей храмъ сойди!
Средь стѣвъ, коварствомъ оскверненныхъ
Явись, и да дрожить обманъ!
Се, грѣшный, спѣсью обуянь,
Упитанъ ядомъ черной страсти,
Не зрѣть твоей безсмертной власти,
Смѣется Зевсовымъ сынамъ,
И бросивъ камень къ ихъ ногамъ,
Речь: «ихъ вижу преткновенье!»
• Ихъ безразсудное паренье
• Даетъ ввнецъ моимъ дѣламъ! •

Второй полухоръ.

Ты, дитя отца вселенной,
 Кѣмъ исполненъ цѣлый міръ,
 Кто отъ солнца до былинки
 Въ немъ разлитъ и дышитъ въ немъ!
 Чудо твоего рожденья
 Зрѣлъ единый Оксанъ,
 Древній царь тѣхъ шумныхъ странъ,
 Гдѣ неистовы бури
 Омрачили блескъ лазури,
 Съ ревомъ осаждали твердь,
 И горь стремили смерть
 Изъ жилища блѣдныхъ Фурий!
 Но когда явилась ты,
 Вдругъ дивясь остановились,
 Узеглись и усмирились
 Отъ возрѣнья красоты!
 О небесная Венера!
 Къ блѣднымъ смертнымъ пизлетн,
 И сердца ихъ освяти,
 Да, во вѣкъ не гаснетъ въра
 На ихъ жизненномъ пути!

АФРОДИТА.

(выступаетъ изъ облака.)

Въ надзвѣдномъ домѣ, гдѣ лякую,
 Гдѣ пляска сладостныхъ Харитъ
 Безсмертныхъ очн веселитъ,
 Тамъ вашу я мольбу святую
 Въ открытый слухъ свой приняла;
 Отголъ въ ночь земнаго міра,
 Быстрѣ вѣявъ зефира,
 Быстрѣ мысли, притекла!
 Виешлите мнѣ, часы и вѣки!
 Земля и небо, верхъ и долъ,
 Примите въ сердце мой глаголъ!

Богамъ любезны челоѣки,
 И что они въ живую грудь
 Мужей священныхъ и великихъ
 Послатъ замыслать и вдохнуть,
 Не можетъ мертвымъ сномъ заснуть.
 Среди стихій слѣпыхъ и дикихъ
 Горять ихъ свѣтлыя дѣла,
 И пусть ихъ жизнь вотще была,
 Но ихъ душа расторгнетъ сѣти,
 Черезъ радостный потокъ столѣтій
 Ихъ мысль къ потомкамъ преплыветъ,
 И тамъ, въ степяхъ, въ странахъ далекихъ,
 Духовъ парящихъ и высокихъ
 Чистѣйшимъ пламенемъ зажжетъ.
 Такъ при святыхъ истокахъ Нила
 Благоуханная могила,
 Златымъ вожденная лучемъ,
 Прощальнымъ взглядомъ дней свѣтила,
 Объемлетъ феникса огнемъ.
 И се, едва дымясь, остыла
 Къ зарѣ зола душистыхъ дровъ,
 Безсмертный, для слѣпыхъ сгорѣвъ,
 Для зрящихъ разгибаетъ крыла,
 Горь возноситъ свой полетъ,
 Одѣтый новыми лучами,
 Шума, течетъ надъ облаками
 И солнце новое поетъ !

Хоръ.

Взирають всевидцы, блаженные боги,
 Съ спокойнаго неба на бурный мятежъ,
 За грозный таинственной смерти рубежъ
 На темныя строгаго рока дороги.
 И видать, сквозь ужасъ, и гибель, и тѣнь,
 Сокрытое, но оживленное сѣмя
 Грядущаго счастья и лучшихъ времянь !
 Толпа жъ земнородныхъ, ничтожное племя,
 Во мракъ, въ слезахъ, среди страховъ влачить
 Къ Тенару тяжелое опытовъ бремя,
 И взоръ и надежду къ мигнуть стремить !

А Ф Р О Д И Т А .

Искушенное въ горниль,
 Злато чище возблеститъ :
 Черезъ печали, въ свѣжей силѣ
 Мудрый къ солнцу воспаритъ .
 Смоляя ропоть безразсудный
 На бунтующихъ устахъ !
 Зевъ благой и правосудный,
 Пышный жребій , жребій скудный
 Вѣситъ на святыхъ вѣсахъ !
 Кто разтерзанный отъ терпій
 Презрѣвъ буйный хохоть черни ,
 Смѣлый мужъ , кого прошло ,
 Въ быстромъ яростномъ теченьѣ ,
 Испытующее зло ,
 И узнать не могло —
 Тотъ познаетъ Провидѣнье,
 Тотъ упорную Судьбу
 Превратитъ себѣ въ рабу !
 Самъ Хронидъ его прославитъ ,
 Взложитъ на него вѣнецъ ,
 И въ фarosъ его поставитъ
 Для слабѣющихъ сердецъ !

Да, прояснятся ваши взоры,
 О вы, чудесь сокрытыхъ Оры !
 Средь горькихъ мукъ Тимолеонъ,
 Да воспоеся нынѣ вами ,
 Лельяя щедрыми богами ,
 Грядущимъ счастьемъ вознесетъ !

1-я О Р А .

Роскошный, вольный и богатый
 Простерся Афродитинъ градъ,
 Но клятву изъ свободныхъ вратъ
 Несетъ подъ снѣгъ забытой хаты
 Герой, разторгшій тяжкій плѣнь
 Родимыхъ , оживленныхъ стѣпъ .

И се, черезъ равнину моря,
 Добыча слезъ, убійствъ и горя,
 Тринакрія къ своимъ отцамъ
 Изъ бездны мрачныхъ золь взываетъ,
 И въ прахъ простершись къ ихъ ногамъ,
 Ихъ о спасеннѣ умоляетъ.
 Надежду дщери упрѣдя,
 Ужъ рать готова на злодѣевъ,
 Но рати нѣтъ еще вождя.
 И вдругъ, изъ нѣмоты возбѣвъ,
 Принесся вдохновенный гласъ:
 Овъ назвалъ вдругъ Тимолеона.
 Толпа внезапно потряслась,
 Зоветь защитника закона,
 И дивнымъ воспылавъ огнемъ,
 Наполнивъ кликовъ однодушныхъ,
 Далекій сводъ высотъ воздушныхъ,
 Велитъ герою быть вождемъ.

2-я О р а .

Въ Дельфахъ склонить вождя колѣны,
 Въ вѣщемъ домѣ бога Музъ.
 Я надъ храмомъ пронесусь:
 Тамъ одѣтъ столпы и стѣны
 Всѣхъ градовъ усердный жаръ;
 Фебу всѣ богатства въ даръ
 Принесли сыны и дѣды —
 Для вождя вѣнецъ победы
 Отъ тѣхъ даней оторву,
 И еще до трудной битвы,
 Въ знакъ услышанной молитвы,
 На его спущу главу.

3-я О р а .

Носиться буду я надъ спящимъ Океаномъ,
 Одну цѣлый міръ въ святую тишину,
 И въ небо выведу волшебную луну,
 И облачу ее трепещущимъ туманомъ.

Тогда въ даль будутъ плыть нѣмые корабли,
 Объяты сумракомъ прозрачной полуночи.
 И се, ужъ кроетъ сонъ пловцовъ усталыхъ очи,
 Но грезы ихъ вожда коснуться не могли.
 Онъ надъ кормой стоитъ, онъ быстрымъ, бодрымъ
 зрѣнемъ

Парить надъ бездною, и править ихъ теченьемъ.
 Тогда предстанутъ вдругъ герою чуда:
 Надъ нимъ развеивутся и вспыхнуть небеса,
 Огонь съ нихъ низойдетъ блестящею струею,
 Зажжетъ равнину мрачныхъ волкъ,
 И окружить священный чолвъ
 Одеждой золотою!

Незапно свѣточъ излетитъ
 Изъ дивныхъ зорь, изъ пламеннаго лона,
 И край послѣднй небосклона,
 И путь Коринѳянь освѣтитъ!
 Подобенъ факелу живому,
 Который въ таинствахъ Димитриныхъ горитъ,
 Онъ блескомъ спутницу-богиню возвѣститъ
 Ея извращенку свитому!

4-я О Р А.

Теки изъ Лилибея къ брани
 Съ твоими тмами, Амилкаръ!
 Готовы мстительныя длани
 И казнь тебѣ ихъ первый даръ!
 Сбери твоихъ жестокихъ боевъ,
 Веди на смерть ихъ, Аздрубалъ!
 Ихъ кровожадный взоръ искалъ
 Добычи вѣрной среди боевъ,
 Но мечъ Коринѳянь поразитъ
 Тирановъ на берегу Кремеса;
 Тамъ сонмъ ихъ тѣней отлетитъ
 Безчисленный къ рѣкамъ Айдеса!
 Уже я слышу, на горахъ
 Зефиръ, предвѣстникъ утра, вѣсть,
 Ужъ сумракъ на земль рѣдветъ
 И звѣзды гаснуть въ облакахъ;

Шагаетъ рать Тимолеона,
 Молчать герои среди думъ,
 И къ нимъ песется смертный шумъ
 Отъ войска грознаго Сидона;
 И се достигли высоты:
 Восходить въ тучахъ дня свѣтло,
 Взошло и страшно озарило
 Враговъ несчетные щиты!
 Въ сей день Гелленовъ укрѣпите,
 Подайте силу мышцамъ ихъ;
 Вашъ ужасъ, боги, поселите
 Въ опустошителей чужихъ!
 Или вы тщетно чудесами
 Спасли отъ купленныхъ десницъ,
 Отъ тайнаго ножа убійць,
 Главу надъ вашими полками?
 Или, бѣснуясь, Кароагенъ
 Напрасно зрѣлъ побѣгъ Магона,
 И царь изъ Сиракузскихъ стѣгъ,
 Да успокоить тѣнь Діона,
 Вотще изшелъ въ позорный плѣтъ,
 Преплылъ враждебныя пучины,
 И съѣлъ на площадь Черсебины
 Обруганъ, презрѣвъ и забвень?

5-я О Р А .

Близкой грозою подернулись горы,
 Бой закипѣлъ!
 За засвѣтѣвшею тучею стрѣлъ,
 Солнца не зрѣть устрашенные взоры!
 Вижу — пришельцы переходятъ Кремесь,
 Смертью рокочуть враговъ колесницы,
 Латы ихъ блещутъ огнями денницы,
 Кошья ихъ шумный подъ бурею лѣсъ!
 Въ смѣлую встрѣчу къ нимъ Греки помчались,
 Въ даль на крылатыхъ коняхъ,
 Но въ недвижимыхъ рядахъ
 Варвары стройны остались!

Кто жъ ихъ сломить ужасную мощь,
Дхнеть и развѣть ихъ гордыя силы,
Души пошлетъ въ безотрадную ночь,
Трупы лишитъ вождѣвннпой могилы?

Но что? чей это грозный гласъ
Возсталъ и будто громъ раздался?
Се духъ венстовыхъ смѣшался
И рать ихъ страху предалась!
О дивный мужъ! съ твоимъ глаголомъ
Не богъ ли вѣкій сочеталъ
Свой зовъ надъ полвмъ смерти дѣломъ,
И въ адъ губителей позвалъ?

И вдругъ, въ нихъ ударили вихоръ и дождь,
Перуя ослѣпилъ ихъ, ихъ ревъ оглушилъ;
Ихъ ратникъ блѣднѣеть, содрогнулся вождь
И рвутся Коринѣяне въ сердце ихъ силъ!

Тогда ували ихъ десницы,
Ихъ притупилась стрѣла,
Нога ихъ въ бѣгство потекла
И разгромилась колесницы,
Растаяли предъ горстью тмы,
Пожались тмы косою брани;
Крылатымъ дѣвамъ мщенья дани,
Ихъ тѣль возвысились холмы!

6-я О р а .

Скройте, роковыя сѣчи!
Нѣтъ! не ужасы войны,
Нѣтъ! не вой враждебной встрѣчи,
Славою прелесть тишины
Словомъ усть Тимолеона
Воскресаетъ Сиракузь,
Сталь святымъ жилищемъ Музь,
Домомъ счастья и закона;

Всѣ отечества сыны
 Изъ унылаго изгнанья
 Въ милый край возвращены;
 Миновали всѣ страданья,
 И божественный слѣпецъ,
 Ихъ одряхшій свободитель,
 Зрится межъ дѣтьми отецъ
 Славныхъ стѣвъ до гроба житель.

7-я О р а ,

Сравнись, о голосъ мой, со стономъ Филомелы —
 Конецъ великаго пою!
 Онъ воспарилъ въ Олимпъ, на пиръ боговъ веселый,
 Въ отчизну горнюю свою.
 Но граждане стеклись, покинулъ плугъ оратай,
 Рыдаеть по отцѣ народъ,
 И се, изъ ихъ толпы вдругъ выступилъ глашатай
 И громъ отъ устъ его течеть:
 • Внемлите! возвѣщу признательность народа,
 • Гражданъ повѣдаю законъ:
 • День смерти друга ихъ, да будетъ въ годъ изъ года
 • Тимолеону посвященъ.
 • Пусть юные борцы вокругъ его могилы
 • Свои отвѣдаютъ въ прекрасный праздникъ силы,
 • И бѣгъ коней его почтять;
 • Сыны младыхъ Камень и радостныхъ Харить
 • Въ покоѣ возрастуть въ дарованномъ имъ мирѣ,
 • И воспоютъ его на вдохновенной лирѣ!

Цѣ л ы й х о р ъ .

Смертныхъ и боговъ отецъ,
 Самъ Хроонидъ его прославить,
 Вложить на него вѣнецъ
 И въ фарось его поставить
 Для слабѣющихъ сердець!

ЧЕРКЕШЕНКА.

=

Посмотри — как я прекрасна,
 Посмотри — как я стройна;
 По груди моей атласной
 Льются кудри, как волна.
 На щекахъ — багрянецъ утра,
 А уста — пахучій медъ;
 Рядъ зубовъ изъ перламутра,
 А отъ взгляда — таетъ ледъ.
 Ароматъ мое дыханье,
 Грудь моя — граната благъ,
 Поцѣлуй — зерно желанья,
 Страсть, какъ молнія въ глазахъ.
 Я стативъ, ровнѣй платана,
 Гибче, тоньше чѣмъ лоза,
 Легче во сто разъ тумана
 И прозрачнѣй чѣмъ слеза.
 Я въ движеняхъ — вѣтеръ горный,
 Голосъ мой звучнѣй струны . . .
 Мой нарядъ такой узорный —
 Облить золотомъ луны . . .
 Я послушна какъ рабыня,
 Какъ дитя я весела,
 И скромна я какъ пустыня,
 И какъ молодость смѣла.
 Рѣчь моя — вкуснѣй шербета —
 Это пѣсня соловья,
 А объятья — жарче гѣта
 Кто же любить такъ, какъ я?

С. СТРОМИЛОВЪ.

П Р О З А.

ЭПИЛОГЪ АББАДОННЫ *.

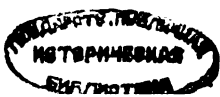
Нѣтъ! Добро, ты не мечта, Добродѣтель, ты не пустой звукъ! Ободришь, страдалецъ; утѣшишь, скорбѣющій, и, не вѣрь, юноша, не вѣрь, если холодный опытъ развѣряетъ тебя, какъ будто въ доказательство, что мѣръ созданъ не для добра, но для зла, что зло всего легче сдѣлать, и что ничего нѣтъ труднѣе, какъ сдѣлать добро!

Сдѣлать! Понимаете ли вы, люди, силу этихъ словъ: *сдѣлать зло?* Слѣдовательно, не существуетъ оно готовое, созданное не вами, это зло, которое почитаете вы настоящею принадлежностью міра? Вы *дѣлаете*, творите его, и принявши развратную волю закономъ дѣйствій своихъ, вы клеветаете на Провидѣніе, обвиняете его въ сообщничествѣ съ вашею преступною волею!

Нѣтъ! если легко дѣлать зло, то добро еще легче сдѣлать; клянусь вѣчною благостью Творца, что въ этой святой истинѣ я увѣренъ умомъ и сердцемъ! Знаю, что одно хитрое слово убиваетъ честь и славу.

* Многие спрашивали меня, почему романъ *Аббадонна*, удостоившійся столь лестнаго вниманія читателей, не конченъ? Мнѣ вздумалось теперь кончить его. Вотъ *начало эпизода*. Если обстоятельство позволятъ, эпизодъ этотъ будетъ изданъ вполнѣ отдѣльно, и сказка *досказана*, какъ желающій этого въконецъ изъ читателей «Аббадонны». Н. П.

Т. IV. — Отд. I.

ву человека между людьми, и что холодный, отвратительный эгоизмъ не допускаетъ лживыя души ихъ защищать оклеветаннаго, гонимаго брата. Но добру дана сила непобѣдимая. Робкое, несмѣлое, оно одарено долговѣчною жизнью, и появленіе его заставляетъ трепетать злобу и клевету. Нѣтъ для него горячихъ защитниковъ, но нѣтъ и ревностныхъ участниковъ зла, и побѣда добра невольно радуетъ, веселитъ самаго своекорыстнаго, себялюбиваго эгоиста. Ужасное усиліе надобно сдѣлаться поборникомъ злобы, и терзательно, печально состояніе ея поборника. Легко приближеніе къ добру, и какъ радостно, тихо, весело бьется притомъ сердце, какъ спокойна душа человѣческая! Запутанное въ собственныхъ сѣтяхъ, зло гибнетъ въ своихъ обширныхъ, далеко раскинутыхъ замыслахъ, а добро разрываетъ ихъ, какъ паутину, даже не думая, что оно разорвало и уничтожило слѣдствіе глубокихъ, долговременныхъ соображеній своего противника. Такъ, долго собираются тучи, скопляются громы, извлекая и тлетворныя пары изъ земли, и горячее дыханіе изъ облаковъ, гремятъ и блещутъ, и ужасають все живущее, но нѣсколько мгновений — тучи разлетѣлись, громы утихли, солнце освѣщаетъ опустошенную землю; и изъ слѣдовъ бури и грозы является благораствореніе неба, и обиліе земли богатѣетъ на нивахъ и поляхъ человека.

Прошло много дней съ тѣхъ поръ, какъ Вильгельмъ Рейхенбахъ, нашъ поэтъ и мечтатель, разстался съ Элеонорою. Грустно влачили для него эти дни. Онъ ходилъ потупивъ взоры къ землѣ, печальный, безпокойный, ничего не могъ дѣлать, былъ молчаливъ и угрюмъ, не хотѣлъ и не умѣлъ отдать самому себѣ отчета въ томъ, что такое мучить, тревожить, безпокоить его. Еще болѣе: онъ не смѣлъ поду-

мать о такомъ отчетѣ. Тогда только спокойно и подробно различиваетъ, такъ сказать, свои мысли, свое положеніе человѣкъ, когда онъ увѣренъ, что выводы его будутъ хороши и благоприятны; тогда только толкуетъ онъ и сны свои, когда они предсказываютъ добро, когда онъ можетъ перетолковать ихъ къ добру. Но съ притворною невнимательностью говорить человѣкъ: «Это былъ пустой сонъ — такъ вздорное мечтанье,» когда видѣніе его грозитъ ему бѣдою. Мать видѣла смущеніе, печаль, тайную скорбь Вильгельма; сама она была печальна, грустна. Но и она и онъ молчали, и ничего не говорили другъ другу.

Однажды утромъ, Вильгельмъ и мать его сидѣли за чайнымъ столикомъ. Вильгельмъ глядѣлъ въ окно, невнимательно, разсѣяннo, обращался потомъ къ листочку *Гамбургскаго безпристрастнаго Корреспондента*, — опять глядѣлъ въ окно.

— Что новаго? — спросила Вильгельма мать его.

«Все вздоръ.»

— Нѣтъ-ли чего любопытнаго въ объявленіяхъ?

«Я ихъ не читаю.»

— А я всегда ихъ только и читаю.

«Для чего-же, маменька?»

— Мнѣ гораздо любопытнѣе видѣть эти объявленія, нежели извѣстія о политикѣ. Что я пойму въ политикѣ вашей? А въ объявленіяхъ, я радуюсь счастьемъ людскому, когда отецъ извѣщаетъ родныхъ о рожденіи сына, женихъ о своей помолвкѣ — иногда встрѣчаешь знакомыхъ — иногда что нибудь смѣшное....

Она взяла листокъ, и черезъ минуту сказала съ удивленіемъ:

— Посмотри, Вильгельмъ, что это? Кажется, дѣло касается тебя и меня.

«Въ самомъ дѣлѣ! — Онъ прочиталъ въ слухъ:

— Контора I. Ф. Дитмарена и Компаніи симъ честь имѣеть извѣститъ г-на Отто Фридриха Рейхенбаха, или въ случаѣ смерти его, наслѣдниксвъ помянутаго Рейхенбаха, что, по духовному завѣщанію *** скаго уроженца, что былъ въ послѣдствіи негоціантомъ въ Нью-Йоркѣ, Готтлиба Шварцбаха, имѣеть оная контора уплатить рѣченному О. Ф. Рейхенбаху капиталъ съ процентами, всего 31,375 талеровъ, которые долженъ былъ ему упомянутый Шварцбахъ, и опредѣлилъ заплатитъ, распоряжаясь при смерти своими дѣлами. Почему имѣють вышеозначенный О. Ф. Рейхенбахъ, или его наслѣдники представитъ несомнѣнныя о себѣ доказательства, для полученія капитала, и разныхъ бумагъ, въ теченіе года, считая со дня сего объявленія. Въ противномъ же случаѣ, капиталъ будетъ обращенъ въ пользу городской кассы бѣдныхъ, согласно волѣ завѣщателя. —

— Боже великій! — сказала со слезами мать Вильгельма — для чего не слышитъ этого объявленія отецъ твой, Вильгельмъ!

«Маменька! я не понимаю.»

— Ты не помнишь Шварцбаха, Вильгельмъ? Это былъ искренній другъ отца твоего, добродѣтельный человекъ, которому много благодарній оказалъ твой отецъ. Онъ былъ долженъ отцу твоему; неудачныя предпріятія раззорили его; онъ скрылся и пропалъ безъ вѣсти. Дѣла отца твоего были уже тогда разстроены, но не столько сокрушала его потеря денегъ, сколько та мысль, что Шварцбахъ рѣшился обмануть его. И вотъ гдѣ отозвался Шварцбахъ — въ Америкѣ! По числу суммы видно, что онъ свято помнилъ о своемъ долгѣ, и возвращаетъ его съ процентами. Жаль, что онъ умеръ, жаль, что я не знаю объ немъ ни какихъ подробностей...

«Рѣдкая честность. Стало бытъ есть еще честные люди на свѣтѣ.

— Ахъ, Вильгельмъ! отъ тебя не хотѣла бы я слышать этихъ словъ!

Вильгельмъ усмѣхнулся.

— Теперь, слава Богу, честность Шварцбаха обезпечиваетъ насъ на всю жизнь. Мой Вильгельмъ, умѣя довольствоваться малымъ, не будетъ принужденъ работать противъ воли. Какъ будто отецъ твой изъ могилы благословляетъ тебя этимъ наследствомъ! Поблагодаримъ Бога, милое дитя мое.

Какъ обрадовало-бы это происшествіе Вильгельма, если бы онъ могъ радоваться! Въ самомъ дѣлѣ, 30,000 талеровъ богатство для человѣка, при умѣренности желаній, полное довольство, или — нѣтъ предѣла желаніямъ человѣческимъ! Мать замѣтила холодность Вильгельма — это огорчило добрую старушку. Она замолчала.

Въ это время вошла въ комнату Кунигунда. «Письмо къ вамъ съ почты, г-нъ Рейхенбахъ.»

Невнимательно взявъ его Вильгельмъ. Но едва взглянулъ онъ на письмо, какъ затрепеталъ, содрогнулся... рука Генриэтты!

Смертельно поблѣднѣвъ Вильгельмъ, поспѣшно разорвалъ обертку, и жадными глазами пробѣгалъ письмо. Мать замѣтила его движеніе, и съ беспокойствомъ смотрѣла на него.

Черезъ минуту письмо выпало изъ рукъ его. Вильгельмъ закрылъ лицо руками, и съ ужасомъ, горестно воскликнулъ: «О Боже великій!»

— Вильгельмъ, Вильгельмъ! — говорила мать его — что съ тобою случилось? Ты блѣденъ, ты дрожишь!

«Извергъ, чудовище, демонъ зла!» восклицала Вильгельмъ, ничему не внимая.

— Дитя мое! успокойся! — Мать подошла къ Виль-

гельму. Онъ въ безсиліи склонилъ голову на ея плечо.

«О, маменька!» говорилъ онъ — простите меня, простите, что я васъ обманывалъ, что я скрывалъ отъ васъ ужасную тайну!

Онъ упалъ передъ нею на колѣни, и цѣловалъ ея руки.

— Мой сынъ, дитя мое, Вильгельмъ! если-бы самъ ты увѣрялъ меня, что на душѣ твоей лежитъ какое нибудь преступленіе, я — не повѣрила-бы этому. А все другое, милый другъ! тебѣ-ли я не прощу что бы то ни было!

«Маменька! мнѣ должно вѣхать!» вскричалъ Вильгельмъ, быстро вставая.

— Какъ? вѣхать...

«Да, вѣхать немедленно, разрушить дьявольскіе ковы, которыхъ я не понимаю, спасти ангела изъ костей демона, или пожертвовать жизнью за его спасеніе?»

Онъ ходилъ по комнатѣ скорыми шагами.

— Вильгельмъ! я требую твоей довѣренности; я должна все узнать. Можетъ быть, и мнѣ надобно просить у тебя прощенія, что и я также скрывала отъ тебя что нибудь — можетъ быть, это находится въ связи съ письмомъ, тобою полученнымъ.

«Что такое, милая маменька?»

— Теперь увѣряюсь я, какъ необходима довѣренность, полная довѣренность между сыномъ и матерью. Если ты будешь когда нибудь супругомъ и отцомъ, первое правило внуши и женѣ и дѣтямъ: не скрывать ничего другъ отъ друга, и самъ будь съ ними искренень. Гордый умъ мужчины требуетъ иногда въ подкрѣпленіе сердца женщины, и чье сердце вѣрнѣе ему материнскаго, или сердца доброй жены? Ахъ! если бы отецъ твой иногда совѣтовался со мною,

какъ иначе пло-бы у него многое! Сколько разъ могла-бы я остеречь его отъ злыхъ обмановъ тѣхъ людей, о которыхъ онъ не позволялъ сказать себѣ ни одного слова...

«Что все это значитъ, маменька? Объясните, скажите мнѣ. Я все открою вамъ, все, что тяготитъ меня, лежитъ на моемъ сердцѣ. Вы увидите, что глупыя, безумныя мечты увлекли меня, но — я не преступникъ, — клянусь Богомъ, я былъ невиненъ, и теперь ничего не понимаю.»

— Я могу извинить себя передъ тобою, Вильгельмъ, что я почла клеветою все, что мнѣ писали. Я такъ была увѣрена въ твоей добродѣтели, въ твоей искренности со мною, что ничему не вѣрила — хоть это печалило, страшило меня — я не могла собрать силъ говорить съ тобою...

«И это было причиною вашей печали, которую замѣчалъ я?»

— Да, милый Вильгельмъ!

«О, маменька!» говорилъ онъ, становясь на колѣни передъ старушкою — «примите отнынь мой обѣтъ, мою клятву, что ничего, ничего не будетъ отъ васъ у меня скрытнаго! Вы правы. Для гордаго ума мужчины потребно нѣжное сердце матери, сердце женщины. Вы все узнаете, вы скажете, что мнѣ теперь дѣлать. Не знаю какъ — я былъ причиною горести и бѣдствій ангела, я былъ сообщникомъ злодѣевъ, думалъ, что иду путемъ добра....

«Нѣтъ!» Онъ всталъ поспѣшно — «Нѣтъ! не обману совѣсти — нѣтъ! она давно говорила мнѣ, что я только обольщаю себя дерзкими софисмами! И эта грусть, эта скорбь, онъ говорили мнѣ, ясно говорили, что путь чистой добродѣтели былъ мною оставленъ. Какая бѣдна разверзается передъ мною — я начинаю постигать все! Бѣдный умъ человѣческій!

Бѣднѣйшій человѣкъ! Врагъ самому себѣ! Безумецъ, когда начинаетъ мечтать горделиво, хотѣть создать себѣ свои правила добра и жизни; — рабъ ничтожнѣйшій, когда влечется за другими! О Боже, Боже! Но я погибну, или возвращу все прошедшее — спасу тебя, милѣйшій ангелъ!

«Вильгельмъ! вотъ что я скрывала отъ тебя.»
Мать Вильгельма выняла изъ своего ридикюля и отдала ему письмо. — «Это письмо получила я недѣлю тому, читала его сто разъ; оно было всегда при мнѣ, и я ничего тебѣ не говорила.

Вильгельмъ читаетъ:

«Милостивая Государыня!

«Человѣкъ, искренно желающій добра вашему сыну, долгомъ почитаетъ отнестись къ вамъ, и увѣдомить васъ, что ему угрожаетъ большая опасность, если вы не предупредите ея вашею властью. Знаю, что растерзаю моимъ извѣстiemъ сердце ваше, но пусть лучше растерзано будетъ оно теперь, нежели послѣ, когда ничѣмъ пособить уже будетъ невозможно. Вы должны узнать, что сынъ вашъ велъ себя весьма безпорядочно въ послѣднее время. Вдаваясь въ общество людей развратныхъ, онъ особенно вошелъ въ связь съ одною знаменитою актрисою, и связь эта доводила его до большихъ безпорядковъ. Актриса эта любовница одного знатнаго человѣка. Боясь преслѣдованій, кажется, она и сынъ вашъ рѣшились наконецъ бѣжать вмѣстѣ. Не знаю подробностей, и спѣшу только увѣдомить васъ о предстоящей сыну вашему опасности. По молодости лѣтъ, онъ можетъ погибнуть, если вы его не остановите. Не подписываю имени, ибо почитаю его ненужнымъ при добромъ дѣлѣ.»

Рука была вовсе неизвѣстная Вильгельму; почеркъ мужской и бойкій.

— Что вы дѣлали, что вы думали, маменька, когда получили это письмо?

«Что я думала? Это клевета. Что я сдѣлала? Я пошла къ тебѣ; ты задремалъ въ это время послѣ объѣда; подлѣ тебя лежала развернутая Библия. Я поглядѣла на тебя — лицо твое было такъ свѣтло, спокойно — такого лица не бываетъ у человѣка, увлеченнаго пороками; я стала на колѣни подлѣ тебя, усердно молила Бога, что если и кроются въ сердце твоёмъ какія нибудь злыя помышленія, да истребить ихъ ангель-хранитель твой, да укрѣпить тебя въ добродѣтели, и не лишитъ меня единственной отрады моею на старости, потому, что легче перенесла-бы я смерть твою, нежели смерть твоею добродѣтели...»

Вильгельмъ молчалъ.

«Можетъ быть, я поступила дурно, можетъ быть, правъ былъ отецъ твой, говоря, что я слишкомъ нѣжу, потворю дѣтей самихъ. Но что-жь мнѣ дѣлать, если иначе я поступать не умѣю?»

— О, сердце матери! ты источникъ добра и счастья! И будь проклять тотъ сынъ, кого ты не удержишь на краю гибели, кого не возвратишь ты къ добру, даже и тогда, когда онъ идетъ уже по пути порока! И вы страдали, маменька — это несчастное письмо терзало ваше сердце, и отъ этого были вы грустны и печальны?

«Да.»

— И молчали, молчали, маменька!

«Молчала. Такъ велика моя увѣренность въ твоей добродѣтели.»

— А если это правда?

«Вильгельмъ!» Старушка поблѣднѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ, маменька! это неправда, это клевета; мой злодѣй писалъ это гадкое, безыменное

письмо; онъ перетолковалъ вамъ то, въ чемъ могла быть виновата моя сумасбродная голова, и наклеветалъ на мое сердце, на мою душу... Я все открою вамъ. Выслушайте прежде это письмо, которое такъ ужаснуло меня, и потомъ совѣтуйте, нѣтъ — рѣшите, маменька, что долженъ я дѣлать! Это письмо отъ дѣвушки, ангела душою и сердцемъ — я любилъ ее... чувствую, что и теперь люблю...

«Милостивый Государь!

«Не знаю, прилично ли мнѣ писать къ вамъ, но Богъ видитъ совѣсть мою, и если въ глазахъ людей предосудителенъ будетъ мой поступокъ, Богъ, хранитель невинности, его не осудитъ. Въ моемъ ужасномъ, отчаянномъ положеніи мнѣ ничего болѣе дѣлать не остается — я прибѣгаю къ вамъ, хотя вы виновникъ моего несчастія. Не знаю, чѣмъ могла я возбудить на себя злобу г-жи Элеоноры, но она мститъ мнѣ, преслѣдуетъ меня и губить. Она мститъ мнѣ за то, что нѣкогда я мечтала быть вами любимою — давно прошло это время; я забыла объ немъ — но она говоритъ, что вы меня еще любите, и я должна погибнуть за то, что подобное чувство сохраняется еще въ вашемъ сердцѣ. Не знаю для чего, г-жа Элеонора употребила всѣ средства склонить мою маменьку къ согласію на бракъ со мною человека для меня ненавистнаго, ужаснаго. Знаю, что онъ другъ г-жѣ Элеонорѣ; трепещу при одномъ взглядѣ его на меня. Что хотять они со мною дѣлать? Чего должна ожидать я въ будущемъ? Но — онъ уже мой женихъ, мы обручены; смерть нейдетъ на мою помощь... И если я должна быть жертвою за васъ — спасите меня, г-нъ Рейхенбахъ, спасите — умоляю васъ на колѣняхъ, со слезами, отъ которыхъ давно уже не осушаются глаза мои! Я любила васъ нѣкогда; любовь моя была свята и

невинна, какъ любовь сестры. Это время давно прошло, и неужели любовь моя была преступленіемъ, за которое я должна быть наказана, должна погибнуть! Ужасный женихъ мой какой-то Баронъ Хилей — онъ злой человекъ, но ослѣпленная его богатствомъ, маменька не хочетъ ничего слышать. Спасите меня, г-нъ Рейхенбахъ, ради воспоминанія хотя того, что я никогда не желала вамъ зла, что я любила васъ, желала и желаю добра и счастья отъ всего сердца моего. — Болѣе мнѣ не къ кому прибѣгнуть. Маменька и г-жа Швицеръ-Памеръ, устроившая все это дѣло, меня не слушаютъ; угрозы г-жи Элеоноры, слова ея, что она мститъ мнѣ за васъ — доводятъ меня до отчаянія, а вы не знаете, г-нъ Рейхенбахъ, до чего отчаяніе доводить можетъ, и вы будете отвѣчать Богу, если я погублю навѣки душу мою. Оправдайте меня сами, скажите: не давно-ли забыто вами то чувство, которымъ — зачѣмъ скрываться мнѣ — нѣкогда была и думала я быть счастливою? И тогда, основаніемъ его не была-ли добродѣтель? Чѣмъ подала я поводъ думать, что я увлекла васъ? Вы были тогда добры, кротки, бѣдны, какъ я. Почему не позволено было мнѣ надѣяться, что мы съ вами будемъ счастливы? Послѣ того вы сдѣлались славны, богаты — и я первая увидѣла, что я васъ недостойна; я отказалась отъ васъ, какъ ни тяжело было мнѣ это рѣшеніе. За что-же хотятъ погубить меня г-жа Элеонора и г-нъ Хилей? Онъ дворянинъ, онъ баронъ, какъ говорятъ всѣ — но чѣмъ знатнѣе званіе, тѣмъ болѣе должны мы быть добродѣтельны и снисходительны. Не думаю, чтобы мое жалкое лицо, въ его лѣта, могло увлечь барона. Онъ и самъ не говоритъ мнѣ этого. И такъ здѣсь должно быть что нибудь тайное, чего я не понимаю, и я прибѣгаю къ вашему сердцу, которое, въ

этомъ я увѣрена, было и будетъ добродѣтельно. По-сылаю письмо мое наудачу, черезъ одну мою по-другу, и молю Бога, чтобы оно дошло до васъ. Если вамъ угодно будетъ употребить пособіе для спасенія моего, за нужное почитаю прибавить, что маменька перемѣнила квартиру, и мы теперь живемъ въ улицѣ Чернаго Орла, на углу, въ домѣ г-жи Сталь-Штикъ. Снова возобновляю вамъ мою просьбу, и совершенно въ ваши руки передаю судьбу мою, осмѣливаясь думать, что вы, по крайней мѣрѣ, не захотите употребить во зло моей довѣренности къ вашему сердцу, и еще болѣе усугубить несчастіе горестной *Генріэтты Шульце.*»

— Шульце! Боже мой! Вильгельмъ, — кто эта Генріэтта Шульце? Не дочь-ли она Юганна Антона Шульце, купца?

«Точно такъ, маменька.»

— Я помню его и жену его. Она была красавица въ свое время.

«Если бы вы знали дочь ея!»

— Но если она во всемъ похожа на свою мать, Вильгельмъ... у нея, кромѣ красиваго лица, ничего не было, ни души, ни сердца. Мы хорошо были знакомы прежде, когда отецъ твой жилъ нѣсколько времени въ столицѣ. Покойный Шульце былъ добрый человекъ — слишкомъ добрый, а жена его... всего смѣшнѣе было въ ней желаніе: показаться выше своего состоянія, быть знакомою съ дворянами, принимать ихъ, угощать, хоть всѣ смѣялись надъ нею и мужемъ ея, объѣдая ихъ...

«Эта несчастная страсть и теперь осталась въ ней, и мать губить теперь бѣдную Генріэтту, жертвуя ею свосму жалкому тщеславію. Но Генріэтта не похожа на мать — это ангель душою, сердцемъ, умомъ — свѣтымъ, выше жалкаго общества, гдѣ

живетъ она... Ахъ! маменька, маменька! если бы вы знали Генріэтту, которую уже не смѣю я назвать моею!... И какая ужасная участь! Хилей, извергъ, злодѣй — мужъ Генріэтты! Но какъ все это сдѣлалось? Не постигаю! Да, когда въ первый разъ увидѣлъ я его ужасное лицо, какъ будто что-то сказало мнѣ, что я вижу въ немъ изверга, губителя моего счастья. И его, его — чудовище, гнусное созданіе, могла принять, какъ твоего жениха, мать твоя, Генріэтта! — Маменька! что мнѣ дѣлать? Если уже поздно, если участь Генріэтты совершилась — если ее убили уже горестъ и бѣдствіе... Я не переживу этого...

— Мой другъ! прежде всего надобно, надѣяться на Бога. Неужели ты думаешь, что мы, бѣдные люди, что умъ нашъ можетъ что нибудь предвидѣть, отвратить?

«Я готовъ сдѣлать все для ея спасенія, но, скажите, маменька, что предпринять теперь?»

— Я ничего еще не знаю, Вильгельмъ; расскажи мнѣ все, и надобно-ли увѣрять тебя, что я съ моей стороны готова на все для твоего счастья, твоего спокойствія?

Тутъ начался искренній, сердечный разговоръ сына съ матерью. Ничего не скрылъ Вильгельмъ, все сказалъ онъ. Свѣтлымъ, чистымъ ангеломъ явилась въ рассказъ его Генріэтта, и блестящимъ, но злобнымъ духомъ тмы Элеонора. Онъ рассказалъ, какъ нечаянно познакомился онъ съ Генріэттою, какъ болтливая мать ея вспомнила старинное знакомство съ матерью Вильгельма, какъ послѣ того находилъ онъ отраду близъ Генріэтты, и какъ любовь ея вдохновляла его, и вдохновеніе усиливало любовь къ этой дѣвушкѣ. Здѣсь рассказъ Вильгельма перешелъ къ другому — къ Элеонору, директору

театра, успѣху, размовкѣ, разлукѣ съ Генріэттою. Онѣ не постигаль тутѣ ни причины, ни того, какъ это сдѣлалось, ни того, какъ могъ онѣ послѣ забыть — нѣтъ! не забыть Генріэтту, но разлучить-ся съ нею. Онѣ не постигаль и того, что такое замѣнило въ душѣ его любовь Генріэтты; въ какомъ странномъ очарованіи былъ онѣ: видѣль пустоту, ничтожество свѣта, и стремился въ него; видѣль различіе мечты своей съ жизнью, и хотѣль мирить ихъ. Онѣ не понималь и отношеній своихъ къ Элеонорѣ: того, какъ постепенно забыль онѣ въ ней актрису, любовницу министра, страшилса ея любви, но, будто увлекаемый глазами гремучей змѣи, стремился въ ея объятія; не смѣль самому себѣ дать отнѣта въ своихъ отношеніяхъ, и предавалъ себя, свою будущность, свою судьбу Элеонорѣ, забывая и мать свою, забывая и то, что вѣкогда судила ему любовь Генріэтты.

— Маменька! преступникъ-ли я? Справедливо-ли писалъ къ вамъ безыменный клеветникъ мой?

«Нѣтъ, дитя мое, ты не преступникъ, но ты совершенно похожъ на отца твоего. Таковъ бываль онѣ, такъ безотчетно увлекался онѣ, такъ добрая душа его, обширный умъ его, ни сколько не помогли въ часы рѣшительныхъ мгновеній его жизни.

Тутѣ старалса Вильгельмъ разгадать дьявольскую связь поступковъ директора, то, почему хотѣла Элеонора погубить Генріэтту, и почему именно Хилей былъ избранъ орудіемъ ея гибели?

— Ничего не понимаю, но здѣсь должно скрыватьса что нибудь ужасное. Ахъ! скажите, маменька, что долженъ я думать и о поступкахъ Генріэтты: почему она сама уничтожила мою любовь? Я бѣжалъ подѣлиться съ нею моимъ успѣхомъ, моею радостью, а она оттолкнула меня! И въ то же вре-

мя она .страдала — я увѣренъ, что и теперь она любитъ меня — за что-же она оттолкнула меня, отказалась отъ меня, когда прежде такъ нѣжно брала участіе въ моемъ бѣдномъ положеніи, лелѣла каждую надежду мою, какъ свою собственную? Но она горестно плакала, разставаясь послѣ того со мною — она была въ отчаяніи, когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ въ ложѣ театра. И едва взглядывала она на меня — я видѣлъ въ ней странную, гордую дѣвушку... и долженъ былъ бѣжать отъ нея!

«Если женщина можетъ понимать сердце женщины, и старуха, для которой прошли всѣ лѣта страстей, понимать дѣвушку, едва вступающую на дорогу жизни и страсти — я понимаю, я совершенно изъясняю себѣ Генріэтту. Она просто испугалась тебя, когда увидѣла въ тебѣ поэта, увлекаемаго славою и поэзіею; она не постигала, какъ можно помирить ей свой добрый, простой умъ съ твоимъ блестящимъ, поэтическимъ умомъ; не знала, какъ поладить ей свои тихія мечтанія о будущности съ тѣмъ высокимъ путемъ, какой открывался тебѣ, съ тѣми рукописаніями и почестями, какія посыпались на тебя...

— Но развѣ не видала она, какъ мало дорожилъ я всѣмъ этимъ? Развѣ не повергалъ я къ ногамъ ея славы и почестей моихъ — если почестью и славою надобно считать, что мнѣ позволяли стоять статуей по нѣскольку часовъ въ переднихъ князя, и смиренно потомъ смотрѣть, какъ скучаютъ князь и знать его въ своихъ Зеленыхъ галереяхъ... если слава эти подкупныя, морыстныя похвалы журналистовъ и глупое хлопанье толпы, непонимающей чему она хлопаетъ — и развѣ не бросалъ я всего этого къ ногамъ, прося одного — любви ея?

«Это казалось ей только онисхожденіемъ съ твоей

стороны, какимъ - то хвастливымъ тщеславіемъ. И хорошо, что теперь смотришь ты на все настоящими глазами, видишь, какъ и отъ чего что дѣлается на свѣтъ. Но Генріэтта этого не знаетъ — умъ никогда не замѣнить опыта. Какъ ни будь она умна, но — она дѣвушка неопытная, робкая. Громъ рукоплесканій, дружба знатныхъ, Вильгельмъ прославленный поэтъ — а она бѣдная дѣвушка, и что если онъ раскается со временемъ въ томъ, что ей пожертвовалъ всѣмъ....

— Но развѣ я не говорилъ ей? Развѣ она не слыхала, не понимала словъ моихъ, не видѣла безумія, въ какое повергало меня ея странное, непонятное обращеніе?

«Мой другъ! вы мужчины не умѣете говорить съ женщинами. Самая чрезмѣрность чувствъ вашихъ ужасаетъ робкое сердце женщины. Вы не знаете и еще одной слабости женщинъ — ревности. Да, вы не знаете ее; для васъ любовь смѣшивается съ тысячью отношеній и страстей. У женщинъ одно отношеніе, одна страсть — любовь. Женщины любятъ не болѣе вашего, но иначе, и отъ того ихъ ревность не ваша ревность; вы не знаете этого мелочнаго страха, этого безпокойства, какое испытываетъ женщина. Только соперникъ возбуждаетъ ревность мужчины, и его ревность похожа на оскорбленную, мстительную гордость. Но ревность женщины похожа на любовь, на заботливость матери. Не соперницы страшатъ ее, но все, все — взоръ, ласково брошенный любимымъ человекомъ, забывчивость, съ какою предается онъ другимъ впечатлѣніямъ, кромѣ любви. Генріэтта видѣла передъ собою Элеонору — гордую красавицу, идеаль совершенства. И ей не ревновать, когда она ревновала тебя къ твоей поэзіи, къ твоей славѣ....

— Маменька! вы все изъяснили мнѣ! Неужели это правда? Неужели я могъ быть счастливъ? И она любила меня, и только недоразумѣніе разлучило насъ...

«Я увѣрена, что Генріэтта и теперь любитъ тебя — изъ твоего разсказа я понимаю совершенно эту дѣвушку — ты могъ быть, и еще будешь съ нею счастливъ...»

— Маменька! Пророкъ моего счастья! скажите, почему вы все это знаете?

«Я умѣю гадать на картахъ, дитя мое!» — Г-жа Рсйхенбахъ улыбнулась. «Мой другъ! я жила, я чувствовала; отецъ твой жилъ со мною тридцать лѣтъ, и чего не могла я узнать отъ человѣка, подобнаго отцу твоему? Неужели надобно быть философомъ, поэтомъ, чтобы умѣть разгадывать сердце человѣческое? Повѣрьте его лучше по своему сердцу, и вы никогда не обманетесь. Умъ хвастунъ — сердце совѣсть и другъ нашъ. Развѣ и теперь не видятъ въ тебѣ другіе Богъ знаетъ чего, а для меня ты прежній, мой другъ и сынъ Вильгельмъ. Они знаютъ въ тебѣ поэта — я знаю твое сердце. Кто-бы могъ подумать, что между нами теперь такой разговоръ; что меня, старуху, простую, хотя любящую мать свою, ты слушаешь, какъ изъяснительницу того, чего не понималъ ты при всемъ твоёмъ умѣ?»

— Отнынѣ вы будете моею совѣстью, моимъ умомъ, моимъ сердцемъ, маменька!

«Другая крайность: ты мужчина, ты молодъ; я женщина и старуха. Мы можемъ разное видѣть и чувствовать. Я вовсе не понимаю, напримѣръ, что значитъ весь этотъ умыселъ противъ Генріэтты?»

— Я долженъ разрушить его. Ненависть заступила теперь мѣсто всего, что ощущалъ я къ Элеонорѣ. Я окажу все мое презрѣніе къ этой женщинѣ;

я уничтожу это чудовище Хилея, спасу Генриэтту — что они посмѣютъ сдѣлать тому, кто готовъ все бросить имъ въ лицо, и эти презрѣнные вѣнки, и этотъ блескъ, который мнѣ отвратителенъ? Недавно и скоро, но хорошо узналъ я ихъ. — Маменька! мнѣ должно вѣхать! Я сегодня-же ѣду.

«Боюсь, милый другъ... эти люди богаты, знатны, сильны; злоба коварна... Чтò, если ты погибнешь... О мой Вильгельмъ! ты нетерпѣливъ, пылокъ, безразсуденъ въ минуту гнѣва и страсти... Вильгельмъ! я ѣду съ тобою!

— Маменька! вы?

«Да, я. И тамъ, гдѣ не достанетъ моего ума, въ материнскомъ сердцѣ моемъ я найду средства спасти тебя и Генриэтту. Какая-то надежда подкрѣпляетъ меня — все это должно кончиться благополучно. Для чего не сказала ты мнѣ прежде о твоей Генриэттѣ, Вильгельмъ! Мнѣ кажется, что я вижу, знаю ее давно, могу даже представить себѣ ея черты. Дай мнѣ говорить съ нею, и, я увѣрена въ этомъ — вы помиритесь съ Генриэттою на груди моей, въ объятіяхъ матери вашей. Если бы не обманула меня эта надежда...

— Маменька! и вы мечтательница! — сказала Вильгельмъ, какъ дитя улыбаясь сквозь слезы. — Поѣдемъ-те, милая маменька, поѣдемъ-те вмѣстѣ...

«Но дай-же мнѣ напередъ слово, что ты не предашься никакому порыву гнѣва, что ты не увлечешься мщеніемъ Хилею, Элеоноръ...

— Чего вы требуете!

«Я знаю тебя, и требую этого непременно. И что тебѣ въ мщеніи этимъ людямъ, если ты разрушишь ихъ замыслы? Презрѣніе, и совѣсть злаго челоуѣка, когда ему не удастся сдѣлать зло — это самое тяжкое мщеніе злему челоуѣку. А если еще

они увидятъ тебя счастливымъ — счастливымъ съ Генріэттою...

— Ахъ, маменька! счастье мое разрушено навсегда!

«Право? Когда нѣтъ тебѣ и двадцати пяти лѣтъ? Охъ! если бы мнѣ удалось разуверить тебя въ противномъ...»

— Но, маменька, я хочу вѣхать сегодня-же.

«Разумѣется, надобно вѣхать немедленно.»

И нашъ поэтъ, какъ робкое дитя, пойманное въ шалости, сдѣлался послушенъ своей старушкѣ матери. Черезъ два часа, они были уже въ дорогъ, на пути въ столицу.

Ни грустенъ, ни радостенъ былъ Вильгельмъ. Онъ и мать его молчали. Онъ не хотѣлъ начинать; старушка давала ему волю надуматься, и Вильгельмъ, притворяясь спящимъ, обдумывалъ и перемѣнялъ тысячи плановъ. Умысль Хилелъ, сообщество его съ Элеонорою, несчастіе, приготовленное ими Генріэттъ — ужасали его. Но почему знаетъ все это Генріэттъ? — И неужели мать ее согласна была отдать Генріэтту Хилелю, даже зная, что онъ картежный игрокъ, раззорившійся? Генріэттъ упоминаетъ однако жъ объ его богатствѣ; слѣдовательно, или онъ еще довольно богатъ остался, или успѣлъ снова ограбить кого нибудь? И въ обществѣ терпятъ людей, ему подобныхъ, денныхъ разбойниковъ, когда чловѣкъ, который для куска хлѣба крадетъ платки изъ кармановъ своего ближняго — наказываютъ, какъ нарушителя общественнаго порядка! А Элеонора — въ то время, когда она обольщала Вильгельма своими возвышенными чувствами, поэзіею безумной любви своей — Элеонора хотѣла погубить добрую, милую Генріэтту! Если и было что нибудь въ сердцѣ Вильгельма къ Элеонорѣ, хотъ

*

удивленіе, замѣнявшее страсть пылкую, неукротимую — все исчезло теперь. Порохъ, насыпанный въ сосудъ, вспыхнетъ отъ огня, и на какихъ слѣдовъ его не останется, кромѣ опаленныхъ стѣнъ сосуда... Ужасна показалась теперь Элеонора нашему поэту... Всего менѣе страшило его то, какъ разрушить замыслы Хилея и Элеоноры: онъ не хотѣлъ ничѣмъ дорожить, ничего не хотѣлъ онъ и требовать отъ Генріэтты и ея матери. Злодѣйство трусливо передъ взоромъ правды и добродѣтели... Но, если бы и надобно было пожертвовать самою жизнью, зачѣмъ останавливаться? «Я разрываю съ тобою всѣ связи мои, міръ бездушный! Я знаю теперь твои обольстительныя, пустыя мечты. Уединеніе, кусокъ хлѣба и уединеніе, гдѣ поэту свободно высказывать самого себя — вотъ все, что мнѣ надобно въ жизни моей. И этого никто теперь не отнять у меня. Счастье, радость — все мечта. Мы всѣ похожи на Сатурна, поѣдавшаго дѣтей своихъ при рожденіи. Одни выдумываютъ себѣ обольщеніе знатностью, богатствомъ, чтобы поскорѣе проглотить ихъ, и хоть на мгновеніе заглушить свой нестерпимый голодъ. Другіе создаютъ себѣ куколь изъ любви, изъ дружбы, изъ уваженія людскаго, и также глотаютъ ихъ, и мучатся по прежнему голодомъ. И поэтъ тоже: его неистощимыя мечты и созданія не для того-ли создаются, чтобы съ жадностью изтерзалъ онъ ихъ, и недовольный, голодный, требовалъ еще новой пищи.... Печальная мысль!

Наши путешественники пріѣхали въ столицу вечеромъ. День былъ прекрасный и праздничный. Бульвары, гульбища были наполнены народомъ. Чувство удовольствія другихъ, когда насъ терзаетъ горе, бываетъ тяжело. Самый добрый человекъ, не то

что завидуетъ, но досадуетъ на людей за то, что они такъ веселы, когда ему совсѣмъ не весело. «Чему веселятся эти народы? Будто есть чему веселиться?» говорить онъ, и не понимаетъ, видя, какъ люди встрѣчаются, кланяются, улыбаются другъ съ другомъ, отъ чего и для чего все это дѣлается? Воля ваша, а во всѣхъ насъ есть что-то похожее на того Испанскаго гранда, который разсердился за пожалованіе какого-то соперника его кавалеромъ ордена Алькантары, и поклялся не видать солнца, пока повара его не пожалуютъ Испанскимъ грандомъ.

Вильгельмъ одѣлся поспѣшно. «Куда-же ты, Вильгельмъ?» спросила его мать.

— Куда? Я пробѣгу нѣсколько улицъ, пройду по бульвару, и скоро возвращусь къ вамъ.

«Да, надобно подумать, какъ начать намъ свое дѣло — завтра.»

— Завтра?

«Да, старая пословица: утро вечера мудренѣе.» Старушка улыбнулась.

Самъ не зная куда, побрелъ Вильгельмъ. Онъ нагнулся на глаза шляпу свою, и готовъ былъ закутаться въ три плаща, только-бы не узналъ его ктонибудь изъ знакомыхъ. Слова: «А, г-нъ Рейхенбахъ! вы-ли это? васъ-ли я вижу?» были-бы теперь Вильгельму несноснѣе приговора смертнаго, или — вѣдь онъ былъ поэтъ — свисткомъ зрителей и злой рецензіи въ журналахъ. — Но, самъ не зная какъ, онъ очутился на углу улицы Чернаго Орла, и въ глаза его неволью бросилась надпись на воротахъ углаваго дома. «Это жилище Генріэтты!» готовъ былъ воскликнуть Вильгельмъ. Домъ былъ огромный, великолѣпный. Дрожь пробѣгала по всему тѣлу Вильгельма. Въ это время остановился щегольской каб-

ріолетъ подлѣ крыльца. Кто-то вышелъ изъ кабріолета. Такъ, Вильгельмъ не ошибается — это Хилей!

Хилей казался такимъ веселымъ, беззаботнымъ. Жокей подавъ ему какую-то небольшую связку. Приказавъ что-то своему жокею, Хилей побѣжалъ на лѣстницу, живо, быстро, и скрылся изъ виду.

Оставляемъ каждому судить: что сдѣлалъ-бы онъ, еслибы теперь былъ на мѣстѣ Вильгельма? — Темно было въ глазахъ нашего поэта; онъ чувствовалъ холодъ и жаръ, разливавшіеся поочередно по всему его тѣлу. «Онъ здѣсь теперь, извергъ Хилей здѣсь, подлѣ Генріэтты; онъ отравляетъ здѣсь воздухъ своимъ ядовитымъ дыханіемъ; онъ любитъ горестью, отчаяніемъ своей жертвы. А я въ трехъ шагахъ, и ничего, ничего не сдѣлаю, оставлю торжествовать злодѣя, позволю ему хоть нѣсколько минутъ еще терзать Генріэтту?»

Въ забвеніи самого себя, Вильгельмъ прошелъ нѣсколько шаговъ; взглянулъ на мимоходящихъ — они шли своимъ чередомъ мимо, невнимательно; взглянулъ на дома, на экипажи — все было какъ всегда. И неужели цѣлому городу придти въ смятеніе отъ того, что какой-то негодай совершаетъ въ это время свое злодѣйство? И что за злодѣйство? Баронъ предложилъ бѣдной мѣщанкѣ свою руку, и ее принуждаютъ идти за него. Но эта мѣщанка милое, прелестное созданіе, а этотъ баронъ мерзавецъ. Хорошо — выходитъ неравный бракъ; жаль дѣвушки: она можетъ быть несчастлива въ своемъ замужствѣ. Не такъ смотритъ на такое дѣло Провидѣніе, для котораго судьба червя столь-же важна и велика, какъ судьба слона. Вильгельмъ взглянулъ на небо. Оно было чисто, ясно, свѣтло; заходящее солнце золотило своими лучами шпицы башенъ и окна домовъ. Надъ жилищемъ Генріэтты не видно

было громовой, темной, нависшей тучи, трепещущей молниями, готовыми разразить злодѣйство. Мимо этого дома шли и ѣхали люди, не говоря: «что это здѣсь такъ душно, какъ будто дышитъ здѣсь какой набудь злодѣй?» На окнахъ этого дома стояли прелестные цвѣты, висѣли богатые занавѣсы; фонарщикъ спокойно обтиралъ тутъ свои фонари, и даже мыльные головки дѣтей выказывались изъ разныхъ этажей дома. А между тѣмъ — тутъ былъ Хилей, подлѣ Генріэтты! — Кровь Вильгельма вскипѣла клокочущимъ кипяткомъ — мгновеніе, и онъ былъ уже на томъ самомъ крыльцѣ, подлѣ котораго стоялъ кабриолетъ Хилей, на той лѣстницѣ, по которой прошель онъ. «Гдѣ живетъ здѣсь г-жа Шульце?» — Тамъ, въ третьемъ этажѣ, дверь на право. — Черезъ минуту Вильгельмъ стоялъ подлѣ двери.

Третій этажъ, въ улицѣ Чернаго Орла, красивая лѣстница, шелковый снурокъ у дверей, и звонкій колокольчикъ, когда дернуть за этотъ снурокъ. Это жилище челоуѣка зажиточнаго, который скоро перешагнетъ въ богачи, или въ знатные. Гдѣ ты смѣренное, прежнее жилище Генріэтты? Гдѣ ты бывалый пріютъ любви и радости?

Хорошо одѣтый служитель отворилъ дверь. «Здѣсь ли живетъ г-жа Шульце?» отрывисто спросилъ Вильгельмъ. Служитель, какъ будто изумился при его видѣ. «Г-жа фонъ-Шульце? Здѣсь. Прикажете доложить? У нея теперь гости.» — Не нужно докладывать; она сама пригласила меня. — Недовѣрчиво поглядѣлъ на него слуга. Странное дѣло! Эта частичка: фонъ, которую заблагоразсудила придѣлать къ своему имени г-жа Шульце, когда изъ улицы Рогатой Козы перебралась въ улицу Чернаго Орла, была охлаждающимъ средствомъ для Вильгельма. Кровь его стихла; необыкновенное спокойствіе заступило

мѣсто горячки. Онъ взглянулъ въ зеркало, поправилъ безпорядокъ волосовъ, и пошелъ хладнокровно въ дверь, отворенную служителемъ—хладнокровно, но въ то же время, если бы десять убійць устремили на него свои ножи по слову Хилей—онъ не содрогнулся-бы отъ этихъ ножей и не отступилъ ни шагу назадъ.

Комнаты были убраны не великолѣпно, но изящно. Въ третьей комнатѣ слышны были голоса; тамъ что-то весело говорили и смѣялись.

Тамъ за чайнымъ столикомъ сидѣла и разливала чай Генріэтта, одѣтая, по прежнему, мило и просто, въ бѣломъ своемъ платьицѣ, съ чернымъ передничкомъ. Подлѣ нея, на диванѣ, сидѣла г-жа Шульце, въ огромномъ, пестромъ, обильномъ лентами чепчикѣ и праздничномъ платьѣ. Только не старинное гургуруновое было это платье, но изъ какого-то *грозго*, и спитое по новой модѣ. По другую сторону Генріэтты сидѣла знаменитая совѣтница и сваха, г-жа фонъ Шницеръ-Памеръ, теперь другъ, руководительница, наставница г-жи Шульце, съ лицомъ торжественнымъ и веселымъ. Напротивъ нея, въ креслахъ, сидѣлъ Хилей. Онъ не помолодѣлъ и не измѣнился отъ своего счастья; онъ былъ все тотъ же, съ своимъ блѣднымъ, измученнымъ страстями лицомъ, съ своими ужасными глазами, которые устремилъ онъ на Генріэтту такъ же страшно и неподвижно, какъ будто она была ставка на большую сумму. Онъ улыбался, но улыбка его походила на судорогу; небрежно сложивъ нога на ногу, сидѣлъ онъ и помахивалъ щегольскою палочкою. Блѣдно было лицо Генріэтты; она не подымала глазъ своихъ ни на кого; какъ похудѣла она, съ тѣхъ поръ, какъ не видалъ ея Вильгельмъ; какъ красны ея глаза — она и сегодня плакала....

Если бы змея вдруг упала на чайный столик, она не так - бы изумила, испугала всех присутствовавших, как неожиданное появление Вильгельма! Г-жа Шульце выпучила на него глаза свои, и поток чаю остановился въ ея горлѣ, такъ, что она чуть не подавилась. Г-жа Совѣтница говорила, и фраза ея, лопнувшая въ самой половинѣ, такъ набила ей ротъ, что напрасно старалась она сжать свои костлявыя челюсти: онѣ оставались раскрытыми. А Генриэтта? Она вспыхнула, загорѣлась, была ни жива, ни мертва. Только Хилей не измѣнился. Онъ худо зналъ Вильгельма, видѣлъ его только одинъ разъ, и только устремилъ на него неподвижный взоръ свой, не перемѣняя своего положенія.

— Позвольте-ли, сударыня — началъ Вильгельмъ, учтиво обращаясь къ г-жѣ Шульце — позвольте-ли старому вашему знакомому засвидѣтельствовать вамъ глубокое почтеніе?

Г-жа Шульце покраснѣла; злость изобразилась въ ея глазахъ; она хотѣла что-то говорить, но не могла.

Свободно сѣлъ Вильгельмъ въ кресла, противъ Хилей, отодвинувъ ихъ немного.

Г-жа Шульце получила въ это время способность говорить. «Я не знаю, сударь... Кажется, мы такъ давно...»

— Что вы изволите говорить, почтенная г-жа Шульце? Что мы давно не видались? Дѣла, сударыня, занятія...

«Я хотѣла сказать, что я никого не велѣла принимать...»

— А вашъ служитель не сказалъ мнѣ этого! Но я вижу у васъ добрыхъ гостей, и потому почитаю возможнымъ быть включенному въ число ихъ.

«Я хотѣла сказать, сударь, что довольно неприятно видѣть гостей неожиданныхъ и незваныхъ.»

— Кто-же эти гости, сударыня? Ужь не этотъ-ли господинъ? — Вильгельмъ смѣло указалъ на Хилей. Нижняя губа Хилей задрожала, но онъ смолчалъ, и только пошевелился на стулѣ.

«Вы, сударь, становитесь дерзки. Кто подалъ вамъ поводъ пожаловать сюда, и осмѣливаться...

— И осмѣливаться нарушать спокойствіе честныхъ людей — проговорила Совѣтница, успѣвшая уже въ это время сжать свои челюсти, и получить возможность сжимать и расжимать ихъ.

«Честныхъ людей, сударыня? Я и не думалъ нарушать спокойствія ихъ, а указалъ только на такого, которому подобное названіе вовсе не годится.»

— Какъ смѣете вы, сударь, говорить мнѣ? Знаете-ли, что это г-нъ баронъ Хилей фонъ-Шауеръ, нарѣченный женихъ моей дочери?

«Баронъ фонъ-Шулеръ, и женихъ вашей дочери?

— Вы становитесь безстыдны — вы съ ума сошли!...

«Тише, г-жа Шульце. Можно-ли принимать такъ неучтиво старыхъ знакомыхъ!

— А кто этотъ господинъ? — спросилъ хладнокровно Хилей, придвигаясь къ столу. — Не прикажете-ли позвать людей и отвести его въ домъ сумасшедшихъ?

«Я самъ скажу вамъ мое имя, г-нъ баронъ. Я Рейхенбахъ, не баронъ, но просто Рейхенбахъ. Слышали-ль вы мое имя? И я желалъ-бы посмотрѣть прежде: вы-ли отведете меня въ домъ сумасшедшихъ, или я васъ въ смиренный домъ!»

— А, такъ это вы, г-нъ Рейхенбахъ! Очень радъ — вы приходите сюда, какъ истинный поэтъ, и вамъ все можно простить, но если хозяйкѣ дома не угодно ваше посѣщеніе, — разумѣется, вы должны выйти.

«Не знаю: точно-ли вы баронъ, но такъ назы-

ваютъ васъ, и я буду называть васъ барономъ. Послушайте, м. г., внимательно — прошу васъ г-жа Шульце удержаться — вы свѣтскій человѣкъ, г-нъ баронъ, знаете всѣ приличія, и потому согласитесь, что намъ глупо будетъ заводить ссору и непріятности. И такъ, прошу васъ удержаться отъ всякихъ колкостей — я ихъ не стерплю — понимаете — будемъ говорить хладнокровно.»

— Что вамъ угодно?

«Вашъ отвѣтъ на вопросъ мой: зачѣмъ вы здѣсь?»

— Какъ смѣете, сударь, вы... вскричала г-жа Шульце.

«Маменька!» осмѣлилась сказать умоляющимъ голосомъ Генріэтта.

— Молчи! — вскричала г-жа Шульце. — Г-нъ Рейхенбахъ! я прошу васъ пожаловать вонъ!

«И впередъ не заглядывать, гдѣ васъ не готовы встрѣчать ласково — прибавила Совѣтница.

— Г-жа Совѣтница! замолчите! — грозно сказала Вильгельмъ — г-жа Шульце можетъ говорить что ей угодно, но вы, сударыня, вы...

Совѣтница задрожала отъ злости. Она и г-жа Шульце вскочили съ мѣстъ своихъ. Баронъ также поднялся съ своего мѣста, и Вильгельмъ всталъ и приблизился къ барону. Прекрасно было видѣть этого пламеннаго, молодаго, цвѣтущаго юношу, устремившаго горящіе глаза свои на измятое лицо барона.

«Я жду отвѣта на мой вопросъ, баронъ!»

— Слова г-жи Шульце могли показать вамъ, м. г., зачѣмъ я здѣсь, а съ тѣмъ вмѣстѣ, что вы должны оставить насъ.

«Я не буду беспокоить собою другихъ, уйду, но вы м. г., должны уйти прежде меня, и дать мнѣ слово, что вы никогда болѣе не явитесь сюда.

— Г-нъ баронъ! вы благородный человекъ и должны быть моимъ защитникомъ — неужели вы допустите...

«Съ сумасшедшими надобно обходиться осторожно. Я позову людей...»

— Если вы осмѣлитесь сдѣлать одинъ шагъ — садитесь, и пишете сей часъ, что вы отказываетесь отъ руки дѣвицы Генриэтты Шульце, или...

«Вы въ самомъ дѣлѣ съ ума сошли, г-нъ Рейхенбахъ.»

— Вы смѣете сказать мнѣ это? И такъ — вонъ сей часъ, или я докажу вамъ, что имѣю право выгнать васъ!

«Какое право имѣете вы?»

— Право честнаго человекъ передъ бездѣльникомъ.

«Вы забылись, м. г.!»

— Ты бездѣльникъ! Это говорю я громко, и готовъ доказать тебѣ, подлый картежникъ!

Поступки Вильгельма такъ изумили г-жу Шульце и Совѣтницу, что онѣ не въ состояніи были сказать ни одного слова. Ни жива, ни мертва сидѣла Генриэтта.

— Ты бездѣльникъ! — повторилъ Вильгельмъ барону, и спокойно обратился къ г-жѣ Шульце — я пришелъ сюда сказать это вашему нарѣченному зятю, и объяснить вамъ, что это за человекъ. Вѣрно, вы не знаете, сударыня, что подъ маскою этого барона скрывается извѣстный мошенникъ, живущій карточною игрою, развратный человекъ, который, Богъ знаетъ съ чего, называетъ себя барономъ, который недавно проигралъ все, что у него было, и если онъ опять кажется богатымъ, то вѣрно успѣлъ кого нибудь опять обмошенничать...

«Вы лжете, сударь!» — вскричала Совѣтница — «я

знаю барона — я предложила его руку двѣицѣ Шульце — я знаю его родственницу, баронессу фонъ-Брудеръ-Швестеръ.

— Это актриса Элеонора! — вскричала Генріэтта. Ея восклицаніе изумило всѣхъ.

«Элеонора? И такъ вы, г-жа Совѣтница, были участницею гнуснаго заговора актрисы съ картежникомъ? Говорите, отвѣчайте, сударыня, что побудило васъ къ этому?»

— Что все это значитъ? — спрашивала г-жа Шульце. — Г-нъ баронъ, г-жа Совѣтница! неужели это правда? Почему, баронъ, не отвѣчаете вы г-пу Рейхенбаху?

Баронъ усмѣхнулся. «Вы сами назвали его сумасшедшимъ, сударыня...»

— Оставьте заботу о моемъ умѣ. Я утверждаю здѣсь, передъ вами, въ глаза вамъ, что вы самозванецъ, картежный игрокъ; что недавно проиграли вы все свое имѣніе лорду ***; что по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, вы уговорились съ актрисою Элеонорою, любовницею барона Калькофа, жениться на дочери г-жи Шульце, и совѣтница Шницеръ-Паммеръ была участницею вашего заговора.

Все безмолствовало.

— Я расплачусь съ вами, м. г. — сказала баронъ — за ваши клеветы... Когда можемъ мы увидѣться?

«Боже великій!» Съ этимъ восклицаніемъ Генріэтта лишилась чувствъ. Мать бросилась помогать ей.

— Бѣдная жертва! — горестно сказала Вильгельмъ, смотря на Генріэтту. — Вы еще нейдете отсюда, баронъ? — воскликнулъ Вильгельмъ, обращаясь къ Хилеку. — Неужели вы думаете, что я соглашусь драться съ вами. Я прибью васъ, какъ бездѣльника, и не оставлю васъ до тѣхъ поръ, пока не сорву съ васъ маски, не обличу васъ. Или сей часъ откажитесь отъ

дѣвицы Шульце, и я презрю мщеніемъ, или вы получите въ задатокъ пощечину, и будете обличены во всемъ передъ цѣлымъ свѣтомъ!

«Баронъ! и вы позволяете!...» проворчала Совѣтница.

— Г-нъ Рейхенбахъ — сказалъ баронъ — будемъ говорить благоразумно. Пожалуйте сюда — нѣскольکو словъ, не болѣе...

«Ни одного тайно—говорите въ слухъ—между нами нѣтъ никакихъ секретовъ...»

Гевриэтта опомнилась въ это время, бросилась на колѣни передъ матерью, и громко вскричала: «Милая маменька! Рейхенбахъ говоритъ правду! Я не знаю для чего, но васъ обманули...»

— Какъ? Ты знала и не говорила!

«Я не знала всего — я не знала, что женихъ, котораго вамъ угодно было назначить мнѣ, былъ человѣкъ такой ужасный. Вы не позволяли мнѣ ничего говорить — я не смѣла сказать вамъ, что г-жа Совѣтница васъ обманывала; что она, не знаю для чего, тайно переговариваетъ съ актрисою Элеонорою, и эта баронесса Брудеръ-Швестеръ, съ которою не давно познакомила васъ г-жа Совѣтница...»

— Была актриса? Какъ! Неужели это правда, г-жа Совѣтница? Отвѣчайте, г-нъ баронъ, правду ли говоритъ Рейхенбахъ?

«Мнѣ отвѣчать, сударыня, нѣчего. Съ этимъ господиномъ я увижусь, а браниться съ нимъ въ присутствіи вашемъ было-бы не прилично — я не мѣщанинъ!»

— Но и герцогъ самый долженъ отвѣчать, если говорятъ ему, будто онъ не герцогъ, и если на него лгутъ.

«Я уже имѣлъ честь объявить г-ну Рейхенбаху, что онъ лжетъ. Но благородный человѣкъ доказы-

вает пулею»... Баронъ вынулъ платокъ свой изъ кармана, и—выдернулъ цѣлую колоду картъ, которыя разсыпались по полу. Тутъ-же выпала какая-то записка.

Какъ молнія бросился Вильгельмъ, схватилъ нѣсколько картъ, записку, развернулъ ее, пробѣжалъ и насмѣшливо показалъ карты и записку барону, говоря: «А вотъ чѣмъ доказываетъ честный человекъ бездѣльнику, что онъ бездѣльникъ! Слушайте, г-жа Шульце!

— Какое право имѣете вы, м. г., читать чужія письма? — вскричалъ баронъ, бросаясь къ Вильгельму.

«Право обличенія бездѣльника... Прочь!» — И отъ сильного толчка, баронъ полетѣлъ далеко, едва не свалился съ ногъ.

— Если ты, проклятый человекъ, и сегодня не придешь къ намъ, то знаешь-ли, что вмѣсто употребленія киевъ на бильярдъ, мы употребимъ ихъ на твою спину....

«Какъ, какъ, что такое?» вскричала г-жа Шульце.

— Безъ тебя мы никакъ не можемъ сладить съ этимъ дуралеемъ Шниперъ-Кронникомъ...

«Какъ?» въ свой чередъ воскликнула Совѣтница. — Такъ это вы, баронъ съ товарищами вашими губите моего бѣднаго роденьку, который на старости лѣтъ вздумалъ пуститься въ картежную игру?» — Она заохала и сѣла на стулъ.

Баронъ успѣлъ выхватить записку изъ рукъ Вильгельма, и хотѣлъ что-то говорить.

— Передъ вами записка, г-нъ баронъ! — вскричалъ Вильгельмъ. — Посмотрите, посмотрите, г-жа Шульце....

Онъ показывалъ ей поддѣльные карты, которыя подобралъ на полу. «Видите-ли, видите-ли, любезная г-жа Шульце!»

И г-жа Шульце захохла и повалилась на стуль.

— М. г., — сказалъ тогда Вильгельмъ, подступая къ барону — наши объясненія кончились.

«Только-что начинаются» — проворчалъ сквозь зубы баронъ. Хладнокровно поклонился онъ всѣмъ, и его не стало.

Двѣ старухи сидѣли безмолвно, не глядя другъ на друга. Генріэтта стояла на колѣняхъ, въ углу, поднявъ руки и глаза къ небу: она молилась. Въ изумленіи стоялъ Вильгельмъ посреди комнаты. Онъ, то глядѣлъ на старухъ, то на Генріэтту, то на карты, оставшіяся въ рукахъ его, какъ будто клочекъ шерсти демона, убѣжавшаго отъ его заклинаній.

— Какъ — говорилъ онъ самъ съ собою — развѣ такъ легка побѣда надъ зломъ? Развѣ такъ шатки замыслы зла, такъ оно трусливо и робко? Я не зналъ, какъ днать мнѣ изобличеніе этого бездѣльника, думалъ объ этомъ, и въ нѣсколько минутъ, отъ нѣсколькихъ словъ, онъ исчезъ, какъ ночное привидѣніе!

Тихо, кротко, подошелъ Вильгельмъ къ г-жѣ Шульце. «Сударыня,» сказалъ онъ — «простите меня за безпокойство, вамъ причиненное. Я не сумасшедшій — вы видѣли этому доказательства. Я имѣлъ счастье избавить васъ отъ знакомства и родства съ негодяемъ, бездѣльникомъ. Онъ не посмѣлъ мнѣ противорѣчить...»

— Неужели онъ не баронъ, г-нъ Рейхенбахъ?

«Онъ чудовище, которое скоро, можетъ быть, будетъ уличено въ своихъ злодѣйствахъ.»

— И не баронъ?

«Неужели вы согласитесь отдать за него дочь вашу, сударыня, если онъ будетъ величайшій злодѣй, но только баронъ притомъ?»

— Ахъ, нѣтъ! я не то хотѣла сказать — чувствую

все мое безразсудство — мнѣ казался онъ такимъ умнымъ, благороднымъ человѣкомъ — почему иногда не играть и въ карты...

«Обыгрывать, сударыня, не играть, бытъ въ шайкѣ злодѣевъ, которыхъ, по несчастію, донинѣ терпять въ обществѣ странный общественный предразсудокъ...»

— Да, да, ваша правда! Что хуже этого — и притомъ осмѣливаться назвать себя барономъ! ... Ахъ! г-жа Совѣтница! могла-ли я когда подумать, чтобы вы, моя старинная пріятельница...

«Ахъ! г-жа Шульце! я сама была обманута — и притомъ, все это такъ темно и странно — г-нъ Рейхенбахъ Богъ знаетъ откуда взялся, какъ съ неба упалъ — можетъ быть, этотъ благородный, знатный человѣкъ не нашелся что сказать — онъ, конечно, не привыкъ къ такому обращенію.»

— Къ обращенію мѣщанина, г-жа Совѣтница — сказалъ Вильгельмъ насмѣшливо — мѣщанина, который, не боясь знатности баронской, въ глаза назвалъ бездѣльникомъ этого великаго барона? Въ самомъ дѣлѣ, странное обращеніе...

«Г-нъ Рейхенбахъ!» сказала тогда Генріэтта, робко потупивъ глаза — чѣмъ могу заплатить вамъ за вашу услугу! Позвольте мнѣ говорить, маменька, позвольте сказать г-ну Рейхенбаху... Но она замолчала при грозномъ взорѣ матери.

Ея слова были небесною росой, упавшею на душу Вильгельма, томимую разнообразными, тяжкими впечатлѣніями. Слезы навернулись у него на глазахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, г-нъ Рейхенбахъ — начала г-жа Шульце — если вы избавили меня и дочь мою... то я одолжена вамъ большою благодарностью.

«Это не нужно, сударыня — отвѣчалъ Вильгельмъ — было время, когда... Ахъ! оно давно прошло это время!»

Колокольчикъ раздался у дверей. «Признаюсь, что я не въ расположеніи теперь принимать когонибудь...» сказала г-жа Шульце.

— Сударыня! я оставляю васъ — сказалъ ей Вильгельмъ, печально вставая съ своего мѣста.

Тутъ вошелъ слуга, и объявилъ о прибытіи г-жи Рейхенбахъ.

— Какой г-жи Рейхенбахъ? — съ изумленіемъ спросила г-жа Шульце.

«Маменька!» невольно воскликнулъ Вильгельмъ.

— Ваша матушка, г-жа Рейхенбахъ?

Она вошла въ это мгновеніе, въ своемъ скромномъ, но опрятномъ черномъ платьѣ, которое всегда носила, съ своимъ благороднымъ, кроткимъ видомъ, всегда неизмѣннымъ.

— Маменька, милая маменька! — вскричалъ Вильгельмъ, бросаясь къ ней на встрѣчу.

«Я предчувствовала, что найду тебя здѣсь, и — извините, моя почтенная, старая знакомая,» сказала старушка, ласково обращаясь къ г-жѣ Шульце — что я не попросила предварительно вашего позволенія обезпокоить васъ моимъ посѣщеніемъ.

— Ахъ, г-жа Рейхенбахъ! я всегда рада...

«Добрый доброму всегда радуется, а я никогда не причисляла себя къ худымъ.»

— Прошу васъ садиться, г-жа Рейхенбахъ. Какъ давно не имѣла я удовольствія васъ видѣть!

«Да, лѣтъ двадцать, г-жа Шульце. Много, много времени!»

Казалось, что кроткій, благородный тонъ обращенія г-жи Рейхенбахъ внушалъ невольное почтеніе г-жѣ Шульце. Самъ Вильгельмъ изумился, что старушка, не измѣняя своего всегдашняго костюма, умѣла придать ему какую-то щеголеватость маленькими прибавками. Старый брилліантовый перстень

былъ на рукѣ ея, и она походила вовсе не на мѣшчанку, но на даму лучшаго обращенія.

— Вильгельмъ! — сказала она, обращаясь къ сыну — тебя ждутъ дома твои знакомые, и я совѣтую поспѣшить къ нимъ.

Въ замѣшательствѣ остановился Вильгельмъ.

— Иди домой, Вильгельмъ — ты здѣсь не нуженъ — шепнула она ему мимоходомъ.

Неловко поклонился Вильгельмъ, и пошелъ не говоря ни слова.

«Да, я и забыла сказать тебѣ — проговорила въ слухъ г-жа Рейхенбахъ. — Она вышла за Вильгельмомъ въ другую комнату, ласково попросивъ извиненія.

— Здѣсь было уже объясненіе, какъ я вижу?

«Маменька! я успѣлъ обличить злодѣя...»

— Какал вѣтренность! Давши мнѣ слово не начинать... Ты могъ все разстроить... Я угадала, что ты идешь сюда...»

Она воротилась, а Вильгельмъ повлекся вонъ, медленно сошелъ съ лѣстницы, еще медленнѣе перешелъ улицу; квартира его была недалеко. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ дома, и сидѣлъ въ своихъ креслахъ.

Монологи не выдумка поэтовъ; монологъ необходимъ, и если его не проговариваютъ такъ величественно и важно, стройно и логически, какъ декламируютъ его на сценѣ, все таки онъ существуетъ въ человѣкѣ — его думаетъ человѣкъ, и едва ли монологъ не бываетъ лучше всякаго діалога. Какъ много открыли-бы философы и поэты новаго, если бы могли подслушать и записать монологи, которыхъ свидѣтельницаю бываетъ одна подушка, съ которою по Русской пословицѣ, думаетъ человѣкъ думу крѣпкую, ночью, одинъ на одинъ.

Мы не станемъ выписывать здѣсь монолога, какой придумалъ и проговорилъ Вильгельмъ, то бросаясь въ свои кресла, то ходя по комнатѣ. Уже стало темно; день сгорѣлъ, а онъ все еще думалъ и говорилъ самъ съ собою, или, лучше сказать, съ тѣмъ, что тогда соединилось въ немъ вдругъ, и говорило вмѣстѣ, не слушая другъ друга. Тутъ начиналъ говорить любовникъ, со всѣмъ жаромъ страсти; его перебивалъ поэтъ, со всѣмъ восторгомъ поэзіи; поэтъ сбивалъ съ толку просто-человѣкъ, и останавливался, когда сынъ начиналъ свою рѣчь. Дѣло оканчивалось ничѣмъ, какъ оканчиваются всѣ людскіе споры; каждый оставался при своемъ мнѣніи, и то что нѣкогда сказалъ Соломонъ, и что тысячу разъ повторяли послѣ него, заключило монологи и споры Вильгельма съ самимъ собою: «суета суеть и всяческая суета.» Признаюсь, мнѣ страхъ какъ нравится это самое общее заключеніе столь многихъ философическихъ, и всякихъ помышлений и размышлений, этотъ конекъ, на который обыкновенно садится человѣкъ, когда всѣ другіе коньки сбили его.

«Да, бѣденъ человѣкъ...» хотѣлъ громко проговорить Вильгельмъ, когда ему подали записочку. Огня не было, но мѣсяцъ свѣтилъ ярко, и съ усиліемъ старался прочитать при сіяніи его Вильгельмъ записочку эту. Онъ не ошибается — рука его матери!

«Спѣши сюда, милый Вильгельмъ! Здѣсь есть люди, которые хотятъ тебя видѣть. Я первая.»

Только, но тутъ еще двѣ строчки, такіа неясныя — чья это рука? Боже мой! неужели Генріэтта? Она продолжила и кончила записочку:

«Я вторая, и въ задатокъ посылаю вамъ поцѣлуй. Мнѣ приказали написать это къ вамъ — ваша

Генріэтта.»

— Что это такое? Поцѣлуй Генріэтты, *ваша* Ген-

ріэтта — спѣшить къ ней! Не волшебница-ли ма-
менька?

Еще и еще разъ перечиталъ записочку Вильгельмъ. Черезъ минуту онъ былъ на улицѣ; черезъ пять минутъ въ жилищѣ Генріэтты. Онъ хотѣлъ снять шляпу, входя въ комнату, и теперь только замѣтилъ онъ, что забылъ надѣть ее на голову, побѣжавши изъ своей квартиры. — Мать вышла къ нему на встрѣчу. Она обняла его, и ласково и на-смѣшливо сказала ему: «Прошу-же безъ дурачества! Генріэтта твоя истинный ангелъ!» Она взяла его за руку и повела далѣе.

Ничего не спрашивалъ, не говорилъ Вильгельмъ, цѣловалъ только руку своей матери. Они вошли въ комнату, гдѣ сидѣли тогда г-жа Шульце и Генріэтта; мать у стола, съ веселымъ, радостнымъ лицомъ, а Генріэтта въ темномъ углу, закрывая платкомъ пылающее лицо свое. Больше никого не было, и на что когонибудь еще? Всякій, кромѣ матери Вильгельма и матери Генріэтты, былъ-бы лишній. И безъ того весь миръ заключался для Вильгельма и Генріэтты въ нихъ двухъ. Въ этотъ миръ можно было еще помѣстить обвѣхъ матерей, но болѣе уже не было въ немъ мѣста.

Какая забавная роля уму человѣческому и наукъ наукъ, философій, дана въ этомъ мирѣ! Точная роля старыхъ нянекъ, которыхъ слушаемъ мы, когда бываемъ больны: намъ скучно, и мы призываемъ къ себѣ услужливыхъ нянюшекъ нашихъ, подавать намъ лекарство, говорить всякую всячину, вспоминать наше дѣтство. А потомъ, едва намъ становится легче — бѣдныя нянюшки! имъ и *спасибо* не скажутъ порядкомъ. Такъ умъ, такъ и милая, немножко скучная дочка его, философія, не похожи-ли на этихъ нянюшекъ-утѣшительницъ, на старыхъ ска-

зочниковъ, которыхъ такъ любили слушать наши старики въ часы безсонницы?..

По крайней мѣрѣ, въ такіе часы, какіе настали теперь для нашего Вильгельма, уму и философіи вовсе нѣчего дѣлать; они прескромно убираются вонь, а человѣку хочется не умствовать, и не умничать, а дурачиться, дѣлаться ребенкомъ....

— Я рекомендую, и честь имѣю представить вамъ, сударыня, моего вѣтренника, роднаго моего сына, и смѣю увѣрить васъ въ истинномъ почтеніи, какое всегда чувствовалъ и чувствуетъ онъ къ вамъ. — Такъ, смѣясь, проговорила мать Вильгельма г-жѣ Шульце.

«Обнимите меня, мой любезный г-нъ Рейхенбахъ,» сказала г-жа Шульце.

Вильгельмъ обнялъ ее, въ забвеніи самого себя, сѣлъ подлѣ нея и цѣловалъ ея руку.

— Ты ошибаешься, Вильгельмъ, и не ту руку цѣлуешь — говорила мать его. — Генріэтта! благоволите пожаловать сюда!

«Маменька! я никогда не видывалъ васъ такою веселою и шутливою...»

— Вотъ хорошо! Да, когда-же я была такъ счастлива, какъ теперь. Вы нейдете, Генріэтта?

Въ самомъ дѣлѣ, Генріэтта сидѣла въ углу, закрывая лицо свое, и не шла.

— О, такъ Вильгельмъ будетъ столько учтивъ, что, какъ вѣжливый кавалеръ, подойдетъ къ вамъ, сударыня! — Поди, поди, неловкій человѣкъ! — продолжала г-жа Рейхенбахъ, толкая Вильгельма.

Онъ подошелъ къ Генріэттѣ. «Генріэтта, милый другъ!» и онъ робѣлъ, не смѣлъ взглянуть на нее.

— Что вамъ угодно, г-нъ Рейхенбахъ?

«Мнѣ... мнѣ... я не знаю.»

— Взгляни на него, Генріэтта, и только!

Она взглянула, смѣясь сквозь слезы.

— Маменька! Генріэтта плачетъ!

«Въ самомъ дѣлѣ? Ахъ! какая бѣда! Не лъзя-ли ее утѣшить, какъ нибудь? Вѣдь ты поэтъ: импровизируй какую нибудь страстную элегію...»

— Генріэтта! скажите мнѣ: если вамъ угодно... или вамъ не угодно, чтобы я былъ здѣсь—я уйду...

«Ахъ! нѣтъ...»

— Нѣтъ, Генріэтта, ангель милый? — Онъ хотѣлъ броситься на колѣни передъ нею. Генріэтта хотѣла удержать его, и удержала такъ неловко, что упала на грудь его, и щечка ея прильнула печально къ губамъ Вильгельма.

«Маменька, милая маменька! неужели Генріэтта моя? Неужели ты моя, Генріэтта?»

— Да — прошептала она, едва внятнѣмъ голосомъ.

И съ восторгомъ обнялъ ее Вильгельмъ, и съ жаромъ осыпалъ поцѣлуями своими Генріэтту.

— Вильгельмъ, Вильгельмъ! перестань, милый другъ мой! полно, мнѣ совѣстно — я убѣгу! — шептала Генріэтта, и — не бѣжала.

«Въ самомъ дѣлѣ, это слишкомъ дерзко — сказала г-жа Шульце, со смѣхомъ — цѣловать дочь, не благодаривши матери...»

— Я забылъ самого себя, забылъ все — простите меня — благословите насъ, милая маменька! — говорилъ Вильгельмъ, увлекая Генріэтту къ матери. Онъ и Генріэтта стали на колѣни. Наступила одна изъ торжественныхъ минутъ жизни человѣческой: мать вручала судьбу дочери ея жениху, благословляла дѣтей; два сердца соединялись на вѣки, на жизнь, на смерть, на радость, на раздѣлъ судьбы, на свиданіе за гробомъ съ тою-же любовью, съ какою должна пролетѣть ихъ здѣшняя жизнь.

Всѣ разскащики романовъ и повѣстей, обыкновенно, отказываются отъ описанія подробныхъ минутъ. Я помню множество фразъ, какими отдѣляются они отъ читателей. «Бросаю перо — такихъ минутъ не описываютъ» — говоритъ одинъ. — «Боюсь уменьшить моимъ описаніемъ ту прекрасную картину, какую можетъ создать себѣ воображеніе моихъ читателей» — говоритъ другой. — «Есть слова для выраженій печали, скорби, но ихъ нѣтъ для выраженія радостей» — говоритъ третій. — Признаюсь: я не бросаю - бы пера; не довѣрился - бы и воображенію читателей; можетъ быть, нашелъ - бы слова и для выраженія радости человеческой, даже если бы эту радость произвело счастье двухъ сердецъ, давно любившихъ, давно страдавшихъ. Но — бѣда въ томъ, что въ такихъ минутахъ нѣчего описывать. Радость есть отдыхъ жизни, а кто отдыхаетъ, тому не до разговоровъ, не до выраженія наружнаго тѣхъ чувствъ, тѣхъ ощущеній, которыя тѣснятся въ его душѣ, въ его сердцѣ. Прекрасны междометія, но изъ нихъ ничего сдѣлать невозможно. Давно, и очень мило, и вѣрно сказалъ поэтъ, котораго не перестанутъ любить и читать, пока будутъ любить и читать на бѣломъ свѣтѣ:

Счастливы вѣчно молчаливы —
Одно несчастье крикунъ.

Если бы кто нибудь вошелъ въ комнату, черезъ пять минутъ послѣ того, какъ матери благословили Вильгельма и Генріэтту, онъ увидѣлъ - бы, что двѣ старушки сидятъ у столика, и говорятъ что-то въ полголоса, очень заботливо и важно. А въ сторонѣ, въ углу, сидятъ Вильгельмъ съ Генріэттою: ея рука въ рукѣ его; другая рука Вильгельма обхватила станъ Генріэтты, и голова Генріэтты склонилась на плечо милого друга. Они говорятъ шо-

потомъ; еще болѣе молчать, глядеть другъ на друга. Нѣтъ ни бышневыхъ желаній, ни дерзкой страсти. Имъ тепло, не жарко, и кровь не кипитъ порывистою бурей — она льется, какъ ручеекъ среди родныхъ береговъ, по золотому песку, среди изумрудной зелени... Но вы не любите индій...

Легко понять, какъ въ два, три часа мать Вильгельма умѣла сдѣлать то, чего въ нѣсколько лѣтъ не умѣлъ онъ создать для своей жизни, и никогда не создалъ-бы. Г-жа Шульце не знала сперва, чѣмъ начать, что говорить. Стыдъ, досада, раскаяніе, сожалѣніе, все это мѣшалось, вертѣлось въ ея головѣ, если не въ душѣ, и г-жа Рейхенбахъ прежде всего помирила свою будущую сватку съ нею самою; потомъ помирила съ г-жею совѣтницею фонъ-Шницеръ-Памеръ; потомъ оправдала ихъ другъ передъ другомъ и одну передъ другою. Тутъ легко было ей объ одномъ умолчать, о другомъ говорить болѣе, одно спрятать, другое выставить яснѣе. Сказано было многое, начиная съ сердца Вильгельмова до 30,000 талеровъ, которые получилъ онъ въ наслѣдство.

Тогда попросила г-жа Рейхенбахъ позволенія: поговорить стдѣльно съ Генріэттою. Съ ней говорила она не много и не долго. Она обняла се, а Генріэтта обняла мать Вильгельма, и черезъ нѣсколько минутъ, г-жа Шульце души не слыхала въ старой своей знакомкѣ, и ничего такъ не желала, какъ видѣть Вильгельма своимъ зятемъ, а Генріэтта согласилась приписать къ запискѣ матери Вильгельмовой двѣ строки. «Неужели ждать до завтра?» сказала г-жа Рейхенбахъ. «Мы, старые люди, должны дорожить часами.»

Положено было, что завтра г-жа Шульце переедетъ на другую квартиру, которую найметъ обще съ г-жею Рейхенбахъ. Богатые подарки барона, шаль,

бриллианты, определено отослать къ нему, забыть объ его существованіи, никогда не произносить его имени. Бѣдная г-жа Шульце вздохнула раза два, подумавши, сколько истратила она изъ своего стариннаго запаса добрыхъ талеровъ, на наемку новой квартиры, покупку всякаго вздора. Какъ можно было ей, будущей тещѣ барона, принимать высокобаронскія посѣщенія въ низенькой комнаткѣ, въ улицѣ Рогатой Козы! И она перелетѣла въ Орлиную улицу. Къ счастью, время глупаго ослѣпленія г-жи Шульце было непродолжительно. Г-жа Рейхенбахъ особенно утѣшила се тѣмъ, что требовала непременно позволенія — сдѣлать все приданое Генріэттѣ на свой счетъ. Умная старушка разочла, что это придастъ ей большую важность въ глазахъ матери Генріэттиной. Все было переговорено, все обдуманно, и уже поздно было, когда Вильгельмъ и мать его пошли домой. Г-жа Шульце не отпустила ихъ безъ ужина; сама Генріэтта бѣгала въ кухню, и никакъ не соглашалась, чтобы Вильгельмъ былъ съ нею и пособлялъ ей приготовить чтонибудь. Впрочемъ, кухарка увѣрляла, что на этотъ разъ барышня только все портила. Она просила ее лучше не вмѣшиваться въ распоряженія. Генріэтта охотно предоставила все премудрому разумѣнію кухарки.

Два, три, четыре дня — цѣлая недѣля прошла, а Вильгельмъ и не подумалъ лвиться къ комунибудь, видѣться съ кѣмънибудь изъ политическаго, литературнаго, и всякаго другаго міра. И что ему была за надобность видѣть когонибудь кромѣ Генріэтты!

Но уговору съ г-жею Шульце, г-жа Рейхенбахъ на другой-же день нашла прекрасную, просторную, хорошенькую квартиру, красиво обмѣблированную, съ садикомъ. Только сѣни раздѣляли комнаты, гдѣ помѣстились Генріэтта и мать ея.

Впрочемъ, либо то, либо другое отдѣленіе было пусто, и сосѣди всегда были у сосѣдей. Еще ничего не было говорено о томъ, гдѣ и когда быть свадьбѣ; Вильгельмъ не спрашивалъ объ этомъ — ему было нѣкогда: три дня онъ не могъ наглядѣться на Генріэтту; въ три дня потомъ онъ не успѣлъ пересказать всего, что хотѣлось ему пересказывать. Страннѣе всего было то, что самыя прозаическія занятія и разговоры старушекъ не казались ему ни пошлы, ни недостойны его вниманія. Старушки ѣздили, ходили закупать приданое, толковали, спорили объ этомъ. Если надобно было для рѣшенія спора ихъ призывать Генріэтту, показывать ей образчики, спрашивать ея мнѣнія, она неохотно отрывалась отъ своего Вильгельма, подходила, смотрѣла, слушала разсѣянно, и обыкновенно отвѣчала: «Маменька! сдѣлайте милость, какъ вамъ угодно,» и спѣшила опять къ Вильгельму. Но онъ приставалъ тогда къ ней, подходилъ, важно рассуждалъ, что именно лучше, что милѣе будетъ для Генріэтты, и показывалъ такое незнаніе въ нарядахъ, въ уборахъ, что старушки гнали его прочь, а Генріэтта хохотала, обнимала, цѣловала его, и увѣряла, что онъ большой невѣжда.

Сколько наслажденій для того, кто радостно смотритъ на міръ, прекрасный міръ Божій, съ любовью, дружбою, счастьемъ въ сердцѣ, для кого оцвѣтилось будущее безконечною радугою счастья! Какъ легко и скоро забываются всѣ страданія прошедшаго, какъ легко прощаются тогда людямъ ихъ несправедливость, ихъ эгоизмъ, извиняются ихъ пороки и слабости! «Кто любитъ, тотъ не можетъ быть безбожникомъ» — сказалъ добрый Руссо. Этого мало: если взоръ человѣка, счастливаго любовью, поднимается съ благодарностью на небо, онъ съ любовью обращается и на все Божіе созданіе: пѣніе птички дѣ-

дается понятно сердцу; слышно, какъ растеть и веселится своєю жизнью маленькая былинка; солнце восходить освѣщать только радости, и мѣсяць свѣтитъ только для усладительной задумчивости, пока сердце челоуѣка засыпаетъ кроткимъ сномъ, мечтая о радостномъ пробужденіи.

Какое наслажденіе и въ этомъ раздѣлѣ души и сердца, которое начинается между двумя любящими существами, когда имъ сказали: «Вы принадлежите одинъ другому!» Слово, столь страшное въ другое время, едва-ли не при всѣхъ другихъ отношеніяхъ челоуѣка, слово: «*Навѣкъ!*» представляетъ для любви услажденіе неизъяснимое. Ненасытный, какъ всегда, челоуѣкъ говоритъ: «Ты мой, ты моя, но не только на здѣшній вѣкъ — на всю вѣчность, здѣсь и за гробомъ!» Ему мало кажется этого страшнаго слова: *на вѣкъ!* Какое наслажденіе и открывать непрерывно новыя очарованія въ миломъ для насъ существѣ, подсматривать за нимъ, подстерегать каждое движеніе, и въ каждомъ движеніи находить новую прелесть! А если ихъ не находимъ? О, не бойтесь — челоуѣкъ такъ созданъ, что онъ всегда найдетъ то, чего онъ ищетъ, даже если бы этого и вовсе не было. А всѣ эти мелочи, бездѣлки жизни, игрушки, если угодно — поцѣлуй, котораго не хотять подарить, споръ ни объ чемъ, смѣхъ о какой нибудь нелѣпности... Кто *только любилъ* — тотъ только страдалъ; кто притомъ былъ *любимымъ* — тотъ жилъ половинкою души, но полное бытіе душею: любить, быть любимымъ, и обладать тѣмъ, кого любишь, обладать такъ, чтобы ни свѣтъ, ни люди, ни судьба, ни гробъ не могли оторвать его у насъ, поклонились намъ, и сказали: *онъ твой, они твои!*

Одними изъ усладительныхъ минутъ бытія были отважожь для Вильгельма минуты, посвященные имъ

мечтанию, какъ будто не довольно еще было ему дѣйствительной жизни. Но это были не мечты сжигающей, неудовлетворенной поэзіи, послѣ которыхъ такъ устаетъ человѣкъ, какъ будто слеталъ въ небо и утомился дальнымъ путемъ. Не были это и тѣ мечты жизни, похожія на воздушную думу человѣка, брошеннаго въ темницу — мечты о томъ, что было прежде, что будетъ потомъ, когда звѣно *настоющаго* вырвано изъ жизни человѣка, и онъ неосуществляемыми, ненадежными мечтами хочетъ связать для себя свое бытіе, а между тѣмъ ничего не видитъ во мракѣ темницы, и звонъ цѣпей напоминаетъ ему тяжкую существенность. Нѣтъ! мечтанія Вильгельма были усладительныя, самодовольныя расчеты богача, увѣреннаго, что настоящее принадлежитъ ему, забывшаго о тяжеломъ прошедшемъ, и потому только помышляющаго о тайнѣ будущаго, что это будущее улыбается ему радостно и весело, какъ другъ, какъ братъ настоящаго. Почти каждый вечеръ садилась въ кружокъ Вильгельмъ, Генріэтта, обѣ старушки, матери ихъ, говорили, мечтали, спорили о томъ, какъ быть имъ счастливыми въ будущемъ. Всѣ соглашались въ томъ, чтобы оставить столицу, удалиться отъ ея шума и суеты. Но куда и какъ? Мать Вильгельма доказывала, что всего лучше жить въ маленькомъ городкѣ, родинѣ Вильгельма, и онъ соглашался съ этимъ, но хотѣлъ въ такомъ случаѣ купить запустѣвшую дачу барона. Мать утверждала, что дача эта слишкомъ дорога; Вильгельмъ спорилъ, что ее отдадутъ за безцѣнокъ, и что изъ нея можно извлечь большой доходъ; описывалъ, какой будетъ тамъ у нихъ скотный дворъ, садъ, гдѣ самъ онъ станетъ работать, пока Генріэтта станетъ смотрѣть за хозяйствомъ. «Не правда-ли, что все это будетъ мило, Генріэтта? Ты согласна?» — Куда

тебѣ угодно, милый Вильгельмъ!—отвѣчала Генріэтта, но, желала однакожь—настоящее дѣвичье желаніе—имѣть не огромную дачу, но маленькую мызу, въ родѣ Геснеровскихъ пастушескихъ жилищъ, гдѣ ночью свисталъ-бы въ лѣсу соловей, на лугу паслись прелестныя коровы и барашки, а мѣстомъ жилища была маленькая хижинка, пріютъ любви и поэзіи. Она ни за что не хотѣла соглашаться съ Вильгельмомъ, который увѣрялъ, что съ этихъ поръ онъ перестанетъ писать стихи. На успялыя требованія Генріэтты не оставляя стиховъ, онъ отвѣчалъ, смѣясь, что готовъ писать, но — только колыбельныя пѣсни для своихъ дѣтей. Тутъ нескромному Вильгельму зажали ротъ маленькою ручкою, краснѣли, и не знали куда дѣваться, пока другіе съ сѣдники смѣялись громко. «Ахъ, маменька!» говорилъ Вильгельмъ — нашъ городишко красивъ, да поищемъ лучше еще милѣе мѣстечка!» — Мой другъ!—отвѣчала мать, вздыхая — я не поѣду изъ него никуда: тамъ отецъ твой, твои братья и сестры ждутъ меня... — И Вильгельмъ и Генріэтта бросались къ ней, умоляя ее не говорить, не упоминать объ этомъ.

Однажды, нечаянно развернулъ Вильгельмъ печатный листокъ, въ которомъ завернуто было что-то купленное: это была театральная афишка.

— А! старый знакомый! я было и забылъ о тебѣ — говорилъ онъ, пробѣгая афишку, и съ удивленіемъ прочиталъ онъ въ концѣ ея:

«Дирекція театра спѣшитъ извѣстить почтенную публику, что въ скоромъ времени дана будетъ новая трагедія, сочиненіе г-на Рейхенбаха, автора Арминія: *Эдельвина*, въ пяти дѣйствіяхъ, съ новыми декораціями и костюмами.»

— Что такое, Вильгельмъ? Твоя новая трагедія?

Какъ-же, безсовѣстный, ты и не сказалъ мнѣ?—спрашивала Генріэтта.

Вильгельму показалось, что привидѣніе жизни мелькнуло въ это время мимо его, съ своимъ злодѣйскимъ лицомъ, съ своею демонскою улыбкою, и въ дурацкой шапкѣ, обвѣщенной побрякушками. *Эдельвина* была та самая трагедія, въ которой изобразилъ онъ идеаль Элеоноры, въ бытность свою на родинѣ. Мы забыли сказать, что Вильгельмъ докончилъ эту трагедію, и отослалъ ее къ Директору. Директоръ ничего не отвѣчалъ на его посылку, и Вильгельмъ вовсе забылъ теперь о своей *Эдельвинѣ*.

Когда вдругъ узналъ онъ, что эту трагедію уже приготовились давать на театрѣ, сердце у него погнулось: все вспомнилъ онъ, и — Богъ знаетъ что опасался-бы онъ дать за то, чтобы *Эдельвина* его не была играна!

— Я понимаю тебя, Вильгельмъ: ты готовялъ мнѣ *сюрпризъ*, ты хотѣлъ удивить меня, и какъ неловко открылась вся твоя тайна! — говорила Генріэтта, смѣясь. — Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ надобно наградить себя за тѣ глупыя мученія, какія перенесла я во время представленія твоего *Арминія*; въ самомъ дѣлѣ, какъ нелѣпо думать, что Вильгельмъ меня не любитъ, что онъ любитъ другую, какъ будто это возможно! Ну, Вильгельмъ! говори-же, признавайся во всемъ — что это за *Эдельвина*?

Она говорила такъ весело, а Вильгельмъ думалъ: «Неужели нѣтъ ни счастья, ни свѣта безъ тѣни? Долженъ-ли я все сказать Генріэттѣ, ужаснуть ее моимъ рассказомъ, открыть ей тайную мысль, на которой основана эта гадкая трагедія?»

— А! ты готовяешься опять сплутовать: какъ хорошо я узнала тебя, Вильгельмъ! Такъ хорошо, что могу угадывать все, что происходитъ въ душѣ твоей!

«Признаюсь тебѣ, милый другъ, что я самъ вовсе забылъ объ этой трагедіи, и увѣряю тебя, что сердечно желалъ-бы видѣть ее брошенной. Она сочинена въ то грустное время, когда мы разстались съ тобою; она такая нелѣпая — и мысль чужая: это жалкое подражаніе Шекспировой *Ромео и Юлія*.

— Я не знаю этой трагедіи — миѣ совѣстно признаться тебѣ, что я почти не знаю Шекспира. Расскажи миѣ содержаніе этой его трагедіи, и какъ ты передѣлалъ ее по своему. Милый другъ! я попрошу тебя потомъ сказать миѣ, что надобно миѣ прочитывать еще, чтобы понимать все, о чемъ ты иногда говоришь миѣ; хочу, чтобы ты не краснѣлъ отъ моего невѣжества, хочу знать...

«Ахъ! лучше не знать многого» — думалъ Вильгельмъ — и онъ началъ рассказывать Генріэттѣ содержаніе *Ромео и Юлія*, говорилъ съ жаромъ, краснорѣчиво.

— Вильгельмъ! неужели таковы всѣ творенія Шекспира? — спрашивала Генріэтта. — Дай миѣ ихъ поскорѣе — хочу читать. Но какъ-же ты передѣлалъ Шекспирову трагедію?

Въ замѣшательствѣ началъ объяснять Вильгельмъ планъ и содержаніе Эдельвины. «Что-же милый другъ! миѣ кажется это еще лучше Шекспировой трагедіи? Какъ это хорошо! Она хочетъ умереть, чтобы ожить послѣ того для одного милаго ей челоуѣка — она была дочь короля, и хочетъ быть только Эдельвиною, и жить только для поэта, обладателя души ея! Право, это лучше ссоры Монтекковъ и Капулетовъ и случайной смерти Шекспировыхъ любовниковъ»...

— Но миѣ не нравится, миѣ не хотѣлось бы издавать ничего печальнаго, когда я самъ такъ веселъ и счастливъ... И притомъ стихи въ этой трагедіи

такъ не отдѣланы, такъ плохи, такъ набросаны — я боюсь что ее освищутъ — я совсѣмъ не думалъ чтобы Директоръ поспѣшилъ поставить на сцену Эдельвину. Какіе спекулянты! Потому, что мое имя немного извѣстно, что оно можетъ дать нѣсколько лишнихъ талеровъ театральной кассѣ... Но я стараюсь, чтобы Эдельвины не представляли... И — знаешь-ли, милый другъ — положимъ, что это мой капризь — если и будутъ давать ее, мы не поведемъ съ тобою....

«Почему-же, Вильгельмъ? Мнѣ хотѣлось бы слышать и видѣть, какъ публика съ восторгомъ принимаетъ твое созданіе.

— А если въ твоихъ глазахъ освищутъ меня? Тогда что?

«Этого быть не можетъ, а если-бъ и было — я стану утѣшать тебя, и ты увидишь, что мнѣ все равно ты милъ — и расхваленный, и освищенный.»

— Утѣшать! ха, ха, ха! — Но знаешь-ли, милая Генріэтта, что съ тѣхъ поръ, какъ ты моя, всякая извѣстность, всякій шумъ и крикъ публики и людей сдѣлались мнѣ скучны, несносны? Я желалъ-бы жить только для тебя, чтобы никто, кромѣ тебя, ничего не зналъ обо мнѣ, никто не думалъ обо мнѣ... На что намъ люди? На что мы имъ? — Генріэтта! мы не поведемъ на представленіе Эдельвины, если и будутъ ее давать. Ты увидишь, что въ этотъ вечеръ буду я веселѣе обыкновеннаго, не думая ни о чемъ, кромѣ тебя....

«Какъ тебѣ угодно, милый другъ. Неужели ты полагаешь, что я буду когда нибудь думать о томъ, о чемъ ты не думаешь, или хотѣть того, чего ты не хочешь?

Разговоръ прекратился, но Вильгельмъ былъ недоволенъ, ни собою, ни этимъ разговоромъ. Онъ

сознавался самому себѣ, что бѣмъ неискренень съ Генріэттою. Это мучило его. И кроткое согласіе на все, чего хочетъ Вильгельмъ, и безогчетная вѣра во все, что онъ говоритъ, возвышая Генріэтту, унижали его въ собственныхъ его глазахъ. «Но я плачу всѣмъ этимъ за пропедшія безумства — думалъ онъ — «и клянусь тебѣ, Генріэтта! что отнынѣ не будетъ ни одной мысли въ душѣ моей, которая осталась-бы тайною для тебя!»

Онъ рѣшился повидаться съ Директоромъ, и постараться уговорить его — не давать Эдельвины. Надобно было идти.

«Ба, ба, ба! Рейхенбахъ! Давно-ли, откуда, бѣглецъ?» восклицалъ Директоръ, обнимая Вильгельма.

— Только дня съ два, какъ я воротился сюда. Дѣло было очень простое: я получилъ извѣстіе о жестокой болѣзни моей матери, и поскакалъ домой, не успѣвши даже проститься съ вами.

«Ну, а теперь маменька ваша?»

— Она здорова.

«Сердечно радъ.»

— Послѣ того мнѣ вздумалось пробѣжаться цемного...

«И вы не безъ пользы пробѣхались, если на дорогѣ встрѣтило васъ вдохновеніе, внушившее вамъ Эдельвину...»

— Да, эту трагедію...

«Знаете-ли, Рейхенбахъ, что это высокое созданіе, что это новый, блестящій шагъ отъ Арминія? Князь въ восторгѣ отъ Эдельвины. А вы читали, что пишутъ въ *Моргенблатъ*, въ *Абендцейтунгъ*?»

— Я ничего не читалъ изъ газетъ во все это время. Но почему узнали эти колокольчики?

«Виноватъ — я послалъ имъ огрѣвки.»

— Вы очень дурно услужили мнѣ, любезный Директоръ. Знаете-ли, о чемъ хотѣлъ я просить васъ:

нельзя-ли не ставить Эдельвины и уничтожить рукопись?

«Какъ? Что такое?»

— Уничтожить вовсе Эдельвину, потому, что я весьма недоволенъ этою пьесою.

«Любезный Рейхенбахъ! вы бредите, сами не зная что. Это превосходное созданіе, говорю я вамъ, и Князь отъ него въ восторгъ...»

— Хоть-бы сто князей.

«Публика ждетъ съ нетерпѣніемъ.

— Я напишу вамъ другую; у меня множество плановъ...»

«Очень хорошо, но возвратить Эдельвины невозможно.

— Я прислалъ ее къ вамъ только посмотреть, сказать ваше мнѣніе, но не просилъ принять въ репертуаръ.

«Публика и Критика скажутъ вамъ свое мнѣніе, вмѣсто меня. Присылку окончанія я почелъ за согласіе ваше. Моя дружба къ вамъ давала мнѣ право своевольничать — я проболтался Князю — признаю, впрочемъ себя виноватымъ, но неужели между нами надобны объясненія? Чего хотите вы теперь, Рейхенбахъ? Браните, бейте меня—только воротить нельзя...»

— Какая досада!

— За успѣхъ я ручаюсь. Опять ничего не жалѣи на обстановку; подмостки подгорожены такія, что и слѣпой увидитъ вашу Эдельвину съ высоты ихъ... Да, бишь — вы думаете, что изящное не требуетъ никакихъ приготовленій... Но, скажите, ради Бога: за что вы не влюбилъ Эдельвины вашей?

— Такъ... право, такъ... Мнѣ кажется...

«Просто — хоть поэта. Охъ! вы мнѣ, господа! Дать въ руки директору театра прелестное созданіе, и хотѣть потомъ вырвать у него! Что я за дуракъ буду!»

*

— Вы все шутите.

«А вы что - то не въ духъ, разстроены, Рейхенбахъ. Скажите, что съ вами сдѣлалось... Кстати, объ условіяхъ за Эдельвину...»

— Нельзя - ли хоть отсрочить ее на неопредѣленное время? Вѣдь еще сказано только, что ее дадутъ въ непродолжительномъ времени.

«Помилуйте! Да развѣ вы не читали вчерашней аффишки? Мы даемъ ее въ воскресенье. Вотъ, посмотрите.»

Директоръ вытащилъ аффишку. «А если бы вы знали, чего стоило мнѣ поладить съ этой проклятой Элеонорой...»

— Что-же такое? Она играетъ?

«Да, играетъ. Она совсѣмъ сдѣлалась сумасшедшею, послѣ своей послѣдней болѣзни. Доктора боятся ужасно за ея здоровье. Не можете вообразить, что за прихоти, что за мученье съ нею! Сперва отдыху не давала, чтобы играть Эдельвину — сбила съ ногъ Барона, меня; потомъ вдругъ не хочетъ играть; потомъ опять хочетъ... Признаюсь, что на всякій случай, я велѣлъ выучить роль Жоржеттъ. Чего добраго! Въ день представленія Элеонора вздумаетъ отказаться, и я буду зарѣзанъ... Но вы спышите?»

— Я постараюсь чаще видѣться съ вами, любезный Директоръ...

«Гдѣ вы живете теперь?»

Они распрощались. До воскресенья оставалось только два дня.

— Ну, чортъ ихъ побери! Пусть что хотятъ, то дѣлаютъ. Я не пойду въ театръ, и не скажу ничего Генриэттъ. Смѣшно вздумать: иной воображаетъ меня теперь въ восторгъ отъ представленія моей глупой трагедіи, а я, право, дорого-бы далъ, если бы могъ ее уничтожить....

Въ самомъ дѣлѣ, Вильгельмъ не пошелъ ни къ ко-

му, не явился ни куда. Онъ просидѣлъ всѣ дни дома; никто не посѣщалъ его; слышно было, что Рейхенбахъ прїѣхалъ, и пїявки литературныя и журнальныя бѣгали, искали его, но не нашли нигдѣ.

Только поутру въ воскресенье, къ Вильгельму явился одинъ молодой литераторъ, съ которымъ онъ сошелся довольно хорошо прежде. Это была добрая, чистая душа, плохой поэтъ, но честный, благородный человекъ. Онъ видѣлъ въ Вильгельмѣ втораго Шиллера, втораго Шекспира, и часто надѣдалъ ему своими громкими похвалами. «Полноте, Шлиппе,» говорилъ ему Вильгельмъ — «вѣдь это лесть.»

— Лесть! — восклицалъ Шлиппе съ восторгомъ — лесть! когда я поклонюсь всѣмъ, что только есть для меня святаго, что говорю отъ чистаго сердца, и тотъ бездѣльникъ, кто станетъ спорить...

Нельзя было сердиться на добраго Шлиппе.

— Боже мой! г-нъ Рейхенбахъ! Васъ-ли я вижу? Да, какъ-же это можно — не сказать, не извѣститъ, и еслибы сегодня не попался я къ Директору, то и не зналъ-бы, что вы здѣсь — я бѣжалъ опростетью. — Такъ восклицалъ Шлиппе, обнимая Вильгельма, и потомъ посыпались разспросы.

Тутъ замѣтилъ Шлиппе г-жу Рейхенбахъ, смѣшавшись, спросилъ Вильгельма: «кто эта дама?»

— Это маменька моя.

«Ваша маменька? Боже великій! позвольте мнѣ рекомендоваться вамъ, счастливая родительница великаго поэта!»

И онъ замѣтилъ Генриэтту. «А это вѣрно ваша сестрица? Я тотчасъ угадалъ по удивительному сходству лица....»

— Не совсѣмъ угадали, любезный г-нъ Шлиппе. Это моя невѣста.

«Ваша»... Шлиппе выпучилъ глаза.

— Моя невѣста. Что-жь тутъ удивительнаго?
«Невѣста поэта! Вы, счастливецъ? вы любимы?»

— Кажется.

«Вы называете свою ту, которая всего милѣе вамъ на свѣтъ... А! едва могу удержаться отъ слезъ радости! Наконецъ, сбылись вдохновенныя мечты поэта...»

Восторги Шлиппе были такъ искренны и добродушны, что всѣ хохотали отъ чистаго сердца, и онъ захохоталъ самъ. Его оставили обѣдать, и онъ остался, хотъ клялся, что далъ слово въ три мѣста: къ одному больному, котораго надобно утѣшить; къ старухѣ теткѣ, прескучной воркуньѣ, и къ одному поэту, который хотѣлъ читать свое новое, преглупое твореніе. Но Шлиппе отъ всего былъ въ восторгѣ.

Вильгельмъ едва могъ увѣрить Шлиппе, когда сказалъ ему, что не поѣдетъ въ театръ. Шлиппе за три дня досталъ уже себѣ билетъ, но Вильгельмъ сказалъ, что чувствуетъ себя нездоровымъ — вралъ послѣ того разными причинами, когда Шлиппе не вѣрилъ — сказалъ наконецъ, что у нихъ вышло неудовольствіе съ Директоромъ.

— Съ этимъ добрымъ челоуѣкомъ! Боже мой! возможно-ли это? И какъ-же онъ сегодня еще говорилъ объ васъ съ такимъ восторгомъ?

«Мы и помиримся съ нимъ скоро.»

— Но ваша милая невѣста? Какъ-же ей-то не видать вашего торжества? Какъ не подѣлиться вамъ съ нею....

«Неужели вы не чувствуете наслажденія въ этомъ пожертвованіи блескомъ и суетою уединенію любви и счастья?..»

— Ахъ! какая поэтическая мысль! Въ самомъ дѣлѣ — когда все гремитъ и рукоплещеть.... поэтъ въ тишинѣ своего уединенія... Послушайте: позвольте-же мнѣ возвратиться къ вамъ изъ театра, быть вѣст-

никомъ вашего торжества, насладиться послѣ того зрѣлищемъ поэта, торжествующаго славу при счастья любви. . .

« Въ самомъ дѣлѣ, пріѣзжайте къ намъ изъ театра, г-нѣ Шлиппе.

Къ удовольствію Вильгельма, этого разговора не слыжалъ никто. Онъ просилъ Шлиппе не сказывать Генріеттѣ и другимъ о томъ , что въ этотъ день дають Эдельвину. Въ шесть часовъ вечера, Шлиппе разстался съ нашими друзьями, давая таинственные знаки головою Вильгельму, что онъ хранитъ тайну.

Что чувствовалъ однакожь Вильгельмъ, оставаясь дома, но зная, что въ это время, при многочисленномъ собраніи зрителей, играютъ его *Эдельвину*, судить его новое созданіе? Къ чести поэта нашего, скажемъ, что онъ философически разсуждалъ самъ съ собою о суетѣ міра и мірскихъ похвалъ; что у него вовсе не являлось въ душѣ сожалѣнія, почему онъ не свидѣтель своего торжества. Онъ былъ веселъ и милъ , какъ будто ничего не зналъ. Впрочемъ, не было-ли этому причиною что нибудь постороннее? Не думалъ ли онъ , въ какое странное положеніе поставилъ бы себя , если-бы видѣлъ на сценѣ Элеонору, и Элеонора высказывала бы ему, въ присутствіи Генріетты, странныя отношенія, въ какихъ недавно онъ къ ней находился , и зрители рукоплескали этому Все такъ , но неужели не простимъ нашему поэту, что несмотря на всю свою философію, онъ нѣсколько разъ смотрѣлъ на часы, и думалъ: «Теперь кончилось первое дѣйствіе — теперь, вѣрно, начали третье — теперь оканчиваютъ четвертое — понравится ли имъ сцена 3-я IV-го дѣйствія?»

Онъ былъ разсѣянъ , и Генріетта раза два говорила ему: «Здоровъ-ли ты , милый другъ? Отъ чего ты такъ задумчивъ?» Вильгельмъ начиналъ смѣ-

лтъся, но когда, по расчету его, Шлиппе долженъ былъ явиться изъ театра, Вильгельмъ нетерпѣливо ждалъ его. Раздался звонъ колокольчика, и Вильгельмъ вскочилъ съ своего мѣста, громко вскричавши: «Это Шлиппе!»

— Шлиппе? Развѣ онъ хотѣлъ еще завхатъ къ намъ сегодня, такъ поздно?

«Да, да» — Вильгельмъ старался успокоиться, казаться равнодушнымъ.

Но колокольчикъ звенѣлъ столь сильно, какъ будто кто нибудь рвалъ его.

«Что съ нимъ сдѣлалось? Не одурѣлъ-ли онъ?»

Тутъ вбѣжалъ въ комнату Шлиппе. Вильгельмъ хотѣлъ съ невозможнымъ стонческимъ равнодушіемъ встрѣтить гостя, и пошелъ къ нему на встрѣчу. Но Шлиппе почти оттолкнулъ его, бросился въ кресла едва не задыхаясь, не могъ выговорить ни одного слова, блѣдный, съ растрепанными волосами. Всѣ испугались.

— Что съ вами сдѣлалось, г-нъ Шлиппе, любезный Шлиппе?

«Я вышелъ изъ ада — злодѣи, изверги, чудовищи, мерзавцы — проклятіе на всѣхъ — анаеема директору, актерамъ, актрисамъ, всѣмъ, начиная съ зажигагателя лампъ!»

Отчаяніе Шлиппе было такъ забавно, что Вильгельмъ расхохотался, тѣмъ болѣе, что Шлиппе со-всѣмъ не думалъ шутить.

«Опъ смѣется!» воскликнулъ Шлиппе — «Опъ смѣется, не зная, что причиною моего отчаянія! Знайте, м. г., знайте» — Шлиппе вскочилъ, вытянулся, протянулъ руку, сказалъ глухо и мрачно — «*Ваша пьеса..... упала!*» и опять сѣлъ въ кресла, закрылъ глаза рукою.

— Упала? — спросилъ Вильгельмъ, измѣнившимся голосомъ; невольно перемѣнился онъ въ лицѣ.

Но это мгновенное движение продолжалось одну минуту; потъ прошибъ Вильгельма; щеки его, поблѣднѣвшія отъ досады, вснѣхнули. Съ видомъ совершеннаго спокойствія, даже съ усмѣшкою, прибавилъ онъ: «Отъ чего же тутъ отчаяваться, любезный Шлиппе? Публика женщина, — старушка прихотливалъ.....»

«Боже мой! Какъ же не отчаяваться, если ваша пьеса была освистана неблагодарною, безстыдною публикою — *ваша* пьеса.... Что-жь послѣ того!

— Успокойтесь, успокойтесь. Расскажите намъ, и вѣрьте, что самъ сочинитель, первый вовсе не гнѣвается за неудачу.....»

«И-вы можете наказать прѣзрѣнiемъ этихъ варваровъ, г-нъ Рейхенбахъ, потому, что тутъ видѣнъ былъ явный умыселъ, заговоръ.....»

— Неужели!

«Всѣ порядочные люди возстали противъ заговорщиковъ — я не жалѣлъ ни горла, ни рукъ..... но съ роду не слыхивалъ я подобнаго, гадкаго заговора»

— Расскажите намъ все это порядкомъ.

«Дайте собраться съ силами. Видите: во-первыхъ театръ былъ полонъ, нѣгдѣ было яблоку упасть, какъ говорится, все освѣщено, все шумитъ, все ждетъ Барона и Князя; наконецъ все выходитъ изъ терпѣнiя, бьютъ въ ладоши, кричатъ, а они не ѣдутъ — семь часовъ, половина восьмага — ихъ нѣтъ! Тутъ является какаля-то фигурка, и объявляетъ, что г-жа Элеонора играть не будетъ, а роль ся передана жалкой Жоржеттъ, этой ободранной, пискливой кошкѣ, пасмѣшкѣ надъ Трагедiею! Надобно было слышать и видѣть, что тогда поднялось!..... Но играетъ музыка, открывається завѣсъ; первое дѣйствие обыкновенно слушаютъ тихо, а со втораго раздается — раздается шипѣнье — потомъ, потомъ свистокъ,

другой, третій, — хохоть! Сначала это изумило, хотѣли заставить молчать, но свистало пятьдесятъ человекъ, шикало двѣ сотни, и такъ грубо, и такъ дерзко, что наконецъ началась явная ссора: гдѣ хлопали одни, тамъ свистали другіе. Жоржеттъ невозможно было появиться на сценѣ; всѣ начали хохотать, и пятое дѣйствіе было любопытнѣе между зрителями, нежели на сценѣ — поднялись споры, шумъ, крикъ, полетѣли яблоки, зашевелились палки. Тутъ дошло до оплеухъ, пришла полиція. «Долой трагедію!» закричалъ кто-то; яблоки посыпались на сцену; въ Жоржетту бросили цѣлымъ пирогомъ, и занавѣсъ опустили, при ужасномъ шумѣ, дракѣ, и — вотъ вамъ исторія того несчастнаго происшествія, котораго былъ я свидѣтелемъ.....

Шлиппе вскочилъ съ своего мѣста. «Что это, любезный Шлиппе — спросилъ Вильгельмъ, замѣтивъ, что у него разодранъ фракъ — у васъ фракъ изодранъ?»

— Какъ! А я и не замѣтилъ — извините. Да вѣдь я тамъ былъ не изъ послѣднихъ, сражавшихся за васъ.....

«Кулаками?»

— Нѣтъ! я билъ палкою.

Тутъ всѣ захохотали, и благодаря этому, Вильгельмъ скрылъ свое смущеніе, сдѣлался шутливъ, веселъ. Никто не подумалъ-бы, смотря на маленькое общество нашихъ друзей, что это сочинитель, освищенный, обруганный въ тотъ самый вечеръ, и его семья.

Но когда на другой день, поутру, мать пришла къ Вильгельму, она засгала его въ глубокой задумчивости.

— Неужели, Вильгельмъ, ты печалнишься о своей вчерашней неудачѣ?

«Признаюсь, милая маменька — такая злость, та-

кая черная неблагодарность, какую оказали мнѣ люди, неволью приводить меня въ смущеніе. Не эти-ли самые люди презносили меня до небесъ, писали, кричали.....

— Они и теперъ кричатъ.

«Моя трагедія была совсѣмъ не такъ дурна, чтобы ее обругать, уничтожить.....»

— Но вѣдь за нее были и защитники. Наглость всегда возьметъ верхъ надъ скромнымъ сужденіемъ ума; свистокъ заглушить десять рукъ, и явно, что крикуновъ нарочно ввели въ театръ.

«Вы еще не знаете всего, что было въ послѣдствіи. Вотъ три бумаги, которыя получилъ я сегодня. Выслушайте:

«Директоръ Княжескаго Театра симъ честь имѣетъ «извѣстить г-на Вильгельма Рейхенбаха, что въ слѣдствіе происшедшихъ при представленіи трагедіи «его *Эдельвина*, безпорядковъ, послѣдовало повелѣніе Его Свѣтлости, чтобы она трагедія была «ключена изъ репертуара, и слѣдующая за принятіе оной сумма не была сочинителю выдаваема. «Почему, извѣщая о послѣдовавшемъ распорядженіи, «Директоръ честь имѣетъ препроводить при семъ «рукопись вышеозначенной трагедіи, и покорнѣйше «просить снабдить въ полученіи оной роспискою.»

— Что-жъ за бѣда, милый другъ? Ты самъ не хотѣлъ, чтобы ее представляли.

«Не хотѣлъ, но не хотѣлъ, чтобы мое твореніе было предано на позоръ уличныхъ бродягъ. Слушайте далѣе — еще бумага:

— Оберъ - кригсъ - рать полицей - референтъ симъ честь имѣетъ извѣстить г-на Вильгельма Рейхенбаха, что въ слѣдствіе послѣдовавшаго повелѣнія Его Свѣтлости, запрещается ему г-ну Рейхенбаху печатать, продавать, а равно и распространять въ рукописныхъ копіяхъ, сочиненную имъ трагедію: *Эдель-*

вина, какъ сочиненіе вредное для общественной нравственности, ибо въ ономъ представляется дочь нѣкоего сильнаго владѣтеля, вопреки отцовской воли, желающая заключить неравный бракъ, принимающая усыпительный порошокъ, обманывающая притворною смертию, и потомъ прекращающая жизнь свою самоубійствомъ, чѣмъ всѣмъ унижается санъ королевской дочери. Если же означенная трагедія напечатается гдѣ либо внѣ владѣній Его Свѣтлости, Сочинитель долженъ доказать, что онъ не имѣлъ въ томъ никакого участія. Для дачи-же по всему сему распоряженію росписки имѣеть г-нъ Рейхенбахъ явиться къ г-ну Оберъ-крюгс-ратъ-полицей-референту.

«Вотъ это непріятно, Вильгельмъ!»

— Только непріятно? А не оскорбительно, не бросаетъ мрачной тѣни на человѣчество? Дослушайте все до конца; третья бумага:

«Канцелярія его высокопревосходительства, г-на барона фонъ-Калькопфа, симъ честь имѣеть извѣстить г-на Вильгельма Рейхенбаха, что по поводу нелявки его къ должности, и изданнаго имъ предосудительнаго сочиненія, вреднаго для общественной нравственности, онъ г-нъ Рейхенбахъ уволенъ отъ должности главнаго надзирателя надъ чернилицами въ канцеляріи его высокопревосходительства, съ лишеніемъ слѣдовавшаго по оной жалованья, и правъ на пенсію.»

— Какъ вамъ кажется все это, милая маменька?

«У тебя сильные враги, которые жестоко преслѣдуютъ тебя.»

— Я такъ рано получилъ сегодня всѣ эти бумаги, что ихъ не могли изготовить, ни получить повелѣнія князя послѣ паденія моей трагедіи. И кто судилъ ее? Кто осудилъ меня?...

«Утѣшься, милый другъ—вѣрь, голосъ безпристра-

стія оправдаетъ тебя. Князь въ заблужденіи; ты оклеветанъ....

— Могу-ли доказать Князю свою невинность? Пробьюсь-ли я съ моимъ оправданіемъ въ его чертоги? Голосъ безпристрастія!.... Посмотрите, посмотрите: вотъ листокъ сегодняшней газеты, и — подлець издатель, прежде ползавшій передо мною, ругаетъ меня нагло, безстыдно! И пусть бы ругалъ онъ мое сочиненіе — нѣтъ! онъ задѣваетъ мши, говоритъ личности, со- всѣми отвратительными журнальными манерами! Вотъ въ *Синьси* анекдотъ о какомъ-то Китайскомъ поэтѣ, котораго бьютъ палками за освистанную трагедію! Вотъ двѣ эпиграммы на Тибетскаго драматическаго писателя, гадкія по стихамъ, плоскія по смыслу:

Утѣшись, что твоя освистана трагедья!

Свистокъ — что за беда? Что значить онъ? *Дуракъ!*

Вотъ оплеуха-бы... худая то комедья —

Ползи-ка, братъ, назадъ съ Парнасса, будто ракъ!

Можно-ли выдумать что нибудь гаже, отвратительнѣе? А вотъ и клевета литературная:

«Говорятъ, что недавно въ Кохинкинѣ издали трагедію. Сочинитель ея, Тши-Хоанъ, Рейхъ-ехенъ-бахъ-Дзи называлъ ее: Эдель-пши-виндъ-тха; но зрители скоро увидѣли, что это плохое подражаніе какому-то Британскому поэту, по имени Шекспиру, освистали бѣднаго Рейхъ-ехенъ-бахъ-Дзи, и на другой день изданы были слѣдующіе стихи:

То-то палкой отвалить-бы,

Съ приговоркой: «Ахъ, уродъ!

Не берись за переводъ,

Не воруй съ чужой усадьбы,

И чужаго за свое

Выдавать не смѣй, ворнишка!

Будь глупа твоя хоть книжка,

Только будь она твое!»

«И вы хотите, маменька, чтобы судъ безпристрастія слышанъ былъ среди этого вопля невѣждъ,

крика и насмѣшекъ подлецовъ, клеветъ, злобы, насмѣшекъ, праздности и лѣности ума и сердца?

— Но ты ничего не хочешь, ничего не требуешь отъ нихъ, а время отдасть тебѣ справедливость.

«Ахъ! вы тронули большую сторону моего сердца.... Эта несчастная недовѣрчивость, которая такъ терзала меня, которая заставляла меня тысячу разъ отказываться отъ всякой поэзіи, отъ всего, что почиталъ я въ другое время своимъ назначеніемъ.... Маменька! говорю съ вами, какъ съ своею совѣстью— успѣхъ мой въ свѣтъ и литературѣ, я начиналъ наконецъ почитать заслуженнымъ, добытымъ моими дарованіями, моими достоинствами, начиналъ забывать, какъ составилъ онъ.... Я осмѣливался думать, что я поэтъ, истинный поэтъ по призванію; мнѣ казалось уже, что люди сознаются отъ души, что они побѣждены мною.... Сказать-ли? Теперь вижу я, съ ужасомъ вижу, что не мое собственное достоинство вознесло меня, не мнѣ поклонилась эта бессмысленная толпа.... Интрига директора театра, прихоть актрисы, слабость старика вельможи, своекорыстный крикъ журналовъ, жалкое усиліе безталантности, спекуляцій и подлости уцѣпиться за меня, и выползти за мною, и глупость толпы, которая сама не знаетъ что ругаетъ, что хвалить — вотъ, что составило мою извѣстность, мою славу.... И чтожъ я послѣ того въ собственныхъ глазахъ моихъ....»

«Дитя мое....»

— Позвольте, мамсенька: я буду умѣть перенести все это униженіе, не забочусь о мнѣніи другихъ, но вотъ только съ какимъ условіемъ: отнынь живу я для Генріэтты, для васъ, для любви и дружбы, для уединенія, далеко отъ людей, тамъ, гдѣ не могутъ они видѣть меня, и — клянусь...

« Не клянись, Вильгельмъ, если ты хочешь от-

казаться отъ своихъ любимыхъ занятій. Совершенный отецъ—вотъ таковъ-же былъ онъ (это напоминае было однимъ изъ любимыхъ напоминаній старушки) — точно таковъ-же! Также бывало — въ восторгъ отъ людей, отъ душъ, сердець ихъ; кто нибудь обманеть его, и — онъ отказывается отъ всего міра...

— Но мнѣ-ли идти на позоръ, на судъ къ этимъ людямъ?

«Извини, а у отца твоего и у тебя говорило и говорить, какъ мнѣ кажется, оскорбленное самолюбіе, и—больше ничего. Странные вы люди: презираете мнѣніемъ невѣждъ, и дорожите имъ; посвящаете всю жизнь предпріятію, и въ отчаяніи отъ первой неудачи. Надобно-ли быть добрымъ только при счастьѣ? — Почему не заниматься для самого себя, не думать, что хорошее всегда найдетъ своего судью... Признайся, что вамъ надобно блеска, славы?... Ты счастливъ самъ въ себѣ, не имѣешь надобности въ людяхъ... Вотъ иное дѣло прежнее твое состояніе... Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется...

— Да, вы правы, маменька, и чѣмъ не одолженъ я вамъ — счастьемъ, миромъ души! Но, все однакожъ....

«Вотъ что кажется мнѣ теперь вѣрно, и чего надобно постараться избѣгнуть... Намъ едва ли можно будетъ поселиться въ нашемъ городишкѣ...

— Почему-же? Будто туда дойдутъ всѣ эти сплетни?

«Скорѣе, нежели ты думаешь, и какъ безъ толку тебя принимали и прославляли, такъ безъ толку осудятъ и пренебрегутъ. Въ столицѣ ты можешь еще укрыться, тебя забудутъ, побранятъ, поговорятъ, и только. Но въ уѣздномъ городкѣ нѣтъ спасенія: судъ тамъ безтолковѣе, грубѣе, безсовѣстнѣе; сплет-

ня тамъ долговѣчна, если не вѣчна, если не переживешь тебя; не спрашиваютъ за что ругать—ругаютъ, клеветуютъ, указываютъ пальцами на улицахъ, отворачиваются при встрѣчѣ, не даютъ прохода женѣ твоей въ кирхѣ, дѣтямъ въ школѣ; всѣ двери отъ тебя заперты. Подумай укрыться — и ты будешь злодѣй, заговорщикъ, дѣлатель фальшивой монеты...

Маменька! какъ хорошо вы все это знаете!

« Потому знаю, что слишкомъ тяжело испытала все это — отвѣчала старушка вздохнувши. — Ахъ! добрый отецъ твой!... Предосторожности надобно намъ взять немедленно, и начать съ будущей твоей тещи.

— Вы меня ужасаете, маменька!

« О, не бойся—она у насъ въ рукахъ, и мы съ Генріэттою все изъ нея сдѣлаемъ, только надобно искусно дѣлать. Ты не замѣтилъ, что она вчера говорила, и какъ глядѣла, слушая разсказъ Шлиппе. Но мы такъ разуверили ее....

— А Генріэтта, маменька, Генріэтта?

« Сомнѣніе въ этомъ ангелъ?

— Боже сохрани!... Но вы согласны—вы называете ее ангеломъ, маменька?

« Какъ-же иначе называть ее?

— Вы сами ангелъ, маменька!

« Право? А я и не знала этого. И ты можешь помышлять о людяхъ, о свисткахъ, когда въ будущемъ у тебя Генріэтта, любовь матери, безопасное состояніе... Думаю такъ, милый другъ, что мы оставимъ въ скоромъ времени столицу, всѣ отправимся въ Гамбургъ, и потомъ расположимся, какъ намъ будетъ угодно.

— Да, маменька, я самъ думаю, что намъ не для чего оставаться теперь здѣсь. Богъ съ ними — я прощаю злымъ врагамъ, клеветѣ, подлости, но, признаться-ли: я даже боюсь оставаться здѣсь, боюсь

за свою Генріэтту — за все, что может выдумать злоба, разрушая мою честь, мое счастье...

«О, не бойся! Люди, право, не такъ злы, какъ мы думаемъ иногда...

— Дай Богъ!

Въ задумчивости ходилъ Вильгельмъ по комнатѣ, когда черезъ полчаса вбѣжала къ нему Генріэтта, милая, веселая, и бросилась въ его объятія.

— Милый другъ!

«Милый Вильгельмъ! дай мнѣ поцѣловать освистаннаго сочинителя, отставнаго зрителя за чернилицами, чловѣка, который пишетъ вредныя для нравственности трагедіи!

Они крѣпко обнялись.

— Какъ я рада, Вильгельмъ! Теперь ты просто мой Вильгельмъ — прости моему самолюбію...

«Какъ злы люди, Генріэтта!

— И ты не прощаешь имъ, безсовѣстныхъ?

«Когда они отдали мнѣ тебя? Все, все прощаю!

Миръ очарованія снова облекъ собою наготу дѣйствительности для Вильгельма. Тайное предчувствіе, отъ времени до времени, отзывалось въ душѣ его тѣмъ-то ужасающимъ. Но онъ глядѣлъ на Генріэтту, вспоминалъ слова доброй матери: «О, не бойся — люди, право, не такъ злы, какъ мы думаемъ иногда» и прибавлялъ: «Дай Богъ, дай Богъ!»

А между тѣмъ...

Люди могутъ думать такъ, или не такъ — мы не станемъ рѣшать вопроса, но по праву, которое было дано *хромоногому блъсу*, и теперь осталось только за декоратерами и расказчиками, снимемъ крышку съ того жилища, изъ котораго падали на Вильгельма гоненія, столь неожиданныя. Въ наше время и историки отказываются отъ размышленій, предпочитая простой разсказъ событій всѣмъ выводамъ,

какъ будто размышленія и изслѣдованія падоуля имъ. Послѣдуемъ общей модѣ. Въ самомъ дѣлѣ, гораздо яснѣе и лучше выходитъ, если на сцену являюся живые люди, говорятъ, дѣйствуютъ, думаютъ сами за себя, нежели, когда описатель, самый краснорѣчивый, берется жить, дѣйствовать и говорить за нихъ. Притомъ, и переходъ изъ мирнаго жилища какой-нибудь Агаты въ Волчью долину, отъ прощанья любовниковъ къ дьявольскому литью пуль, лучше тревожить воображеніе, лучше заставляеть расшевеливаться нашу всегдашнюю, обыкновенную лѣнь. Жаль, что не всегда, а очень рѣдко такіе переходы разсказа производятся при Веберовской музыкѣ. За то разскащикамъ дано право, не только вдругъ срывать крышки съ домовъ, видѣть внѣшнюю жизнь людскую, но въ то же время глядѣть и въ сердца ихъ—эти долины души, которыя такъ часто походятъ на Волчьи, гдѣ такъ часто воютъ демоны, летаютъ привидѣнія страстей, и человѣкъ льетъ смертельныя орудія на погибель собрата. Послѣ этого грустнымъ покажется право разскащиковъ заглядывать въ сердца человѣческія, и разсказывать потомъ, что видѣли мы тамъ, когда этимъ разсказамъ, какъ пророчеству Кассандры, человѣкъ не вѣритъ, пока не испытаетъ самъ на себѣ *когтей демона*, облапившихъ сердце человѣческое.

Н. ПОЛЕВОЙ.

=

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СЫНЪ ТИЦИАНА.

(Повѣсть Альфреда Мюссе.)

I.

Въ Февралѣ 1580 года, на разсвѣтъ, молодой чело-
вѣкъ шелъ черезъ площадь Пиацетту въ Венеціи.
Платье его было въ безпорядкѣ; токѣ, на которомъ
вѣлось прекрасное алое перо, былъ надвинутъ на
уши. Большими шагами шелъ онъ къ Славянской
набережной; шпага и плащъ его тащились небреж-
но, между тѣмъ, какъ безопасно переступалъ онъ че-
резъ рыбаковъ, спавшихъ по берегу на землѣ. До-
стигнувъ Соломеннаго моста, онъ остановился, и
оглядѣлся кругомъ. Мѣслѣ склонился за Джудекку;
заря утренняя едва золотила дворецъ Дожа. Отъ вре-
мени до времени, густой дымъ и яркое полыми вы-
рывались изъ ближнихъ палатъ богача. Бревна, кам-
ни, обломки мрамора, и множество обгорѣлыхъ
остатковъ, завалили собою каналъ Темницъ. Пожаръ
разрушилъ ночью великолѣпный дворецъ знамени-
таго Венеціянскаго аристократа. Искры огненными
снопами подымались въ небо, и при нихъ отблескъ

видны были солдаты, разставленные съ оружіемъ въ рукахъ для охраненія развалинъ.

Между тѣмъ, нашъ молодой человѣкъ, казалось, не былъ пораженъ, ни этимъ позорищемъ разрушенія, ни прелестью неба, которое раздвѣчалось самыми яркими переливами утренней зари. Нѣсколько мгновеній смотрѣлъ онъ на небо, какъ будто стараясь развлечь себя чѣмъ нибудь. Но дневный свѣтъ произвелъ на него, повидимому, непріятное впечатлѣніе. Угрюмо завернулся онъ въ свой плащъ, и почти побѣжалъ своею дорогою. Вскорѣ остановился онъ у одного богатаго дома и постучался въ двери. Слуга, держа въ рукахъ факель, тотчасъ отворилъ ихъ. Входя, молодой человѣкъ остановился еще разъ на порогъ, и взглянулъ на небо...

— Клянусь Бахусомъ — сказалъ онъ — нынѣшній карнавалъ мнѣ дорого стоитъ!

Этотъ молодой человѣкъ былъ Помпоніо Филиппо Вечелліо, юноша, исполненный ума и воображенія, подававшій нѣкогда самыя счастливыя надежды отцу своему, но увлеченный потомъ страстью къ игрѣ въ самую беспорядочную жизнь. Только еще четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ отецъ его, великій живописецъ Венеціанскій, и старшій братъ его Оразіо, умерли, почти въ одно время, но вѣтренный Пиппо, въ эти четыре года успѣлъ уже промотать значительную часть огромнаго состоянія, доставшагося ему по двойному наслѣдству; вмѣсто того, чтобы обрабатывать и совершенствовать дарованіе, полученное имъ отъ природы, и поддерживать славу отцовскаго имени, онъ проводилъ дни свои во снѣ, а почи въ игрѣ у какой-то Графини Орсино — по крайней мѣрѣ, называвшей себя графинею, и сдѣлавшей себя ремесло изъ раззоренія знатной и богатой Венеціанской молодежи. У нея собиралось

каждый вечер многочисленное общество, составленное изъ благородныхъ Венеціанъ и знаменитыхъ прелестницъ. Тутъ ужинали и играли, и какъ за ужиномъ гости ничего не платили, то, разумѣется, что игръ надобно было вознаграждать хозяйку дома за ея расходы. Пока цехины сыпались дождемъ изъ кошелековъ, Кипрское вино текло рѣкою, шла перестрѣлка нѣжными взглядами, и жертвы, двойкою оглушенныя, оставляли у Графини Орсино и деньги свои и разсудокъ.

Изъ этого - то гибельнаго мѣста вырвался теперь раннимъ утромъ герой нашего разсказа. Въ минувшую ночь испыталъ онъ большія потери. Кромѣ того, что кошелекъ его начисто былъ опустошенъ игрою — единственная картина, которую, изъ многихъ начатыхъ имъ, имѣлъ онъ терпѣніе докончить, картина, которую всѣ знатоки единогласно называли превосходнымъ произведеніемъ, погибла въ пожарѣ, разрушившемъ великолѣпныя палаты синьора Дольфино. Это былъ историческій сюжетъ, отдѣланный съ жаромъ и смѣлостью кисти, почти достойными самого великаго отца Пиппо. Проданная богатому сенатору, картина Тиціанова сына имѣла одинакую участь со многими другими драгоценными произведеніями художествъ — неосторожность слуги уничтожила всѣ эти неоцѣнимыя сокровища пожаромъ. Но Пиппо мало заботился о гибели картины своей; онъ думалъ только о несчастномъ жребіи, который преслѣдовалъ его съ неслыханнымъ ожесточеніемъ, и о костяхъ, которыя разворяли его съ нѣкотораго времени упорно и постоянно.

Онъ началъ тѣмъ, пришедши домой, что поднялъ коверъ, закрывавшій столъ его, и счелъ остававшіяся у него въ наличности деньги. Потомъ, какъ человекъ веселаго, безпечнаго характера, когда раз-

дѣли его, онъ сѣлъ къ окну въ спальномъ платьѣ своемъ. Видя, что на дворѣ уже день, онъ спрашивалъ самого себя: что теперь дѣлать? велѣть-ли закрыть окна, и лечь спать, или проснуться не спавши, какъ просыпались всѣ добрые люди? Уже съ давняго времени не видалъ онъ восхожденія солнца; великолѣпно всходило оно теперь, и это развлекло на нѣсколько минутъ шалуна. Еще не рѣшался, спать-ли ему, или бодрствовать, преодолевая между тѣмъ дремоту, онъ велѣлъ привести шоколадъ свой на балконъ. Глаза его невольно смыкались, но едва сонъ овладевалъ имъ, непріятная картина представлялась ему: онъ видѣлъ вокругъ себя столы, замѣчалъ движеніе костлявыхъ рукъ, блѣдныя лица, слышалъ стукъ корнета, и бормоталъ: «Что за несчастье! Какъ проиграть съ пятнадцатью?» И вотъ ему мечтался обыкновенный соперникъ его, Веспасіано Меммо — у него выпадало восемнадцать, и жадныя руки его сгребали со стола груды золота. Невольно раскрывалъ послѣ сего глаза свои Пиппо, стараясь забыть непріятное воспоминавіе, и безъ мыслей глядѣлъ на проходившихъ по улицѣ. Вдругъ показалось ему, что вдали идетъ замаскированная женщина. Это изумило Пиппо, не смотря на то, что тогда было время карнавала. Бѣдняки никогда не маскировались въ Венеціи, а странно было, если бы въ этотъ часъ появилась на улицѣ Венеціанская дама, хоть и въ маскѣ, но пышкомъ. Скоро разглядѣлъ однакожь Пиппо, что на лицѣ женщины не было маски — это была Арапка. Она подошла ближе, и Пиппо могъ разсмотрѣть, что она молода и недурна собою. Арапка шла очень скоро; вѣтеръ обвивалъ около тѣла ея широкое, цвѣтистое платье, и обрисовывалъ ея стройныя члены. Пиппо пере-

вѣсялся черезъ рѣшетку балкона, и съ удивленіемъ увидѣлъ, что Арапка стучится въ дверь его дома.

Придверникъ спалъ и не думалъ отпирать.

«Что тебѣ надобно?» вскричалъ Пиппо — «не коня-ли ты пришла, черная красотка? Я Вечеліо, и бѣгу самъ отворить тебѣ двери...»

Арапка подняла голову.

— Ваше имя Помпоніо Вечеліо?

«Да, или Пиппо, если тебѣ угодно.»

— Вы сынъ Тиціана?

«Къ вашимъ услугамъ. Что тебѣ надобно?»

Обглядѣвши Пиппо быстрымъ, любопытнымъ взоромъ, Арапка отступила нѣсколько шаговъ назадъ, искусно бросила на балконъ маленькую коробочку, завернутую въ бумагу, и поспѣшно убѣжала потомъ, оглядываясь отъ времени до времени. Пиппо поднялъ коробочку, открылъ ее, и нашелъ въ ней прекрасный кошелекъ, обернутый хлопчатой бумагою. Не безъ основанія думалъ онъ, что тутъ должна быть записочка, которая объяснитъ ему все это непонятное приключеніе. Записочка, въ самомъ дѣлѣ, нашлась, но содержаніе ея было такое таинственно, что ничего не объяснило. Вотъ что прочиталъ Пиппо:

«Не расточай безразсудно того, что во мнѣ находится. Когда выходишь изъ дома, положи въ меня только одну золотую монету. Этого довольно тебѣ на день, а если вечеромъ останется у тебя что нибудь, какъ-бы малъ ни былъ остатокъ, вспомни, что всегда найдется бѣднякъ, который можетъ поблагодарить тебя за него.»

Когда молодой Вечеліо персвернулъ на сто манеровъ коробочку, осмотрѣлъ кошелекъ, снова посмотрѣлъ на улицу, и ясно увидѣлъ и убѣдился, что ему ничего тутъ разгадать невозможно — «Надобно признаться — сказалъ онъ — что я полу-

чить довольно странный подарок! Но онъ пришелъ ко мнѣ совсѣмъ не кстати. Совѣтъ хороши, да поздно говорить человѣку, что онъ тонетъ, когда онъ лежитъ уже на днѣ Адриатическаго залива! Однакожь кто могъ-бы послать мнѣ этотъ кошелекъ?»

Пиппо легко было теперь угадать, что Аранка была чья нибудь невольница. Онъ началъ перебирать въ своей памяти: какая могла быть женщина, или какой другъ, отъ которыхъ могъ онъ ожидать подобнаго подарка? Не увлекаясь скромностью, онъ тотчасъ убѣдился, что это, всего вѣрнѣе, была женщина, а не другъ. Кошелекъ былъ прекрасный — бархатный, вышитый золотомъ. Казалось, онъ отдѣланъ такъ искусно, что въ лавкѣ какого нибудь купца не могли бы найти ничего подобнаго. И вотъ Пиппо пересчиталъ сперва всѣхъ первыхъ красавицъ Венеціанскихъ; потомъ тѣхъ дамъ, которыя были не такъ красивы. Но ни на одной не могъ онъ остановиться, и наконецъ спрашивалъ самого себя: что же ему дѣлать, и какъ узнать откуда шелъ кошелекъ? Между тѣмъ, онъ погружался въ самыя смѣлыя, самыя очаровательныя мечтанія... Одна Болонская княгиня, кажется, имѣла точно такой почеркъ, и у одной прелестной дамы изъ Бресчии былъ почти такой-же почеркъ, какъ въ этой записочкѣ — а рука, безъ сомнѣнія, женская...

Ничего нѣтъ неприятнѣе, если какая нибудь досадная мысль вдругъ промелькнетъ среди подобныхъ, усладительныхъ мечтаній. Это все равно, когда прогуливаясь по усыпанному цвѣтами лугу, наступите вы нечаянно на змѣю. Точно такое чувство испыталъ теперь Пиппо, вспомявши объ одной молодой синьорѣ, Моннѣ Біанкинѣ, которая, съ нѣкотораго времени, страхъ какъ надоѣдала ему своею любовью. Съ этой красавицей было у него когда-то

мимоходомъ бальное волокитство, и она въ самомъ дѣлѣ была довольно красива, но Пиппо ни сколько не любилъ ее. Напротивъ, Монна Біанкипа вдругъ смертельно въ него влюбилась, и видѣла пламенную страсть тамъ, гдѣ была только одна мимолетная учтивость. Она навязывалась къ нему на шею, часто писала къ нему, обременяла его плаксивыми упреками, и Пиппо, выходя однажды изъ ея дома, поклялся, что никогда къ ней не воротится. Онъ строго держалъ свое слово. Но вотъ теперь ему пришло на мысль, что Монна Біанкина легко могла выпнуть кошелекъ, и послать этотъ кошелекъ къ нему. Такое подозрѣніе мгновенно разрушило всю веселость, всѣ мечты, которыми онъ такъ утѣшался. Угрюмо началъ онъ размышлять — потомъ сталъ находить свое предположеніе весьма вѣроятнымъ, и наконецъ съ досадою заперъ онъ окно свое, и рѣшился лечь спать.

Но онъ не могъ уснуть. Не смотря на всѣ вѣроятности, ему невозможно было отказаться отъ сомнѣнія, льстившаго его гордости, и невольно продолжалъ онъ мечтать, то стараясь забыть кошелекъ, и вовсе не думать объ немъ, то желая забыть о существованіи Монны Біанкины, и думая о посылкѣ кошелька совсѣмъ отъ другой дамы. Пиппо задернулъ занавѣсы своей постели, и обернулся къ стѣнѣ — свѣтъ дневный раздосадовалъ его. И вдругъ вскочилъ онъ съ своей постели, и громко звалъ своихъ служителей. Самая простая мысль пришла ему въ голову, и заставила его изумиться тому, какъ прежде онъ не подумалъ объ этомъ? Вѣдь Монна Біанкина была совсѣмъ не богата? У нея была одна только служанка, и эта служанка была совсѣмъ не Арапка, но толстая дѣвка, уроженка Кюджи? Какъ же могла эта Монна Біанкина до-

Пиппо улыбнулся, и въ самомъ дѣлѣ, на днѣ кошелька ощупаль онъ цехинѣ, какъ-то забытый и уплывшій. «Идетъ!» вскричалъ онъ. «Еще ставка, но больше я не играю!» Онъ схватилъ корнетъ, бросилъ кости, выигралъ, потелъ на паролн, и — короче: онъ возвратилъ черезъ часъ весь проигрышъ этого дня, вчерашній проигрышъ, и—«Станете-ли вы продолжать?» спрашивалъ онъ въ свой чередъ у Веспасіано, который угрюмо молчалъ.

— Нѣтъ! что я за дуракъ — дамъ разорять себя человѣку, который рискуеть только однимъ цехиномъ! Проклятый кошелекъ! Онъ вѣрно былъ заколдованъ....

Въ бышенствѣ вышелъ нотарій изъ залы. Пиппо также хотѣлъ итти, когда племянница, напомнившая ему о цехинѣ, остановила его, смѣясь.

— Я сегодня воротила вамъ счастье, синьоръ Пиппо. Подарите-жь мнѣ этотъ цехинъ, на который вы отыгрались.

На цехинѣ была мѣтка, и по ней легко можно было узнать его. Пиппо отыскалъ этотъ цехинъ въ грудѣ другихъ, и протянулъ уже съ нимъ руку къ красивой племянницѣ графини, но вдругъ остановился.

— Клянусь честью, прелестная графиня — вскричалъ онъ — я не отдамъ вамъ его! Но чтобы показать вамъ, что это не изъ скупости — вотъ десять цехиновъ — прошу васъ принять ихъ. А что касается до этого — я послѣдую доброму совѣту, недавно мною полученному — я подарю его провидѣнію!

И говоря сіи слова, онъ кинулъ цехинъ за окно.

«Возможно-ли,» думалъ онъ, возвращаясь домой, «возможно-ли, чтобы кошелекъ Мойны Біанкны былъ мнѣ залогомъ на выигрышъ? Вотъ странная

насмѣшка случая: вещь для меня неприятная будетъ мнѣ источникомъ счастья!

Вскорѣ оказалось, въ самомъ дѣлѣ, что каждый разъ, когда бралъ онъ съ собою таинственный кошелекъ, слѣпое счастье валяло къ нему. Опуская въ свой кошелекъ золотую монету при выходѣ изъ дома, онъ не могъ воздержаться отъ какого-то суевѣрнаго благоговѣнія къ этому кошельку, и невольно, нѣсколько разъ размышлялъ онъ о справедливости словъ, которыя нашелъ въ запискѣ, бывшей при таинственномъ подаркѣ. «Цехинъ бездѣлка,» думалъ онъ, «однакожь, сколько есть людей, которые были-бы счастливы, если бы каждый день былъ у нихъ одинъ цехинъ?» Такая мысль сдѣлала его болѣе благоразумнымъ, и онъ уменьшилъ свои безразсудные расходы.

По несчастію, Монна Біанкина не забывала разговора съ Пиппо въ лавкѣ Прокураціи. Стараясь утвердить его въ заблужденіи, будго кошелекъ точно шелъ отъ нея, она посылала къ Пиппо, отъ времени до времени, букеты цвѣтовъ и разныя бездѣлки, сопровождая ихъ всегда нѣсколькими строчками. Мы уже сказали, что Пиппо несносны были ея преслѣдованія, и онъ не отвѣчалъ ей ни слова ни на одну записку. Доведенная до отчаянія, Монна Біанкина рѣшилась смѣлымъ поступкомъ преодолѣть упрямую холодность своего любовника, и разсердила Вечеліо рѣшительно. Она явилась къ нему въ его отсутствіе, дала нѣсколько денегъ его служителю, и успѣла спрятаться въ комнатахъ Пиппо. Когда явился онъ домой, Монна Біанкина встрѣтила его своими нѣжностями, и онъ увидѣлъ себя принужденнымъ объявить ей безъ всякихъ оговорокъ, что не можетъ ее терпѣть и просить навсегда оставить его въ покоѣ.

Мы сказали уже, что Біанкина была не дурна собою; она знала, что гнѣвъ не безобразить хорошенькаго личика, но она перешла за предѣлы, и вмѣсто пѣжныхъ упрековъ, осыпала Пиппо самыми ѣдкими укоризнами. Она говорила, что онъ обманулъ ее, увѣряя въ любви своей; что онъ обезславилъ ее; что она страшно отмститъ за себя. Пиппо не могъ слушать всего этого безъ сильнаго негодованія; онъ самъ разсердился въ свой чередъ, и чтобы доказать, что не боится ея гнѣва, принудилъ ее взять обратно букетъ, присланный къ нему поутру. Несчастный кошелекъ попался ему подъ руку. «Вотъ еще — возьмите, синьора,» вскричалъ онъ — «этотъ кошелекъ былъ мнѣ порукой счастья, но знайте, что вамъ не хочу и быть ни чѣмъ обданнымъ — даже счастиемъ моимъ!»

Только что уступилъ онъ такому порыву гнѣва, какъ уже началъ раскаиваться. Монна Біанкина не такая дура была, чтобы захотѣла разувѣрить его во лжи, которой одолжена была своей печальной находкой. Какъ ни възвышена была эта женщина, но врожденная хитрость не оставляла ее. «Тутъ что нибудь скрывается,» думала она, взяла кошелекъ, и поснѣшила удалиться, твердо рѣшась отмститъ за обиду, и думая, что кошелекъ, можетъ быть, доставить къ тому самымъ вѣрнымъ средства.

Вечеромъ, Пиппо игралъ по обыкновенію, и проигралъ. На слѣдующіе дни онъ не былъ счастливымъ. Кости шли къ Веспазіано, который выигралъ у Пиппо значительныя суммы. Пиппо разсердился на свое несчастье, на свое суевѣріе — пошелъ на перекоръ, продолжалъ играть, и проигрывалъ. Наконецъ, выходя однажды съ досадою отъ графини Орсино, онъ не могъ не остановиться на крыльцѣ, и не вскричать съ досадою: «Что за нелѣпость! Мнѣ

кажется, этотъ старый дуракъ былъ правъ, утверждалъ, что мой кошелекъ былъ заколдованъ! Я проигрываю теперь безпрестанно, съ тѣхъ поръ, какъ возвратилъ его Біанкинъ!»

Въ это мгновеніе, передъ нимъ мелькнули широкое, цвѣтистое платье и черная красивая головка Арапки. То была таинственная посланница, передавшая ему кошелекъ. Пиппо бросился за нею поспѣшно, догнавъ ее, и спросилъ: кто она, и чья она?

— А развѣ вы не знаете? — отвѣчала Арапка, съ лукавою усмѣшкою.

«Догадываюсь. Ты служанка Монны Біанкипы.»

— Я? А кто эта Монна Біанкина, синьоръ?

«Та самая, что поручила тебѣ передать мнѣ коробочку, которую бросила ты ко мнѣ на балконъ.»

— Не думаю, синьоръ.

«Я это хорошо знаю. Ты напрасно скрываешься. Она сама мнѣ обо всемъ сказала.»

— Она сама вамъ сказала... — Нѣсколько мгновеній, Арапка казалась перѣшпительною. Она пожала плечами, подумала, и легонько ударивши въеромъ Пиппо, вскричала, убѣгая отъ него:

«Синьоры! надъ вами безсовѣстно потсмѣлялись!»

Улицы Венеціянскія такой лабиринтъ, онъ такъ перепутаны, пересѣкаются на столько манеровъ, и такъ прихотливо, различно, несожиданно, что Пиппо, упустивши Арапку съ самаго начала изъ рукъ, не могъ уже догнать ее. Онъ остановился въ замѣшательствѣ, чувствуя, что сдѣлалъ двѣ глупости — далъ обмануть себя Моннѣ Біанкинѣ, и отдалъ ей драгоценный талисманъ, а потомъ ничего не умѣлъ вывѣдать отъ Арапки. Повѣся голову, безъ мыслей бродилъ онъ по улицамъ, и, самъ не зная какъ, направилъ путь къ палатамъ синьоры Доротей, своей

крестной матери. Онъ раскаявался, что давно не поѣтилъ этой дамы, какъ предполагалъ нѣкогда, тотчасъ по полученіи кошелька. Обыкновенно совѣтовался онъ съ нею во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни, и рѣдко совѣты ея не приносили ему добра и пользы.

Онъ нашелъ свою крестную мать одну, въ саду, и почтительно поцѣловавши руку ея, сказалъ ей: «Посудите о моей глупости, добрая маменька: мнѣ давно уже прислали кошелекъ, а я»....

Но едва выговорилъ онъ сіи слова, какъ синьора Доротея начала смѣяться. — «Ну, что же ты?» сказала она — «развѣ этотъ кошелекъ тебѣ не нравится? Развѣ ты находишь, что золотое шитье не красиво по алому бархату?»

— Какъ? — вскричалъ Пиппо — возможно ли? Развѣ вы знаете?

Но въ это мгновеніе, нѣсколько сенаторовъ вошли въ садъ. Синьора Доротея пошла встрѣчать ихъ, и ничего болѣе не отвѣчала на вопросы, которыми забросалъ ее нетерпѣливый Пиппо.

III.

Когда удалились гости, синьора Доротея ничего не хотѣла объяснить своему крестнику, не смотря на его усердныя просьбы и убѣжденія. Она даже досадовала на себя, что въ вседомѣ расположеніи духа, нечаянно, высказала ему, что она знаетъ тайну шалости, въ которой не хотѣла принимать никакого участія. Но Пиппо настоялъ.

— Мой другъ! — сказала ему наконецъ синьора Доротея — все, что могу сказать тебѣ, состоитъ вотъ въ чемъ: можетъ быть, если бы я открыла тебѣ имя той особы, которая вышивала для тебя этотъ кошелекъ, то оказала бы для тебя большую

услугу. Знай, что это одна изъ самыхъ благородныхъ и самыхъ прекрасныхъ дамъ Венеціанскихъ. Покамѣсть, этого для тебя довольно. Не смотря на желаніе мое услужить тебѣ — я должна молчать. Не измѣню тайнѣ, которая известна только мнѣ одной, и могу открыть ее тебѣ тогда только, когда не нарушу этимъ дружеской довѣренности....

«Довѣренности, милая маменька? Но можете ли вы думать, что вѣря мнѣ, мнѣ одному...»

— Понимаю — отвѣчала старая синьора, и какъ будто, не смотря на свои лѣта и званіе, она не могла удержаться отъ маленькой шалости — ты иногда пишешь стихи, кажется — сказала она — почему не сочинишь ты какого нибудь миленькаго сонета на свое таинственное приключеніе?

Видя, что онъ не добьется ничего болѣе, Пиппо пересталъ надѣяться синьорѣ Доротей просьбами, но любопытство его, какъ легко можно себѣ представить, было возбуждено въ величайшей степени. Онъ остался обѣдать у адвогатора Паскалиго, все еще не рѣшаясь разстаться съ своей крестной матерью, и надѣясь, что прекрасная незнакомка его придетъ, можетъ быть, вечеромъ, посѣтить синьору Доротейю. Но она не пришла. Явились только сенаторы, судьи, и другіе важные и степенные особы.

При захожденіи солнца, молодой человекъ удалился отъ ихъ общества; онъ сѣлъ въ прелестной, маленькой бесѣдкѣ. Тутъ думалъ онъ о томъ, что ему теперь дѣлать, и рѣшился на два предпріятія, весьма великія: захотѣлъ принудить Біанкину возвратить ему кошелекъ, и кромѣ того, послѣдовать совѣту, какой дала ему синьора Доротейя, будто шутя — написать сонетъ на свое таинственное приключеніе. Онъ положилъ еще, кромѣ того, отдать этотъ сонетъ своей крестной матери, которая, вѣро-

тно, не замедлить передать его, какъ навѣрное полагаля Пиппо, прекрасной незнакомкѣ. Не желая терять болѣе времени, онъ тотчасъ принялся исполнять свое двоякое рѣшеніе.

Тщательно оправилъ онъ свое платье, надѣлъ щегольски на ухо красивый токъ свой, осмотрѣлся въ зеркало, принялъ веселый, вкрадчивый видъ — первая мысль его была: снова увлечь Біанкину притворными изъявленіями страсти, и убѣдить ее ласкою. Но онъ тотчасъ отказался отъ своего намѣренія, вспомнивши, что такими средствами онъ снова оживитъ страсть этой неспособной женщины и позобновитъ ея преслѣдованія. Пиппо рѣшился на противное. Онъ побѣждалъ къ ней опрометью, какъ будто въ величайшемъ бѣшенствѣ, и приготовился разыграть съ нею отчаянную сцену, испугать ее такъ, чтобы впередъ она оставила его въ покоѣ.

Монна Біанкина была одна изъ тѣхъ бѣлокурыхъ съ черными глазами Венеціянокъ, ненависть которыхъ всегда считалась самою опасною. Съ тѣхъ поръ, какъ обошелся съ нею столь неучтиво, Пиппо не получалъ уже отъ нея никакихъ посланій и подарковъ. Бель сомнѣнія, она готовила въ тайнѣ мщеніе, которымъ такъ страшно грозила ему. Надобно было поступить рѣшительно, не боясь увеличить бѣды. Монна готова была идти куда-то, когда молодой человекъ приближалъ къ ней, остановилъ ее на крыльцѣ, и принудилъ возвратиться въ комнату.

«Несчастная!» вскричалъ онъ — «что ты сдѣлала? Ты погубила меня своимъ ужаснымъ коварствомъ!»

— Великій Боже! что я вамъ такое сдѣлала, синьоръ? — спрашивала Біанкина, изумленная и испуганная.

«И ты еще спрашиваешь! Гдѣ кошелекъ, который осмѣлилась ты назвать своимъ, присланнымъ

ко мнѣ отъ тебя? Осмѣлишься-ли еще утверждать свою безстыдную ложь?

— Что вамъ до того, солгала-ли я, или нѣтъ! Гдѣ кошелекъ вашъ — я не знаю.

«Ты умрешь, если не отдашь мнѣ его!» вскричалъ Пиппо, бросаясь къ ней. И не думая жалѣть поваго платья, въ которое нарядилась на этотъ разъ красотка, онъ сорвалъ съ нея дорогое покрывало, и приставилъ кинжалъ къ груди ея.

Бianкина почла себя погибшею, и хотѣла звать на помощъ. Но Пиппо закрылъ ей ротъ платкомъ, и не давалъ произнести ни одного слова, принудилъ ее возвратить кошелекъ, по счастью еще нестреленный ею. «Ты была причиною бѣдствія одного изъ сильныхъ семействъ въ Венеціи — ты нарушила семейственное спокойствіе одного изъ богатѣйшихъ домовъ вельможескихъ! Трепещи — тебя будутъ преслѣдовать сильные, неумолимые враги — ни ты, ни мужъ твой не ступите теперь шагу, безъ того, чтобы сто глазъ не наблюдали за вами! *Sudici Nomi* вписали уже имя твоё въ свою страшную книгу — вспомни о темницахъ Дожева дворца! Одно спасеніе твоё — хранить въ глубочайшемъ молчаніи тайну, которую нечаянно узнала отъ меня твоя безразсудная злость. При первомъ словѣ, сказанномъ объ пей другому — ты и всѣ родные твои погибнете!»

Онъ убѣждалъ при сихъ словахъ, и всякій, кто только знаетъ прежнюю Венецію, согласится, что страшнѣе такихъ словъ нельзя было ничего выдумать. Немилосердыя, тайныя опредѣленія неумолимаго *corte maggiore* распространяли на все такой ужасъ, что тотъ, кто только почиталъ себя подозрѣваемымъ, считалъ уже себя погибшимъ. Точно такъ думалъ мужъ Bianкины, сеньоръ Оріо, которому

жена рассказала слышанное ею отъ Пиппо. Правда, что Біанкина сама не знала причины обвиненія, да и Пиппо не могъ знать этого, потому, что все говоренное имъ была пустая выдумка. Но синьоръ Оріо судилъ очень благоразумно, что нѣтъ никакой надобности знать, чѣмъ возбудилъ онъ противъ себя подозрѣніе тайнаго суда, а самое главное дѣло, надобно поскорѣе укрыться отъ его преслѣдованія. Онъ не былъ уроженецъ Венеціанскій; родственники его жили на материкѣ Венеціанскомъ, и на другой-же день отправился онъ къ нимъ съ своею женою; они не возвращались въ Венецію, и болѣе ничего объ нихъ не было слышно. Такъ счастливо успѣлъ Пиппо найти средства освободить себя отъ Біанкины, и съ барышемъ заплатитъ ей за злую шутку, съ нимъ сыгранную. Всю жизнь свою потомъ думала она, что съ проклятымъ кошелькомъ была связана какая нибудь страшная государственная тайна, нечаянно попавшаяся къ ней, и какъ въ эгомъ странномъ приключеніи все было для нея тайною, то она терялась въ догадкахъ и предположеніяхъ. Родственники синьора Оріо составили изъ этого приключенія предметъ безконечныхъ рассказовъ и разговоровъ. Складывая догадку на догадку, они выстроили наконецъ огромный воздушный замокъ. «Знатная дама — говорили они — влюбилась въ молодаго Тиціанелло, то есть, сына Тиціанова, который опять влюбился въ Монну Біанкину, и разумѣется, терялъ вздохи по пустому передъ ея неумолною добродѣтелью. И вотъ, влюбленная знатная дама вышила своими руками кошелекъ, и подарила его Тиціанеллу. А какъ эта знатная дама, ни больше, ни меньше, была сама Догаресса, то судите объ ея гнѣвѣ, когда узнала она, что Тиціанелло, въ порывѣ несчастной страсти, пожертвовалъ

подаркомъ ея Біанкипы!» Такова была семейная хроника, которую сто разъ, потихоньку, пересказывали въ Падуѣ, въ маленькомъ домикѣ синьора Оріо, за самую величайшую тайну.

Довольный успѣхомъ своего перваго подвига, нашъ герой началъ думать объ исполненіи другаго предпріятія. Надобно было сочинить сонетъ для прекрасной незнакомки. Странная завязка всего этого приключенія разгорячила его воображеніе, и быстро набросалъ онъ нѣсколько стиховъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ было что-то похожее на восторгъ. Надежда, любовь, мечта—всѣ звучныя слова, на которыя такъ щедры бываютъ поэты, всѣ страстныя выраженія поэзіи толпой вертѣлись и кружились въ головѣ Пиппо. «Но,» подумалъ онъ, «вѣдь крестная мать моя сказала, что я буду поэтомъ для одной изъ знатнѣйшихъ и прекрасныхъ дамъ Венеціанскихъ! Мнѣ надобно соблюсти въ сонетѣ моемъ приличный ладъ, и говорить почтительно...»

Онъ бросилъ написанное, и переходя изъ одной крайности въ другую, набралъ нѣсколько звонкихъ рифмъ, къ которымъ, не безъ труда, старался подобрать мысли, похожія на его неизвѣстную даму, то есть, самыя прекрасныя и самыя благородныя, какія только онъ могъ придумать. Слишкомъ смѣлую надежду замѣнило теперь робкое сомнѣніе; вмѣсто любви и тайны явились почтеніе и благодарность. Не смѣлъ прямо хвалить прелестей дамы, которой онъ еще не имѣлъ счастья видѣть, Пиппо употребилъ такія неопредѣленныя выраженія, что ихъ можно было примѣнить ко всѣмъ въ мірѣ красавицамъ. Словомъ сказать — черезъ два часа тяжкаго размышленія и скучнаго труда, явилась у него дюжина стиховъ, сносныхъ, очень звучныхъ, и — самыхъ пошлыхъ.

*

Пиппо переписалъ свое поэтическое твореніе весьма красиво, на прекрасномъ листочкѣ пергамента, и по краямъ обрисовалъ его пестрыми цвѣточками и птичками. Но едва работа его была кончена, и едва прочиталъ онъ стихи свои еще разъ, какъ они полетѣли черезъ окно въ каналъ, протекавшій подлѣ дома нашего юнаго поэта. «Что-же мнѣ дѣлать?» вскричалъ онъ. «Къ чему однакожь дорожить мнѣ этимъ глупымъ приключеніемъ — прибавилъ онъ съ досадою — если сердце мое ничего мнѣ не подсказываетъ!»

Онъ взялъ свою мандолину, началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, наигрывая старинную пѣсенку, для которой слова составлялъ сонетъ Петрарки. Черезъ четверть часа, Пиппо остановился; сердце его сильно билось. Кошелекъ, вырванный имъ изъ рукъ Біанкины, лежалъ теперь передъ нимъ на столѣ, какъ побѣдный трофей, и вдохновилъ его. Онъ забылъ всѣ приличія, всѣ условія — не думалъ о томъ, хорошо ли это будетъ...

«Нѣтъ!» говорилъ онъ, «та, которая сдѣлала мнѣ такой подарокъ, любить меня, и — умѣетъ любить! Подобная работа была продолжительна и не легка; эти нѣжные шелки, эти живые цвѣты — сколько времени требовали они — и во все это время обо мнѣ думала она! Въ немногихъ словахъ, которыми сопровождала она свой подарокъ, былъ урокъ нѣжнаго друга, и не было ни одного двусмысленнаго слова! Это любовный вызовъ, посланный сердцемъ чудной женщины — я достоинъ поднять ея перчатку, если она думала обо мнѣ, какъ о человѣкѣ, достойномъ ея вызова...»

Опять принялся онъ за работу, и схвативши перо свое, трепеталъ, такъ трепеталъ, какъ никогда не трепеталъ онъ, ставя на кости огромную сумму.

Не размышляя, не останавливаясь, быстро написал онъ сонетъ, и вотъ что было въ этомъ сонетѣ, облеченное, разумѣется, въ звучный, пламенный стихъ Итальянскій :

« Еще ребенкомъ, читая сонеты твои, Петрарка, я хотѣлъ дѣлиться съ тобой слагою. Какъ поэтъ любилъ ты, и пѣлъ, какъ любовникъ. Богъ любви внушалъ тебѣ слова твои !

« Опъ открылъ тебѣ тайну — заключать въ стихъ свой бѣненіе сердца, мимолетный вздохъ любви, и съ улыбкою вырѣзывалъ онъ сонеты твои на алмазъ, своєю золотою стрѣлою !

« О ты, которая удостоила меня твоимъ дружескимъ привѣтомъ, и теперь уже забыла объ немъ — пусть благодарность моя снова напомнитъ тебѣ привѣтъ твой !

« У меня сердце Петрарки, но нѣтъ его генія. Безвѣстный въ толпѣ людей, только любить могу я, и страшиться, что любовь моя будетъ безответна !

На другой день, Пиппо явился къ синьорѣ Доротей. Едва остался онъ съ нею наединѣ, какъ положилъ на колѣни ея свой сонетъ, и смиренно сказалъ: «Вотъ отвѣтъ вашей знаменитой незнакомкѣ». Синьора Доротея казалась съ начала удивленною, но когда прочла она стихи, то стала увѣрять, что ни за что въ свѣтъ, и ни кому не согласится передать ихъ. Пиппо смѣялся. Убѣжденный въ противномъ, поспѣшно оставилъ онъ синьору, ручаясь честью, что ни какая дама не оскорбится изъявленіемъ чувства, столь скромнаго и столь почтительнаго.

IV.

Между тѣмъ, всю слѣдующую недѣлю провелъ онъ въ большомъ безпокойствѣ, которое было одинаково не безъ прелести. Онъ не выходилъ изъ своего дома; онъ не смѣлъ, такъ сказать, пошевелити-

ся съ мѣста, предоставляя все исполнить судьбѣ. Въ этомъ дѣйствовалъ Пиппо такъ благоразумно, какъ рѣдко дѣйствуютъ въ его возрастъ; ему было только двадцать пять лѣтъ, и нетерпѣливая юность часто заставляетъ насъ переходить за предѣлъ, стараясь скорѣе достигъ своей цѣли. Фортуна хочеть, чтобы мы помогли сами себѣ, и умѣли схватить ее ктати, потому что, какъ говаривалъ Наполеонъ — Фортуна женщина. Но по этой-же самой причинѣ, она хочеть показывать, будто добровольно ссужаетъ тѣмъ, что у нея отнимають, и надобно давать рукъ ея время раскрыться.

Въ девятый день, вечеромъ, прихотливая полу-богиня сама постучалась у дверей молодого человека, и не изъ пустяковъ, какъ вы далѣе увидите. Онъ самъ побѣжалъ отпирать ей двери. Фортуна, въ образъ красивой, знакомой Арапки, стояла на порогѣ и держала въ рукахъ розу. Эту розу пода-ла она Пиппо.

— Поцѣлуйте этотъ цвѣтокъ — сказала Арапка — на немъ поцѣлуй моей госпожи. Можетъ-ли она безопасно придти къ вамъ?

«Это будетъ большая неосторожность», отвѣчалъ Пиппо. «Днемъ ей нельзя быть у меня — мои слу-жители увидятъ ее. Можетъ-ли она придти вече-ромъ?»

— Нѣтъ, и можете-ли вы требовать этого отъ нея? Она не смѣетъ принять васъ у себя, не можеть и придти къ вамъ иначе, какъ днемъ.

«И такъ мы должны видѣться гдѣ нибудь..... Я назначу мѣсто.

— Она не согласится. Сюда хочеть она придти, а взять предосторожности — это ваше дѣло.

Пиппо задумался на нѣсколько мгновений. «Рано-ли встаетъ твоя госпожа?» спросилъ онъ у Арапки.

— Съ восхожденіемъ солнца.

«Хорошо — слушай: я встаю, обыкновенно, весьма поздно, и всѣ спать у меня сколько кому угодно. Если госпожа твоя можетъ притти ко мнѣ на разсвѣтъ — я буду ждать ее, и она можетъ войти ко мнѣ такъ, что ее никто не увидитъ. Проводить ее потомъ, также скрытно и тайно, я беру на себя, если только она можетъ остаться у меня до вечера.

— Можетъ. Хотите ли вы назначить для свиданія завтрашній день?

«Завтра на разсвѣтъ.» — Пиппо поспѣшно передалъ посланницѣ горсть цехиновъ, ничего не сказавъ болѣе, возвратился въ свою комнату, и заперся въ ней, рѣшась бодрствовать до утра. Онъ велѣлъ служителямъ раздѣть себя, желая увѣрить ихъ, будто ложится спать, но едва остался онъ одинъ, какъ зажегъ огонь, надѣлъ вышитую золотомъ рубашку, кружевной воротничекъ, и полукафтанье бѣлаго бархата, съ рукавами изъ Китайскаго атласа. Разодѣтый самымъ щегольскимъ образомъ, онъ сѣлъ къ окну, и началъ мечтать о своемъ странномъ, непостижимомъ приключеніи.

Не подумайте, чтобы ему не нравились, казались предосудительными поступокъ неизвѣстной красавицы, и эта поспѣшность, съ какою назначила она ему свиданіе. Не забудьте прежде всего, что въ каждомъ вѣкѣ, въ каждой странѣ сѣтъ свои обычаи, и они не кажутся тамъ достойными осужденія, когда ихъ безъ милосердія осудили-бы въ другое время и въ другой странѣ. Вспомните, что разсказъ нашъ относится къ XVI вѣку, а любовь Италіанская въ тотъ вѣкъ не ползала черепахой, какъ ползаетъ наша современная любовь. По самымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, то, что теперь наз-

вали-бы грубостью нравовъ, считалось тогда простою и искренностью, и нѣтъ сомнѣнiя, что нынѣшнюю скромность нашу тогда назвали-бы лицемѣрствомъ и жеманствомъ. У всякаго времени свои нравы и обычаи. Италiянка XVI-го столѣтiя уступала страсти своей, не герзая нетерпѣливаго любовника томительнымъ ожиданiемъ и кокетствомъ, и онъ совсѣмъ не терялъ выгоднаго объ ней мнѣнiя, если скоро дѣлался счастливымъ—не краснѣли отъ того, что казалось очень обыкновенно и естественно. Вспомните, что въ то время, придворный Французскаго Короля являлся ко двору, приколовши на шляпу, вмѣсто плюмажа, шелковый чулокъ своей любовницы, и незастѣнчиво отвѣчалъ тѣмъ, кто дивился, встрѣчая его въ Лувръ въ такомъ странномъ нарядѣ, что это чулокъ съ ножки прелестной дамы, отъ любви къ которой онъ просто умираетъ.

Впрочемъ, и самый характеръ Пиппо былъ таковъ, что даже родившись и въ наше время, онъ думалъ-бы не совсѣмъ по нашему. У него были на это свои причины. Не смотря на свою вѣтренность и свое безразсудство, если онъ способенъ былъ солгать другимъ, за то онъ не лгалъ самому себѣ. — Мы хотимъ сказать, что онъ любилъ все по внутренней цѣнности, а не по наружному виду, и способный притвориться, онъ только прикрывалъ хитростью искреннее желанiе. И вотъ, онъ думалъ, что если есть какая нибудь прихоть въ поступкѣ неизвѣстной красавицы, то, по крайней мѣрѣ, это не прихоть кокетки. Доказательствомъ самымъ вѣрнымъ были для него тщательность и старанiе, съ какимъ вышить былъ присланный къ нему кошелекъ, и продолжительное время, какое надобно было употребить для его вышиванья, могло ли показывать вѣтренность кокетки?

Впрочемъ — будемъ откровенны — кто изъ насъ слишкомъ угрюмо и строго рассуждаетъ, если его ждетъ свиданіе съ красавицею !

Да, красавица-ли она?

Лелѣя мысль о своемъ счастьи, Пиппо невольно вспомнилъ о Турецкихъ свадьбахъ. Женихъ не видитъ лица своей невѣсты до самаго совершенія брака. Онъ вѣритъ тому, что сказали ему другіе, и женится на чужое слово. Когда всѣ обряды кончатся, невѣста открываетъ лицо свое передъ женихомъ, который можетъ тогда повѣрить самъ—ошибся онъ, или нѣтъ, въ лоттерей супружества? Отказываться бываетъ тогда поздно, и разумѣется, всего лучше почестъ себя въ барышахъ. А всего лучше и странно, по рассказамъ самыхъ правдивыхъ путешественниковъ, что на Востокъ гораздо менѣе бываетъ несчастливыхъ супружествъ, нежели у насъ на Западѣ...

Однакожь, Турки могутъ быть счастливы какъ угодно, не видя своихъ невѣстъ до тѣхъ поръ, когда уже не льзя отъ нихъ отказаться, а Пиппо очень хотѣлось узнать предварительно: красавица-ли была дама его страстныхъ мечтаній?

Онъ не жалѣлъ о томъ, что ничего не спрашивалъ у Арапки: какал служанка въ подобномъ случаѣ не расхвалитъ своей госпожи, хотя бы она была страшна, какъ смертный грѣхъ? Двухъ словъ, нечаянно вырвавшихся у синьоры Доротей, было достаточно нашему молодому чловѣку. Ему хотѣлось только знать—брюнетка или блондинка его дама, красавица, безъ всякаго сомнѣнія? Чтобы составить себѣ понятіе о женщинѣ, когда знаютъ уже, что она хороша, надобно непременно знать цвѣтъ ея волосовъ. Пиппо долго колебался между русымъ и чернымъ цвѣтомъ; наконецъ, онъ рѣшился на нѣчто

среднее — онъ успокоился, увѣрившись, что у незнакомки его волосы каштановаго цвѣта.

Но, опять новая забота! Надобно рѣшить: какого цвѣта у нея глаза? Разумвется, черные, если она брюнетка, и голубые, если она блондинка. Онъ вообразилъ ихъ себѣ голубыми, но не тѣми голубыми, которые сбиваются между зеленою и сѣротою, но голубыми чистыми, какъ лазурь неба, голубыми, которые въ минуты вдохновительной страсти принимаютъ цвѣтъ мрачнѣе, и дѣлаются темны, какъ вороново крыло.

И вотъ, у незнакомки были теперь прекрасные волосы, прекрасные глаза, но едва только Пиппо подарилъ ее глазами, какъ воображеніе его начало рисовать вокругъ этихъ глазъ, плывающихъ взглядомъ нѣги и роскоши, лобъ, какъ снѣгъ бѣлый, и двѣ щеки, розовыя, какъ лучи солнца на Альпійскихъ горныхъ снѣгахъ. Между этихъ двухъ щечекъ, мягкихъ, будто персикъ, казалось ему, видить онъ носикъ, носикъ—такой, какой видимъ мы на древнихъ бюстахъ, и который художники называютъ «Греческимъ амуромъ.» А тамъ обрисовались передъ Пиппо алый ротикъ, ни очень большой, ни очень маленькій, сквозь два ряда жемчужинъ, дышащій небомъ любви, а тамъ обозначился подбородокъ, немножко округленный къ низу; физиогномія открытая, но утомленная страстью, и сверхъ бѣлой, гладкой, безъ малѣйшей складочки шеи, нѣжно заколыхалась вся эта чудная головка, какъ цвѣтокъ на стеблѣ своемъ, головка граціозная, головка *симпатическая*—*simpatica*, какъ выражаются Италіянцы своимъ непереводаемымъ словомъ... Ахъ! прекрасному этому очерку, созданному роскошною фантазією, не доставало только дѣйствительности... Но, она придетъ—думалъ Пиппо—она будетъ здѣсь съ наступившимъ

днемъ... И вотъ что потомъ оказалось удивительно: въ странной мечтательности своей, Пиппо создалъ себѣ, самъ не понимая какъ, вѣрный образъ своей будущей подруги....

Когда съ сторожеваго фрегата республики, стоявшаго при входѣ въ портъ, раздался пушечный выстрѣлъ, возвѣщая шесть часовъ утра, Пиппо увидѣлъ, что свѣтъ лампы его становится красноватымъ, и легкій голубой отгѣнокъ цвѣтится на стеклахъ его окна. Онъ тотчасъ бросился къ окну. Не дремлющими, полусонными глазами смотрѣлъ онъ на сей разъ — вѣтъ! Ночь пролетѣла у него безъ сна, но еще никогда не чувствовалъ себя Пиппо столь бодримъ и свѣжимъ. Заря начинала показываться, а Венеція спала еще — эта лѣнивая отчизна наслажденій не просыпается рано. Когда у насъ открыты уже лавки, проходящіе попадаютъ повсюду, кареты гремятъ по улицамъ — въ Венеціи, безмолвный туманъ стелется еще по опустѣлымъ лагунамъ, и какъ будто занавѣсомъ закрываетъ молчаливыя, великолѣпныя палаты. Вѣтерокъ едва рябилъ воду; нѣсколько парусовъ мелькало вдали къ побережью Фузинскому, неся царицъ морей дневные запасы. Только непрерывно бдящимъ являлся надъ заснувшимъ городомъ, возвышенный на кампаниллу Св. Марка ангелъ, и первые лучи солнца блистали уже на его позолоченныхъ крыльяхъ.

Но вотъ, въ безчисленныхъ храмахъ Венеціи загремѣлъ шумный *ангелусъ*. Голуби республики, извѣщенные звономъ колоколовъ, который привыкли они различать съ изумительнымъ инстинктомъ, полетѣли стадами на Славянскую набережную, гдѣ на Большой Площади всегда разсыпали для нихъ въ положенный часъ зерна. Туманы рѣдѣютъ; солнце восходитъ; кос — кто изъ рыбаковъ — страхиваютъ

свои плащи, и начинают мести и чистить свои барки. Одинъ изъ нихъ затягиваетъ звонкимъ, чистымъ голосомъ куплетъ національной пѣсни; съ купеческаго корабля отвѣчаетъ ему басъ; другой, болѣе отдаленный, присоединяется къ припѣву второго куплета, и — вотъ составился хоръ; каждый поетъ, не переставая работать, и звучная утренняя пѣсня Венеціанъ привѣтствуетъ дневный свѣтъ.

Домъ Пиппо находился на Славянской набережной, не далеко отъ палатъ Нани, на углу небольшого капала. Въ это мгновеніе, въ глубинѣ этого темнаго канала мелькнула гондола. Только одинъ баркароль стоялъ на кормѣ ея, но легкая лодочка разсѣкала волны съ быстротою стрѣлы, и скользила, казалось, а не плыла, по темному зеркалу, въ которое мѣрно било плоское весло гребца ея. Тамъ, гдѣ надобно ей было повернуть подъ мостъ, раздѣляющій каналъ отъ большой лагуны, гондола остановилась. Дама, въ маскѣ, легкая, стройная, вышла изъ гондолы и поспѣшно пошла на берегъ. Немедленно бросился въ низъ, и приблизился къ ней Пиппо. — «Вы-ли это?» сказалъ онъ тихо. вмѣсто отвѣта, незнакомка взяла его за руку и послѣдовала за нимъ. Никто еще не вставалъ въ домъ Пиппо. Не говоря ни одного слова, на цыпочкахъ промелькнули Пиппо и незнакомка по нижней галлерей, гдѣ крѣпко спалъ придверникъ. Пришедъ въ комнаты молодого чело-вѣка, дама сѣла на софу, и нѣсколько мгновеній оставалась задумчивою и безмолвною. Вдругъ потомъ сбросила она съ себя маску. Пиппо увидѣлъ, что синьора Доротей не обманула его, потому, что передъ нимъ была, въ самомъ дѣлѣ, одна изъ первыхъ красавицъ Венеціанскихъ, наследница двухъ знатныхъ семействъ — *Батриса Лордано*, вдова прокуратора *Донато*.

V.

Невозможно передать словами прелести первых взглядовъ, которые бросила вокругъ себя Беатриса, когда сняла маску; она была уже года два вдовою, но всего ей было только 24 года, и хотя поступокъ ея могъ показаться слишкомъ смѣлымъ, но еще въ первый разъ осмѣлилась она на такой поступокъ, впрочемъ весьма обыкновенный въ тогдашней Венеціи. Она не знала страсти, любила своего стараго мужа, и не вѣдала любви, пока не узнала Пиппо. И вотъ все это такъ смѣшало ее, что дорогою готова была она сто разъ воротиться домой; всѣ силы души надобно было ей собрать — и взоры ея выражали теперь любовь, замѣшательство, рѣшительность... въ нихъ была цѣлая поэма любви и страсти...

Пиппо глядѣлъ на нее съ такимъ изумленіемъ, что не могъ выговорить ни слова. Нигдѣ и ни когда нельзя видѣть красавицы безъ какого-то удивленія и почтенія. Нѣсколько разъ встрѣчалъ Пиппо Беатрису на прогулкахъ и въ разныхъ собраніяхъ. Сто разъ самъ онъ хвалилъ ее и слыхалъ похвалы ей отъ другихъ. Она была дочь Петра Лоредано, члена Совѣта Десяти, потомка знаменитаго Лоредано, участвовавшаго въ осужденіи несчастнаго Фоскари. Гордость этой старинной фамилии была слишкомъ извѣстна въ Венеціи, и Беатриса считалась наследницею всей гордости своихъ предковъ. Весьма молодою выдали ее за стараго прокуратора Марко Донато. Смерть бездѣтнаго мужа сдѣлала ее владѣтельницею великаго богатства. Первые вѣльможи Венеціанской республики искали руки ея, но на всѣ усилія, съ какими старались ей нравиться, она всегда отвѣчала только презирающимъ равнодушіемъ. Словомъ: ея гордый, почти дикій харак-

теръ вошелъ въ пословицу. И вотъ Пиппо былъ изумленъ двойко: если съ одной стороны, онъ не осмѣливался-бы и думать, что таинственная незнакомка его была Беатриса Донато, то съ другой, ему казалось, смотря теперь на нее, что онъ видитъ ее въ первый разъ — такъ была она не похожа на известную ему до сихъ поръ, холодную Беатрису! Да, если любовь придаетъ прелесть лицамъ самымъ обыкновеннымъ, то въ эти мгновенья показала она все свое могущество, одушевляя красоту и безъ того очаровательную...

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Пиппо почтительно приблизился къ Беатрисѣ. Краснорѣчиво заговорилъ онъ, изображалъ ей свое изумленіе и свою благодарность. Но она ничего не отвѣчала — казалось, она ничего не слушала. Она оставалась неподвижною, какъ будто ничего не видитъ, какъ будто все окружающее ее мечтается ей сномъ. Долго говорилъ Пиппо — онъ остановился наконецъ, и взялъ ея руку.

— Вы прислали мнѣ вчера поцѣлуй на розѣ — позвольте мнѣ возвратить его вамъ на цвѣткѣ болѣе прекрасномъ, болѣе миломъ.

Онъ поцѣловалъ ея руку. Беатриса, молча, остановила на Пиппо взоръ, неопредѣленно летавшій по сторонамъ до тѣхъ поръ. Тихо оттолкнула она отъ себя пламеннаго Пиппо, и сказала ему, потупивъ въ землю глаза, съ выраженіемъ грусти:

« Ты не будешь любить меня — твоя любовь мимо-летная, прихоть сердца — но я — я люблю тебя — позволь мнѣ просить тебя на колѣняхъ...

Колѣни ея подогнулись. Тщетно Пиппо хотѣлъ остановить ее, упрашивалъ, умолялъ. Беатриса скользнула между рукъ его и стала на колѣни.

Необыкновенно — вѣтъ! больше — испрѣтно видѣть женщину въ такомъ унижительномъ положеніи. Пусть будетъ это знакъ любви, онъ долженъ принадлежать только мужчинѣ, ибо тогда онъ показываетъ добровольное смиреніе силы, а безъ того — это тяжелое положеніе — на него нельзя смотрѣть безъ негодованія — это положеніе, исторгающее иногда помилованіе преступнику отъ неумолимыхъ судей! Но Пиппо съ какимъ-то внутреннимъ наслажденіемъ смотрѣлъ однакожь на Беатрису на колыняхъ. Если онъ былъ объятъ благоговѣніемъ какимъ-то увидя только ее передъ собою, что же онъ долженъ былъ теперь чувствовать, видя ее въ такомъ состояніи, ее, вдову Донато, дочь Лоредано — на колыняхъ? Бархатное платье ея, усыянное серебряными цвѣточками, живописно разстиралось по полу — покрывало упало къ ея ногамъ — волосы ея — развернулись по плечамъ волнами — ея бѣлыя очаровательныя плечи, ея сжатые вмѣстѣ и поднятыя руки, ея орошенные слезами глаза... все это было очаровательно прекрасно, и тронутый до глубины души, Пиппо отступилъ отъ нея, и забываясь въ упоеніи гордости — онъ не былъ даже патриціемъ Венеціанскимъ, и вся гордость синьоровъ Венеціи, брошенная передъ нимъ во прахъ Беатрисию, угнѣздилась въ его сердцѣ...

Но только на мгновеніе, на одно мгновеніе, и оно пролетѣло, какъ молнія. Когда склонясь на воды источника, мы видимъ отраженный въ немъ образъ нашъ — это родной братъ нашъ, который изъ глубины источника является намъ. Такъ любовь отражаясь на сердце другаго, вызываетъ изъ него образъ нашей любви, и отражаетъ его въ нашемъ взорѣ. Пиппо самъ сталъ на колыни, и осмѣлился прижать Беатрису къ сердцу своему.

Если Беатриса была дочь Лоредано, нѣжная кровь матери ея, Біанки Контарини, текла также въ ея жилахъ. Никогда, ни одна Венеціанка не была такъ кротка, такъ нѣжна какъ Біанка, подобно дочери, одна изъ первыхъ красавицъ Венеціанскихъ своего времени. Счастливая, увлекательная, мысля только о нѣгѣ въ дни мира, объ отечествѣ въ дни брани, Біанка казалась старшею сестрою изъ всѣхъ прекрасныхъ дочерей Венеціи. Рано умерла она, и мертвая была еще прекрасна.

Отъ нея научилась Беатриса знать и любить художества, и особенно живопись. Не то, чтобы Беатриса сдѣлалась ученымъ знатокомъ: она бывала въ Римѣ и Флоренціи, но творенія Микель-Анджело внушили ей только одно чувство любопытства. Будь она Римлянка — она любила бы только Рафаэля, но она была дочь Адриатики, и всему предпочитала Тиціана. Между тѣмъ, какъ все вокругъ нея было занято интригами двора, или дѣлами республики, она заботилась только о новыхъ картинахъ, и о томъ, что теперь будетъ съ любимымъ ея художествомъ, когда не стало старика Вечеліо? Въ палатахъ Дольфино увидѣла она картину, о которой мы уже говорили, единственную, которую написалъ сынъ Тиціана, и погибшую потомъ въ пламени. Удивленная этимъ превосходнымъ произведеніемъ, она увидѣла потомъ самого Тиціанелло у синьоры Доротей, и — художникъ очаровалъ ее, еще больше нежели его картина; она полюбила Пиппо непобѣдимую любовью.

Живопись въ вѣкъ Юлія II-го и Льва X-го не была ремесломъ, какъ нынѣ: это была религія художниковъ, просвѣщенный вкусъ вельможъ, слава Италіи, страсть женщинъ. Если Папа нисходилъ изъ своего Ватикана въ мастерскую Буонаротти, дочь

благороднаго Венеціянина безъ стыда могла любить Тиціанелло. Но въ головѣ Беатрисы явилась мысль, возвышавшая, дѣлавшая чѣмъ-то необыкновеннымъ любовь ея къ сыну великаго живописца Венеціанскаго. Не въ любовники только свои хотѣла увлечь его Беатриса — она хотѣла пересоздать его въ великіе художники! Она знала, какую безпорядочную жизнь ведетъ Пиппо, и хотѣла вырвать его у его слабостей. Она знала, что въ немъ, не смотря на буйную жизнь его, не потухъ священный огонь искусства, но только покрылся пепломъ, и она вѣрила, что отъ дуновенія любви разгорится небесная, негнбущая искра. Цѣлый годъ колебалась она, въ тайнѣ лелѣя свою мысль, сдѣлавшуюся для нея мыслью всей жизни ея. Отъ времени до времени встрѣчалась она съ Пиппо, видала, какъ безопасно глядитъ онъ въ окна своего дома, и она рѣшилась наконецъ осуществить свою мысль, облекая ее въ тайну — она вышила и отослала къ Тиціанелло кошелекъ. Далѣе не хотѣла она дѣлать ни одного шага. Но когда синьора Доротей показала ей отвѣтные стихи Пиппо — поэтическія дарованія его совсѣмъ увлекли Беатрису. Она знала, что союзъ между ними невозможенъ, знала, какой опасности подвергается она, осуществляя свою безумную мысль, свою несообразную мечту, но — это была мечта женщины, и выходя изъ дома синьоры Доротей, Беатриса, если бы только знала Испанскую поговорку, то повторила бы ее, и сказала, что готова *asir la ocasion por los cabellos*.

Торжественно, величаво встала теперь Беатриса — достоинство женщины, сила любви одушевила голосъ ея.

— Тиціанелло! — говорила она — прежде, нежели неразрывный союзъ нашъ будетъ заключенъ,

знаешь-ли, что люди не допустить меня быть твоею?

Въ изумленіи отступилъ Пиппо.

— Но я поклялась быть твоею навѣки, и ни кому, кромѣ тебѣ, не будутъ принадлежать ни рука моя, ни сердце. Готовъ-ли ты на клятву—вѣчную клятву, которой не разрушить самая смерть? Чувствуешь-ли ты силы произнести ее, силы отдать мнѣ душу твою—помнить, что измена твоя будетъ смертнымъ приговоромъ — моимъ и — твоимъ!

Глаза ея горѣли огнемъ дикой страсти. Пиппо забылъ все — онъ упалъ къ ногамъ ея, и страшно поклялся жить — и умереть для Беатрисы.....

Когда завечерѣлъ день, гондола Беатрисы стояла на каналѣ. Невидимая никѣмъ выплыла она. Служители всѣ были удалены подѣ разными предлогами. Только одинъ придверникъ оставался дома. Привыкнувъ къ образу жизни своего господина, онъ не удивился, видя, что женщина въ маскѣ идетъ по галлерей, провожаемая Пиппо. Только тогда, какъ неизвѣстная дама остановилась подлѣ дверей, подняла бороду своей маски, и Пиппо получилъ отъ нея прощальный поцѣлуй, тихо приблизился придверникъ, и слышалъ, какъ они говорили другъ другу:

— Любишь-ли ты меня?

«Навѣки!»

— И я — навсегда!

Они разстались при сихъ словахъ. Пиппо долго стоялъ еще подлѣ дверей, и слѣдовалъ глазами за гондолою Беатрисы, пока она не скрылась изъ виду.

VI.

Двѣ недѣли прошло послѣ того, а Беатриса не начинала еще говорить о своей мысли Пиппо.

Правду сказать, она сама немножко забыла объ ней. Первые дни любви походятъ на первыя путешествія Испанцевъ въ Новый Свѣтъ. Отправляясь, обѣщали правительству слѣдовать даннымъ наставленіямъ, чертить карты, образовывать Америку, но едва были тамъ, зрѣлище невиданнаго неба, дѣвственныхъ лѣсовъ, золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, заставляли все позабывать. Увлекаясь диковинными новостями, мореплаватели забывали свои обѣщанія, забывали самую Европу, но за то находили неожиданныя сокровища. Такъ всегда дѣлается съ нами любовь.

Еще другое оправданіе своему бездѣйствию находила Беатриса. Во всѣ эти двѣ недѣли, Пиппо не игралъ, и ни однажды не былъ у графини Орсино. Это было уже начало благоразумія. По крайней мѣрѣ, Беатриса такъ думала, и не знаю, ошибалась ли она, или нѣтъ. Половину дня проводилъ Пиппо съ Беатрисою, а другую бездѣйствовалъ онъ, смотря на море съ очаровательнаго побережья Лидо, съ стаканомъ Самосскаго вина. Друзья не видали его болѣе. Онъ забылъ всѣ свои знакомства, всѣ свои привычки прежнія, не заботился ни о времени, ни о часахъ, ни о дѣлахъ — онъ какъ будто упивался глубокимъ забвеніемъ всего въ поцѣлуѣ прекрасной подруги своей, и какъ сказать о человѣкѣ въ такомъ состояніи, что онъ такое — мудрецъ или сумасшедшій?

Скажемъ однимъ словомъ, все поясняющимъ — Пиппо и Беатриса были созданы другъ для друга. Они увидѣли это съ первыхъ дней своего знакомства, но надобно было время убѣдиться въ этомъ, и мѣсяць времени было для того совсѣмъ немного, и вотъ мѣсяць прошелъ, а о живописи еще и помину не было. За то много заняли въ это время

*

любовь, музыка, прогулки за городомъ. Венеціанскія красавицы бываютъ прихотливы, и иногда лучше ужина въ роскошномъ будуарѣ любятъ прогулку въ какомъ нибудь уединенномъ мѣстѣ по окрестностямъ своего города. Беатриса такъ думала, и объѣдамъ Дожа предпочитала она уединенный обѣдъ съ Пиппо, гдѣ нибудь въ Квинтавалле, гдѣ подавали имъ блюдо рыбы, только что пойманной въ Адриатикѣ. Потомъ сѣдлись они въ гондолу, и весело гуляли вокругъ Армянскаго острова; тамъ, между городомъ и Лидо, между небомъ и моремъ, совѣгую читателямъ прогуляться при лунномъ свѣтѣ, въ прекрасную лѣтнюю почь, съ

Венеціанкою молодой,
То говорливой, то пѣмой,
Плыла въ таинственной гондолѣ.....

Черезъ мѣсяць, когда однажды пришла тайно Беатриса къ Пиппо, она застала его веселѣе обыкновеннаго. Только что кончилъ онъ завтракъ свой, когда вошла она. Пиппо ходилъ по комнатѣ, напѣвая пѣсню; солнце ярко освѣщало его комнату, и отражалось на блестящей серебряной чашѣ, наполненной піастрами. На канунѣ онъ игралъ, и выигралъ у синьора Веспазіано тысячу пять сотъ піастровъ. Изъ этого выигрыша купилъ онъ Китайскій вѣтеръ, благовонныя перчатки, и золотую цѣпь, искусно выдѣланную лучшимъ мастеромъ Венеціи; все это положилъ онъ въ кедровый ящичекъ, украшенный перламутромъ, и поднесъ Беатрисѣ.

Весело приняла она сначала такой подарокъ, но потомъ, когда узнала, что за него заплачено выигрышными деньгами, она отказалась отъ него. Не только не раздѣляла она веселости Пиппо, но даже загрузтила. Можетъ быть, подумала она — онъ

уже меньше прежнего любить меня — вотъ уже принялся онъ опять за свои прежнія увеселенія и забавы! — По крайней мѣрѣ, ей показалось, что теперь уже время говорить, и испытать средства, послѣ которыхъ Пиппо отказался-бы навсегда отъ беспорядочной жизни, въ которую снова, и такъ легко могли увлечь его.

Не легко это было. Въ мѣсяцъ успѣла она узнать характеръ Пиппо. Правда, онъ былъ удивительно безпеченъ во всѣхъ обыкновенныхъ дѣлахъ жизни, и *far niente* было блаженствомъ его, но въ важныхъ дѣлахъ трудно было съ нимъ управляться, по этой самой безпечности, ибо едва только хотѣли повелѣвать имъ, вмѣсто сопротивленія и споровъ, онъ позволялъ другимъ говорить что угодно, и не думалъ исполнять чужаго совѣта. Желая достигнуть цѣли хитрымъ изворотомъ, Беатриса спросила, хочетъ ли Пиппо написать ея портретъ?

Онъ тотчасъ согласился. На другой день была куплена холстина, и въ комнату Пиппо внесли прекрасный дубовый станокъ, нѣкогда принадлежавшій отцу его. Беатриса явилась утромъ, въ широкомъ, темнаго цвѣта платьѣ, но она сняла его, когда Пиппо приготовился къ работѣ. Тогда явилась она передъ нимъ въ костюмъ почти такомъ, въ какой Парисъ Бордоне одѣлъ свою Коронованную Вечеру. Волосы ея, завязанные на лбу, и перемѣшанные съ жемчугомъ, падали на шею и на плеча длинными, волнистыми локонами. Жемчужное ожерелье сходило до пояса, и схваченное среди груди золотою застежкой, обрисовывало прелестныя формы ея обнаженной груди. Платье, изъ двуличневой, голубой и розовой, шелковой ткани, было немного приподнято на одной ножкѣ рубиновымъ аграфомъ, такъ, что можно было почти до колѣна видѣть эту чуд-

ную, какъ мраморъ бѣлую ножку. Кромѣ того, на рукахъ ея были драгоценныя браслеты, а на ногахъ алыя бархатныя, вышитыя золотомъ пантуфли.

Извѣстно, что Коронованная Венера Бордоне была портретъ одной знатной Венеціанской дамы. Этотъ живописецъ, воспитанникъ Тиціана, пользовался тогда въ Италіи большою славою. Беатриса, можетъ быть, зная подлинникъ портрета, знала, что она сама была прекраснѣе этого Бордоніева подлинника. Ей хотѣлось возбудить соревнованіе Пиппо, и показать ему средства стать выше Бордоне. «Клянусь, Діаной — вскричалъ юный художникъ, когда онъ внимательно разсмотрѣлъ Беатрису — Бордоніева Коронованная Венера была Арсенальская торговка устрицами, переодѣтая богиней, но — вотъ настоящая мать Амура и любовница бога браней!»

Легко догадаться, что не скоро могъ Пиппо взяться за кисть свою, полный восторга. Беатриса — повѣрите-ли? — даже досадовала, что такъ хороша кажется ему, и начала думать, настоящее-ли средство выбрала она для преобразованія Пиппо? — Но Пиппо схватилъ наконецъ свои кисти, свою палитру, и разсѣянно, небрежно сдѣлалъ очеркъ. Кисть нечаянно выпала у него изъ руки; Беатриса подняла ее, и возвращая Пиппо, сказала ему съ улыбкою: «Однажды кисть упала изъ руки отца твоего; Карлъ V-й поднялъ ее и подаль ему — хочу подражать Цезарю, хоть я и не королева.»

Пиппо всегда хранилъ къ памяти отца своего глубокое почтеніе и благоговѣніе безъ границъ; имя его произносилъ онъ всегда съ любовью сына. Наименованіе Беатрисы растрогало его. Онъ всталъ, открылъ шкафъ — «Вотъ она, сказалъ онъ — та кисть, о которой ты говоришь мнѣ, Беатриса! Отецъ мой всегда хранилъ ее, какъ святыню, съ тѣхъ поръ,

когда прикоснулась къ ней рука владыки полу-свѣта!»

— Ты былъ при томъ? — спросила Беатриса.

«Да, я былъ еще тогда очень молодъ, но живо помню это.»

— Расскажи мнѣ.

«Это было въ Болоніи. Тамъ назначили тогда другъ другу свиданіе Папа и Императоръ. Дѣло шло о герцогствѣ Флорентійскомъ, или лучше сказать, о судьбѣ всей Италіи. Видѣли Павла III-го и Карла V-го бесѣдующихъ на террасѣ дворца, и во время бесѣды ихъ — безмолвствовалъ и трепеталъ цѣлый городъ. Черезъ часъ все было рѣшено. Шумъ людей и топотъ лошадиный раздались по улицамъ. Не знали, что сдѣвалось, хотѣли узнать, но вѣрно было соблюдать глубочайшую тайну; съ любопытствомъ и со страхомъ смотрѣли жители на послѣдняго офицера Папскаго, или Императорскаго; говорили, что участь Италіи рѣшилась, что ее хотятъ раздѣлить; говорили о паденіяхъ старыхъ, возстановленіи новыхъ властителей. Отецъ мой занимался тогда большою картиною; онъ работалъ, стоя на верху высокой лѣстницы, когда аллебардчики отворили двери его мастерской, и мы увидѣли въ дверяхъ два длинные ряда ихъ; «*Императоръ!*» воскликнулъ пажъ, войдя въ комнату. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ Карлъ V-й, съ толпою придворныхъ, улыбаясь, и потряхивая своею рыжею бородою. Изумленный, обрадованный такимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, отецъ мой, какъ только могъ скорѣе, сходилъ съ лѣстницы; онъ былъ уже старъ, и опираясь на перильцы, уронилъ кисть свою. Всѣ мы оставались неподвижны; казалось, что присутствіе Императора обратило насъ въ статуи. Отецъ мой былъ смущенъ своего медленностью и неловкостью, но боялся, что-

бы поторопясь сходить, не упасть. Карль сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, медленно наклонился и поднялъ кисть. «Тиціанъ стоитъ того — сказалъ онъ громко — чтобы ему служивали Цезари!» И съ величіемъ невыразимымъ подалъ онъ кисть отцу мосму, который преклонилъ колѣно, принимая ее изъ рукъ Императора.

Послѣ разказа, котораго не могъ сдѣлать Пиппо безъ внутренняго чувства, Беатриса молчала нѣсколько мгновений. Она наклонила голову, и казалась такою разсѣленною, что Пиппо спросилъ у нея: «О чемъ она думаетъ?»

— Вотъ о чемъ: Карль умеръ, и теперь сынъ его царствуетъ въ Испаніи. Но что скажутъ о Филиппъ II-мъ, если онъ оставитъ мечъ отца своего ржавѣть въ ножнахъ?

Пиппо улыбнулся. Онъ понялъ намекъ Беатрисы, но спросилъ однакожь, что-же хочетъ она этимъ сказать?

— Хочу сказать, что ты—ты также наследникъ властителя другихъ. Бордоне, Моретто, Романино хорошіе живописцы, Тинторетъ и Джорджіоне художники, но Тиціанъ былъ властитель живописи, и кто теперь держитъ скипетръ его?

«Если бы братъ мой Оразіо былъ живъ, онъ былъ бы великій живописецъ.

— Конечно, и вотъ что скажутъ о дѣтихъ Тиціана: одинъ былъ бы великъ, если бы остался живъ, а другой, если бы захотѣлъ.

«Ты думаешь, милая Беатриса? Что же? Пусть только прибавятъ: онъ предпочелъ любовь Беатрисы Донато славѣ быть великимъ живописцомъ.

Не такого отвѣта ждала Беатриса. Она немного смѣшалась, но не потеряла бодрости, и важнымъ голосомъ начала говорить:

— Послушай меня, не шути, милый Пиппо. Всё удивлялись единственной, созданной тобою картинѣ; всё сожальють о гибели ея, но жизнь, какую ведешь ты — хуже пожара въ палатахъ Дольфино: ты сгараешь въ ней самъ съ твоимъ гніемъ. Ты думаешь только о томъ, какъ бы повеселиться, и не помышляешь, что ошибка для другихъ, тебѣ наноситъ безславіе. Сыноу богатаго торгаша — пусть онъ играетъ въ кости, но не сыну Тиціана убивать въ игрѣ свое время! Къ чему служить, что ты знаешь тайны живописи лучше нашихъ старыхъ художниковъ, и что у тебѣ есть молодость, чего нѣтъ у нихъ? Ты только попытался на успѣхъ, и остался при одной счастливой попыткѣ! Твои друзья могутъ обманывать тебя для своихъ выгодъ, но я исполняю долгъ мой, говоря тебѣ, что ты оскорбляешь память отца своего, и кто же скажетъ тебѣ это, если не я? Пока будешь ты богатъ, всегда найдутся люди пособить твоему раззоренію; пока ты будешь молодъ, найдутся женщины любить тебя, но что будетъ, если тебѣ не скажутъ правды, пока ты молодъ? Я люблю тебя, и — ахъ! если бы ты была бѣднѣе, какъ бы я была рада! Хочешь-ли доказать, что ты меня любишь? Примись за работу. Въ отдаленной части города нашла я теперь квартиру, небольшой домикъ, уединенный, въ одинъ этажъ. Мы уберемъ его, какъ намъ будетъ угодно, и отъ него будетъ два ключа — одинъ у тебѣ, другой у меня. Никого не будемъ мы тамъ бояться, и совершенно будемъ свободны. Ты перенесешь туда свой станокъ, и если будешь мнѣ обѣщать, хоть по два часа только тамъ заниматься — и всякій день буду туда приходить. Согласенъ-ли ты на такое испытаніе? Если ты согласишься — черезъ годъ, конечно, ты не будешь уже любить меня, но ты привыкнешь къ работѣ —

влюбишься въ свое прекрасное искусство, и — однимъ славнымъ именемъ будетъ больше въ Италіи! Если не согласишься... я не могу разлюбить тебя, но — увижу, что ты меня болѣе не любишь...

Беатриса говорила и трепетала. Она боялась оскорбить своего друга, и между тѣмъ долгомъ почитала высказать все откровенно. Эта робость и этотъ жаръ души зажгли глаза ея вдохновеніемъ. Она походила не на Венеру, но на Музу вдохновительницу. Пиппо ничего не могъ отвѣчать ей, хоть и хотѣлъ-бы прекратить скорѣе ея тревогу — но она такъ хороша была встревоженная! ... Сказать правду: онъ не столько вслушивался въ смыслъ словъ ея, сколько въ выраженіе голоса, какимъ произносила она эти слова. Голосъ ея проникалъ въ его душу. Беатриса высказывала отъ души мысли свои, говорила самымъ чистымъ Тосканскимъ языкомъ, съ Венеціанскою пределью. Когда мы слышимъ пѣніе очаровательнымъ голосомъ, что намъ за дѣло до словъ пѣсни? Пріятнѣе даже иногда не разслушивать внимательно, и увлекаться только звуками. Все это испыталъ теперь Пиппо. Не думая о томъ, чего требовала отъ него Беатриса, онъ обнялъ ее, и сказалъ ей —

«Согласенъ на все — ты прекрасна, какъ не-земная!»

И вотъ было положено, что съ этого дня, Пиппо будетъ работать постоянно. Беатриса хотѣла, чтобы онъ далъ письменное обѣщаніе. Она вынула свою записную книжку, и написавши нѣсколько строкъ, сказала горделиво:

— Ты знаешь, что мы, Лореданы, держимъ вѣрные счета. Помнишь ли, что предокъ мой, отмщая смерть отца и дяди старому Фоскари, вписалъ имя его, какъ должника, въ свои счетныя книги; другая страница оставалась бѣлою, и когда голова Фоскари

пала на эшафотъ, онъ вписалъ тутъ своею рукою: *Prà pagata* (заплатилъ)? Записываю тебя, какъ должнаго мнѣ двумя часами каждый день, въ теченіе цѣлаго года. Подпишись, и плати мнѣ исправно; иначе—не повѣрю, что ты меня любишь!»

Пиппо охотно подписался. «Но, разумется — сказалъ онъ — что мы начнемъ твоимъ портретомъ?»

Беатриса обняла его. Договоръ былъ заключенъ,

VII.

Любовь Пиппо и Беатрисы можно было уподобить съ начала ключу, быстро пробившемуся сквозь землю. Теперь подобилась она ручейку, который течетъ непрерывно и прорываетъ дорожку въ песокъ. Если бы Пиппо былъ знатный, родовой Венеціанинъ, безъ сомнѣнія, онъ сдѣлался бы супругомъ Беатрисы, ибо чѣмъ больше узнавали, тѣмъ больше любили они другъ друга. Но хотя Вечелли были изъ благороднаго рода изъ Фріульскаго Кадора, союзъ между ними и Лореданами былъ невозможенъ. Не только родственники Беатрисы воспротивились-бы ему, но все синьорство Венеціанское изъявило-бы гордое негодованіе. Тѣ, которые равнодушно смотрѣли на явную интригу, и ничего не говорили, что знатная дама Венеціанская любила простаго живописца, никогда не простили бы этой женщины, если бы она вышла за своего друга. Таковы были предразсудки той эпохи, о которой нельзя однакожь не пожалѣть, сличая ее съ нашею демократическою свободою браковъ во Франціи...

Маленькій домикъ былъ превосходно устроенъ. Пиппо сдерживалъ свое слово, и приходилъ туда каждый день. Сказать, что онъ работалъ, было-бы несправедливо, но, по крайней мѣрѣ, онъ показывалъ,

будто работает, и даже самъ воображалъ, что работаетъ въ самомъ дѣлѣ. Беатриса съ своей стороны сдерживала еще вѣрнѣе свое обѣщаніе — она всегда являлась первая. Портретъ былъ начатъ, двигался медленно, но всегда находился на станкѣ, и хотя къ нему не прикасались по цѣлымъ днямъ, по крайней мѣрѣ, онъ былъ свидѣтелемъ желанія работать, и тѣмъ ободрлялъ любовь и извинялъ лѣность.

Каждое утро, Беатриса посылала къ Пиппо букетъ цвѣтовъ, съ своею Арапкою, весьма рано, стараясь приучить его вставать раньше. « Живописецъ долженъ бодрствовать съ утреннею зарею—говорила она—свѣтъ восходящаго солнца жизнь его, настоящая стихія его искусства, потому, что безъ свѣта онъ ничего не можетъ дѣлать.»

Все это казалось Пиппо совершенно справедливымъ, но на дѣлѣ трудно было исполнять такое требованіе. И иногда, поставя букетъ Арапки въ стаканъ съ водою, онъ засыпалъ снова. Когда идя въ маленькій уединенный домикъ, онъ проходилъ мимо оконъ дома графини Орсино, ему казалось, что червонцы шевелятся въ его кармазѣ и просятся вонъ. Однажды встрѣтилъ онъ на гуляньи синьора Веспазіано, который спросилъ, почему теперь нигдѣ его не видно?

— Я поклялся не братья за корнетъ, и не трогать карты — отвѣчалъ Пиппо — но если хотите, сыграемъ въ *крестъ и столбикъ* (*à six ou pile*). Со мной есть деньги.

Синьоръ Веспазіано, хоть и былъ старъ, хоть и былъ нотарій, но въ то же время былъ и оживленный ходячая игра. Онъ не отказался; стали кидать піастры, и Пиппо выигралъ до тридцати цехиновъ. Противникъ его сердился, а Пиппо думалъ: « Какъ

досадно, что я далъ слово не играть! Я увѣренъ, что копелекъ Беатрисы продолжалъ бы мое счастье, и въ двѣ недѣли выигралъ бы я все, что было проиграно въ два года!

Между тѣмъ, онъ охотно во всемъ повиновался Беатрисѣ. Маленькая мастерская его была такая уединенная, веселая, роскошная. Онъ былъ тутъ, какъ будто въ какомъ-то новомъ мѣстѣ, который напоминалъ однакожь ему о чемъ-то бываломъ, объ его дѣтствѣ. Тутъ были станокъ и палитра. Предметы, бывшіе для насъ нѣкогда близкими, скоро опять сближаются съ нами, и эта новая свѣчка, соединенная съ воспоминаніемъ, дѣлаетъ намъ ихъ еще драгоценнѣе, хотя мы сами не знаемъ почему. Когда Пиппо брался за свою палитру, и когда прекраснымъ утромъ мѣшалъ онъ на ней свои блестящія краски, и потомъ, когда онъ видѣлъ ихъ въ порядкѣ, и готовые перелиться въ свѣтъ и тѣни подъ его рукою, ему казалось, что онъ слышитъ угрюмый голосъ старика отца, по прежнему говорящій ему: «Ну, чтожь ты сталъ, лѣнивонецъ?» При такомъ воспоминаніи, онъ невольно оборачивалъ голову. Но вмѣсто суроваго лица старика видѣлъ онъ Беатрису, милую, прекрасную, съ открытою шеею, съ волосами, унизанными жемчугомъ, поспѣшно подбѣгавшую къ нему и заботливо спрашивавшую — «Ты хочешь работать?»

Не думайте, чтобы онъ былъ хладнокровенъ къ совѣтамъ Беатрисы, на которые она не скупилась, и которые умѣла разнообразить. То говорила она ему объ Венеціанскихъ живописцахъ, и почетномъ мѣстѣ, какое пріобрѣла себѣ школа ихъ въ ряду другихъ Итальянскихъ школъ. То напоминая о величинѣ, до какого возвышалось искусство, она сожалѣла объ упадкѣ его. Она была совершенно права въ семь

отношенія, ибо Венеція дѣлала тогда тоже самое, что дѣлала Флоренція: не только теряла она славу свою, но даже и самое уваженіе къ своей славѣ. Микель-Анджело и Тиціанъ оба жили почти по цѣлому столѣтію; показавъ основанія искусства каждый своему отечеству, они боролись съ безпорядками столько, сколько позволяютъ силы человѣческія. Но оба древніе столпы сіи пали. И для того, чтобы вознести до небесъ ничтожныхъ нововводителей, забыты были оба великіе мастера, едва только схоронили ихъ! Бреція и Кремона открыли новыя школы, и почитали ихъ превосходящими прежнія. Въ самой Венеціи, сынъ одного изъ воспитанниковъ Тиціана, похищая прозваніе, данное Пиппо, назвался, такъ-же, какъ онъ, *Тиціанелло*, и ему позволили расписывать безобразными фреско патриаршую церковь въ Венеціи.

Если Пиппо не заботился въ самомъ дѣлѣ о безславіи своей отчизны, ему надлежало вступиться хоть за свой собственный позоръ. Онъ чувствовалъ это. Когда хвалили передъ нимъ ничтожное новое маранье, или въ какойнибудь церкви Венеціанской видѣлъ онъ новое пачканье между образцовыми созданіями отца своего, онъ испытывалъ такую-же досаду, какую испыталъ бы Венеціанскій патрицій, увидя имя незаконнорожденнаго, вписанное въ Золотую книгу Венеціанскаго дворянства. Беатриса замѣтила эту досаду, а женщины всѣ имѣютъ немного свойства Филистимлянки Далилы — умѣютъ вывѣдывать тайну силы у своихъ Самсоновъ. Уважая великія имена, отъ времени до времени Беатриса хвалила какогонибудь посредственнаго новаго живописца. Не легко ей было противорѣчить самой себѣ, но поддѣльнымъ похвалямъ своимъ умѣла она придавать видъ правдоподобія съ большою лов-

костью. Этимъ средствомъ удавалось ей возбуждать досаду Пиппо, и она радовалась, замѣчая, что послѣ того принимался онъ за работу съ необыкновенною дѣятельностью. Смѣло владѣлъ онъ тогда кистью, какъ будто досада замѣняла ему вдохновеніе. По безпечный характеръ скоро потомъ преодолевалъ его. Онъ вдругъ бросалъ свою кисть. « Выпьемъ лучше стаканъ Кипрскаго — говорилъ онъ — стоитъ ли заниматься такими глупостями! »

Умъ болѣе легкій и непостоянный, можетъ быть, потерялъ бы наконецъ всю надежду. Не такова была Беатриса. Если находимъ въ лѣтописяхъ примѣры упорной ненависти, не надобно удивляться, что любовь могла имѣть такую же настойчивость. И еще болѣе, когда Беатриса была увѣрена, что привычка все можетъ сдѣлать. Вотъ почему она такъ думала: она видѣла отца своего, человека весьма богатаго, и сложенія весьма слабаго, какъ онъ въ старости не щадилъ труда и входилъ въ самые утомительные вычеты, для умноженія своего безсчетнаго имѣнія еще нѣсколькими цехинами. Часто упрасивала она старика побережь свое здорье, но онъ всегда отвѣчалъ ей, что такая работа была для него привычкою съ дѣтства, сдѣлалась для него необходимостью, и что она не убиваетъ, но живить и укрѣпляетъ его. Беатриса никакъ не могла не думать послѣ сего, что постоянное занятіе увлечетъ Пиппо, а она убѣждена была, что славолюбіе можетъ сдѣлаться такою же страстью, какъ и скупость.

Думая такъ, она, если угодно, и не ошибалась. Да, трудность состояла въ томъ, что для передачи Пиппо добрыхъ привычекъ, сперва надлежало искоренить у него дурныя. Есть дурныя травы, которыя легко вырвать, но не такова страсть къ игрѣ.

Можетъ быть, это единственная страсть, которая можетъ противиться любви. Нерѣдко видимъ честолюбцовъ, вѣтренниковъ, лицемѣровъ, уступающихъ волѣ женщины, но рѣдко, очень рѣдко уступаетъ ей игрокъ, и причину угадать не трудно: если уже металлъ, перечекаенный въ монету, сосредоточилъ въ себѣ одномъ всѣ наслажденія, въ игрѣ заключаются послѣ сего всѣ душевныя движенія чловѣка; каждая карта, каждая выкидка костей влекутъ за собою потерю, либо приобрѣтеніе нѣсколькихъ золотыхъ, или серебряныхъ монетокъ, а каждая изъ нихъ есть призракъ неопредѣленнаго наслажденія. Тотъ, кто выигрываетъ, чувствуетъ, слѣдовательно, множество множествъ желаній, и не только предается имъ охотно, но старается еще возбудить, создать ихъ себѣ болѣе, будучи увѣренъ, что всѣ ихъ успеетъ удовлетворить. Отъ того происходитъ отчаяніе проигрыша, которое вдругъ ставитъ въ совершенную невозможность дѣйствовать, создавать желанія и удовлетворять ихъ. Подобныя переходы и испытанія, часто повторлемыя, истощаютъ, воспаляютъ умъ, приводятъ его въ какое-то безумное, безпрерывное движеніе, и обыкновенныя ощущенія кажутся уже слабы — они представляютъ что-то медленное, что-то послѣдовательное, такъ, что игрокъ, привыкшій сосредоточивать, сжимать, усиливать свои ощущенія, не видитъ уже въ нихъ никакой занимательности.

Къ счастью для Пиппо, отецъ его оставилъ ему столько, что проигрышъ и выигрышъ не могли имѣть на него своихъ пагубныхъ послѣдствій. Праздность, болѣе нежели страсть, увлекала его. Онъ былъ притомъ такъ еще молодъ, что порокъ не могъ впустить глубоко въ его сердце своихъ корней. Самое непостоянство вкуса его доказывало это, и такъ

исправление его не могло еще быть невозможностью, еслибы только внимательно стерегли за нимъ. Необходимость надзора не укрылась отъ Беатрисы, и забывая все другое, она проводила почти непрерывно дни свои съ Пиппо. И въ то же время, чтобы привычка не произвела пресыщенія, она привела въ движеніе всѣ хитрости женскаго кокетства. Ея головной уборъ, поступки, уборъ, самый языкъ измѣнялись безпрестанно, и даже, боясь наскучить Пиппо однообразіемъ, она каждый день перемѣняла свое платье. Пиппо замѣчалъ всѣ такія хитрости, но неужели онъ могъ быть такъ глупъ, чтобы это разсердило его? Совсѣмъ напротивъ. Онъ самъ дѣлалъ тоже самое, и измѣнялъ нравъ и поступки свои съ перемѣною каждой кокетки, каждый день. И тутъ не надобно ему было хитрить и изучаться — онъ былъ таковъ отъ природы, и иногда говаривалъ, смѣясь: «Маленькая рыбка все таки рыба, и прихоть стоитъ страсти!»

Такъ жили, оба равно любя неопредѣленные наслажденія, Пиппо и Беатриса, и имъ было радостно и весело жить. Каждый разъ, когда начинала она говорить Пиппо о предположеніяхъ для будущаго, онъ возражалъ ей: «Начнемъ твоимъ портретомъ!»

— Прекрасно — говорила она — и объ этомъ мы давно уговорились. Но что же начнешь ты дѣлать потомъ? Портрета этого даже никому нельзя будетъ показать, и надобно чтобы, едва только кончишь ты его, подумать о томъ, чѣмъ можешь ты показать свое дарованіе людямъ. Есть-ли у тебя какойнибудь сюжетъ въ головѣ? Будетъ ли это картина духовная, или историческая?

Когда Беатриса начинала такіе вопросы, Пиппо всегда находилъ средства, какъ нибудь вернуться

отъ нихъ — то онъ ронялъ платокъ свой, то застывалъ свое платье, то обращалъ вниманіе на что нибудь постороннее. Беатриса начинала уже думать, что тутъ скрывается тайна художника, и что онъ нарочно не хочетъ рассказывать о своемъ планѣ. Но ужь, конечно, никто менѣе Пиппо не былъ способенъ къ таинственности, ни болѣе его довѣрчивъ, по крайней мѣрѣ, съ Беатрисою — и будто есть любовь безъ довѣренности!

«Неужели онъ обманулъ меня?» думала иногда Беатриса — согласіе его была шутка, и онъ не сдержитъ своего слова!....

Если такое сомнѣніе приходило къ ней въ голову, она принимала на себя важный, почти гордый видъ: «Синьоръ!» говорила она — у меня ваше слово! Вы дали обѣщаніе на цѣлый годъ, и посмотримъ, умѣете-ли вы держать его, какъ прилично благородному человѣку.

Но она не успѣвала окончить рѣчи своей — Пиппо бросался къ ногамъ ея. «Начнемъ, начнемъ твоимъ портретомъ!» говорилъ онъ. Беатриса принуждена была молчать, а Пиппо умѣлъ послѣ того развлечь ея вниманіе.

Можно судить, съ какимъ нетерпѣніемъ ждала она послѣ всего этого окончанія своего портрета, и какъ спѣшила окончаніемъ его. И вотъ черезъ шесть недѣль, портретъ былъ конченъ. Когда Пиппо просилъ у нея *последняго* сеанса, Беатриса была въ восторгѣ, не могла усидѣть на мѣстѣ, перебѣгала съ кресель своихъ къ Пиппо, и отъ Пиппо къ кресламъ, и чуть не прыгала отъ радости и восхищенія. Пиппо казался задумчивъ, работалъ такъ медленно, останавливался, качалъ головою. Вдругъ, онъ нахмурилъ брови свои, и — быстро провелъ по портрету тряпкою, которою обтиралъ кисти свои.

Беатриса испугалась, подбѣжала къ нему, и съ ужасомъ увидѣла, что онъ стеръ съ портрета глаза и ротъ. Это такъ поразило ее, что слезы брызнули у нея изъ глазъ.

Хладнокровно сложилъ свои краски въ коробку Пиппо. «Взглядъ и улыбка — сказали онъ — двѣ самыя трудныя вещи для живописца — надобно быть вдохновеннымъ, и горе тому, кто хочетъ изобразить ихъ безъ особеннаго вдохновенія! Рука у меня дрожить..... Не знаю даже — осмѣлюсь-ли я написать ихъ когда инбудь!»

И портретъ остался изуродованнымъ. И каждый разъ, когда Беатриса глядѣла на эту голову безъ глазъ и безъ рта — невольно трепетала она за будущее.....

VIII.

Читатель могъ замѣтить, что Пиппо любилъ Греческія вина. И хотя эти вина, идущія съ Востока, не дѣлаютъ насъ болтливыми, но послѣ добраго обѣда любилъ онъ иногда поговорить за десертомъ о дѣлѣ и бездѣлѣ. Беатриса всегда старалась въ такомъ случаѣ навести разговоръ на живопись. И едва только рѣчь поворачивалась сюда, Пиппо начиналъ молчать, и на устахъ его появлялась такая улыбка, которой не любила Беатриса, либо онъ начиналъ говорить объ ее искусствахъ съ такимъ презрѣніемъ, съ такою холодностью.... Странныя мысли приходили ему иногда, и даже большею частью, во время этихъ разговоровъ....

«Можно бы написать прекрасную картину — сказали онъ однажды: предѣставить Римскій Сатро - Vasino при заходящемъ солнцѣ — горизонтъ безконеченъ — площадь пустынна — на первомъ планѣ нѣсколько дѣтей играютъ на развалинахъ; на второмъ

идеть человекъ, молодой, завернувшись въ плащъ; лицо его блѣдно; нѣжныя черты его измѣнены страданiемъ; надобно, чтобы видя его, каждый предугадывалъ близкую смерть его. Въ одной рукѣ держитъ онъ кисти и палитру; другою опирается на женщину, молодую и здоровую, которая улыбается, отворачивъ голову. Для лучшаго изъясненiя, надобно написать внизу годъ и время, когда сцена происходить: «*Страстная Пятница, 1520 года.*»

Беатриса легко поняла смыслъ загадки такого рода. Въ страстную пятницу 1520 года, Рафаэль умеръ въ Римѣ, и хотя старались представить несправедливымъ слухъ о томъ, какъ онъ умеръ, но почти никто не сомнѣвался въ справедливости сего слуха. И такъ, картина, о которой говорилъ Пиппо, изображала-бы Рафаэля за нѣсколько часовъ до его смерти, и такая сцена, обработанная искуснымъ художникомъ, дѣйствительно, могла-бы быть прекрасною. Но Беатриса поняла основную идею мысли Пиппо, и прочитала въ глазахъ его, что хотѣлъ онъ сказать.

Между тѣмъ, какъ всѣ въ Италiи оплакивали несчастную смерть Рафаэля, Пиппо обыкновенно говорилъ, что не смотря на весь генiй Рафаэля, именно смерть его была всего прекраснѣе въ его жизни. Такая мысль возмущала Беатрису, хотя она и не могла не улыбаться, ибо если дѣйствительно положить, что любовь стоитъ славы, то за подобную идею, конечно, если женщина и станетъ осуждать насъ, то никогда не оскорбится. Выбери Пиппо другой примѣръ — Беатриса, можетъ быть, согласилась бы съ нимъ. Но для чего, говорила она, противопоставлять одинъ другому примѣры, которые такъ похожи? Любовь и слава — братъ и сестра; для чего хочешь ты раздѣлять ихъ?

— Никогда нельзя дѣлать хорошо двухъ дѣлъ вдругъ — отвѣчалъ Пиппо.

Ты не посоветуешь купцу писать стихи и въ тоже время считать свои товары, ни поэту мѣрять аршинномъ, и въ тоже время прискивать реномы. Для чего же хочешь ты сдѣлать меня живописцомъ, когда я хочу быть любовникомъ?

Беатриса не знала что отвѣчать, потому что не смѣла сказать: «Любовь не занятіе.»

— И такъ ты хочешь умереть, какъ Рафаэль? — спрашивала она. — Но если такъ, будь же тѣмъ, чѣмъ былъ онъ!

«О, напротивъ! Для того, чтобы не умереть, какъ Рафаэль, я не хочу дѣлать того, что онъ дѣлалъ. Рафаэль поступалъ безразсудно, когда онъ полюбилъ, бывши уже живописцомъ, или не переставая писать, когда онъ уже любилъ. Вотъ почему умеръ онъ тридцати семи лѣтъ — умеръ славно, да зачѣмъ умирать? Оставь онъ своихъ творений пятьюдесятью меньше — тутъ бѣда только Папъ, который принужденъ-бы былъ заставить расписывать свои залы какого нибудь мазилку, но за то Фонтарина получила бы пятьюдесятью поцѣлуями болѣе, и Рафаэлю пришлось бы менѣ дышать вонючими масляными красками, столь вредными для здоровья!

— И такъ, ты хочешь сдѣлать меня второю Фонтариною? — вскричала Беатриса — если тебѣ нѣтъ заботы, ни о твоей славѣ, ни о твоей жизни — ты хочешь передать мнѣ заботы о твоёмъ погребеніи?

«Ахъ! нѣтъ, нѣтъ!» сказалъ Пиппо — и поднесъ стаканъ къ устамъ своимъ. — «Если бы я могъ превратить тебя во что нибудь — какъ Вакхъ Стафилею, я превратилъ бы тебя — въ гроздь винограда!»

Не смотря на наружное легкомысліе, съ какимъ

говорилъ Пиппо, онъ не совсѣмъ шутилъ. Подъ этою насмѣшквою скрывалась мысль справедливая, и вотъ въ чемъ было основаніе этой мысли:

Часто и много говаривали въ лѣтописяхъ искусствъ о легкости, съ какою великіе художники исполняли свои великія созданія, приводили примѣры многихъ, умѣвшихъ соединять съ работою безпорядокъ жизни и даже лѣность. Но думать, будто это правда — большая ошибка! Нѣтъ дива, если опытный художникъ, увѣренный въ своей рукѣ и въ своей извѣстности, успѣваетъ очертить прекрасный эскизъ среди развлеченій и забавъ. Леонардо да-Винчи писалъ иногда, какъ говорятъ, держа въ одной рукѣ лиру, а въ другой кисть. Но славный портретъ Жюконды оставался четыре года на его станкѣ. Не смотря на рѣдкіе примѣры мгновеннаго усилія, которые, впрочемъ, слишкомъ много уже превозносятся похвалами, безспорно то, что истинно изящное есть созданіе времени и пожертвованія ему собою, и что безъ терпѣнія и работы не можетъ быть истиннаго генія.

Пиппо былъ убѣжденъ въ этомъ, и примѣръ отца особенно утвердилъ его въ такомъ мнѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, не было въ мірѣ другаго столь смѣлаго живописца, какъ Тиціанъ, если только смѣлѣе его не былъ Рубенсъ, но если быстра была рука Тиціана, основу у него составляло удивительное терпѣніе. Девяносто девять лѣтъ жилъ онъ, и безпрестанно занимался своимъ искусствомъ. При началѣ своего поприща, онъ писалъ съ заботливою работою, и такъ сухо, что его работы походили на готическія картины Алберта Дюрера. Только послѣ продолжительныхъ трудовъ, онъ осмѣлился повиноваться своему генію, и свободно пускалъ кисть свою по полотну, но и тутъ, какъ часто онъ раскаивался, и развѣ не

говорилъ Микель-Анджело, смотря на картины Тициана: «Жаль, что въ Венеціи пренебрегаютъ основаніями рисунка!»

И вотъ, въ то время, когда происходили событія нашего разсказа, несчастная легкость — первый признакъ паденія искусствъ, была въ величайшей модѣ въ Венеціи. Поддерживаемый славнымъ именемъ отца, съ небольшою дерзостью, и при изученіи, какому посвящалъ себя прежде, Пиппо легко и скоро могъ прославиться, но именно этого-то и не хотѣлъ онъ. Онъ почиталъ постыднымъ дѣломъ воспользоваться невѣжествомъ толпы; онъ справедливо говорилъ, что сынъ зодчаго не долженъ разрушать, того, что созидалъ отецъ, и если бы сынъ Тициана явился живописцомъ, онъ долженъ-бы былъ поставить долгомъ своимъ сопротивленіе паденію живописи.

Но предпринимая такое дѣло, безъ сомнѣнія, надлежало посвятить ему всю жизнь свою. Успѣеть-ли онъ? Это еще неизвѣстно. Силъ одного человѣка слишкомъ мало, если онъ борется съ вѣкомъ своимъ; толпа противниковъ умчить его, какъ водоворотъ увлекаетъ пловца. Что-же тогда будетъ? Пиппо не ослѣплялся на собственный свой счетъ; онъ предвидѣлъ, что рано или поздно бодрости у него не останется, и прежнія наслажденія увлекутъ его снова. Слѣдственно, онъ отваживался-бы на бесполезное пожертвованіе, вполнѣ, или не вполнѣ, но что изъ него слѣдовало? Онъ былъ молодъ, богатъ, здоровъ; его любила прекрасная женщина, и жить счастливо, такъ, чтобы никто и ни въ чемъ не упрекнулъ его — ему стоило только жить, не заботясь, какъ восходить и какъ заходить солнце. Надлежало-ли отказаться отъ столькихъ благъ жизни для сомнитель-

ной славы, которой, всего въроятнѣе, никогда не догнать ему?

И послѣ такихъ-то и продолжительныхъ размышленій, Пиппо рѣшался показывать совершенную невнимательность къ искусству — мало по малу, она сдѣлалась для него совершенно привычною. «Если я еще буду учиться двадцать лѣтъ — думалъ онъ — и постараюсь подражать отцу моему — я буду пѣть для глухихъ, а если силъ моихъ не достанетъ, я обезславлю имя мое... И въ заключеніе всего восклицалъ онъ, съ обыкновенною своею веселостью: «Къ чорту живопись! Жизнь такъ коротка!..»

Пока спорилъ онъ съ Беатрисою, портретъ ея оставался недоконченнымъ. — Однажды, совсѣмъ нечаянно, зашелъ Пиппо въ монастырь Сервитовъ. На подмосткахъ одной изъ часовень, онъ увидѣлъ сына Марка Вечеліо, того самаго, который, какъ мы выше говорили, называлъ себя также Тиціанелло. Эготъ молодой человекъ не имѣлъ ни какой настоящей причины принимать на себя подобное имя, кромѣ того развѣ, что онъ былъ отдаленная родня Тиціану, и назывался его именемъ по крещенію, Тито, изъ чего передѣлалъ онъ Тиціана, а потомъ перевернулъ это имя въ Тиціанелло, а за то званки Венеціанскіе почитали его наслѣдникомъ генія великаго живописца, и таяли отъ восторговъ передъ его фресками. Пиппо никогда не заботился о такомъ забавномъ обманѣ, но на сей разъ — было-ли ему непріятно встрѣтиться лицомъ къ лицу съ этимъ обманщикомъ, или онъ помыслилъ важнѣе о собственномъ своемъ достоинствѣ, нежели обыкновенно мыслилъ объ немъ, только видъ мнимаго Тиціанелло разсердилъ его. Приблизясь къ подмосткамъ, поддерживаемымъ тонкими, худо укрѣпленными стойками, онъ ударилъ ногою въ одну изъ этихъ стоекъ и вышибъ ее. По

счастью, подмости не повалились, но только закачались, и такъ сильно, что самозванецъ Тиціанелло зашатался сначала, какъ пьяный, а потомъ потерявши равновѣсіе, свалился на свои краски, и выпачкался ими, самымъ смѣшнымъ образомъ.

Можно судить о бѣшенствѣ его, когда онъ опять сталъ на ноги. Тотчасъ сбѣжалъ онъ съ своихъ искривившихся подмостокъ, и приблизился къ Пиппо съ ругательствами. Одинъ изъ монаховъ бросился между соперниками, боясь, чтобы они не обнажили шпагъ своихъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ кинулся вонъ крестясь, между тѣмъ, какъ любопытные сбѣгались толпою. Тито громко кричалъ, что его хотѣли убить, и вышибенная стойка доказывала слова его. Зрители ссоры начинали шумѣть, и одинъ, отваживе другихъ, схватилъ Пиппо за воротъ. Начавши ссору безъ всякой мысли, и смотрѣвшій на все это со смѣхомъ, Пиппо видѣлъ, что его готовятся тащить въ тюрьму, называя убійцею. Тутъ разсердился онъ. Сильно оттолкнувши того, кто хотѣлъ его удержать, онъ бросился на Тито.

«Тебя — вскричалъ онъ, схватывая Тито — тебя надобно схватить, тащить на площадь св. Марка, и повѣсить тамъ, какъ вора! Знаешь-ли съ кѣмъ ты говоришь, ворона въ павлиньихъ перьяхъ? Я Помпонио Вечеліо, сынъ Тиціана. Я вышибъ стойку въ твоихъ гнилыхъ подмосткахъ, но если бы на моемъ мѣстѣ былъ отецъ мой, онъ такъ тряхнулъ бы тебя на твоихъ деревяшкахъ, что ты свалился-бы съ нихъ, какъ гнилое яблоко. Да, этимъ-бы еще не кончилось: онъ взялъ-бы тебя за ухо, хвастливый маляръ, и повелъ-бы тебя въ мастерскую, изъ которой убѣжалъ ты, не выучившись хорошенько рисовать головокъ. Если ты пачкаешь здѣсь стѣны, по какому праву подписываешь ты мое имя подъ твоимъ гадкимъ

мараньемъ? Поди — учись анатоміи, и копируй десять лѣтъ ободранныхъ, какъ я дѣлалъ это у моего отца, и потомъ посмотришь кто ты, и стоишь ли того, чтобы подписывать какое нибудь имя. А до тѣхъ поръ, не смѣй отнимать у меня моего, или я кину тебя въ кацалъ, и окрещу тебя однажды на всегда такимъ именемъ, котораго ты стоишь!»

Пиппо ушелъ при сихъ словахъ. Едва только окружавшіе услышали его имя, какъ всѣ успокоились, раздвинулись, давалъ ему дорогу, и слѣдовали за нимъ съ любопытствомъ. Онъ отправился прямо въ свой маленькій домикъ, гдѣ нашель Беатрису, уже ожидавшую его. Не теряя времени въ разсказъ своего происшествія, онъ взялъ палитру, и взволнованный еще гнѣвомъ, принялся работать надъ портретомъ.

Менѣе нежели въ часъ — портретъ былъ конченъ. А между тѣмъ, Пиппо сдѣлалъ въ немъ многія измѣненія. Прежде всего, уничтожилъ онъ многія излишнія подробности, обновилъ фондъ, и передѣлалъ аксессуарныя вещи — важную часть въ Венеціанской живописи. Потомъ далъ онъ портрету ротъ и глаза, и нѣсколькими взмахами кисти придалъ имъ совершенное выраженіе. Взглядъ красавицы высказывалъ прелесть и гордость; губы, надъ которыми видѣнь былъ даже легкій пушекъ, были немножко открыты — зубы блистали, какъ жемчужины, и портретъ хотѣлъ, казалось, заговорить....

«Ты не назовешься Венера Коронованная — сказалъ Пиппо, когда все было кончено — но Венера Влюбленная!»

Вообразите радость Беатрисы! Пока работалъ Пиппо, она едва смѣла дышать; она обнимала его петомъ, и благодарила сто разъ, говоря, что отнынѣ хочетъ называть его не Тиціанелло, но Тиціаномъ. Остатокъ дня она твердила только о безчисленныхъ

красотахъ, которыя непрерывно открывала въ своемъ портретѣ, и не только жалѣла она, что его нельзя выставить, но почти готова была просить, что бы его выставили. Вечеръ проведенъ былъ въ Квинтавалле, и никогда еще не бывали она и Пиппо, ни такъ веселы, ни такъ счастливы. Самъ Пиппо радовался, какъ ребенокъ, и только уже очень поздно, послѣ тысячи клятвъ въ любви, Беатриса рѣшилась разстаться съ нимъ на нѣсколько часовъ.

Она не спала всю ночь. Самыя веселыя предположенія, самыя сладостныя надежды тревожили ее. Она видѣла уже мечты свои осуществленными, видѣла Тицианелло предметомъ гордости и зависти Италіи, и Венецію ей одолженную новою славою. На другой день, по обыкновенію, она первая явилась на мѣсто свиданія, и въ ожиданіи Пиппо начала снова разсматривать свой портретъ. Фондъ его представлялъ пейзажъ, и на первомъ планѣ видна была тутъ скала. На этой скалѣ замѣтила теперь Беатриса какія-то черточки, написанныя киноварью. Безпокойно наклонилась она, и прочтала, написанный мелкими готическими буквами, слѣдующій сонетъ:

• Беатриса Донато было прелестное имя той, которая въ земныхъ формахъ имѣла этотъ небесный видъ. Въ былой груди ея было вѣрное сердце, и чудное тѣло ея оживляло умъ высокій.

• Сынъ Тициана, желая сдѣлать ее безсмертною, написалъ сей портретъ, — свидѣтеля ихъ взаимной любви. И съ сего дня бросилъ онъ живопись, не желая прославлять своею рукою никого и ничего болѣе!

• Кто бы ты ни былъ, если сердце твое умѣетъ любить, посмотри на мою подругу, прежде нежели станешь осуждать меня, и скажи: неужели твоя подруга такъ прекрасна?

• Посмотри же, какъ ничтожна здѣшняя слава: какъ ни прекрасенъ этотъ портретъ, но онъ не стоитъ, вѣрнѣе — одного поцѣлуя поцѣлуица!»

Напрасно старалась потомъ Беатриса — она не могла принудить своего любовника снова приняться за кисть. Онъ былъ непреклоненъ на всѣ ея просьбы, и когда она слишкомъ приставала къ нему, онъ начиналъ читать ей свой прощальный сонетъ. Такъ, до самой смерти своей, остался онъ вѣренъ своей лѣности, а Беатриса, какъ говорятъ, не переставала любить его. Долго жили они вмѣстѣ, и нельзя не пожалѣть, что гордость фамиліи Лоредановъ, оскорбленная любовью Беатрисы къ Тиціанелло, уничтожила потомъ портретъ ея, такъ, какъ судьба уничтожила первую картину сына Тиціанова. Ученый Даліони отыскалъ только записки о жизни Тиціанелло, и ихъ передали мы въ нашемъ разсказѣ.

=

III.

НАУКИ И ИСКУССТВА.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ПУТЕШЕСТВІЙ ПО ЛЕДОВИТОМУ ОКЕАНУ, МЕЖДУ КАРСКИМЪ МОРЕМЪ И БЕРИНГОВЫМЪ ПРОЛИВОМЪ, ДО 1820 ГОДА *.

Обширное пространство Земнаго Шара, заключающееся между Бѣлымъ Моремъ и Беринговымъ Проливомъ, почти на 145° долготы, по матерому берегу сѣверной Европы и Сибири, открыто и описано Россіянами. Всѣ покушенія мореплавателей другихъ народовъ, проникнуть Ледовитымъ Моремъ изъ Европы въ Китай, или изъ Великаго Океана въ Атлантическій, ограничены на западъ Карскимъ Моремъ, на востокъ меридіаномъ Мыса Сѣвернаго; непреодолимыя препятствія, останавливавшія иностранцевъ въ дальнѣйшемъ плаваніи, преодолены наши-

* Мы говорили уже о приготовляемомъ къ изданію описаніи путешествія по берегамъ Ледовитаго моря, которое совершилъ въ 1820-1824 гг., знаменитый странствователь нашъ, Ф. П. Врангель. По просьбѣ нашей — ознакомить предварительво читателей съ его трудомъ черезъ нашъ журналъ, почтенный авторъ позволилъ намъ помѣстить предлагаемую здѣсь любопытную статью: она составляетъ *веденье* въ путешествіе г-на Врангеля, и можетъ ознакомить съ предметомъ, которому путешествіе г-на Врангеля составило важнѣйшее дополненіе.

Т. IV. — Отд. III.

ми мореходцами; они болѣе привыкли къ суровости климата, и пользовались всѣми средствами, которыя представляла имъ смежность съ Россією Сибири, уже покоренной.

Въ первыя времена таковыхъ предпріятій, соотечественники наши были побуждаемы къ симъ многотруднымъ путешествіямъ надеждою на прибыльную торговлю съ прибрежными жителями страны, обильной драгоценною рухлядью. Въ послѣдствіи, съ одобренія правительства, военно-служащіе отправлялись на кочахъ вдоль морскаго берега, и сухопутно къ устьямъ большихъ рѣкъ, въ море впадающихъ; цѣль ихъ предпріятій состояла въ томъ, чтобы покорить жителей сихъ странъ, и собрать съ нихъ подать (называемую ясакъ) звѣриными кожами; потомъ правительство неоднократно отправляло разные отряды, для того токмо, чтобы описать берега уже извѣстные и искать новыхъ.

Желая представить обзоръ послѣдовательнаго открытія и описей береговъ Ледовитаго Моря, отъ Карскаго Моря до Берингова Пролива, я не буду описывать неудачнаго плаванія Англичанъ Пета и Джакмана, въ 1580 году, блуждавшихъ по Карскому морю среди льдовъ, безъ пользы для географіи того края; въ 1594-мъ году плаванія адмирала Наля, который полагалъ, что находится при устьѣ рѣки Оби, когда былъ въ губѣ Мутной, въ Карскомъ Морѣ; въ 1595 году, плаванія семи судовъ, подъ начальствомъ того же Наля, еще съ меньшимъ успѣхомъ, нежели въ первомъ путешествіи; въ 1625-мъ году, покушенія Босмана, остановленнаго льдами почти при самомъ вступленіи въ Карское Море. Этими предпріятіями весьма мало приобрѣтено свѣдѣній о Карскомъ Морѣ, и даже самыя предѣлы онаго остались неописанными.

Въ то время берега отъ Бѣлаго Моря до рѣки Оби были уже извѣстны Россіянамъ. Ладьи ихъ (въ послѣдней половинѣ XVI столѣтія) ходили изъ Бѣлаго моря и рѣки Печоры, черезъ Карское Море, до рѣкъ Оби и Енисея. Иногда они совершали эготъ путь моремъ, но обыкновенно перетаскивали суда чрезъ волокъ между Карскимъ Моремъ и Обскою Губою; входили въ рѣку Мутную, впадающую въ Карское Море; поднимались вверхъ по сей рѣкѣ бичевою 8-мь сутокъ, и достигали двухъ озеръ, въ окружности отъ 10-ти до 12-ти миль. Тамъ выгружали свои суда, и перетаскивали черезъ перешеекъ, шириною около 200 сажень, въ озеро, называемое Зеленымъ, изъ котораго течетъ въ Обскую Губу рѣка Зеленая. Этою рѣкою достигали рѣки Оби. Плаваніе изъ Архангельска къ Оби моремъ продолжалось отъ 3-хъ до 4-хъ недѣль изъ Оби; въ Енисей 2, или 3 недѣли *.

Сибирская лѣтопись сохранила извѣстіе о первомъ сборѣ ясака съ Енисейскихъ Самоѣдовъ въ 1598-мъ году, по повелѣнію Царя Θεодора Іоанновича, отпавленнымъ нарочно для сего изъ Тобольска Θεодоромъ Дьяковымъ. Для надежнѣйшаго распространенія и утвержденія въ Сибири Россійскихъ владѣній, заложенъ въ 1600 году, при Борисѣ Θεодоровичѣ Годуновѣ, въ землѣ Самоѣдской, на рѣкѣ Тазѣ, новый городъ Мангазель, перенесенный въ послѣдствіи на рѣку Туруханку, гдѣ въ 1607 году казаки неутомимые въ собираніи ясака съ кочевавшихъ Самоѣдовъ, Остяковъ и Тунгусовъ, построили зимовье, названное по имени рѣки Туруханскимъ. Туруханкою казаки вошли въ Енисей, и въ 1610-мъ году, достигнувъ устья сей знаменитой рѣки, до-

* Четырехкратное путешествіе капитана-лейтенанта Лютке, часть I стр. 76.

*

ставили первыя подробныя объ ней извѣстія, послѣдствіемъ которыхъ было новое предпріятіе.

Въ томъ же году составилось въ Мангазевъ общество изъ купцовъ и промышленниковъ, и съ двоякою цѣлью открытій и торговли отправились они сухопутно въ зимовье Туруханскъ, гдѣ построивъ кочи *, пошли внизъ по рѣкамъ къ устью Енисея, и чрезъ четыре недѣли увидѣли Ледовитое, или, какъ тогда называли, *Студеное Море*; здѣсь встрѣтили столько льду, что должны были стоять пять недѣль на мѣстѣ, доколѣ южный вѣтръ, разогнавъ льды, открылъ возможность выйти въ море. Извѣстно, что они достигли устья р. Пясыды **, но о дальнѣйшихъ успѣхахъ сего предпріятія нѣтъ ни какихъ свѣдѣній.

Направленіе рѣкъ Тунгузки и Вилюя, которыя имѣютъ вершины свои на одномъ хребтѣ, и вливаются, первая въ Енисей, послѣдняя въ Лену, привело казаковъ города Енисейска, въ 1630 году, къ важному открытію величественной рѣки Лены.

Дѣятельнымъ Сибирскимъ воеводамъ и предпріимчивымъ исполнителямъ ихъ воли, казакамъ, движимымъ и славолюбіемъ и корыстію, сіе новое обрѣтеніе было поводомъ къ овладѣнію дальнѣйшими странами Сибири.

Въ 1636-мъ году отправленъ изъ Енисейска на Лену, казацкій десятникъ, Елисей Буза, съ повелѣніемъ осмотрѣть всѣ рѣки, въ Ледовитое Море впадающія, и наложить ясакъ на прибрежныхъ жите-

* Кочи, суда плоскодонныя, въ длину около 12-ти сажень, соразмѣрной ширины, съ одною палубою, ходили греблемъ, и подъ парусами при попутномъ вѣтрѣ.

** Эта рѣка достопамятна тѣмъ, что некогда вся низовая страна р. Енисея называлась ея именемъ. Слово *Пясыда*, на Самодскомъ языкѣ, означаетъ ровную, безлѣсную землю, тундру.—Смotr. *Сибирскій Вѣстникъ* на 1821-й годъ.

лей. Буза, съ десятью казаками, остался зимовать въ Олекминскомъ острогѣ; пригласилъ къ себѣ 40 человекъ промышленниковъ, или, какъ ихъ въ Сибири называютъ, *промышленныхъ*; вмѣстѣ съ ними, по наступленіи весны, отправился въ путь, и въ двѣ недѣли достигъ западнаго устья Лены, откуда въ однѣ сутки, Ледовитымъ Моремъ, пришелъ къ устью рѣки Олнека, и продолжая путь вверхъ по сей рѣкѣ, зимовалъ у Тунгусовъ, съ которыхъ собралъ лсакъ. Весною Буза пустился съ своимъ отрядомъ къ рѣкѣ Ленѣ, и вышелъ на оную при устьѣ рѣчки Молоды. Оттуда, на двухъ построенныхъ имъ кочахъ, предпринялъ путь къ Ледовитому Морю; вошедъ въ оное, по десятидневномъ плаваніи, черезъ пять дней достигъ устья рѣки Яны. Слѣдуя вверхъ этою рѣкою, по трехъ-дневномъ плаваніи, встрѣтилъ Якутовъ, съ которыхъ собралъ богатый лсакъ.

На Янѣ, Буза построилъ четыре коча, и въ слѣдующемъ 1639 году, пошелъ внизъ по рѣкѣ; восточнымъ рукавомъ достигъ къ устью узкаго протока, втекающаго въ Ледовитое Море; близъ сего мѣста, у впадающей въ море рѣки Чендоны, нашелъ Юкагировъ, жившихъ въ землянкахъ, собралъ съ нихъ лсакъ, и пробылъ въ сихъ мѣстахъ до 1642 года.

Въ то же время, когда Буза, въ 1638 году, вошелъ съ моря въ рѣку Яну, нѣкто Постникъ Ивановъ открылъ съ горной стороны рѣку Индигирку, побѣдилъ жившихъ близъ оной Юкагировъ, основалъ зимовье, и оставилъ въ семь мѣстъ 16-ть казаковъ; они построили два коча, по Индигиркѣ вышли въ Ледовитое Море, и простирая онымъ путь далѣе, доставили первыя свѣдѣнія о рѣкѣ Алазеѣ.

Не извѣстно, какимъ путемъ и кѣмъ открыта рѣ-

ка Колыма. Сибирская исторія упоминаеть въ первый разъ объ этой рѣкѣ въ 1644 году, когда Якутскій казакъ Михайло Стадухинъ, на лѣвомъ ея берегу, около ста верстъ отъ устья, основалъ Нижне-Колымское зимовье, переименованное послѣ въ острогъ. Стадухинъ доставилъ извѣстiе о воинственномъ Чукоцкомъ народѣ, и объ одномъ *большомъ островѣ* на Ледовитомъ Морѣ. Какая-то женщина сказывала ему, что противъ рѣкѣ Яны и Колымы находится островъ, усматриваемый съ матераго берега, и что Чукчи, съ рѣки Чукочьей (впадающей въ Ледовитое Море къ западу отъ Колымы), зимою въ одинъ день проѣзжаютъ на оленяхъ на этотъ островъ, гдѣ промышляютъ моржей, возвращаясь съ добытыми моржевими головами и клыками. Стадухинъ также слышалъ о большой рѣкѣ *Поюга*, или *Кююга*, будто-бы впадающей въ Ледовитое Море къ востоку отъ Колымы, на три дня плаванiя, при благополучномъ вѣтрѣ.

Послѣдовавшiя путешествiя, частью опровергли сказанiя этой женщины; островъ, который описывали Стадухину обширнѣйшимъ, является на нашихъ картахъ маленькимъ *Крестовскимъ* Островомъ, въ купѣ Медвѣжьихъ Острововъ; онъ видѣнъ съ матераго берега въ ясную погоду, и жители рѣки Большой Чукочьей доѣзжаютъ до него въ одинъ день.

Первое плаванiе по Ледовитому Морю къ востоку отъ Колымы предпринято въ 1646 году, обществомъ промышленниковъ, подъ предводительствомъ Исая Игнатъева, родомъ изъ Мезени. Мореходцы нашли море покрытое льдомъ, а между онымъ и матерымъ берегомъ свободную отъ льдинъ полосу, по которой продолжали путь двое сутокъ сряду. Вошедъ въ губу, окруженную двумя скалами материка, увидѣли на берегу Чукчей, и вымѣнили у

нихъ нѣсколько моржевыхъ зубовъ. Довольствуясь открытіемъ этой новой промышленности, и, можетъ быть не довѣряя Чукчамъ, коихъ языкъ былъ имъ совершенно чуждъ, они возвратились на Колыму. Изъ сего поверхностнаго описанія мы не видимъ, до котораго именно мѣста доходилъ Игнатьевъ; однако жъ, судя по времени плаванія, онъ могъ быть въ губѣ Чаунъ, въ заливцѣ противъ острова Араутана, гдѣ берегъ дѣйствительно гористъ.

Казакамъ и промышленникамъ, недавно зашедшимъ во вновь покоренную ими страну, но привыкшимъ къ трудностямъ кочевой жизни, довольно было услышать о народѣ въ ихъ сосѣдствѣ, еще независимомъ и богатомъ моржевымъ зубомъ, чтобы побудиться къ предпріятію поисковъ въ неизвѣстныя мѣста, открывавшія новое поле неутомимой дѣятельности. Составилось общество промышленниковъ, къ коимъ присоединился Московскаго купца гостинной сотни Алексѣя Усова прикащикъ, Федотъ Алексѣевъ Колмогорцевъ, и по просьбѣ его, государевъ въ Нижне-Колымскѣ прикащикъ далъ имъ служащаго казака, для соблюденія въ предпринимомомъ путешествіи пользы казенной. Этотъ казакъ былъ Семень Ивановъ сынъ Дежневъ, вызвавшійся сотовариществовать Колмогорцеву,—тотъ самый, который въ послѣдствіи обошелъ сѣверовосточную оконечность Азіи.

Въ Іюнь 1647 года, съ устья Колымы, на четырехъ кочахъ, отправились они въ море; предположили отыскать рѣку *Анадырь*, о которой слышали, будто она впадаетъ въ Ледовитое Море; но, по множеству льдовъ на пути, возвратились безъ всякаго успѣха.

Извѣстія, доставленные въ Якутскъ основателемъ Нижне-Колымскаго острога, казакомъ Михайломъ

Стадухинимъ, объ островъ на Ледовитомъ Морѣ, и о рѣкѣ Погычѣ, какъ выше упомянуто, подали поводъ къ отправленію этого казака вторично на Колыму, съ повелѣніемъ отыскать рѣку, и привести въ подданство прибрежныхъ жителей. Стадухинъ, отправясь изъ Якутска въ Іюнь 1647 года, зимовалъ при рѣкѣ Янѣ, и въ исходѣ зимы 1648 года перѣхалъ на нартахъ къ Индигиркѣ, гдѣ построилъ кочь, на которую вошелъ въ Колыму.

Въ 1649 году, Стадухинъ, на двухъ кочахъ, пошелъ изъ Колымы для отысканія рѣки Погыча; одинъ кочъ разбило при самомъ выходѣ въ море. Продолжая путь семь сутокъ подъ парусомъ, и не видя никакой новой рѣки, присталъ онъ къ берегу, и послалъ людей своихъ узнать объ оной отъ жителей, но и они ничего не знали. Берегъ состоялъ изъ крутаго каменнаго утеса, такъ, что не было возможности ловить рыбу, и путешественники, крайне нуждаясь въ съѣстныхъ припасахъ, принуждены были возвратиться, и ничего не приобрѣли, кромѣ малаго числа моржевыхъ зубовъ. Невозможно опредѣлить, до какого мѣста Стадухинъ доходилъ, но весьма вѣроятно, что въ семь сутокъ, хотя и не непрерывнаго плаванія, онъ далеко прошелъ Шелагскій Мысъ, восточнѣе коего берега, большею частію, утесистые, что согласно съ описаніемъ Стадухина.

Неудача перваго покушенія Дежнева, и его спутниковъ, ни сколько не оладила ихъ рвенія; напротивъ число охотниковъ умножилось до того, что на другой же годъ по возвращеніи Дежнева изъ перваго путешествія, т. е. въ 1648 году, снарядили семь кочей *, для отысканія рѣки Анадыра. Неиз-

* Хотя Борней (Burney's Chronological History of North Eastern Voyages, p. 64) не рѣшается назвать Дежнева судовъ кочами, не пахоты сего наименованія въ выпискѣ Кокса, изъ подлинныхъ описей Деж-

вѣстно, что случилось съ четырьмя кочами **; на остальныхъ трехъ кочахъ были начальниками Семенъ Дежневъ и Герасимъ Анкудиновъ, а надъ промышленниками, вышеупомянутый, Федотъ Алексѣевъ.

Дежневъ былъ столько увѣренъ въ успѣхъ, что обѣщаль привести съ рѣки Анадыра семь сороковъ соболей, «сіе золотое руно того времени,» сказано въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, «котораго домогались не только казаки и промышленники, но многіе изъ людей высшаго состоянія, и для того единственно, оставляя всѣ выгоды службы, родства, удовольствій жизни въ изобиліи, стремились изъ Россіи въ Сибирь, отдаленную и дикую тогда страну.» Къ чести нашихъ соотечественниковъ прибавить можно, что жадность корысти, побуждая ихъ на отважныя предпріятія, не ознаменовывалась такими безчеловѣчными поступками, какъ ненасытная алчность къ золоту Испанцевъ въ Перу и Мексикѣ. Надежды Дежневса исполнились, но не такъ лег-

нева (Coxes Account of the Russian Discoveries, p. 378, и выводить слово *кожа* отъ Англійскаго *ketch*, мореходное судно, отличающееся вооруженіемъ; однакожъ я думаю, что не отступаю отъ истины, называя кочами всѣ суда, на коихъ Сибирскіе наши мореходцы въ то время ходили вдоль береговъ Ледовитаго Моря, ибо Фишеръ, въ Сибирской Исторіи, стр. 373, въ замѣчаніи говоритъ: «кочи не необходимо должны быть объявленной величины (12 сажень въ длину); довольно того, когда они вгдѣ судна нѣвуютъ.»

** Борней, въ Chronological History, стр. 63, говоритъ, что 4 коча разблнсь на острову къ сѣверу отъ Кольмы, и что люди съ нихъ спаслись. Я не знаю, откуда онъ взялъ это свидѣніе. Въ Хронологической исторіи г. Берха, часть I стр. 89, сочинитель, сообщая читателямъ сказку о бородастыхъ людяхъ, живущихъ будто бы въ Америкѣ, при рѣкѣ Хесуверенъ, говоритъ, что извѣстіе сіе послѣдовало отъ того, что 4 коча, бывшіе съ Дежневыми, пропали безъ вѣсти. Въ Сибирскомъ вѣстникѣ, на 1821-й годъ, сказано, что островъ Котельный (противъ рѣки Яны) населенъ такими бородастыми людьми, но нынѣ извѣстно, что островъ этотъ необитаемъ, да и весьма невѣроятно, что бы упоминаемые 4 коча туда занесли.

ко и скоро, какъ онъ сперва предполагалъ. Въ Юнѣ мѣсяцѣ, 1648 года, отправился онъ въ путь, не предвидя, сколько предстояло препятствій, и не помышляя, что весьма долгое время послѣ не будетъ подобнаго плаванія. Дежневу и его отважнымъ сопутникамъ исключительно принадлежитъ честь совершенія морскаго пути изъ Колымы въ Сѣверный Великій Оксанъ.

Сожалѣнія достойно, что не всѣ происшествія этого знаменитаго предпріятія описаны. — Дежневъ, въ донесеніяхъ въ Якутскъ, мало упоминаетъ о томъ, что съ нимъ случилось на морѣ; онъ ни слова не говоритъ о препятствіяхъ отъ льдовъ, которыхъ, вѣроятно, и не встрѣчалъ, ибо въ другомъ мѣстѣ напоминаетъ, что море не всегда бываетъ отъ нихъ такъ свободно. Повѣствованіе свое начинаетъ отъ большаго *Чукотскаго Носа*. Этотъ мысъ, по замѣчанію Дежнева, состоитъ весь изъ камня, находится между сѣверомъ и сѣверовостокомъ, и поворачивается кругомъ, къ сторонѣ рѣки Анадыра. На Русской, т. е. западной сторонѣ Чукотскаго Носа, втекаетъ въ море рѣчка *Становье*, близъ которой Чукчи устроили родъ башни изъ китовыхъ костей. Противъ самаго мыса лежатъ два острова, на коихъ видѣли Чукчей, съ прорѣзанными губами и продѣтыми въ нихъ кусками моржевыхъ зубовъ. Отъ мыса къ рѣкѣ Анадыру попутнымъ вѣтромъ можно достигнуть въ трое сутокъ, и въ такое же время дойти сухимъ путемъ; первый мысъ отъ Колымы не Чукотскій, а тотъ, который названъ *Святыймы*, и для Дежнева особеннаго примѣчанія былъ достоинъ потому, что кочъ Анкудинова на этомъ мѣстѣ разбился, и нѣсколько жителей взято въ плѣнъ, когда они гребли на своихъ лодкахъ.

Въ краткомъ, весьма недостаточномъ описаніи

плаванія Дежнева, не упомянуто ни о губѣ Чауна, ни о Колочинскомъ Островѣ, ни о другихъ примѣтныхъ мѣстахъ, которыя должны быть усмотрѣны на пути изъ Колымы до Берингова Пролива; однакожь описаніе большаго Чукотскаго Носа, его заворотъ къ сторонѣ рѣки Анадыра, близость двухъ острововъ, дикари съ прорѣзанными губами, и продѣтыми въ нихъ кусками изъ моржевыхъ зубовъ, все это служитъ доказательствомъ, что Дежневъ говоритъ о восточной оконечности Азіи, и что онъ первый прошелъ черезъ проливъ, до котораго 80-ть лѣтъ послѣ него достигъ мореплаватель нашъ Берингъ, коему приписана честь обрѣтенія этого пролива, и разрѣшенія вопроса о несоединеніи Азіи съ Америкою.

Мысъ, названный Дежневымъ *Святой Носъ*, конечно тотъ, который нынѣ называютъ Шелагскимъ Мысомъ, ибо отъ Колымы къ востоку этотъ мысъ наиболѣе примѣтенъ по отличительной высотѣ и протяженію.

Борней *, стараясь доказать вѣроятіе соединенія Азіи и Америки, посредствомъ воображаемаго имъ перешейка около Шелагскаго Мыса, прибѣгаетъ къ различнымъ страннымъ предположеніямъ, а именно, что Дежневъ шелъ не на кочѣ, а въ *шитикъ* **, которыя расшивали на одной сторонѣ перешейка, и по переносѣ составныхъ частей на другую сторону, сшивали. Такимъ образомъ Дежневъ могъ и

* Burney's Chronol. Hist. p. 69.

** Шитиками въ Сибири называютъ довольно большія лодки, у коихъ низъ выдолбленъ изъ одного дерева, а къ бокамъ пришиты доски новыми прутьями. Такая постройка трудна, ибо прутья должно парить, чтобы доставить имъ пужную гибкость, и Борней обманывается, говоря о шитикахъ: it was customary to construct vessels in a manner that admitte of their being with ease taken to pieces, by which they could be carried across the ice to the outer edge, and there be put together again, p. 69.

вовсе не обгибать Шелагского Мыса. Борней въ доказательство приводить путешествіе Тараса Стадухина изъ Колымы въ Камчатку, который, будучи не въ состояніи обойти большой Чукотскій Носъ, оставилъ свое судно, перешелъ пѣшкомъ чрезъ узкій перешеекъ на другую сторону, гдѣ построилъ себѣ судно. — При нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ о берегахъ Чукотской земли, съ большею вѣроятностію, полагать можно, что Тарасъ Стадухинъ прошелъ поперегъ сей земли тамъ, гдѣ Заливъ Колочинскій, вдаваясь далеко внутрь, весьма сближается съ вершиною губы св. Креста, образуя довольно узкій перешеекъ, соединяющій гористый полуостровъ съ западною частью Чукотской земли. Какъ нынѣ извѣстно, что къ сѣверу весь берегъ Сибири омывается моремъ, то мы не имѣемъ никакого права оспаривать у Дежнева чести совершенія морскаго пути изъ Колымы въ Анадырь, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ намѣреніе изъ Анадыра въ Колыму прійти моремъ.

Обратимся къ Дежневу и его спутникамъ. Люди, бывшіе на разбившемся у восточной оконечности Азии кочѣ Герасима Анкудинова, перебрались на остальные два коча Семена Дежнева и Ѳедота Алексѣева. 20-го Сентября на берегу дрались съ Чукчами, и Ѳедотъ Алексѣевъ былъ раненъ. Вскорѣ послѣ того буря разлучила оба коча, и они уже болѣе не соединились. — Кочъ Дежнева долго несло крѣпкими вѣтрами по морю; наконецъ, въ Октябрѣ мѣсяцъ выбросило на берегъ, въ немаломъ разстояніи къ югу отъ рѣки Анадыра, и вѣроятно, близъ губы Олюторской. Что случилось съ Ѳедотомъ Алексѣевымъ и его товарищами, увидимъ ниже.

Дежневъ, съ бывшими при немъ 25-ю человекъ, немедленно отправился пѣшкомъ, для провѣданія

рѣки Анадыра, отнюдь не отчаяваясь достигнуть предположенной цѣли. Безъ проводника пришелъ онъ, не прежде какъ чрезъ десять недѣль, къ устью рѣки, въ землю безлѣсную и необитаемую. Лишечные всѣхъ средствъ искать себѣ пропитанія, не имѣя рыболовныхъ снарядовъ и не находя дикихъ звѣрей, укрывающихся въ лѣсахъ, путешественники наши рѣшили отправить вверхъ по Анадыру 12-ть человекъ, которые блуждали 20-ть дней, и не находя ни людей, ни пищи, большею частію отъ голода и изнеможенія умерли; достальные принуждены были возвратиться къ стану Дежнева.

Слѣдующаго лѣта, 1649 года, Дежневъ съ товарищами пошелъ * вверхъ рѣкою, и былъ такъ счастливъ, что встрѣтился съ малочисленнымъ поколѣніемъ жителей сихъ мѣстъ, называвшимся *Анаулами*, которые заплатили ему первый ясакъ, но въ послѣдствіи, за оказанную ими непокорность, были совершенно истреблены. Дежневъ основалъ Анадырскій острогъ, въ видѣ обыкновеннаго зимовья, не переставая заботиться, какъ бы перейти на Колыму, или послать о себѣ увѣдомленіе.

Между тѣмъ промышленники на Колымѣ не оставались праздными. Вскорѣ послѣ неудачнаго покушенія Михайла Стадухина къ отысканію рѣки Погыча, узнали, что названіе оной Анадырь; что устья не по сѣверному берегу Чукотской земли искать должно, и что кратчайшій путь туда лежитъ по горамъ; чрезъ которыя провести ихъ взялись плѣнные *Ходыницы*, народъ, покоренный казаками въ 1650 году, въ верховьяхъ рѣки Анюя.

Составилось общество охотниковъ изъ казаковъ и

* Должно полагать, что они построили себѣ лодку, или двѣ (ихъ было почти 20-ть человекъ), изъ выкиднаго лѣса, котораго въ Сибири около устьевъ рѣкъ всегда множество.

промышленниковъ, получившихъ дозволеніе идти къ Анадыру, и объясачить тамошніе народы. Въ 1650 году, Марта 23-го, Семень Мотора, предводитель сихъ охотниковъ, взялъ на Анюѣ одного старшину изъ Ходынцевъ, выступилъ въ путь, и Апрѣля 23-го соединился на Анадырѣ съ Дежневымъ, къ обоюдному удивленію. Михайло Стадужинъ * пошелъ въ слѣдъ за Моторой, провель семь недѣль въ пути, обошелъ стороною зимовье Дежнева, и дѣйствовалъ отъ него отдѣльно. Дежневъ и Мотора, стараясь избѣжать неудовольствій съ завистливымъ Стадухинымъ, готовились перейти къ рѣкѣ Пенжинѣ, но вмѣсто ихъ пошелъ туда Стадужинъ, о которомъ не получено никакихъ извѣстій.

Дежневъ и Мотора не оставались въ бездѣйствіи. Они построили суда, на коихъ намѣревались дѣлать новые поиски. Хотя въ одномъ изъ сраженій съ Анаулами, въ исходѣ 1651 года, Мотора былъ убитъ, Дежневъ не унывалъ, и лѣтомъ 1652 года пошелъ внизъ рѣки къ ея устью, и на сѣверной сторонѣ открылъ отмель, ** на которой собирались обыкновенно моржи, въ великомъ множествѣ. Добывъ нѣсколько моржевыхъ зубовъ, возвратился онъ въ зимовье, почитая свое приобрѣтеніе достаточною наградою за всѣ перенесенные имъ труды.

Въ 1653 году, Дежневъ готовилъ лѣсу для построенія коча, на которомъ предполагалъ отправить въ Якутскъ моремъ собранный имъ ясакъ; но недостатокъ въ прочихъ необходимыхъ потребностяхъ, и извѣстіе, что берега Чукотской земли не всякое лѣто бываютъ такъ чисты отъ льдовъ, какъ во время его плаванія въ 1648 году, понудили его оставить свое намѣреніе.

* Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ ошибочно сказано, что Стадужинъ отправился моремъ.

** *Карга* въ Сибирскомъ нарѣчій.

Въ слѣдующемъ году, Дежневъ предпринялъ вторичное путешествіе къ вышеупомянутой мели, на которой было много моржей; взялъ съ собою казака Юшку Селиверстова, недавно прибывшаго изъ Якутска, съ предписаніемъ, въ пользу казны промышленности моржевые зубы. Селиверстовъ утверждалъ, что онъ и Стадухинъ открыли сію мель, названную «Анадырскою коргою,» будто-бы ими найденною въ первое морское путешествіе съ Михайломъ Стадухинымъ (въ 1649 году), но Дежневъ доказывалъ противное. Возникшему отъ того между ними несогласію, обязаны мы извѣстіемъ о знаменитомъ плаваніи Дежнева. Опровергая утвержденія Селиверстова, онъ приводитъ въ донесеніяхъ къ Якутскому воеводѣ, разныя обстоятельства своего путешествія, которыя, въ 1736 году, собраны Миллеромъ изъ подлинныхъ бумагъ Якутскаго архива.

Дежневъ, продолжая плаваніе къ Коргъ, держался берега, видѣлъ Коряковъ, и между ними узналъ Якутку, жившую прежде съ Ѳедотомъ Алексѣевымъ, она сказала ему, что Ѳедотъ и Герасимъ (Анкудиновы) отъ цынги умерли, многіе изъ ихъ товарищей убиты, а малое число спаслось на лодкахъ, но куда, и что съ ними случилось, она не знала.—Въ послѣдствіи открылось, что они достигли рѣки Камчатки, гдѣ живши нѣкоторое время въ великомъ уваженіи у Камчадаловъ, были наконецъ жертвами собственныхъ раздоровъ, подавшихъ Корякамъ и Камчадаламъ случай ихъ убить.

Послѣ сего нѣтъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о Дежневѣ, который провелъ 6-ть лѣтъ (съ 1648 по 1654 включительно) въ неутомимой дѣятельности, среди дикаго народа, въ странѣ, имъ открытой, и частью покоренной. Возвратился ли онъ въ свою отчизну,

или сдѣлался жертвою своей смѣлости, этого не находимъ въ сочиненіи исторіографа Миллера.

Какимъ великимъ опасностямъ подвергались простиравшіе плаваніе по Ледовитому Морю, читатели усмотрятъ изъ слѣдующаго, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ помѣщеннаго, описанія путешествія нѣсколькихъ казаковъ, подъ начальствомъ казака Булдакова.

Въ 1649 году, Булдаковъ посланъ изъ Якутска на рѣку Колыму прикащикомъ. Прозимовавъ въ Жиганскъ, онъ пришелъ, Іюня 2-го 1650 года, въ устье Лены, но за восточнымъ и сѣвернымъ вѣтромъ, нанесшими къ берегу множество большихъ льдинъ, принужденъ былъ стоять четыре недѣли. По наступленіи благополучнаго вѣтра, отправился онъ въ путь, и прибылъ подъ парусами въ Омлоеву Губу, гдѣ встрѣтилъ опять льды, между коими кочъ его былъ 8 дней, и не мало повредился. Приблизясь къ островамъ противъ устья Лены, рѣшился онъ пристать къ одному изъ нихъ; двое сутокъ пробивались между льдинами. Булдаковъ, по продолжавшимся вѣтрамъ, то съ моря, то съ берега, простоявъ на мѣстѣ 6 дней, увидѣлъ, что море отъ льда какъ будто очистилось, и пустился вторично въ Омлоеву Губу; но къ несчастію, опять попалъ между льдинами, которыя препятствовали итти далѣе, а потому и пошелъ онъ къ рѣкѣ Ленѣ. При ея устьѣ стояли 8 кочей, принадлежавшіе казакамъ и промышленникамъ, готовые выступить въ море. Когда настала вѣтеръ съ берега, и море очистилось отъ льда, всѣ кочи вмѣстѣ пошли къ Омлоевой Губѣ, въ которой былъ также наносный ледъ; сквозь оный пробивались не безъ затрудненій. На другой сторонѣ губы находится островъ; протокомъ между симъ островомъ и берегомъ обыкновенно хаживали кочи, но въ то время протокъ былъ совершенно затертъ льдомъ, осѣвшимъ на дно

моря; путешественники съ усиленіемъ разломали ледъ и вывели свои кочи; въ семь мѣствъ встрѣтили еще 4 коча, которые шли съ Колымы на Индигирку.

Юля 15 - го., по выходѣ кочей изъ протока, настала попутный вѣтеръ, и всѣ суда въ однѣ сутки достигли устья рѣки Яны. Здѣсь опять они встрѣтили столько льду, что могли быть раздавлены, ежели бы, по отлогости морскаго берега, препятствующаго большимъ льдинамъ приближаться къ нему, не оставался для нихъ свободный путь: Слѣдуя подлѣ берега, они благополучно миновали Святой Мысь, который, по сѣверному его положенію, съ давнихъ лѣтъ мореплаватели считали самымъ опаснымъ мѣстомъ.

На другой день Булдаковъ достигъ Хромской Губы. Она была наполнена огромными льдинами, затруднявшими плаваніе кочей, особливо когда отъ ночныхъ морозовъ, намерзалъ новый ледъ, которымъ 30 - го Августа покрылось все море; тогда пять кочей находились недалеко отъ берега, на глубинѣ одной сажени. Предпримчивый и отважный Булдаковъ, надѣясь, что ледъ уже достаточно твердъ, вздумалъ грузъ перетаскивать на берегъ, но надежда его обманула, ибо 1-го Сентября, когда ледъ былъ толщиною на полъпядени, подулъ съ берега жестокой вѣтеръ, которымъ ледъ изломало, кочи занесло далеко въ море и носило пять дней; потомъ вѣтеръ стихъ, море замерзло, и на третій день можно было ходить по льду. Тогда Булдаковъ послалъ нѣсколько человекъ, чтобы узнать какъ ближе подойти къ берегу. Они нашли, въ разстояніи на одинъ день ѣзды, бывшій съ ними кочъ казака Андрея Горьлова, стоявшій во льду, и хотѣли перенести скарбъ и запасъ на этотъ кочъ, дабы ближе быть у берега, но вдругъ въ морѣ прибыла вода, и ледъ

изломало; къ тому же поднялся сильный вѣтеръ, которымъ занесло кочи, вмѣстѣ со льдомъ, еще далѣе въ море, и такъ быстро, что подъ парусами невозможно идти скорѣе. Черезъ пять дней, вѣтеръ утихъ и кочи въ третій разъ замерзли во льду. Отъ стеченія столькихъ бѣдствій, сопутники Буддакова были въ отчаяннiи, и чтобы избавиться отъ очевидной гибели, взявъ каждый нѣсколько изъ своего скарба и съѣстныхъ припасовъ, сколько могъ везти на саняхъ, отправились къ берегу, но не избѣгли преслѣдующаго ихъ несчастiя. Ледъ изломало, и они принуждены были санки свои перетаскивать съ одной льдины на другую, а сами перебираться съ помощiю шестовъ и веревокъ. Между тѣмъ видѣли, какъ кочи ихъ, одну послѣ другой, разбивало льдомъ. Напоследокъ, изнуренные цынгою, стужею, голодомъ и трудомъ, вышли на берегъ близъ устья рѣки Индигирки, и при разныхъ бѣдственныхъ случаяхъ продолжали путь вверхъ по этой рѣкѣ до Улдинскаго зимовья, гдѣ нашли себѣ успокоенiе отъ болѣзней и трудовъ, и провели всю зиму.

Два года послѣ плаванiя Буддакова, т. е., въ 1652 году, на мѣсто его, начальникомъ острога на Колыму посланъ пятидесятникъ Иванъ Ребровъ. Ему въ особенности предписано съ подробностiю освѣдомиться о большомъ островѣ, который, по донесенiю Михайла Стадухина, находится на Ледовитомъ Морѣ. Г-нъ Миллеръ не отыскалъ въ Якутскомъ архивѣ никакихъ доказательствъ о существованiи этого острова, и говорить, что рассказы Стадухина были совершенно забыты, доколѣ наконецъ въ 1710 году, Февраля 20-го, Якутская канцелярiя собрала нѣсколько изустныхъ показанiй отъ казаковъ, которые простирали плаванiе Ледовитымъ и Камчатскимъ Морья-

ми. Слѣдующія извѣстія непосредственно относятся до предназначенныхъ намъ изысканій.

Между 1661 и 1678 годовъ, служивый Никифоръ Мальгинъ, съ торговымъ человѣкомъ Андреемъ Воропаевымъ, на кочѣ ходили съ Лены въ Колыму. До Святаго Носа слѣдовали они большею частію подлѣ берега, потомъ, по причинѣ примкнувшагося къ берегу льду, держали мористѣе. На этомъ пути, бывшій съ ними кочевщикъ Родіонъ Михайловъ указалъ имъ лежащій по сю сторону Колымы вдали островъ, который они всѣ видѣли, а по прибытіи ихъ въ Колыму, купецъ Яковъ Вятка сказывалъ Мальгину, что однажды въ плаваніи изъ Лены въ Колыму на девяти кочахъ, три отнесены къ этому острову, и посыланные на берегъ видѣли слѣды неизвѣстныхъ звѣрей, но людей не видали.

Торговый человѣкъ Тарасъ Стадухинъ также говорилъ Мальгину, что за нѣсколько до того лѣтъ, онъ, съ 90 человѣками, на кочѣ ходилъ съ Колымы моремъ къ Чукотскому носу, котораго водою обойти не могли, а перешли на другую онаго сторону пѣшкомъ, гдѣ построивъ кочъ, шли подлѣ берега, до устья рѣки Пенжины.

Нѣкто Михайло Насѣдкинъ показалъ, что въ 1702 году, путешествуя по Камчаткѣ, видѣлъ съ южной оконечности ея землю; послѣ того на пути между Колымою и Индигиркою усмотрѣлъ въ морѣ еще землю, о которой кочевщикъ Даніилъ Монастырскій сказывалъ ему, будто она соединяется съ берегомъ противъ Камчатки лежащимъ, и простирается далѣе противъ устья Лены.

Въ 1710 году получено въ Якутскѣ письменное показаніе Усть-Янскаго казака Якова Пермякова, что на пути изъ Лены въ Колыму, онъ видѣлъ противъ Святаго Носа островъ, и что противъ устья рѣки

Колымы находится островъ , и на немъ есть горы, усматриваемыя съ матераго берега.

Островъ, который видѣли Мальгинъ и Вятка, можетъ быть, одинъ изъ острововъ, лежащихъ противъ рѣки Яны, или Крестовскій островъ, изъ числа Медвѣжьихъ. Михаилъ Насѣдкинъ говоритъ о первомъ Курильскомъ и первомъ Медвѣжьемъ островѣ; словамъ Монастырскаго вѣрить нельзя. Показаніе Якова Пермякова, безъ сомнѣнія, касается до перваго Ляховскаго и Крестовскаго Острововъ.

Носившіеся такимъ образомъ слухи, частію и достоверныя извѣстія, о находящихся на Ледовитомъ морѣ островахъ, побудили Якутскаго воеводу Траурнихта произвестъ о семъ изысканіе съ возможною подробностью, особенно, когда въ 1711 году Сибирскій губернаторъ Князь Гагаринъ писалъ ему: «Сказывали мнѣ казаки и дворяне Якутскіе, что ваша милость изволить нарядить казаковъ, также и охотниковъ отпустить на *новую землю*, что островъ противъ устья р. Колымы, и удержалися де, мой государь, за тѣмъ, что безъ указа не смѣли, и ваша милость отнюдь того медлти не изволь.»

Траурнихтъ отправилъ два отряда, одинъ къ устью рѣки Яны, другой въ Колыму; имъ предписали ободрѣть Ледовитое Море, лѣтомъ или зимою, и не возвращаться, доколѣ не разрѣшатъ вопроса объ островахъ, или новой землѣ.

Первый отрядъ, изъ 11 казаковъ, порученъ казачку Меркурію Вагину. Онъ отправился изъ Якутска 1711 года осенью; выѣхалъ изъ Усть-Янска на нартахъ, въ Маѣ мѣсяцѣ 1712 года, и держась берега до Святаго Носа, пустился прямо на сѣверъ. Они пріѣхали къ одному острову, на которомъ не было ни какого лѣса; вокругъ него ѣзды 9 или 12 дней. Съ этого острова видѣли другой островъ, или землю, но за

позднимъ временемъ, и по недостатку въ съѣстныхъ припасахъ, отправились назадъ къ матерой землѣ, съ тѣмъ, чтобы лѣтомъ заготовиться рыбою, и слѣдующею зимою опитъ выступить въ путь. Они вышли на берегъ между Святымъ Носомъ и рѣкой Хромой, при урочищѣ, гдѣ Якутскій казакъ Катаевъ въ прежнія времена поставилъ крестъ, и потому оно прозвано *Катаевъ Крестъ*. Оттуда направили путь на Хрому для рыбнаго промысла, но не имѣя съѣстныхъ припасовъ, принуждены были ѣсть собакъ, на которыхъ ѣхали, наконецъ и мышей, и потому должны были возвратиться къ морскому берегу, гдѣ прожили все лѣто, питаясь рыбою, дикими гусями, утками и ихъ яицами. Бывшіе съ Вагинымъ казаки, наскуча пребываніемъ въ сихъ мѣстахъ, и опасаясь, что на пути къ усмотрѣнному острову будутъ подвержены еще большимъ нуждамъ и голоду, убили Вагина, его сына, одного казака и одного промышленника. По возвращеніи въ Усть-Янскъ, убійцы скрыли преступленіе подъ разными вымыслами, и объ островъ не упомянули ни слова. Положеніе перваго Ляховскаго острова объясняетъ обрѣтеніе Вагина; величина его конечно не соотвѣтствуетъ показаніямъ, но преувеличенія важности обрѣтенія весьма часты въ повѣствованіяхъ древнихъ путешественниковъ.

Второй отрядъ, воеводою Траурернихомъ отправленный, состоялъ изъ 22 человекъ, на одномъ шитикѣ, * подъ управленіемъ казака Василья Стадухина. Изъ донесенія его, отъ 28-го Іюля 1712 года, видно,

* Шитики того времени были длиною въ 5 сажень, шириною въ 2 сажени, съ палубою, плоскодонные, конопачены ихомъ; вмѣсто веревокъ и канатовъ, на шитикахъ употребляли ремни лосиные, паруса ровдужные, якоря деревянные, съ навязанными камнями. Нынѣ шитиками называютъ безпалубныя большія рыбацкія лодки; о якоряхъ прибрежные жители понятія не имѣютъ, а паруса ровдужные употребляютъ весьма рѣдко.

что онъ усмотрѣлъ на восточной сторонѣ Колымы протянувшійся въ море мысъ, окруженный непроходимыми льдами, но не замѣтилъ никакого острова, и что жестокою погодою съ моря отнесло его назадъ, при чемъ едва онъ не погибъ. Стадухинъ, вѣроятно, говоритъ о Шелагскомъ Мысѣ, который предшественники его называли Святымъ Носомъ.

Въ 1714 году были еще два подобныя отправленія, казаковъ Алексѣя Маркова и Григорья Кузякова. Первому велѣно идти въ море съ устья Яны, второму съ Колымы; ежели увидятъ, что шитики неудобны, дозволено построить другія суда. Каждому дано было по одному матросу, изъ присланныхъ Княземъ Гагаринымъ въ Якутскъ, для предположенной морской экспедиціи изъ Охотска.

Марковъ, по приѣздѣ въ Усть-Янское зимовье, послалъ, 2-го Февраля 1715 года, въ Якутскъ донести, что на Святомъ Морѣ лѣтомъ и зимою всегда стоитъ ледъ, и потому въ назначенный путь невозможно отправиться иначе, какъ нартами на собакахъ, и отправился 15-го Марга, взявъ съ собою 9 человекъ. 3-го Апрѣля возвратился онъ опять въ Усть-Янское зимовье, и привезъ извѣстіе, что ѣхалъ по морю прямо на сѣверъ семеро сутокъ, съ самою большею, на собакахъ возможною скоростію, но ни земли, ни острова не видалъ, достигъ такого мѣста, гдѣ льдины стояли какъ высокіе холмы, всходилъ на оныя, и въ дали не усмотрѣлъ ни какого берега. По недостатку корма для собакъ, многія съ голоду издохли, и ими кормили остальныхъ. Въ 17 дней непрерывной ѣзды, Марковъ не могъ болѣе проѣхать 680 верстъ, или 340 верстъ въ одну сторону; слѣдовательно, правя на сѣверъ, онъ долженъ бы увидѣть какой либо островъ, изъ лежащихъ противъ устья

рѣки Яны и Святаго Носа, а потому въ справедливости показаній Маркова должно сомнѣваться.

О путешествіи Кузякова не отыскано ни какихъ свѣдѣній, кромѣ слышаннаго г. Миллеромъ отъ Якутскихъ жителей, будто бы Кузяковъ также отправился въ море на собакахъ, и предпріятіе его было столько же безуспѣшно, какъ Маркова.

Такія неудачи остановили на нѣкоторое время предпримчивыхъ казаковъ въ дальнѣйшихъ покушеніяхъ, но въ 1723 году, сынъ боярскій Федотъ Амосовъ опять обратилъ вниманіе на какой-то островъ, простирающійся отъ устья Яны до устья Индигирки, и далѣе. Онъ вызвался покорить жителей острова, и для исполненія такого предпріятія отправленъ съ отрядомъ. вмѣсто того, чтобы поиски начать съ Яны, или Индигирки, поѣхалъ онъ на Колыму. При самомъ выходѣ изъ устья сѣй рѣки, Іюля 13-го * 1724 года, встрѣтилось такое множество несущагося льду, что не рѣшился онъ продолжать пути далѣе.

Между тѣмъ промышленникъ Иванъ Вилегинъ подтвердилъ слухъ о помянутомъ островѣ, рассказывая, что въ Ноябрь 1720 года, онъ ѣздилъ, вмѣстѣ съ промышленникомъ Григорьемъ Санкинымъ, съ устья рѣки Чукочей по льду, на тотъ островъ, или землю, но за непрерывными вѣтрами и туманомъ они не могли ѣхать вдаль, почему и не знаютъ, твердая ли то была земля или островъ, и естьли на ономъ жители и растутъ ли лѣсъ **? Видѣли старыя юрты и мѣста прежде бывшихъ юртъ, но не могли узнать какому народу онѣ принадлежатъ. Землю эту, при ясной

* Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ сказано Апрѣля 18-го, а у Миллера Іюля 13-го; сіе послѣднее согласнѣе съ показаніемъ Амосова, что въ море несло ледъ.

** Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ сказано, что Вилегинъ нашелъ тутъ лѣсъ, но у Миллера этого нѣтъ.

погодѣ, можно усмотрѣть съ рѣки Чукочьей, и казалось, что она простирается мимо Индигирки и Свѣтаго носа до меридіана рѣки Яны съ одной стороны, а съ другой мимо устья Колымы, и далѣе до жилищъ Шелаговъ, поколѣніе Чукчей. Видегинъ это заключалъ по рассказамъ какого-то Копал, изъ племени Шелаговъ, и полагалъ, что достигнуть до сей земли водою, ни съ устья рѣки Колымы, ни съ Чукочьей, или Индигирки, невозможно, по причинѣ множества льду, но противъ жилищъ Шелаговъ море бываетъ чище, и потому должно искать земли съ этой стороны.

Амосовъ, утвердись на этомъ мнѣніи, пошелъ моремъ подлѣ берега къ жилищу Копал, котораго достигъ 7-го Августа 1723 года, но по множеству льдовъ не только не могъ продолжать пути, а даже съ трудомъ возвратился.

Въ слѣдующую зиму, Амосовъ рѣшился для открытія острова вѣхать на нартахъ, и прислалъ о своемъ путешествіи въ Якутскую воеводскую канцелярію слѣдующее донесеніе: «Отправясь въ намѣренный путь изъ Нижне-Колымскаго зимовья, Ноября 3-го 1724 года, нашелъ я на морѣ островъ, или землю, и оттуда 23-го того же мѣсяца возвратился обратно на Колыму. На той землѣ видѣлъ старыя земляныя юрты, а какіе въ нихъ жили люди и куда сошли, неизвѣстно. Наконецъ съѣстныхъ припасовъ и корму для собакъ не достало; для сей причины невозможно было ничего болѣе и провѣдывать. Путь по льду былъ весьма труденъ, потому, что море замерзло негладко. Вездѣ стояли высокія льдины, и ледъ отъ выступающей морской соли былъ шероховатъ *.»

* Описанія сихъ путешествій, и нѣкоторыхъ изъ слѣдующихъ, заимствованы мною изъ Сибирскаго Вѣстника на 1821 годъ, и поправлены, гдѣ были несогласія, съ сочиненіемъ г. Миллера.

Въ бытность свою въ Якутскѣ, Миллеръ лично спрашивалъ Амосова объ этомъ путешествіи. По словамъ его, жилище Копая на 200 верстѣ къ востоку отъ устья Колымы, близъ небольшого острова, возлѣ самаго берега лежащаго. Отъ матерой земли между рѣками Чукочью и Алазею, ѣзды до открытаго Амосовымъ острова одинъ день, и вокругъ онаго столько же; на семь островѣ горы не малой высоты, которыя видимы и съ матерой земли; изъ животныхъ попадались олени; служащій для нихъ пищею мохъ растетъ по всему острову.

Обрѣтеніе Вилегина и Амосова одно и тоже. Оба они были на первомъ Медвѣжьемъ Островѣ, на которомъ прежде ихъ бывали промышленники, и по слухамъ давно уже имѣли объ немъ свѣдѣніе. Вилегинъ, не зная, что находился на маленькомъ островѣ, и услыша вѣроятно объ усмотрѣнной противъ Яны землѣ (1-й Ляховскій островѣ), вообразилъ, что эти двѣ земли соединяются и составляютъ берегъ одной обширной земли. Но можемъ-ли мы полагаться на показаніе Копая? Его жилище было, безъ сомнѣнія, подлѣ острова Сабадел (около двухъсотъ верстѣ отъ Колымы, какъ Амосовъ Миллеру сказывалъ), а противъ этого мѣста къ сѣверу на $2\frac{1}{4}^{\circ}$ по широтѣ (около 230 верстѣ), мы, въ 1821 году, ни малѣйшихъ признаковъ земли не нашли, да и Чукчи, живущіе около Шелагскаго Мыса, съ которыми въ 1822 году мы имѣли сношенія, не знали ни о какой землѣ въ сихъ странахъ, и не скрывали отъ насъ, что со скалы Яканъ (около 200 верстѣ къ востоку отъ Шелагскаго Мыса, и въ 300 верстахъ отъ жилища Копая) иногда видны въ морѣ горы. Можетъ, быть Копая и Вилегину это было извѣстно, но удивительно, что они, говоря объ одномъ только островѣ противъ Колымскаго

устья, и 6 большой землѣ, за нимъ лежащей, не знали о прочихъ 4-хъ островахъ, составляющихъ одну купу съ островомъ, который усмотрѣнъ Вилегиннымъ. Не должно-ли заключить, что эти-то четыре острова и приняты за большую землю?

Карты наши въ то время были сообразны поверхностному обзорѣнію сѣверныхъ береговъ Сибири, которые отъ Карскаго Моря до восточной оконечности Азіи, въ продолженіе половинны столѣтія, открыты казаками и промышленниками, неутомимыми въ трудахъ, но не имѣвшими никакихъ познаній. Всѣ путешественники, бывшіе до того времени при упомянутыхъ берегахъ, также не имѣли способовъ и нужныхъ свѣдѣній для изображенія берега съ нѣкоторою вѣрностью, и потому карты наши составлены были, такъ сказать, на угадъ, на основаніи сбивчивыхъ, темныхъ рассказовъ.

Казанскій полковникъ Шестаковъ, пріѣхавшій въ 1726 году изъ сѣверовосточной Сибири въ С. Петербургъ, сочинилъ карту, которую напечатали, а потомъ скопировали въ Парижѣ географы Далиль и Бюашъ. На этой картѣ островъ Копай назначенъ на разстояніи двухъ-дневной ѣзды отъ матераго берега, и по параллели занимаетъ такое же пространство, какое находится между противолежащими сему острову рѣками Колымою и Алазсею; на картѣ написано, что островъ Копай обитаемъ непокорными Шеллагами. За онымъ къ сѣверу проведенъ берегъ большой земли, и въ надписи сказано, что отстоитъ онъ отъ острова Копая на неполный двухъ-дневный переѣздъ (слѣдовательно, островъ отъ матераго берега Сибири далѣе, нежели отъ большой земли). Противъ сѣверовосточной оконечности Азіи на востокъ означенъ большой островъ, съ слѣдующею

надписью: «Островъ противъ Анадырскаго Носа; на немъ многолюдно, и всякаго звѣря довольно; дани не платятъ; живутъ своею областью.» Сѣверный берегъ Чукотской земли проведенъ довольно ровною чертою, и губа Чаунъ и Шелагскій Мысъ не приметны.

Другая карта, попавшаяся исторіографу Миллеру, сочинена Якутскимъ дворяниномъ Иваномъ Львовымъ. На этой картѣ изображены два носа. Крайній къ сѣверовостоку, обыкновенно называемый Чукотскимъ Носомъ, или Восточнымъ Мысомъ, названъ Шелагскимъ, и неограниченъ. Другой, лежащій прямо на югъ отъ перваго, названъ Анадырскимъ носомъ, и между этими двумя мысами, въ обширной губѣ положенъ островъ, обитасмый Чукчами, а противъ Анадырскаго Носа назначены два острова, одинъ другаго къ берегу ближе, съ слѣдующею надписью: «До перваго острова отъ берега ѳзды водою полдня. На немъ обитаютъ люди, коихъ Чукчи называютъ Ахьюхалать. Они говорятъ особымъ языкомъ, платье носятъ изъ утиныхъ кожъ, питаются моржами и китами. За недостаткомъ у нихъ на островѣ лѣсу, варятъ ѳству рыбьимъ жиромъ. Другой островъ отъ перваго находится въ разстояніи двухъ дней ѳзды водою. Жители онаго называются по Чукотски Пеекели. Они щеки принимаютъ, и вставляютъ въ нихъ зубы; живутъ въ крѣпкихъ мѣстахъ; платье носятъ изъ утиныхъ же кожъ.» За сими островами изображена большая земля, съ надписью: «Жители Чукчами именуются Кичинь Элять. Сіи говорятъ особливимъ языкомъ, платье носятъ соболье, живутъ въ землянкахъ, а бой у нихъ лучной. Звѣри въ ихъ землѣ водятся всякіе, коихъ кожи употребляютъ на платье. Лѣсъ тамъ растеть ельнякъ, соснякъ, лиственникъ и березнякъ.»

Миллеръ упоминаетъ еще о картѣ, въ Якутскѣ же сочиненной. На этой картѣ Шелагскій Носъ также неограниченъ, и противъ него проведена неограниченная земля, гдѣ написано: «Обитаемая народомъ Кыкыкме, который подобенъ Юагирамъ.» Надъ Шелагскимъ Носомъ написано: «Жители говорятъ языкомъ особливымъ. На бою весьма жестоки, и покорить ихъ не можно. Хотя изъ нихъ кто и въ полонъ попадетъ, тотъ самъ себя убиваетъ.»

Не только на этихъ картахъ, составленныхъ въ Якутскѣ самоучками географами, но и на сочиненной Берингомъ, въ 1728 году, по возвращеніи его изъ перваго плаванія къ восточнымъ берегамъ Чукотской земли, не отличаютъ Шелагскаго носа отъ восточной оконечности Азіи и Чукотскаго Носа, а чтобы согласить карты съ плаваніемъ Дежнева, присовокупили къ послѣдному мысу, на нѣкоторыхъ картахъ, названіе Святаго Носа, а на другихъ, полагаясь на вышеупомянутую карту Львова, оставляли Шелагскій его Мысъ на сѣверѣ неограниченнымъ, и тѣмъ изъясляли сомнѣніе о плаваніи Дежнева, но должно замѣтить, что оно не было извѣстно сочинителямъ тѣхъ картъ, ибо Миллеръ первый нашелъ свѣдѣніе объ немъ въ Якутскомъ архивѣ 1736 года. Въ названной на одной картѣ «Большой Земль», за островами противъ Анадырскаго носа, мы узнаемъ сѣверозападный берегъ Америки, и «Большая Земля» противъ Шелагскаго Носа также назначена по неосновательнымъ свѣдѣніямъ о дальнѣйшемъ протяженіи того-же берега на сѣверѣ. Предположеніе это объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Въ 1711 году Якутскій казакъ Поповъ, который изъ Анадырскаго острога ѣздилъ на Чукотскій Носъ, между прочимъ сказывалъ: «Напротивъ носа, по объ-

нимъ его сторонамъ, какъ въ Колымскомъ, такъ и въ Анадырскомъ Морѣ, видѣнъ островъ, называемый Чукчами Большою Землею, на коей живутъ народы съ продѣтыми въ щеки большими зубами» и проч. Потомъ говорится о берегѣ, простирающемся южнѣе и сѣвернѣе Чукотскаго Носа (конечно, о берегахъ Америки), и слова ясно доказываютъ, что тогда называли Колымскимъ Моремъ часть Океана, къ сѣверу отъ Чукотскаго Полуострова, а находящуюся по южной сторонѣ онаго Анадырскимъ Моремъ. Восточную часть Чукотскаго Полуострова, слѣдовательно, и ту часть берега, гдѣ тогда назначали Шелагскій Мысъ, Поповъ называетъ Чукотскимъ Носомъ. И такъ, по моему мнѣнію, изъ этого весьма ясно видно, отъ чего на картахъ, сочиненныхъ по сбивчивымъ рассказамъ безграмотныхъ людей, назначена противъ Шелагскаго Носа Большая Земля.

Выше упомянуто, что извѣстный географъ Делиль перепесъ и на свою карту невѣрности Шестакова карты. На изданной Делилемъ, въ 1728 году, картѣ изображены островъ противъ Колымскаго устья въ широтѣ 73°, а за нимъ, въ широтѣ 75°, Большая земля, будто-бы открытая Россіянами въ 1725 году, по указанію Шелагскаго Князя Копаю; но въ означенномъ году ѣздилъ Амосовъ къ Копаю, и не сдѣлано никакихъ новыхъ открытій.

По обстоятельному разсмотрѣніи бывшихъ въ то время извѣстій о Большой Землѣ въ Сѣверномъ Ледовитомъ Океанѣ, не найдено ни одного, которое достойно и малаго вѣроятія. При нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ нашихъ объ этихъ странахъ было возможно нѣсколько пояснить неосновательность географинъ сѣверовосточной Азіи, и находить незначашіе остро-

ва, или чистое море тамъ, гдѣ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія полагали обширныя земли.

Слѣдующія путешествія совершены нашими мореплавателями единственно для исправленія картъ сѣверныхъ береговъ Сибири.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны предпріято опознаніе береговъ Сибири отъ Бѣлаго Моря до Берингова Пролива, и изслѣдованіе возможности Ледовитымъ Моремъ пройти изъ Архангельска въ Камчатку. Адмиралтействъ - Коллегія, для лучшаго исполненія сего предпріятія, положила отправить мореплавателей въ Ледовитое Море въ одно время изъ трехъ разныхъ мѣстъ: 1, отъ города Архангельска два судна, на востокъ до устья Оби; 2, изъ рѣки Оби на востокъ до устья Енисея одно судно; 3, изъ рѣки Лены два судна, одно на западъ къ устью Енисея, другое на востокъ, мимо устья Колымы до Берингова Пролива.

Для перваго отряда Коллегія сдѣлала всѣ нужныя распоряженія, предоставя главному командиру Архангельскаго порта выборъ и снабженіе судовъ. По совѣту мореходцевъ того края построили два коча: Экспедиціонъ и Обь, длиною въ $52\frac{1}{2}$ футовъ, шириною въ 14 футовъ, глубиною 8 футовъ. Экипажъ каждаго судна состоялъ изъ 20 человекъ; командирами опредѣлены лейтенанты Муравьевъ и Павловъ.

Они отправились отъ города Архангельска 4-го Іюля 1734 года, достигли Мутнаго Залива (въ Карскомъ Морѣ), и возвратились зимовать къ устью рѣки Печоры. Въ Іюнѣ мѣсяцъ 1735 года вышли опять въ море, прошли не далѣе, какъ въ прежнее плаваніе, и зимовали по прежнему въ рѣкѣ Печорѣ.

Адмиралтействъ-Коллегія, уваживъ представленіе лейтенанта Муравьева, что онъ не могъ имѣть же-

лаемыхъ успѣховъ отъ того, что ходилъ на кочахъ, приказала построить у города Архангельска два палубные бота, длиною въ 60 и 50 футовъ, и отправить оныя подъ командою лейтенантовъ Скуратова и Сухотина; на мѣсто лейтенанта Муравьева поступилъ лейтенантъ Малыгинъ, который былъ тогда на рѣкѣ Печорѣ. Мая 27-го 1736 года, на кочь Экспедиціонъ, онъ пошелъ внизъ рѣки; 29-го противъ устья льдомъ кочь разбило, и едва могли спасти людей и часть груза. Исправя немедленно другой бывшій съ нимъ кочь Обь, Малыгинъ отправился въ путь 17-го Іюля. Превозмогая чрезвычайныя затрудненія отъ льдовъ, задержанный долгое время подъ островомъ Долгимъ, гдѣ 7-го Августа присоединились къ нему вышеупомянутые боты, подъ начальствомъ лейтенантовъ Скуратова и Сухотина, г-нъ Малыгинъ пересѣлъ на первый ботъ, а на второй опредѣлилъ Скуратова; Сухотина на кочь Оби отправилъ въ Архангельскъ, и съ двумя ботами дошелъ до рѣки Кары, гдѣ остался зимовать. Сухотинъ возвратился въ Архангельскъ благополучно.

Въ семъ же году, въ Іюль и Августъ мѣсяцахъ, геодезистъ Селифонтовъ описалъ на оленяхъ западный берегъ Обской Губы, и переѣхавъ на карбасѣ къ Острову Бѣлому, осмотрѣлъ часть его южнаго берега. Въ Ноябрь присоединился онъ къ лейтенанту Малыгину. Въ слѣдующемъ году, Марта 16-го, Селифонтовъ отправленъ вторично на оленяхъ съ Самоѣдами къ Ледовитому Морю, для описи матераго берега и Острова Бѣлаго. Дѣйствія его неизвѣстны.

Въ началѣ Іюня, 1737 года, вскрылась рѣка Кара, но какъ море очищается отъ льду не прежде половины Іюля, то гг. Малыгинъ и Скуратовъ, съ общаго совѣта, положили пробыть на мѣстѣ до 1-го Іюля. Въ половинѣ Іюня показалась между служите-

лями цынготная болѣзнь, которую однакожь успѣли истребить противоцынготными травами, растущими по окрестнымъ тундрамъ *.

3-го Юля, наши мореплаватели достигли устья рѣки Кары; въ морѣ видно было еще весьма много льду. Направили плаваніе по возможности къ сѣверу; наконецъ 23-го Юля усмотрѣли островъ Бѣлый, и 24-го легли на якорь въ проливѣ, отдѣляющемъ островъ отъ матераго берега. Широту опредѣлили 73°8'. Приливъ шелъ отъ W только 4 часа, а отливъ 8 часовъ отъ 0; первый приносилъ съ собою соленую воду, послѣдній прѣсную. Теченіе отлива было многмъ сильнѣе теченія прилива, которое иногда было едва ощутительно. Прикладный часъ 3 ч, возвышеніе воды 1½ ф. Пролить устьямъ мелями, между коими бывають сильныя спорныя теченія. Противныя вѣтры задержали лейтенанта Малыгина въ этомъ проливѣ 25 дней. Обогнувъ (по Миллеру) мысъ, называемый Самоѣдами Ялмалъ, 18-го Августа боты вошли наконецъ въ Обскую Губу, 11-го Сентября въ рѣку Обь, 5-го Октября въ рѣку Сочву, гдѣ и зимовали; служителей помѣстили въ Березовѣ по квартирамъ. Лейтенантъ Малыгинъ возвратился берегомъ въ С. Петербургъ; Скуратовъ и подштурманъ Головинъ, на прежнихъ ботахъ, 11-го Августа 1739 года, пришли въ рѣку Двину, испытать на пути множество опасностей отъ льдовъ.

Другіе два отряда, которымъ надлежало осмотрѣть берега отъ рѣки Оби къ востоку, поступили въ распоряженіе командора Беринга. Онъ приказалъ построить въ Тобольскѣ дубель-шлюпку, названную Тоболь, назначилъ командиромъ лейтенанта Овцына, и снабдилъ его наставленіями, данными Адмиралтействъ - Коллегіею. Дубель - шлюпка была

* Четырехкратное путешествіе капитанъ-лейтенанта Литке, стр. 87.

длиною 70, шириною 15, глубиною 8 футовъ, двухъ мачтовая, съ 8 двухъ-фунтовыми фалконетами, вооружена какъ шнява; экипажъ состоялъ изъ 53 чело­вѣкъ; сверхъ того іеромонахъ, штурманъ и гео­дезистъ*.

15-го Мая 1734 года, по совершенномъ изготав­леніи дубель-шлюпки Тоболь, лейтенантъ Овцынъ отправился изъ Тобольска внизъ по Иртышу, и съ нимъ нѣсколько дощениковъ, нагруженныхъ прові­антомъ и морскою провизіею. Тобольскій губер­наторъ Плещеевъ, флота капитанъ Чириковъ, и профессеры Академіи Наукъ, находившіеся при Кам­чатской экспедиціи, провожали лейтенанта Овцына нѣсколько верстъ; 9-ть дней онъ шелъ внизъ по Иртышу, миновалъ многія Русскія деревни и Остяц­кія юрты; 24-го Мая остановился на короткое вре­мя при устьѣ сей рѣки, у большой слободы, назы­ваемой Сатаховской Ямъ, и перемѣнивъ проводника, продолжалъ путь далѣе внизъ по рѣкѣ Оби.

2-го Іюля пришелъ онъ къ городу Березову, принялъ на суда проводниковъ и служителей, назначенныхъ въ дополненіе къ имѣющейся у него командѣ. Черезъ три дня отправился далѣе, и 12-го въ полдень достигъ къ Обдорскому острожку, последнему Россійскому селенію при рѣкѣ Оби.

15-го, Овцынъ пришелъ къ устью рѣки Оби, гдѣ она впадаетъ въ Обскую Губу тремя рукавами, и по восточному, въ которомъ глубина больше, вышелъ въ губу 19-го Іюля. Въ сіе время, отъ сильнаго, крѣпкаго вѣтра, дощеники такъ повредились, что

* Помѣщаемое здѣсь описаніе путешествій лейтенантовъ Малыки­на, Овцына, Прончищева, Лаптева, и штурмановъ Челюскина и Ми­нина, заимствовано мною частію изъ Записокъ бывшаго государствен­наго адмиралтейскаго департамента, на 1820 годъ; довольно значи­тельными ошибки и пропуски, въ семь извлеченіи мною замѣченныя, исправлены и пополнены изъ подлинныхъ журналовъ.

плаванія на нихъ продолжать было невозможно; одинъ разломали, изъ лѣса построили на берегу магазина, и выгрузили въ него провіантъ и прочіе припасы. При этомъ мѣсть семь озеръ, почему и назвали оное Семіозернымъ. Широта по наблюденіямъ найдена $66^{\circ} 36'$.

Оставя караулъ при магазинахъ, 21-го Овцынъ продолжалъ путь далѣе, подлѣ праваго берега Обской Губы. 26-го послалъ на лодкахъ унтеръ-офицера и семь человекъ служителей, впередъ къ Ледовитому Морю, для поставленія при устьѣ Обской губы знаковъ, и для встрѣчи ожидаемыхъ отъ города Архангельска судовъ; по препятствію отъ противныхъ вѣтровъ и мелей, между конями надлежало искать фарватера, Овцынъ шелъ впередъ по Обской Губѣ къ сѣверу весьма медленно. 6-го Августа пришелъ онъ въ широту $70^{\circ} 4'$, и опасаясь пускаться далѣе, по причинѣ приближавшейся осени и наставшихъ морозовъ, рѣшился идти зимовать къ Обдорскому острожку, и прибылъ къ оному 4 Сентября.

Во время плаванія по Обской Губѣ, лейтенантъ Овцынъ на берегахъ ея находилъ безлѣсныхъ тундренныхъ мѣста, землю, замерзшую въ самое лѣто глубже полу-аршина; имѣлъ частыя свиданія съ кочующими Самоѣдами; видѣлъ по тундрѣ много оленей и медвѣдей, и одинъ разъ примѣтилъ въ губѣ плавающихъ бѣлугъ.

Дубель-шлюпку разружили, и выгрузили всѣ припасы въ магазины; люди перебрались въ острогъ; 13 Октября рѣка Обь покрылась льдомъ.

Въ Ноябрѣ пріѣхали въ Обдорскъ съ западной стороны оленные Самоѣды, для взноса въ казну яска, и сказывали, что прошедшаго лѣта видѣли на берегу Ледовитаго Моря, близъ рѣки Кары, Русскихъ людей, посланныхъ изъ Пустоозерска на олепахъ,

для постановленія маяковъ. Овцынь съ тѣми Самоѣдами отправилъ въ Пустоозерскъ двухъ казаковъ, къ лейтенанту Муравьеву, для извѣщенія его о плаваніи своемъ по Обской Губѣ, и о маякахъ, поставленныхъ на устьѣ оной.

1735 года Мая 29-го, лейтенантъ Овцынь пошелъ внизъ по Оби, но отъ льду принужденъ былъ безпрестанно останавливаться у береговъ. 6-го Іюня пришелъ онъ къ семіозернымъ магазинамъ, и взялъ оставленную прошедшаго года провизію. 11-го продолжалъ путь далѣе; вскорѣ вновь задержанъ льдомъ, неподвижнымъ по всей Обской Губѣ; 20-го ледъ взломало, и фарватеръ началъ очищаться, но до 8 Іюля Овцынь шелъ на дубель-шлюпкѣ вслѣдъ за льдомъ весьма медленно; въ это время оказалась у многихъ изъ бывшихъ съ нимъ цынга, которая вскорѣ усилилась, до того, что въ половинѣ мѣсяца изъ 53 человекъ оставалось здоровыхъ только 17 человекъ. Овцынь былъ также тяжело боленъ, и съ совѣта своихъ подчиненныхъ принужденъ 18-го Іюля пойти въ обратный путь. Предполагая зимовать въ Тобольскѣ, какъ для лучшаго излеченія больныхъ и исправленія поврежденной дубель-шлюпки, такъ и для запаса на будущее время провизіи, онъ, при помощи присланныхъ къ нему изъ Обдорска и Березова служителей, сколько возможно поспѣшалъ плаваніемъ, но пришелъ къ Тобольску не прежде 6-го Октября; въ сіе время по Иртышу уже несло ледъ, и рѣка вскорѣ стала.

Черезъ два мѣсяца по прибытіи въ Тобольскъ, Овцынь, получа отъ болѣзни облегченіе, отправился въ С. Петербургъ для личнаго донесенія Адмиралтействъ Коллегіи о своемъ плаваніи, и о предстоившихъ препятствіяхъ къ исполненію возложеннаго на него дѣла. Онъ представлялъ, что ежели ему

повелѣно будетъ на будущее лѣто итти въ Ледовитое Море, то по причинѣ опаснаго плаванія между льдами, нужно дать еще другое судно, для взаимнаго вспомошествованія, въ случаѣ поврежденія одного изъ нихъ, и что онъ почитаетъ полезнымъ послать весною, по зимнему пути, на оленяхъ, или на собакахъ, геодезиста, описывать берега Ледовитаго Моря до устья рѣки Енисея. Адмиралтействъ Коллегія, находя это представленіе основательнымъ, предписала Овцыну построить въ Тобольскѣ къ будущему лѣту палубный ботъ, для совокупнаго плаванія съ дубель-шлюпкою, назначила на оный командиромъ флотскаго мастера Кошелева, и положила отправить геодезиста для описи береговъ Ледовитаго Моря. Овцынъ успѣвшиль возвратиться въ Тобольскъ, взявъ съ собою мастера Кошелева, которому поручено было строеніе новаго судна; они прибыли на мѣсто 24-го Февраля, приступили къ заготовленію льсовъ, и Марта 11-го заложили палубный ботъ, длиною въ 60, шириною въ 17, глубиною $7\frac{1}{2}$ футовъ. Какъ ни успѣшали строеніемъ, но не успѣли приготовить бота къ плаванію на слѣдующее лѣто.

Въ 1736 году, Мая 23-го, лейтенантъ Овцынъ, на дубель-шлюпкѣ, и съ дощениками, нагруженными провіантомъ, отправился изъ Тобольска внизъ по рѣкамъ Иртышу и Оби. 14-го Іюня пришелъ въ Березовъ, гдѣ простоялъ до 23-го, для перегруженія провіанта, и для разныхъ исправленій на дубель-шлюпкѣ. 4-го Іюля миновалъ Обдорскъ, 7-го достигъ къ устью рѣки Оби, оставилъ дощеники у Семіозерныхъ магазиновъ, и на дубель-шлюпкѣ слѣдовалъ далѣе къ сѣверу по Обской Губѣ. 28-го прошелъ то мѣсто, откуда возвратился въ 1734 году; 5-го Августа достигъ въ широту $72^{\circ} 34'$, гдѣ остановленъ

льдомъ, который впереди покрывалъ всю Обскую губу, и стоялъ еще твердо съ прошедшей зимы. Лейтенантъ Овцынъ ходилъ взадъ и впередъ около этого мѣста, въ ожиданіи, что ледъ будетъ взломанъ и унесенъ въ море; видя, что онъ стоитъ неподвижно, рѣшился, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, для зимованія возвратиться въ Обдорскъ, куда и прибылъ 26-го Сентября. Въ началѣ Октября рѣка Объ покрылась льдомъ. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ пріѣхали къ Обдорску Оленные Самоѣды, для взноса въ казну ясака; съ ними отправленъ геодезіи ученикъ, описывать берегъ Ледовитаго Моря.

1737 года, Мая 5-го, флотскій мастеръ Кошелевъ и штурманъ Мининъ, на вновь построенномъ ботѣ, названномъ Почталіонъ-Объ, пошли отъ Тобольска внизъ по рѣкамъ Иртышу и Оби; 5-го прибыли къ Обдорску, и вступили подъ начальство лейтенанта Овцына. Въ это время дубель-шлюпка была готова къ походу. Овцынъ опредѣлилъ на оную командиромъ мастера Кошелева, а самъ перешелъ на боть.

29-го Іюня оба судна отправились отъ Обдорска внизъ по рѣкѣ Оби. 9-го Іюля пришли къ Семіозернымъ магазинамъ, взяли на суда оставленный въ нихъ прошедшаго лѣта провіантъ, и другіе припасы. 14-го пошли далѣе къ сѣверу по Обской Губѣ, но за противными вѣтрами и туманами весьма медленно. 6-го Августа находились въ широтѣ 72° 46', у праваго берега Обской Губы, близъ устья залива, называемаго Гыдыямъ, вдавагося внутрь берега къ юговостоку, на 160 верстѣ; въ вершинѣ его впадаетъ рѣчка того же названія.

7-го Августа, лейтенантъ Овцынъ, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, положилъ, по позднему осеннему времени, не осматривать лѣваго берега Обской Губы, а поспѣшить къ рѣкѣ Енисею. На другой

день мореплаватели вышли въ Ледовитое Море; близъ устья Обской Губы, въ широтѣ $72^{\circ} 40'$, увидѣли, что направленіе прилива на SW, по $3\frac{1}{2}$ мили, отлива на NO съ равною скоростію. При попутномъ вѣтрѣ, продолжая путь къ сѣверу до широты $73^{\circ} 56'$, встрѣтили густой, высокими буграми стоявшій ледъ, на которомъ сидѣли чайки во множествѣ; глубина въ этомъ мѣстѣ была 11 сажень; теченіе моря къ западу по $\frac{3}{4}$ мили въ часъ. Здѣсь видѣли кита. Поворотили отъ льдовъ къ берегу на SOtS и впереди льдовъ уже не было. На другой день усмотрѣли на ONO землю; глубина была 7, 6 и 5 сажень; грунтъ сѣрый и крѣпкій песокъ. 10-го приблизились къ невысокому и ровному берегу; у котораго стали на якорь, въ разстояніи $\frac{1}{2}$ мили, на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ сажень, имѣя сѣверный мысъ на NNO, южную оконечность берега на StO. Для обозрѣнія сего берега посланъ на ялботѣ штурманъ Мининъ, который къ вечеру возвратясь, донесъ, что берегъ ровный, невысокій, положеніе отъ SW къ NO; по заплескамъ лежитъ много выброшеннаго моремъ лѣса; далѣе внутрь берега шесть озеръ, соединенныхъ одно съ другимъ рѣчкою, впадающею въ море; по озерамъ и рѣчкѣ множество дикихъ гусей, утокъ и чаекъ. Земля вездѣ тундренная, и нѣтъ ни какого растенія; вдали видѣли дикихъ оленей и одного бѣлаго медвѣдя. Широта якорнаго мѣста найдена $73^{\circ} 10'$; склоненіе компаса $\frac{1}{2}$ румба восточное; теченіе моря примѣчено съ 7-го часа утра до полудня $3\frac{1}{4}$ мили къ сѣверу.

Слѣдующіе шесть дней, мореплаватели наши, при противныхъ вѣтрахъ, днемъ лавировали, а въ ночное время стояли на якорѣ. 16-го находились въ широтѣ сѣверной $73^{\circ} 18'$; тогда сѣверо-восточный мысъ,

называемый Мате-Соль *, былъ отъ нихъ на OSO въ $3\frac{1}{2}$ миляхъ. На семь мысъ лейтенантъ Овцынъ приказалъ поставить изъ выкиднаго дѣса знакъ, съ надписью, что онъ въ 1737 году, 16-го Августа, прошелъ съ двумя судами изъ Обской Губы къ востоку. Въ этомъ мѣствѣ вода горька и солона, цвѣта свѣтлозеленаго; приливъ и отливъ N и S по $3\frac{1}{4}$ мили. Идучи далѣе къ O, на глубинѣ 10, 7, 5 сажень, замѣтили 17-го числа множество дѣсу, несомаго отъ S къ N. Глубины оказывались весьма неровныя, и обширныя мели простирались отъ берега въ море. За мысомъ Мате-Соль къ StO вдался большой заливъ на 100 верстъ, шириною до 35. Далѣе этого залива морской берегъ до устья рѣки Енисея простирается къ SO на 160 верстъ.

30-го Августа мореплаватели наши подошли къ устью рѣки Енисея, и чрезвычайно были обрадованы прибытіемъ на лодкѣ геодезін ученика Прянишникова, который близъ устья Енисея ожидалъ суда, чтобы показать имъ входъ въ рѣку.

1-го Сентября оба судна благополучно вошли въ устье рѣки Енисея, и остановились у магазиновъ, которые, по приказанію начальства, нарочно были построены для припасовъ, нужныхъ нашимъ путешественникамъ. Широта сего мѣста найдена $71^{\circ}31'$; склоненіе компаса $\frac{3}{4}$ румба восточное.

Получивъ изъ магазиновъ провіантъ, и взявъ проводника, знающаго фарватеръ рѣки, лейтенантъ Овцынъ пошелъ 2-го Сентября Енисеемъ; въ про-

* Въ Хронологической исторіи г. Берга, часть I-я стр. 124, ошибочно сказано, что сіе четвертое плаваніе Овцына было въ 1738 году, и что онъ тогда, обошедъ мысъ Ямалъ, вошелъ въ рѣку Енисей; у Миллера также ошибка въ годъ, но мысъ называется онъ Мате-соль. Мысъ Ямалъ, какъ мы выше видали, находится на западной сторонѣ Обской губы. Мате-соль на Самоѣдскомъ языкѣ значить Ту-вой мысъ.

долженіе мѣсяца поднимался онъ вверхъ подъ парусами, поспѣвая сколько возможно къ городу Туруханску, но 2-го Октября остановленъ льдомъ, и зимовалъ въ Ангутскомъ заливѣ, не доходя 30 верстъ до Туруханска. Мастеръ Кошелевъ на дубель-шлюпкѣ остался на нѣсколько верстъ, не могъ идти далѣе, принужденъ былъ спуститься внизъ по Енисею, и при устьѣ рѣки Денешкиной остался для зимованія, въ 100 верстахъ отъ Туруханска.

1738-го года, лейтенантъ Овцынъ, по доносу подчиненныхъ, отданъ подъ судъ. Мастеръ Кошелевъ потребованъ въ С. Петербургъ, для отчета по дѣламъ. Штурману Минину предписано слѣдующаго лѣта идти въ Ледовитое Море, и стараться обойти Таймурскій Мысъ.

По наступленіи весны, оба судна были освидѣтельствованы, и оказалось, что дубель-шлюпка къ плаванію не надежна. Штурманъ Мининъ приготовилъ ботъ, на которомъ Юня 4-го отправился внизъ по рѣкѣ Енисею, и 3-го Августа пришелъ къ ея устью. По выходѣ въ море продолжалъ плаваніе подлѣ берега; 8-го Августа миновалъ утесистаго каменнаго берега мысъ, называемый Ефремовъ камень, въ широтѣ $72^{\circ} 36'$; 9-го, въ широтѣ $72^{\circ} 53'$, на глубинѣ 15 сажень, встрѣтилъ густой ледъ, который принудилъ его возвратиться къ зимовью Волгину; широта онаго найдена $72^{\circ} 20'$. Простоявъ три дня, Мининъ пошелъ опять къ сѣверу вдоль утесистаго каменистаго берега. 16-го, въ широтѣ $73^{\circ} 8'$, сталъ на якорь за утесистымъ же каменистымъ островомъ, отъ матераго берега въ 4 миляхъ; далѣе за великими льдами продолжать плаванія было невозможно. 22-го послалъ на ялботъ штурмана Стерлегова подлѣ берега, для осмотра, не найдется ли гдѣ возможности пройти; черезъ три дня посланный возвра-

тыся, и донесъ, что онъ щель подлѣ самаго берега между льдомъ съ великою трудностію; въ 40 верстахъ отъ судна увидѣлъ, что берегъ заворотился къ востоку и дальній мысъ, впереди, былъ тогда на $ONO \frac{1}{4} O$, въ 16 миляхъ. Итти къ нему штурманъ Стерлеговъ не могъ, по недостатку взятой имъ провизіи, и принужденъ былъ возвратиться къ судну. Вдоль сѣвернаго берега того острова, за которымъ ботъ былъ на якорѣ, глубина 19 и 20 сажень.

Штурманъ Мининъ, простоявъ за островомъ до 30-го Августа, по причинѣ наступившихъ морозовъ, отправился въ обратный путь; 13-го Сентября вошелъ въ рѣку Енисей, и зимовалъ, не доходя до города Туруханска, у зимовья Исакова Терехино.

1739-го года, Юня 3-го рѣка вскрылась. Штурманъ Мининъ весною занялся описью тѣхъ частей Енисея, которыя въ прошедшіе годы не были еще осмотрѣны; въ фарватерѣ нашелъ онъ отъ 2 до 8 сажень глубины. 18-го Юня на ботъ ходилъ Мининъ вверхъ Енисея къ Туруханску, чтобы запастись провизіею, долженъ былъ ожидать оной до 31-го Юля, и потому отправился въ предназначенный ему путь весьма поздно, дошелъ только до устья рѣки Енисея и возвратился.

Въ 1740 году, изъ Туруханска на собакахъ посланъ штурманъ Стерлеговъ къ устью Енисея, для описи морскаго берега до рѣки Таймуры. Онъ поѣхалъ отъ Волгинскаго зимовья, при устьѣ Енисея, и 22-го Марга былъ у сѣверовосточныхъ острововъ, въ широтѣ по наблюденію $73^{\circ} 5'$; 23-го началъ опись; въ тотъ же день, въ широтѣ по наблюденію $75^{\circ} 9'$, нашелъ склоненіе компаса 10° восточное; ему казалось, что въ 3 и 4 верстахъ отъ берега носился ледъ, и какъ онъ говоритъ: «надъ водою

стоитъ парь, яко дымъ». Продолжалъ опись вдоль берега на сѣверъ, Стерлеговъ почти каждый день опредѣлялъ широту по наблюденіямъ. Берегъ материка и близь него лежащіе острова скалисты, до широты $75^{\circ} 13'$,—въ которой находился Стерлеговъ. Апрѣля 12-го. 14-го, на высокому каменному мысу, въ широту $75^{\circ} 26'$, поставили маякъ-компасъ; «склоненіе праваго сѣвера (такъ говоритъ Стерлеговъ) весьма много стало показывать, и не равное, и уповаемо, что въ здѣшнихъ сѣверныхъ мѣстахъ магнитная сила служить не стала.» По причинѣ боли въ глазахъ, отъ блестящей бѣлизны снѣга, какъ у проводниковъ, такъ и у Стерлегова, онъ принужденъ пойти въ обратный путь, и остановился при устьѣ рѣки Пясини, въ зимовьѣ двухъ промышленниковъ, чтобы дать отдохнуть собакамъ, изъ коихъ больше половины такъ истощали, что не могли далѣе везти нартъ. 29-го Мая достигли устья рѣки Енисея.

Штурманъ Мининъ, 7-го Іюня, на ботѣ отправился внизъ по рѣкѣ Енисею; 4-го Августа вышелъ въ Ледовитое Море, и слѣдовалъ вдоль берега къ сѣверу. Прощедъ острова сѣверовосточные, терпѣлъ жестокой штормъ отъ SW и NW, потерялъ яликъ, который висѣлъ на боканцахъ; 14-го Августа, для укрытія отъ волненія, зашелъ за рифъ, гдѣ и отстоялся на якорѣ. Продолжая плаваніе, 16-го находился близь устья рѣки Пясини, въ которое по причинѣ мелей, войти не могъ. 17-го, осмотрѣвъ заливъ въ устьѣ этой рѣки, дабы въ случаѣ нужды найти надежное убѣжище. Заливъ закрытъ отъ NW вѣтровъ, глубина $4\frac{1}{2}$ сажени, грунтъ хорошъ. 20-го, въ широтѣ по наблюденіямъ $74^{\circ} 43'$, усмотрѣли за двумя островами закрытый заливъ. При благополучномъ вѣтрѣ продолжая плаваніе на N, находили глубину 8, 10 сажень, и вдругъ лотомъ не достали

дна *. Августа 21-го въ широтѣ 75° 15', Мининъ встрѣтилъ непроходимый ледъ, и потому въ журналѣ его сказано: «отъ незнанія впереди положенія берега, къ прибъжищу отъ всѣхъ случаевъ, къ сохраненію судна принужденъ былъ поворотить назадъ.» Время уже настояло холодное, и Дельлевъ термометръ опускался на 209° (Реомюр. 3°). 28-го Августа вошли въ устье р. Енисея, вверхъ которой продолжали плаваніе до широты 69° 40', гдѣ 16-го Сентября, при устьѣ рѣки Дудины остановились зимовать.

Въ 1741 году, штурманъ Мининъ описывалъ рѣку Енисей до города Енисейска, гдѣ оставя ботъ Почталіонъ-Обь, съ командою отправился въ С. Петербургъ.

На дубель-шлюпку Якутскъ, подобную Оби, построенную въ Якутскъ, назначенъ командиромъ лейтенантъ Провчищевъ, которому предписано идти Ледовитымъ Моремъ отъ устья Лены на западъ къ Енисею, на встрѣчу боту Оби, подъ командою лейтенанта Овцына. Въ то же время приготовлено было въ Якутскъ другое судно, Иркутскъ, подъ начальствомъ лейтенанта Ласиніуса, которому велѣно идти на востокъ по Ледовитому Морю, близъ береговъ, и стараться пройти Беринговымъ проливомъ въ восточный Океанъ, а потомъ продолжать путь къ Камчаткѣ, или къ рѣкѣ Анадыру.

Іюня 30-го 1735 года, оба судна отправились внизъ по теченію рѣки Лены, сопровождаемыя дочанниками, на коихъ погруженъ былъ запасный провіантъ, съ другими разными потребностями. Плаваніе по Ленѣ совершили безъ всякаго затрудненія; глубина по рѣкѣ найдена отъ 4 до 9 сажень; берега были покрыты лиственничнымъ и березовымъ

* Въ журналѣ не упомянуто, сколько сажень льда выпустили.

лѣсомъ; мореплаватели миновали много острововъ, на которыхъ, такъ, какъ и на берегахъ рѣки, видѣли промышленниковъ, ловившихъ рыбу; по всемъ этимъ обстоятельствамъ путешествіе было довольно пріятное.

2-го Августа пришли къ устью Лены, впадающей въ Ледовитое Море пятью рукавами, образуя чрезъ то четыре острова; 8-го, восточнымъ рукавомъ, называемымъ Быховскій Протокъ, вышли въ Ледовитое Море; тогда, перегрузивъ на суда провіантъ и припасы, отправили дощаники обратно въ Якутскъ.

9-го Августа, оба мореплавателя разстались, пожелавъ другъ другу достигнуть благополучно назначенной имъ цѣли. Ласиніусъ пошелъ на востокъ. Прончищевъ, за противнымъ вѣтромъ не прежде 14-го, направилъ путь къ сѣверу, обходя острова Кырылалъ, Тумиты и Креста, которые лежатъ въ устьѣ рѣки Лены, и ея рукавами отдѣляемы отъ матерой земли.

16-го Августа Прончищевъ увидѣлъ къ сѣверу множество льду, и потому не удаляясь отъ вышеупомянутыхъ острововъ, но держась подлѣ нихъ, шелъ къ сѣверу и сѣверозападу, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$, 2 и $2\frac{1}{2}$ сажень; 24-го пришелъ къ западному устью рукава Лены, поворотилъ на югъ, внутрь губы, къ устью рѣки Оленекъ, къ которому приблизясь, 26-го числа сталъ на якорь, и послалъ промѣривать фарватеръ, ведущій въ рѣку; 30-го вошелъ въ устье, и остановясь у берега, противъ пустыхъ лѣтнихъ промышленническихъ юртъ, расположился зимовать.

20-го Сентября, крѣпкимъ сѣвернымъ вѣтромъ нанесло съ моря въ рѣку множество льда, который бѣвшимъ тогда морозомъ скрѣпило, и рѣка стала.

5-го Октября отдѣлали для жилья землянки, и команда съ судна перебралась въ нихъ. Ширина этого мѣста по наблюденіямъ найдена $72^{\circ} 54'$. 10-го Ноября солнце скрылось за горизонтъ *.

Съ наступленіемъ весны 1736 года лейтенантъ Прончищевъ началъ готовить судно къ походу, но рѣка Оленекъ вскрылась до устья не ранѣе 21-го Іюня, и тогда въ морѣ стоялъ еще твердый ледъ.

3-го Августа отнесло льды отъ устья Оленека, и Прончищевъ направилъ путь къ сѣверозападу.

5-го, пришедъ въ устье рѣки Анабары, посылалъ геодезиста Чекина вверхъ по рѣкѣ, промѣривать глубину; чрезъ 6 дней Чекинъ возвратился.

12-го Прончищевъ отправился далѣе къ сѣверу вдоль берега, но отойдя только 32 мили, встрѣтилъ льды, между коими, при противномъ вѣтрѣ, лавировалъ; 13-го пробрался къ устью губы Хотанги, которая при входѣ шириною до 30 миль; на срединѣ два острова, одинъ низменный и отъ него къ за-

* Въ Запискахъ Адмиралтейскаго Департамента, выведена изъ показаннаго времени сокрытія солнца за горизонтъ широта мѣста $70^{\circ} 57'$, и по разности сей широты съ опредѣленною Прончищевымъ заключили, что сія послѣдняя опредѣлена невярно. Основывался на ошибочномъ предположеніи, и на широтѣ устья Колымы, найденной капитаномъ Биллингсомъ, $69^{\circ} 29'$, на $1^{\circ} 46'$ менше означенной на прежнихъ картахъ Ледовитаго Моря, выведено заключеніе, «что берегъ Ледовитаго моря на прежнихъ картахъ, т. е. картахъ, сочиненныхъ морскими офицерами, бывшими съ Прончищевымъ, положенъ на полтора градуса сѣвернѣе настоящаго. Для опроверженія всего этого нужно токмо замѣтить:

1. Ширина устья Оленека на картѣ Прончищева $72^{\circ} 54'$.

— — — — — лейт. Анжу. $72^{\circ} 57'$.

2. Ширина (счислимая) маяка при устьѣ рѣки Колымы, Лаптевымъ $70^{\circ} 05'$.

лейт. Врангелемъ $69^{\circ} 35'$.

3. Въ большихъ сѣверныхъ широтахъ, зимою и при тапін снѣговъ весною, горизонтальная рефракція бываетъ столь велика и не равномерна, что нарушаетъ вѣрность обыкновеннаго математическаго вычисленія широты, по времени сокрытія свѣтилъ за горизонтомъ.

паду другой утесистый каменный; глубина въ устьѣ отъ 9 до 12 сажень. Прончицевъ, усмотря на берегу шалашъ, послалъ провѣдать, нѣтъ ли жителей; посланные вскорѣ возвратясь, объявили, что усмотрѣнный шалашъ зимовье промышленниковъ; людей не видали; нашли только собакъ и свѣжій хлѣбъ, изъ чего заключили, что хозяинъ вышелъ на промыселъ.

По наблюдению высоты солнца, Августа 14-го, находились въ широтѣ $74^{\circ} 48'$; склонение компаса было $1\frac{1}{2}$ румба восточное; устье губы Хотанги отстояло на SW $2^{\circ} 44'$, въ 30 миляхъ.

17-го увидѣли губу, покрытую сплошнымъ льдомъ, мимо коего пробирались далѣе съ великимъ трудомъ, на глубинѣ отъ 2 до 14 сажень. Между льдомъ видѣли много острововъ, но за туманомъ величины ихъ опредѣлить не могли. По счисленію, мореплаватели наши полагали, что они въ 120 миляхъ отъ устья губы Хотанги, въ широтѣ $76^{\circ} 20'$.

18-го, держась подлѣ стоячаго льда, по препятствіямъ отъ льда плавающего, шли впередъ весьма медленно. Высокія горы, покрытыя снѣгомъ, видны были за низменнымъ берегомъ, въ отдаленіи на югозападъ. Море было наполнено буграми плавающего льда, и въ губѣ стоялъ неподвижный гладкій ледъ.

19-го, прошли мимо большой губы, которая простиралась на югозападъ до 20 миль; впереди увидѣли два острова, и между ними проливъ, шириною около мили.

Прошедъ сіи острова, Прончицевъ держалъ къ сѣверу, дабы обойти сплошные, не ломанные льды, пролегающіе изъ губы въ море; суда были подвержены непрестанной опасности быть раздавленными отъ льда. Въ полдень мореплаватели наши полагали,

что находятся противъ устья рѣки Таймуры, берега коей возвышены. Глубина моря поперегъ губы Таймурскаго устья была отъ 10 до 35 сажень *. Пробиваясь далѣе къ западу, видѣли между островами много плавающихъ бѣлугъ и летающихъ чакъ. Это еще болѣе удостовѣряло, что были точно при устьѣ рѣки Таймуры **, но войти въ него не имѣли возможности, по причинѣ стоящаго сплошнаго льда, который, кажется, всегда неподвиженъ; у береговъ не видно было ни какихъ заплесковъ, но отъ него простирались въ море лдяныя закраины, по коимъ во множествѣ ходили бѣлые медвѣди. 20-го Августа, около полуночи, судно льдами сжало со всѣхъ сторонъ, такъ, что не было возможности итти далѣе, и потому въ широтѣ сѣверной 77° 29', Прончищевъ рѣшился, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, возвратиться, и итти зимовать въ рѣку Хотангу, или другое удобное мѣсто. Въ сіе время настала совершенная тишина, сдѣлался морозъ, и море покрылось льдомъ. Оставалось одно средство пробираться назадъ греблею между льдовъ.

25-го задулъ крѣпкій сѣверный вѣтеръ, и судно со льдами понесло къ югу. Мореплаватели наши отчаявались въ своемъ спасеніи, но на другой день, къ счастью ихъ, сильными порывами вѣтра разнесло весь ледъ, и открылся свободный путь; тогда воспользовались благополучнымъ вѣтромъ, пришли къ устью рѣки Хотанги, но войти въ него не имѣли

* Въ Запискахъ Адмиралтейскаго Департамента сказано, что 18-го Августа, съ 5 сажень вдругъ оказалось 113 сажень глубины, а не много далѣе лотомъ дна не достали. Въ подлинномъ журналѣ Прончищева объ этомъ ничего не упомянуто.

** Прончищевъ ошибался, полагая себя противъ устья Таймуры, впадающей въ губу по западной сторонѣ сѣверовосточнаго мыса, котораго онъ не обошелъ, въ чемъ легко можно удостовѣриться, сравнивъ журналъ его съ описью Л. Х. Лашева и штурмана Челоскина.

возможности, по множеству льду, и отъ того направили путь къ рѣкѣ Оленекъ; 28-го достигли ея устья; за противными вѣтрами и льдами носимы были шесть дней взадъ и впередъ. Весь экипажъ отъ стужи и трудовъ былъ въ великомъ изнеможеніи, и едва управлялъ парусами, которые отъ мокроты и стужи оледенѣли. Прончищевъ, больной, не могъ выходить изъ каюты; болѣзнь его еще болѣе усилилась отъ отчаяннаго положенія его судна, и онъ, къ крайней горести всѣхъ его подчиненныхъ, умеръ 30-го Августа. Послѣ него вступилъ въ начальствованіе судномъ штурманъ Челюскинъ.

3-го Сентября, мореплавателямъ нашимъ удалось войти въ устье Оленека. На другой день, они съ надлежащею почестью отдали послѣдній долгъ бывшему своему начальнику. Несчастная супруга Прончищева, бывшая съ нимъ въ этомъ путешествіи, лишась нѣжно любимаго ею мужа, не перенесла такой потери; свѣдаемая печалію, она вскорѣ за нимъ послѣдовала, и похоронена съ нимъ вмѣстѣ.

18-го Сентября, Оленекъ покрылся льдомъ. Штурманъ Челюскинъ зимовалъ при сей рѣкѣ; слѣдующаго 1737 года, въ исходѣ Іюля, вышелъ онъ на дубель-шлюпкѣ въ Ледовитое Море, и предполагая, что послѣ тщетныхъ покушеній прошедшаго лѣта, и при очевидной невозможности миновать сѣверный Таймурскій мысъ, предпринимать вторичное плаваніе на западъ къ устью Енисея напрасно, рѣшился идти назадъ къ устью Лены, и по оной вверхъ возвратиться въ Якутскъ. По прибытіи въ этотъ городъ не нашелъ онъ тамъ командора Беринга, который тогда былъ въ Охотскѣ, послалъ къ нему рапортъ о своемъ возвращеніи, и отправился въ С. Петербургъ, для личнаго объясненія высшему начальству о плаваніи лейтенанта Прончищева. Адмиралтействъ Коллегія,

по рассмотрѣніи карты Ледовитаго Моря, представленной штурманомъ Челюскинымъ, не утвердися на его объясненіяхъ о невозможности пройти къ рѣкѣ Енисею, положила, для большаго удостовѣренія, испытать еще разъ, не удастся ли слѣдующимъ лѣтомъ, на дубель-шлюпкѣ, по Ледовитому Морю обойти сѣверный Таймурскій Мысъ; когда же при всѣхъ усиліяхъ сего сдѣлать невозможно, тогда осмотрѣть и описать мысъ берегомъ. Штурманъ Челюскинъ отправленъ обратно въ Якутскъ; между тѣмъ командиромъ на дубель-шлюпку опредѣленъ вмѣсто лейтенанта Прончишева, лейтенантъ Харитонъ Лаптевъ.

1739 г. лейтенантъ Лаптевъ, исправя дубель-шлюпку, и запасшись на два года провіантомъ, 9-го Іюня пошелъ отъ Якутска внизъ по рѣкѣ Лепѣ; 20-го Іюля, вышедъ въ Ледовитое Море черезъ Крестовскій рукавъ, на устьѣ сего рукава построилъ изъ выкиднаго лѣса маякъ, вышиною въ 7 сажень, отпустилъ обратно въ Якутскъ дощаники, кромѣ одного, который отправилъ къ устью Оленека, велѣлъ тамъ выгрузить провіантъ, и на дубель-шлюпкѣ пошелъ къ западу вдоль берега. Вскорѣ встрѣтилъ льды; продолжая путь между оными миновалъ рѣку Оленекъ; потомъ губу, покрытую стоячимъ льдомъ, по которому бѣгали во множествѣ песцы и одинъ бѣлый медвѣдь; губу сію назвалъ онъ Нордвигъ; наконецъ, 6-го Августа пришелъ къ устью губы Хотанги. Въ этомъ мѣстѣ лейтенантъ Лаптевъ намѣренъ былъ выгрузить съ дубель-шлюпки часть провіанта, но окруженная со всѣхъ сторонъ льдомъ, который принесло возставшимъ сѣвернымъ вѣтромъ, дубель-шлюпка была совершенно сжата, и ежеминутно надлежало ожидать ея крушенія. Въ такомъ опасномъ положеніи мореплаватели находились до 16-го Августа;

тогда переименнвшійся вѣтръ отнесъ льды въ море, и они продолжали путь къ сѣверу. На льдинахъ видѣли множество лежащихъ моржей.

20-го, прошли мимо мыса святаго Фаддея. Льды вновь прижимали дубель-шлюпку къ берегу, и наконецъ стоячіе льды совсѣмъ заградили имъ путь.

21-го, остановясь на якорѣ подлѣ самаго мыса св. Фаддея, въ широтѣ $76^{\circ} 47'$ по счисленію, лейтенантъ Лаптевъ послалъ геодезиста Чекина по льду, узнать, далеко-ли на западъ простирается матерой берегъ. Въ то же время два человѣка посланы къ югу берегомъ, отыскать устье рѣки Таймуры, и шестеро на мысъ, для устройства на ономъ маяка; они нашли на самомъ мысѣ мамонтовъй рогъ. «Мысъ св. Фаддея состоитъ изъ каменнаго утеса, и простирается въ губу къ S и къ W; мѣстами мелкій камень, бѣлый какъ алебастръ, вязкая глина, и изрѣдка мохъ, негодный для корма оленей.» Къ NW видѣли землю, и на ней высокія горы, мѣстами покрытыя снѣгомъ, и простирающіяся отъ N къ S около 30-ти верстъ. Лейтенантъ Лаптевъ полагалъ, что земля эта была та самая, отъ которой, въ 1736. году, лейтенантъ Прончищевъ пошелъ въ обратный путь, а островъ, отстоявшій отъ нихъ на NW близъ 10-ти миль, признанъ за послѣдній къ сѣверу, въ прошедшую кампанію описанный, и названъ островомъ св. Лаврентія.

Геодезистъ Чекинъ возвратился не разсмотрѣвъ, по причинѣ тумана, положенія берега; штурманъ Челюскинъ, посланный на берегъ для обозрѣнія моря, по возвращеніи донесъ, что далѣе къ сѣверу губа и море покрыты гладкимъ, сплошнымъ льдомъ, и что не видно никакого прохода. Тогда лейтенантъ Лаптевъ, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, рѣ-

шился, по причинѣ приближающейся осени, и уже наступившихъ морозовъ, возвратиться.

На обратномъ пути, мореплаватели были подвержены непрестаннымъ опасностямъ отъ льдовъ, между коими пробирались съ великимъ трудомъ. Наконецъ, 27-го Августа, благополучно вошли въ Хотангу, гдѣ и остались зимовать, при устьѣ рѣчки Блудной. Въ этомъ мѣстѣ нашли осѣдлыхъ Тунгусовъ, называемыхъ Сидячими, потому, что не кочуютъ, а живутъ на одномъ мѣстѣ; они не имѣютъ оленей, а вмѣсто ихъ, для зимней ѣзды, держатъ собакъ, и запрягаютъ въ нарты, точно такъ, какъ Охотскіе сидячіе Тунгусы.

Экипажъ съ дубель-шлюпки перешелъ на берегъ въ избушки, которыя устроили изъ выкиднаго лѣса, но какъ по близости было его недостаточно и для построения жилищъ, а къ согрѣванію въ зимнее время надлежало имѣть весьма большое количество дровъ, то всѣ служители должны были ходить за лѣсомъ ежедневно по нѣскольку верстъ. Сіе безпрестанное движеніе много предохранило ихъ отъ цынготной болѣзни.

Лейтенантъ Лаптевъ, стараясь въ точности исполнить порученное ему изслѣдованіе о положеніи Таймурскаго мыса, отправилъ, 1740 года, 23-го Марта, геодезиста Чекина, на собакахъ къ рѣкѣ Таймурѣ, для описи морскаго берега, отъ устья оной къ сѣверу лежащаго, до рѣки Писины. Тунгусы взялись вести Чекина на своихъ семи нартахъ, запряженныхъ собаками. Двое оленныхъ Тунгусовъ, съ 18-ю оленями, согласились соупотствовать, но 9-го Апрѣля возвратились, и объявили, что у нихъ всѣ олени отъ недостатка корма пали.

17-го Мая, геодезистъ Чекинъ, возвратясь, донесъ, что онъ доѣхавъ до рѣки Таймуры, продолжалъ

путь внизъ оной до морскаго берега, и потомъ вдоль онаго къ западу до 100 верстъ. Тогда увидѣль, что направленіе берега прямо на югъ. Отъ сего мѣста далѣе подлѣ моря слѣдовать онъ не могъ, по недостатку корма для собакъ, и долженъ былъ возвратиться, дабы поспѣшить къ зимовью.

Лейтенантъ Лаптевъ, зная изъ опыта, что сѣверный Таймурскій Мысъ обойти моремъ невозможно, по причинѣ простирающагося отъ онаго сплошнаго, неподвижнаго льду, не разсудилъ предпринимать вторичнаго плаванія, и рѣшился итти къ устью Лены. Два раза выходилъ онъ въ море, но льды принуждали его возвращаться въ Хотангскую Губу; 30-го Іюля выпелъ въ третій разъ, и съ великимъ трудомъ сталъ пробираться между льдами къ востоку.

13-го Августа, дубель-шлюпку сжало льдами, выломило форштевень, и пробило подводную ея часть, отъ чего оказалась великая течь. Три дня безпрестанно отливали воду, но какъ она не убывала, то сбросили пушки и прочія тяжести въ море, и начали выгружать провизію на ледъ, чтобы облегчить судно и спасти отъ потопленія.

Въ семь бѣдственномъ положеніи, мореплаватели наши, находясь далеко отъ береговъ, носимые между льдовъ вѣтрами и теченіемъ, совершенно предалися отчаянію и ожидали томительной смерти.

19-го, наставшій сильный морозъ покрылъ тонкимъ льдомъ поляны мѣста между льдинами; тогда нѣкоторые смѣлые изъ служителей дубель-шлюпки пошли пѣшкомъ по льду къ берегу, полагая, что оный находится къ югу въ 20-ти верстахъ; во многихъ мѣстахъ встрѣчали полыньи, чрезъ которыя принуждены были переплывать на малыхъ льдинахъ, съ великою опасностію, и наконецъ благополучно достигли берега. Три дня послѣ того про-

должавшійся морозъ покрылъ все море твердымъ льдомъ; лейтенантъ Лаптевъ, забравъ сколько возможно провизіи, перешелъ со всѣмъ экипажемъ на берегъ. Сначала обрадовались, достигнувъ твердой земли, но скоро увидѣли, что положеніе было не лучше прежняго, ибо не могли продолжать пути къ своему Хотангскому зимовью, по причинѣ рѣчекъ, которыя тогда еще не стали, но покрыты были густымъ несущимся льдомъ; должно было оставаться на пустомъ берегу, гдѣ не находили даже и дровъ, для согрѣванія себѣ и варенія пищи. Вырыли въ землѣ ямы, въ которыхъ укрывались отъ стужи и вѣтровъ; между тѣмъ посылали попеременно людей къ дубель-шлюпкѣ, переносить на берегъ сухари и прочую провизію, но 30-го, возставшимъ крѣпкимъ вѣтромъ, весь ледъ взломанъ и унесенъ въ море, вмѣстѣ съ дубель-шлюпкой, и мореплаватели наши лишились большей части провизіи, оставшейся на льдинахъ. Послѣ сего провели три недѣли въ пустомъ мѣстѣ, претерпѣвая стужу и голодъ, отъ чего многіе умерли, но при всемъ томъ оставшіеся сохранили бодрость, и съ твердостью, безъ роптанія, перенесли свое несчастіе.

21-го Сентября, преграждавшія путь рѣчки покрылись крѣпкимъ льдомъ, и лейтенантъ Лаптевъ съ командою началъ пробираться къ прежнему своему зимовью. Путь былъ весьма трудный и продолжительный; малую часть провизіи, истощенныя собаки везли на нартахъ; прочее несли служители на себѣ, прокладывая дорогу по неровнымъ и неизвѣстнымъ мѣстамъ; наконецъ, изнуренные 25-ти дневнымъ странствованіемъ, прибыли къ прежнему зимовью на рѣкѣ Хотангѣ, лишась дорогою 12-ти человекъ, умершихъ отъ стужи, голода и болѣзней.

Лейтенантъ Лаптевъ расположился провести зиму въ Хотангскомъ зимовьѣ, и весною, какъ скоро возможно будетъ, пробираться со всею командою къ устью рѣки Енисея, гдѣ находился приуготовленный въ магазинахъ провіантъ. Въ данномъ ему наставленіи предписано было осмотрѣть и описать сѣверный мысъ, между рѣками Хотангою и Таймурою, и ежели сего не можно будетъ исполнить моремъ, то произвестъ берегомъ, а потому, въ началѣ Апрѣля 1744-го года, онъ послалъ на собакахъ штурмана Челюскина къ рѣкѣ Пясинѣ, и велѣлъ ему, выкормя собакъ и запасшись кормомъ у сидчихъ Тунгусовъ, живущихъ въ сихъ мѣстахъ, ѣхать на сѣверо-востокъ вдоль морскаго берега, къ устью рѣки Таймуры.

Лейтенантъ Лаптевъ, приготовляясь отправиться на встрѣчу штурману Челюскину, и съ восточной стороны, кругомъ мыса Таймурскаго, описать берегъ, неосмотрѣнный лѣтомъ, послалъ Апрѣля 8-го, на 19-ти нартахъ, провіанта и другихъ съѣстныхъ припасовъ къ устью рѣки Таймуры, и на озеро Таймурское, а 10-го отправилъ на 60-ти оленьихъ санкахъ команду свою къ устью Енисея.

22-го, геодезистъ Чекинъ поѣхалъ, на 3-хъ нартахъ, для описи морскаго берега до Таймуры, а 24-го лейтенантъ Лаптевъ, чрезъ тундру, къ Таймурскому озеру, куда прибылъ 30-го, миновавъ нѣсколько озеръ и рѣчекъ, по курсу NW, на разстояніи около 192 верстѣ. Отъ этого мѣста до вершины рѣки Таймуры, истекающей изъ сего озера, полагалъ онъ 22 версты, по румбу WNW. Сѣверные берега озера и рѣки (ширина ея отъ 2 до 2½ верстѣ) состоятъ изъ высокихъ горъ, образованныхъ изъ камня желтоватаго цвѣта. Въ горахъ надъ берегомъ замѣтили пещеру, въ 5-ть сажень длины, и въ 3 по-

перегъ, коей стѣны состоятъ изъ чернаго аспида, а дно «камень бѣлый, какъ алебастръ.» Слѣдуя по всѣмъ извилинамъ рѣки, Мая 6-го, Лаптевъ достигъ ея устья, гдѣ дожидались уже посланные впередъ нарты съ провизіями; по наблюденію широта этого мѣста найдена $75^{\circ} 36'$; склоненіе компаса 2 румба восточное. Мая 10-го отправились чрезъ тундру на востокъ, дабы выѣхать къ морскому берегу, и оный описать, но мучительная глазная боль принудила Лаптева возвратиться къ зимовью на устьѣ Таймурское, куда и прибылъ онъ 17-го. Оставя запасы для геодезиста Чекина, которому надлежало непременно быть къ зимовью, Лаптевъ отправился 20-го числа къ западу, на встрѣчу штурману Челюскину, производившему опись берега отъ рѣки Пясины къ востоку; въ полдень того же дня опредѣлилъ широту $75^{\circ} 33'$; 21-го прѣѣхалъ къ скалистому мысу, гдѣ опредѣлилъ широту $75^{\circ} 49'$, и склоненіе компаса 2 румба восточное, продолжалъ описывать берегъ, слѣдуя вдоль онаго по льду, который, по видимому, льдомъ былъ неподвиженъ; берегъ мѣстами крутой, мѣстами отлогой; въ полдень 24-го, по наблюденію, широта мѣста $76^{\circ} 38'$.

Прѣѣхавъ 3 версты SW, и удостовѣривъ, что направленіе берега идетъ къ югу, лейтенантъ Лаптевъ поставилъ маякъ на примѣтномъ мысѣ, отъ котораго въ 17-ти верстахъ прѣѣхалъ къ маяку, построенному геодезистомъ Чекинымъ, въ 1740 году. 26-го широта по наблюденію опредѣлена $76^{\circ} 23'$; въ этомъ мѣстѣ нашли довольно много плавнику; на восточномъ берегу онаго не видно. 29-го, по наблюденію, широта найдена $75^{\circ} 37'$, а Іюня 1-го $75^{\circ} 21'$; берегъ возвышенный и на ономъ отлогія горы. 2-го Іюня лейтенантъ Лаптевъ встрѣтился съ штурманомъ Челюскинымъ, и съ нимъ про-

должалъ путь вдоль берега, до устья рѣки Пясины, гдѣ находится Тунгусское жилие. Прибывъ къ оному Юня 10-го, опредѣлили широту мѣста $73^{\circ} 38'$ (на подлинной картѣ штурмана Минина, устье сей рѣки въ широтѣ $73^{\circ} 38'$), а склоненіе компаса $21^{\circ} 00'$ восточное. Лаптевъ на пути видѣлъ маякъ, поставленный Мининымъ, и въ лабазахъ оставлялъ съѣстные припасы для геодезиста Чекина.

На другой день по прибытіи къ жилию, лейтенантъ Лаптевъ отправилъ штурмана Челюскина берегомъ къ Енисею, а самъ за худостію собакъ остался весновать.

Штурманъ Челюскинъ, прибывъ 29-го Юля на устье рѣки Енисей, продолжалъ путь вверхъ рѣки; 4-го Августа соединился съ лейтенантомъ Лаптевымъ, который отъ устья рѣки Пясины прѣхалъ на оленяхъ, прямымъ путемъ, чрезъ тундру. Августа 11-го сошлись со всею командою, которая ожидала начальника при устьѣ рѣки Дудина, впадающей въ Енисей въ широтѣ $69^{\circ} 40'$. Къ неудовольствію Лаптева, весьма неожиданно встрѣтилъ его и геодезистъ Чекинъ, который, по недостатку въ разныхъ припасахъ, принужденъ былъ возвратиться къ Хотангъ, откуда прямымъ путемъ прѣхалъ къ рѣкѣ Дудина. 29-го Августа всѣ прибыли въ городъ Мангазей, гдѣ остались зимовать.

Лейтенантъ Лаптевъ, желая довершить опись берега, простирающагося къ западу отъ мыса Св. Фаддея, отправилъ Декабря 4-го штурмана Челюскина, на 5-ти нартахъ, и 8-го Февраля, 1742-го года, выѣхалъ изъ Мангазея, на 5-ти же нартахъ, для произведенія этой описи.

Лейтенантъ Лаптевъ возвратился въ Мангазей Юля 16-го, не приобщивъ къ прежней описи ничего новаго; штурманъ Челюскинъ прѣхалъ къ мысу

Св. Фаддея Мая 1-го, и занимался описью берега, удостоверился, что мысь Св. Фаддея не есть самая сѣверная оконечность Азіи; однако жъ, хотя и объѣхалъ онъ часть берега, которая до того времени не была описана, но какъ не произведено наблюдений для опредѣленія широты, и опись была весьма поверхностная, то о положеніи этого берега знаемъ токмо, что оный омываемъ океаномъ, не соединялся ни съ какою неизвѣстною, къ сѣверу лежащею землею; изъ журнала Челюскина не видно даже счислимой широты самой сѣверной оконечности этого берега. Мая 15-го, находясь на описанномъ прежде берегу, Челюскинъ пріѣхалъ чрезъ тундру къ ближайшимъ Якутамъ, и 20-го Іюля соединился съ лейтенантомъ Лаптевымъ въ Мангазеѣ.

Лейтенантъ Лаптевъ, со всѣми состоявшими подъ его начальствомъ, отправился изъ Мангазея вверхъ по рѣкѣ, производилъ опись оной до города Енисейска, куда прибылъ 27-го Августа, и потомъ поѣхалъ въ С. Петербургъ, для личнаго донесенія Адмиралтействъ Коллегіи о своемъ путешествіи.

1735 года Августа 9-го, лейтенантъ Ласиніусъ, разставшись при устьѣ рѣки Лены, съ лейтенантомъ Прончищевымъ, шелъ къ востоку; 13-го числа встрѣтилъ льды, между которыми съ великимъ трудомъ подвигался впередъ; 18-го Августа, видя невозможность продолжать путь далѣе, за множествомъ льду, принужденъ былъ, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, зайти въ рѣку Харіулахъ, отъ восточнаго устья Лены, называемаго Быковскимъ протокомъ, въ 120 верстахъ, гдѣ и расположился зимовать.

Въ этомъ мѣстѣ нашли много выкиднаго лѣса, и построили съ разными отдѣленіями избу, въ которой помѣстилась вся команда. Въ продолженіе зимы, отъ тѣсноты покоевъ и малаго движенія, всѣ под-

верглись цынготной болѣзни, и она къ веснѣ такъ усилилась, что большая часть изъ служителей, и лейтенантъ Ласиніусъ умерли; осталось живыхъ, изъ 52 человекъ, только священникъ, подштурманъ и 7 матросовъ. Командоръ Берингъ, извѣстясь о смерти лейтенанта Ласиніуса и его спутниковъ, послалъ изъ Якутска къ рѣкѣ Харіулахъ штурмана Щербина и 14 человекъ служителей; они прѣехали къ мѣсту зимовки 4-го Іюня 1736 года, нашли всѣхъ оставшихся людей зараженными цынгою, и къ службѣ неспособными, почему Щербинъ отправилъ ихъ въ Якутскъ. Между тѣмъ командоръ Берингъ, вмѣсто лейтенанта Ласиніуса, опредѣлилъ командиромъ на ботъ Иркутскъ лейтенанта Дмитрія Лаптева, который со всѣми, подъ его начальство назначенными, изъ Якутска на дощаникахъ, нагруженныхъ потребнымъ количествомъ провіанта, отправился внизъ рѣкою Леною. Когда вышелъ онъ въ Ледовитое Море, непроходимые льды не позволили ему продолжать пути далѣе; онъ оставилъ у Быковского устья дощаники, и на легкихъ лодкахъ подлѣ берега пробирался между льдами къ рѣкѣ Харіулахъ, гдѣ находился ботъ. 18-го Іюня начали приготавливать оный для предназначеннаго плаванія.

30-го, лейтенантъ Лаптевъ вышелъ въ Ледовитое море, и для забранія съ оставленныхъ имъ дощаниковъ провіанта, направилъ путь къ устью Лены. По морю носило множество льду, между которыми съ великимъ трудомъ пробрался онъ къ Быковскому устью; перегрузилъ съ дощаниковъ на ботъ провизию, и 11-го Августа отправился по Ледовитому морю на востокъ вдоль берега; два дня шелъ между льдовъ; на третій день ботъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ льдами, которые сдвинувшись, зажали его такъ, что невозможно было управлять. Въ

семь положеніи боть носило по морю до 15 Августа; тогда льды нѣсколько раздвинулись. Мореплаватели наши, видя невозможность продолжать путь далѣе, рѣшились, съ общаго совѣта, возвратиться къ устью Лены. Августа 22-го вошли въ устье Быковского протока, по которому съ великимъ трудомъ продолжали плаваніе, и отыскивая фарватеръ, становились часто на мель. 27-го усмотрѣли по поллярной звѣздѣ склоненіе компаса $3^{\circ} 00'$ восточное, «и въ тотъ же день вступили въ рѣку, близъ такъ называемаго Столба» гдѣ глубина была 20, 15, 10 сажень, а далѣе вверхъ рѣки по фарватеру 5, 3, 2 сажени. 6 Сентября вошли въ рѣку Хуматорки, гдѣ остались зимовать. Вскорѣ послѣ того понесло по рѣкѣ густой ледъ, и 8-го числа Лена онымъ покрылась. Во время зимы у многихъ изъ служителей оказалась цынга, отъ которой избавлялись движеніемъ, и декогтомъ изъ коры и шишекъ кедроваго кустарника.

Лейтенантъ Лаптевъ послалъ къ командору Берингу, находившемуся въ Якутскѣ, донесеніе о своемъ плаваніи, и о невозможности пройти по Ледовитому морю около мысовъ Борго и Святаго, протирающихся между рѣками Леною и Индигиркою далѣе прочихъ къ сѣверу; стоявшіе около этихъ мысовъ сплошные льды препятствовали идти далѣе. Якуты увѣряли, что льды никогда неотнести отъ береговъ. Лаптевъ доносилъ, что всѣ покушенія, которыя впредь предприняты будутъ, почитаешь оныя тщетными, и потому просилъ позволенія возвратиться съ дубель-шлюпкою въ Якутскъ; командоръ Берингъ позволилъ ему это исполнить.

1737 года, Мая 29-го, пошелъ лейтенантъ Лаптевъ вверхъ по Ленѣ, на глубинѣ 4, $3\frac{1}{2}$ и 3-хъ сажень. По возможности производилъ онъ опись рѣки, и 2-го Іюня прибылъ въ Якутскъ. По приказанію Бе-

ринга, Лаптевъ отправился въ С. Петербургъ, для личнаго донесенія о своемъ плаваніи высшему начальству, представилъ Адмиралтействъ Коллегіи карту своего путешествія, и объяснилъ затрудненія и препятствія, которыя не позволяли ему пройти по Ледовитому морю къ устью рѣки Колымы. Коллегія донесла о томъ Правительствующему Сенату. Карты и журналъ лейтенанта Лаптева были разсматриваемы въ Сенатѣ, и положено еще разъ сдѣлать покушеніе отъ рѣки Лены по Ледовитому морю къ востоку, и когда невозможно будетъ пройти моремъ, тогда произвести опись морскаго берега сухимъ путемъ, на собакахъ, или на оленяхъ. Въ слѣдствіе этого Лаптевъ отправленъ обратно въ Якутскъ.

1739 года, весною, посланъ сухимъ путемъ изъ Якутска матросъ Лошкинъ, описывать берегъ отъ устья Лены до Святаго Носа. Между тѣмъ, ботъ Иркутскъ былъ исправленъ и снабженъ провизією, и 7-го Іюня Лаптевъ отправился на немъ изъ Якутска внизъ по Ленѣ; 21-го Іюля, Быковскимъ рукавомъ, вышелъ онъ изъ устья рѣки въ Ледовитое Море. Тогда возвратился на ботъ матросъ, посыланный берегомъ, для описи мысовъ Борго и Святаго.

23-го Іюля ботъ стоялъ за Быковскимъ мысомъ, укрываясь отъ носившихся въ морѣ льдовъ; широту мыса Лаптевъ опредѣлилъ по счисленію $71^{\circ} 42'$. Въ это время штурманъ Щербинъ вѣдиль описывать берегъ къ мысу Борго, и нашелъ простирающуюся отъ мыса, отъ 2-й до 7 мили, между N и NNO, отмель, примѣтную по стоящему на оной льду.

24-го ботъ вышелъ въ море, пробираясь между мслей, которыми фарватеръ до острова Быковскаго весьма стѣсненъ; производя опись губы Борго, лейте-

нантъ Лаптевъ , 8 - го Августа, подошелъ къ мысу Борго, на глубину 12 сажень; широта мыса найдена Лаптевымъ $71^{\circ} 55'$. Того же дня обошли отмель, и 11 - го Августа находились уже противъ устья Яны, гдѣ положили якорь. Въ этомъ положеніи, наставшимъ жестокимъ сѣвернымъ вѣтромъ понесло много льду прямо на боть, но, къ счастью, огромнѣйшія льдины остановились на мѣли въ нѣкоторомъ разстояніи отъ бота, удерживая собою мелкій ледъ. Не многія льдины однако жъ прорывались, проплывали мимо бота, и доставили командѣ случай убить нѣсколько бѣлыхъ медвѣдей, на нихъ лежавшихъ.

Лодка, посыланная для промѣра фарватера, нашла въ устьѣ рѣки Яны 6, 7 футовъ глубины, а нѣсколько выше по теченію глубина увеличилась отъ 3 до 10 сажень.

13-го, съ попутнымъ вѣтромъ, лейтенантъ Лаптевъ снялся съ якоря, и продолжалъ плаваніе къ Святому Носу. Лотъ показывалъ отъ 2 до 10 сажень.

14-го, западный вѣтеръ обратился въ штормъ, почему, опасаясь набѣжать на мель, положили якорь, а 15 - го, по укрощеніи вѣтра, вступили опять въ путь; того же дня прошли Святой Носъ, положенный на картѣ Лаптева въ широтѣ $72^{\circ} 50'$. Продолжая плаваніе къ О, имѣли глубины 15, 17, 13 сажень; по приближеніи къ берегу на $\frac{1}{4}$ Нѣмецкой мили глубина уменьшалась до 2 сажень. Проплывъ 26 миль и 7 отъ Св. Носа, увидѣли островъ Меркурьевъ на NO, а въ 16 Ит. миляхъ далѣе усмотрѣли и островъ Св. Діомида, на NNW $\frac{1}{4}$ W, въ 3 $\frac{1}{2}$ Нѣмецкихъ миляхъ *.

* Кажется сіи два острова лежали въ весьма близкомъ между собою разстояніи, и, вѣроятно, почитались за одинъ островъ, ибо на картѣ Лаптева островъ Меркурія не назначенъ, а св. Діомида положенъ со-

16-го, по причинѣ густаго тумана, пролежали на якорѣ; 17-го западнымъ вѣтромъ воздухъ очистился, почему и пошли въ путь; 18-го, проплывъ около 105 миль отъ Св. Носа вдоль берега, увидѣли въ морѣ островъ, по румбу ONO, но вдругъ нашедшая пасмурность не позволила обстоятельно рассмотретьъ этого открытія, почему Лаптевъ приказалъ положить якорь, и дожидаться ясной погоды. На другой день, когда воздухъ былъ чистъ, мореплаватели увѣрились въ обманъ: мнимый островъ превратился въ массу высокихъ ледяныхъ горъ, которымъ подобныя носились по морю во множествѣ, и во всѣхъ направленіяхъ. 19-го пошелъ большой снѣгъ, при юговосточномъ вѣтрѣ, противъ котораго лавировали, ложась въ темныя ночи, или при пасмурности, на якорь. 21-го, сильное теченіе отъ SO, по одному направленію съ вѣтромъ, весьма затрудняло лавировку; 22-го, пришедъ на прѣсную воду, остановились на якорѣ, и послали шлюпку провѣдать, противъ какой рѣки находятся. Между тѣмъ, прежде возвращенія шлюпки, 24-го насталъ штормъ, отъ SO, съ сильнымъ съ той же стороны теченіемъ, такъ, что съ трудомъ боть отстоялся на якорѣ; 26-го буря нѣсколько смягчилась. Замѣтя, что вода получила соленый вкусъ, подошли ближе къ берегу, дѣлая изъ пупекъ частые призывные сигналы перевозившейся съ берега шлюпкѣ. Отъ SO наносило на боть много льду, для избѣжанія коего безпрестанно должны были перемѣнять мѣсто, что конечно всегда было сопряжено съ трудами, тѣмъ болѣе тягостными, что стужа увеличивалась, и снѣгъ весьма часто падалъ. Лучшее убѣжище находили за огромнѣйшими льдинами, служившими отводами мелкимъ, гласко съ журналомъ. Мы ниже увидимъ, что эти острова нынѣ существуютъ.

однакожь и это не спасло боть отъ поврежденія форштевеня, и самаго борта, которое съ великимъ трудомъ исправили.

31-го, находясь опять на прѣсной водѣ, лейтенантъ Лантевъ послалъ штурмана на шлюпкѣ къ берегу, для отысканія удобнаго мѣста къ зимованію. Штурманъ съ великимъ трудомъ добрался до берега.

1-го Сентября море покрылось льдомъ, при восточномъ вѣтрѣ, который дулъ уже нѣсколько дней сряду. Въ этомъ положеніи дѣлали непрерывные, но тщетные сигналы посланнымъ на берегъ шлюпкамъ. Положеніе команды и бота едѣвалось еще затруднительнѣе, когда 4-го числа насталъ жестокій вѣтръ отъ WSW, дѣйствіемъ котораго вода стала прибывать, ледъ изломало, и боть понесло къ NO, съ 10 футовъ глубины на 5 сажень, по $2\frac{1}{2}$ версты въ часъ. Къ счастью, вѣтеръ перемѣнился черезъ сутки, и утвердись въ NW четверти, приблизилъ боть къ берегу. Наконецъ на 7-е число настало безвѣтріе, а 9-го судно на 12 футахъ совершенно замерзло, находясь въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ къ югу отъ образовавшагося изъ льдовъ высокаго вала.

Мореплаватели, не зная какъ далеко отъ берега судно ихъ замерзло, и противъ какого мѣста находилось, не осмѣливались итти къ берегу по нетвердому еще льду, и оставались въ бездѣйствіи до 20-го Сентября; тогда посланный на берегъ на шлюпкѣ, 31-го Августа, штурманъ возвратился на боть, пѣшкомъ по льду, и привелъ съ собою Якутовъ съ устья рѣки Индигирки; они объявили, что устье ближняго рукава этой рѣки отстоитъ отъ бота въ 50 верстахъ, и что недалеко отъ него есть Русское зимовье. Этимъ извѣстіемъ мореплаватели чрезвычайно были обрадованы; въ то же время нѣкоторые отправились пѣшкомъ на берегъ, а 24-го числа и вся остальная

команда перебралась съ бота въ Русское зимовье; Якуты перевезли на собакахъ часть провизіи.

Лейтенантъ Лаптевъ проводилъ здѣсь зиму не безъ пользы; онъ послалъ геодезиста Киндекова, на нартахъ, описывать берегъ до Колымскаго устья, а самъ ѣздилъ для описей на рѣку Хрому, которую нашелъ столь мелкою, что однимъ лодкамъ входить можно. Говоря вообще о морскомъ берегѣ къ востоку отъ Св. Носа, Лаптевъ замѣчаетъ, что обширныя отмели простираются отъ него въ море на такое разстояніе, что низменный берегъ въ рѣдкихъ мѣстахъ съ моря усматривается. При устьяхъ Индигирки, въ 30 верстахъ и болѣе отъ моря, лежитъ въ изобиліи наносный лѣсъ, между тѣмъ, какъ у самаго моря его нѣтъ.

По наступленіи весны 1740 года, Лаптевъ предпринялъ спасти ботъ. Для этого со всею своею командою разбивалъ онъ ледъ, съ чрезвычайнымъ трудомъ; въ Іюнь мѣсяцъ привелъ судно въ безопасное мѣсто, сталъ исправлять его починкою, и въ исходѣ Іюля приготовился къ походу.

Іюня 15-го опредѣлили по полуденной высотѣ солнца широту въ устьѣ рѣки Индигирки, $70^{\circ} 58'$; склоненіе компаса $7^{\circ} 00'$ восточное.

31-го Іюля Лаптевъ вышелъ въ Ледовитое Море, направля путь къ востоку вдоль берега. 2-го Августа миновалъ устье рѣки Алазеи, коего широту нашелъ по счисленію $70^{\circ} 58'$.

3-го Августа усмотрѣли островъ, нынѣ именуемый первымъ Медвѣжьимъ, къ которому подошли вплотъ, имѣя $3\frac{1}{2}$ сажени глубины. Лейтенантъ Лаптевъ назвалъ его именемъ *Святаго Антонія*, и нашелъ по счисленію широту срединны $71^{\circ} 00'$. Спѣша воспользоваться безледностію моря, продолжалъ онъ плыть къ востоку, а 4-го числа, находясь противъ

устья *Средней Колымы*, остановился на якорь, по-славъ шлюпку промѣривать фарватеръ рѣки. Давъ о себѣ знать въ ближнее селеніе, Лаптевъ пошелъ 8-го числа далѣе; вскорѣ показались льды, между которыми плылъ онъ къ востоку съ великимъ трудомъ; 9-го находились у малаго Баранова камня; 10, 11 и 12, при западномъ вѣтрѣ, шло теченіе на OSO, по два узла въ часъ, отъ чего огромныя льдины наносимы были на ботъ, не находившій надежнаго прикрытія у приглубаго и ровнаго берега.

14-го числа, будучи у большаго Баранова камня, остановлены льдянымъ полемъ, примкнувшимъ вплоть къ берегу. Лейтенантъ Лаптевъ направилъ путь обратно въ Колыму. Сего числа имѣли сильное теченіе отъ W; 15-го, ботъ вошелъ благополучно въ Средне-Колымское устье, гдѣ имѣли глубины отъ 9 до 14 футовъ, а прошедъ *Каменное* (холмъ на Меркояновомъ островѣ) глубину нашли отъ 2 до 7 сажень. 24-го, находились противъ Нижне-Колымскаго острога, гдѣ тогда было 10 жильыхъ домовъ; здѣсь Лаптевъ расположилъ свою команду для зимовки.

28-го, Лаптевъ по обсервациіи нашелъ широту острога $68^{\circ} 31'$, а 31-го числа наблюденіе показало $68^{\circ} 34'$ широты; склоненіе компаса $8^{\circ} 30'$ восточное.

Дабы получить понятіе о точности наблюденій лейтенанта Лаптева, сравнимъ широты главныхъ пунктовъ, выведенныя этимъ мореплавателемъ, съ наблюденіями новѣйшихъ обсерваторовъ:

	<i>Лаптева.</i>		<i>Въ 1823 г.</i>
Мысъ Борго	$71^{\circ} 55'$	$71^{\circ} 56'$	
— — Святой Носъ	$72^{\circ} 50'$	$72^{\circ} 54'$	
Нижне-Колымскій острогъ	$68^{\circ} 33\frac{1}{2}'$	$68^{\circ} 32'$	

Въ продолженіе зимы лейтенантъ Лаптевъ построилъ двѣ лодки, на которыхъ съ большою

удобностию полагалъ предпринять плаваніе въ будущемъ лѣтѣ.

1741 года, по вскрытіи рѣки Колымы, 8-го Іюля вышелъ онъ на ботъ въ Ледовитое Море, и плыль на востокъ; лодкамъ велѣлъ идти впередъ, и промѣривать глубину; посланный на нихъ штурманъ долженъ былъ давать знать сигналами, гдѣ найдетъ удобный проходъ между льдами, для безопаснаго плаванія. Такимъ образомъ лейтенантъ Лаптевъ, при противныхъ большею частію вѣтрахъ, подвигался медленно впередъ; 5-го Августа навалила на ботъ льдина, возвышавшая около 15 сажень надъ водою, и угрожавшая боту гибелью, но однакожь счастливо избѣгли опасности. Того же числа, находясь въ 30 миляхъ Итал. отъ Лаптевскаго маяка на Колымѣ, у высокаго каменнаго утеса, встрѣтили непроходимые льды, остановившіе дальнѣйшее плаваніе, почему 7-го предприняли обратный путь въ Нижне-Колымскъ, куда 10-го прибыли благополучно, вошедъ въ рѣку восточнымъ ея устьемъ.

И такъ мы видимъ, что лейтенантъ Лаптевъ, какъ прошлаго года, такъ и теперь, не могъ обойти большаго Баранова камня, бывшаго крайнимъ пунктомъ къ востоку, до котораго доведена опись берега, осмотрѣннаго этимъ усерднымъ офицеромъ отъ р. Лены на 37° разности долготы.

Лейтенантъ Лаптевъ, желая исполнить порученную ему опись р. Анадыра, и увѣрившись въ невозможности достигнуть сей рѣки моремъ, рѣшился на трудный и опасный походъ, со всею командою, чрезъ горы и страну, обитаемую враждебными намъ Чукчами.

1741 года, Октября 27-го, выступилъ онъ изъ Нижне-Колымска, сопровождаемый 45 нартами. Находясь на границѣ Чукотскихъ кочевьевъ, близъ

Лобазнаго, на Большомъ Анюѣ, Ноября 4-го, Лаптевъ отданнымъ по командѣ приказомъ установилъ воинскій порядокъ, который надлежало соблюдать со строгостью на походѣ черезъ непріятельскую землю.

Слѣдуя вверхъ рѣки Большаго Анюя, потомъ переваливъ чрезъ хребетъ горъ на рѣку *Яблонь*, впадающую въ р. Анадырь, путешественники, Ноября 17-го, достигли благополучно Анадырскаго острога, не видя на всемъ пути ни одного инородца. Въ острогѣ провели они остальную часть зимы, и встрѣтили здѣсь 1742 годъ, «призывая Бога Всемогущаго на помощь.»

Въ журналѣ Лаптева, подъ Февралемъ мѣсяцемъ, сказано: «Отъ 26-го до 28-го числа, по ночамъ видима была чрезвычайная звѣзда, или комета, которая являлась около полуночи; хвостъ отъ нея догагой, острой, лежащей къ югу, а иногда къ концу хвоста раздѣляется на двое острыми же концами; свѣтлостію на подобіе звѣздъ, а къ зарѣ хвостомъ поворачивается къ W, и затемнѣваетъ, и остается одна звѣзда.»

Марта 13-го, Лаптевъ, по полуденной высотѣ солнца опредѣлилъ широту Анадырскаго острога $64^{\circ} 34'$; склоненіе компаса $20^{\circ}00$ восточное.

Іюня 9-го пошелъ онъ, на двухъ новопостроенныхъ лодкахъ внизъ Анадыра, но, по причинѣ разлитія рѣки, не могъ дѣлать ей описи, которую началъ Іюля 11-го, находясь близъ устья оной. Къ осени, возвратившись въ острогъ, Лаптевъ, Октября 19-го повѣхалъ въ Нижне-Колымскъ, оттуда въ Якутскъ; въ этотъ городъ прибылъ онъ Марта 8-го, 1743 года, послѣ семилѣтняго отсутствія. Отъ капитана Чирикова получилъ онъ здѣсь предписаніе отправиться немедленно въ С. Петербургъ, для донесенія о своемъ путешествіи высшему начальству.

•

Описание этих путешествий представляет читателю ряд опасностей, трудов и неудач, против коих плователи наши должны были вооружаться твердостью духа, неутомимым рвением в исполнении своих обязанностей, и мужественным терпением, сими отличительными свойствами мореходцев всех вѣковъ и народовъ. Не ослабляясь при страстиемъ, мы невольно должны признаться, что подвиги лейтенантовъ Прончищева, Ласниуса, Хартона, и особенно Дмитрія Лаптевыхъ, заслуживаютъ удивленіе потомства. Журналы сихъ дѣятельныхъ офицеровъ, конечно, во многомъ недостаточны; мало, или почти вовсе не знакомятъ они насъ съ обитателями Сибири, не касаются предметовъ физическихъ и естественной исторіи, и самое производство описи оставляетъ желать еще многого. Но это не умаляетъ достоинства офицеровъ въ глазахъ справедливаго потомства, видящаго въ недостаткахъ одно несовершенство средствъ того времени.

Относительно гидрографическихъ операций замѣтимъ вкратцѣ: отъ Бѣлаго Моря къ востоку описанъ матерой берегъ Сибири съ моря на судахъ, плававшихъ вдоль береговъ, не всегда въ такомъ отъ нихъ разстояніи, чтобы опись могла быть точною, тѣмъ менѣе, что мореплователи, стараясь пользоваться вѣтрами, погодою, и другими благопріятными обстоятельствами для плаванія къ востоку, не могли терять времени въ подробной описи береговъ, бухтъ, гаваней, опредѣленія примѣтныхъ мысовъ, и въ промѣрахъ глубинъ, вездѣ, гдѣ для безопасности мореплаванія это было бы нужно. Однакожь эта опись и не вовсе лишена астрономическихъ наблюденій широтъ и промѣровъ глубинъ, какъ въ близкихъ разстояніяхъ отъ береговъ, такъ и въ фарватерахъ главнѣйшихъ рѣкъ Сибири, и карты Овцына, Миня-

на, Челюскина, Прончищева, и обонхъ Лаптевыхъ, представляютъ не мало гидрографическихъ подробностей въ изображеніи береговъ, и прилежащихъ къ нимъ острововъ, отъ Обской губы до устья рѣки Таймуры, и отъ р. Оленека до Баранова камня.

Но какъ эта опись, большею частію, основана на численіи, подверженномъ неизбѣжнымъ погрѣшностямъ отъ теченій и непрерывныхъ поворотовъ въ льдахъ, и поелику наблюденія для широтъ не всегда были надежны, а для долготъ и вовсе ихъ не дѣлано, то она можетъ лишь служить приуготовительнымъ началомъ другой вѣрнѣйшей описи.

Отъ устья Таймуры до мыса Св. Фаддея берегъ не могъ быть обойденъ на судахъ, и весьма поверхностно осмотрѣнъ зимою по льду, на собакахъ, штурманомъ Челюскинымъ, такъ, что положеніе сѣверовосточнаго, иначе Таймурскаго, т. е. самаго сѣвернаго мыса Азіи, остается неопредѣленнымъ.

Затрудненія и опасности, въ сихъ путешествіяхъ испытанныя, и невознаградившіяся желанными успѣхами, послѣ 20 лѣтняго бездѣйствія, казалось, еще усугубили духъ предпріимчивости.

Въ 1760 году, Якутскій купецъ Шалауровъ построилъ при рѣкѣ Ленѣ, на собственное иждивеніе, галіотъ (по Коксу, шитикъ), на которомъ намѣревался совершить плаваніе вокругъ сѣверовосточной Азіи въ великій Океанъ, или въ Камчатку. Г. Берхъ (въ Хронологической Исторіи, часть I, стр. 144), говорить, что Шалауровъ побуждался къ этому предпріятію находкою мамонтовыхъ роговъ на островѣ, открытомъ до его отправленія Якутомъ Етерикамомъ, и исключительнымъ правомъ, даннымъ купцу Лахову промышлять ихъ — мнѣніе, которое частію подтверждается и въ Сибирскомъ Вѣстникѣ на 1822 годъ, съ прибавленіемъ, что Шалаурова путешествіе

имѣло цѣлью и открытіе земли, полагавшейся противъ устья Колымы. Однакожь Шалауровъ не пытался простирать своего плаванія отъ устья Колымы далеко на сѣверъ; также изъ дошедшихъ до насъ свидѣній не видно, чтобы онъ искалъ мамонтовыхъ клыковъ; напротивъ, Шалауровъ старался единственно обойти Шелагскій Мысъ, и плыть далѣе на востокъ, стремясь за славою разрѣшенія вопроса о сѣверо-восточномъ проходѣ изъ Атлантическаго въ великій Океанъ—этой славы принесъ онъ въ жертву и имѣніе свое и самую жизнь *.

Сокращенное извѣстіе о плаваніи несчастнаго Шалаурова взято мною изъ извѣстнаго сочиненія Кокса и Саурова описанія путешествій Биллингса. Иные достовѣрнѣйшіе и полнѣйшіе источники мнѣ неизвѣстны **.

Въ 1760 году Шалауровъ съ Баховымъ поплыли на галіотъ внизъ по Ленѣ. По причинѣ ледовитости моря прошли они недалѣе рѣки Яны, при которой и зимовали.

Въ Июль 1761 года вышли они изъ рѣки Яны въ море. Для избѣжанія льдовъ, Шалауровъ держался близъ береговъ, и обошедъ 6-го Сентября Святой Носъ, открылъ на сѣверѣ въ маломъ разстояніи гористую землю. Онъ продолжалъ плаваніе къ востоку, но встрѣчая препятствія отъ вѣтра и льдовъ, прошелъ не прежде 15-го числа черезъ проливъ, нахо-

* Въ 1755 году состоялся Сенатскій указъ, о дозволеніи купцамъ Бахову и Шалаурову предпринять путешествіе, для отысканія по сѣверному морю пути въ Камчатку. Въ самомъ текстѣ указа сказано, чтобы, Устюжскімъ купцамъ Ивану Бахову и Инкитѣ Шалаурову для своего промысла, ко изысканію отъ устья Лены рѣки, по сѣверному морю, до Колымы и Чукотскаго Носу, отпускъ имъ учинить.

** Въ Гидрографическомъ Департаментѣ Морскаго Министерства хранится карта Шалаурова, съ приписями, которыми я также въ семь обозрѣній воспользовался.

длѣйша между Сибирскимъ берегомъ и островомъ Діомида. 16-го числа, получивъ попутный SW вѣтеръ, поплыли безпрепятственно по чистому отъ льдовъ морю, и въ 24 часа прошли устье Индигирки; 18-го миновали Алазею. Вскорѣ за симъ, галіотъ, находясь между Медвѣжьими Островами и матерымъ берегомъ; былъ совершенно окруженъ льдами, отъ коихъ освободясь, Шалауровъ, по позднему времени, вошелъ въ рѣку Колыму на зимовку. Команда тотчасъ построила на берегу избу, окруживъ ее снѣжнымъ валомъ, и батареею изъ бывшихъ на суднѣ пушекъ. Дикіе олени табунами приходили къ этому мѣсту, и были убиваемы изъ завала. Передъ наступленіемъ зимы, пошла вверхъ по рѣкѣ рыба, нельмъ, муксуны и омули, которые, доставляя мореплавателямъ въ изобиліи свѣжую пищу, предохраняли ихъ отъ цынги; однакожъ въ началѣ слѣдующаго года умеръ отъ этой болѣзни Иванъ Баховъ, оставя Шалаурова безъ помощника.

Въ 1762 году, устье Колымы очистилось отъ льдовъ не ранѣе 21 Іюля. Тогда Шалауровъ вышелъ изъ рѣки въ море, и до 28-го плылъ на NO и NO $\frac{1}{4}$ O. Вышедъ на берегъ, сыскалъ онъ склоненіе компаса $11^{\circ} 15'$ восточн. Противный вѣтеръ и послѣдовавшее за тѣмъ безвѣтріе понудили его положить якорь, и держали галіотъ на мѣстѣ до 10-го Августа; тогда, съ подувшимъ попутнымъ вѣтромъ, вступилъ онъ подъ паруса, и старался держать не сѣвернѣ NO и O; но галіотъ былъ увлекаемъ огромными массами льду, несшагося сильнымъ теченіемъ, которое, казалось, направлено было къ западу, по одной верстѣ въ часъ. 18-го, при пасмурной погодѣ, плаватели, противъ ожиданія, увидѣли себя близъ берега возлѣ «Яру сѣраго песку» названнаго Пещаный мысъ. Впереди плавало не малое число лдяныхъ острововъ, которые 19-го

числа галіотъ окружили и совершенно затерли (*). Въ такомъ положеніи, и всегдашнемъ туманѣ, оставался Шалауровъ до 23-го числа; тогда удалось ему высвободиться изъ окружавшихъ его льдинъ, и держась NO, войти въ довольно чистое отъ льдовъ пространство моря, но противные вѣтры склоняли его къ SO и къ O, среди большихъ массъ пловучаго льду; прошедъ чрезъ нихъ, онъ опять направилъ плаваніе къ NO, дабы обойти Шелагскій Мысъ, но, не дошедъ до него, встрѣтилъ противные вѣтры, помудившіе его, по позднему времени, искать мѣста для зимовки. Въ такомъ намврениіи поплылъ Шалауровъ на SO, къ отверзтой губѣ, находящейся по западной сторонѣ Шелагскаго Мыса, и нѣкъмъ прежде его не описанной. Онъ вошелъ въ нее 25-го числа, проливомъ между материкомъ и островами Араутанъ, а 26-го попалъ на мель, у низменной оконечности, противъ устья рѣчки Пахли. Съ великимъ трудомъ стащивъ свое судно на большую воду, поѣхалъ Шалауровъ на берегъ, искать удобнаго мѣста для зимованія. Онъ нашелъ двѣ рѣчки, но какъ тутъ не было ни растущаго, ни наноснаго лѣса, то ища другаго мѣста,плыли они по южной сторонѣ губы, въ виду и въ близкомъ разстояніи отъ берега, до острова Сабадея. **

5-го Сентября, находясь противъ узкаго пролива, между островомъ Сабадеемъ и материкомъ, увидѣли Чукотскіе шалаши, коихъ жители убѣждали, когда Шалауровъ къ нимъ приблизился.

* На Шалаурова картѣ написано: «за покрывіемъ туманомъ берега, и за невѣстнымъ моретеченіемъ, яко къ стѣнѣмъ мятыхъ льдинъ загустѣлись, а сзади наплыло много льдовъ и судно притѣснено, а стояли до 23-го числа, иначе за незнаемъ въ такой близости поперечнаго берегу, а ежелибъ вдали, тобъ миновали Шелагскій мысъ, и препятствіемъ спаслись.»

** На картѣ Шалаурова островъ названъ *Заседей*.

8-го числа, въ полдень, онъ находился у SO оконечности острова Сабадей; 10-го, будучи въ 10 миляхъ къ NW отъ Пещанаго Мыса, за безвѣтріемъ, «положили дрехтъ на льдину, и плыли по теченію 5 верстъ» къ WSW; около этого времени увидѣли къ NON, въ дальнемъ разстояніи, гору *.

12-го числа Шалауровъ вошелъ въ Кольму, и занялъ прежнее мѣсто для зимовки. У Кокса упомянуто, что Шалауровъ замѣтилъ двѣ примѣчательныя скалы, близъ того мѣста, гдѣ берегъ заворачивается къ NO, къ проливу между островомъ Сабадеемъ и материкомъ; что одна скала названа *Замыльнъ камень*, и подобна согнутому рогу, другая *Бараній камень*, въ видѣ груши, то есть, вверхъ шире низа, и возвышается выше горизонта воды на 29 ярдовъ. Этихъ названій на картѣ Шалаурова нѣтъ, да и трудно опредѣлить, какія скалы или горы Шалауровъ разумѣетъ. Гора, извѣстная нынѣ подъ названіемъ Баранова камня, ни малѣйшаго сходства съ грушею не имѣетъ, а по всему берегу Ледовитаго Моря до Шелагскаго мыса, я не замѣтилъ ни одной согнутой на подобіе рога горы, или скалы.

На картѣ Шалаурова, берегъ Ледовитаго Моря, отъ рѣки Явы до Шелагскаго Мыса, изображенъ съ геодезическою вѣрностію, дѣлающею не малую честь сочинителю. Губа Чаунъ прежде его ни кѣмъ не осмотрѣна, да и потомъ морской описи съ промѣромъ тутъ не было. Широты около $1\frac{1}{3}^{\circ}$ избыточно невѣрны, и, вѣроятно, обсервованныхъ не было. Это не касается берега между Кольмою и Леною, который, кажется, снятъ съ описи Дмитрія Лаптева, о

* У Кокса сказано, что Шалауровъ, 3-го Сентября, обошелъ островъ Сабадей, и тогда теченіе было по 5 верстъ въ часъ; но я основывался на оригинальной картѣ Шалаурова, приписки въ коей совершенно объясняютъ его плаваніе.

костей говорено было выше. Острова Араутанъ назначены на Шалаурова картѣ въ губѣ Чаунѣ, точно на своихъ мѣстахъ, и не видать на ней третьяго островка, нарисованнаго у Кокса близъ Шелагскаго Мыса, гдѣ въ самомъ дѣлѣ онъ вовсе не существуетъ. Относительно усмотрѣнной Шалауровымъ горы по румбу NON, я долженъ замѣтить, что въ 1822 году находились мы на этой линіи, въ 75 Итал. миляхъ отъ пункта, съ котораго Шалауровъ думалъ видѣть землю, но хотя погода и горизонтъ довольно были ясны, однакожъ мы ничего похожаго на землю не замѣтили, почему я полагаю, что ледяная гора ввела Шалаурова въ заблужденіе.

Склоненіе компаса у Баранова Камня показано Шалауровымъ $11^{\circ} 15'$ восточн., Биллингсомъ, въ 1787 году, $17^{\circ} 12'$ восточн., а мною, въ 1822 году, $12^{\circ} 35'$ восточн. Теченіе моря, испытанное имъ, подтверждаетъ то, что и другими мореплавателями замѣчено въ этомъ морѣ, гдѣ лѣтомъ воды стремятся отъ стока на западъ.

Путь Шалаурова въ 1761 году показываетъ, что островъ Діомиды, къ востоку отъ Святаго Носа, еще существовалъ въ то время, и точно на томъ мѣстѣ, гдѣ и Дмитрій Лаптевъ, въ 1739 году, его видѣлъ. Но при описяхъ, учиненныхъ г. Геденштремомъ, въ 1810, и лейтенантомъ Анжу въ 1823 году, островъ этотъ не найденъ, и прежняго существованія онаго не осталось даже и въ преданіяхъ промышленниковъ, которые весьма часто въ сихъ мѣстахъ развѣзжаютъ. Лаптевъ и Шалауровъ изображаютъ берегъ отъ Святаго Носа къ рѣкѣ Хромѣ съ изгибами, и не такою прямою чертою, какъ по послѣдней описи онъ оказался, а островъ Діомиды положенъ на обѣихъ картахъ отъ Св. Носа въ 45 миляхъ на NO, 78° по правому компасу, и въ 18 Итал. миляхъ отъ ближай-

шаго берега. Сравнивая эти карты съ картою лейтенанта Ляжу, мы съ перваго взгляда удостовѣряемся, что островъ Діомида не присоединился къ берегу, * а, вѣроятно, смытъ, или сдвинуть отъ сильнаго напора льдовъ; таже причина могла сравнить и низменный берегъ къ востоку отъ Святаго Носа.

Усмотрѣнная Шалауровымъ гористая земля къ северу отъ Святаго Носа, есть, безъ сомнѣнія, первый Ляховскій гористый островъ.

Неудача, испытанная Шалауровымъ, не лишила его надежды на лучший успѣхъ въ слѣдующемъ году; онъ рѣшился испытать еще разъ обойти Шелагскій Мысъ, но команда взбунтовалась, разбѣжалась, и привела его въ необходимость возвратиться на Леву. Оттуда ѣздилъ Шалауровъ въ Москву, и получивъ вспоможеніе отъ правительства, предпринялъ вторичное путешествіе къ Шелагскому мысу въ 1764 году, но болѣе уже не возвращался.

Различныя были слухи и мнѣнія о жребіи, постигшемъ сего предприимчиваго мореплавателя. Въ 1823 году найдено нами мѣсто, куда Шалауровъ спасся съ погибшаго во льдахъ судна; мѣсто это находится на матеромъ берегу, въ 70 Итал. миляхъ отъ Шелагскаго мыса. Тамъ, въ необитаемой пустынѣ, кончилъ Шалауровъ жизнь, передавъ потомству имя свое, въ воспоминаніе рѣдкаго примѣра предприимчивости и самоотверженія.

Острова, лежащіе противъ рѣкъ Яны и Колымы, не могли оставаться долго въ сомнительной невѣстности. Найденное Якутскимъ купцомъ Ляховымъ, около 1750 года, богатство въ нѣдрахъ земли тундреннаго полуострова, между рѣками Хотангой и Анабарой, ** мамонтовые рога, подстрекали къ но-

* Смотр. Хрон. Истор. г. Берха, часть I, стр. 141.

** Смот. Хрон. Истор. Берха, часть II, стр. 144.

вымъ обрѣтеніямъ. У приморскихъ жителей существовали давнія преданія объ островѣ Святаго Носа; Шалауровъ видѣлъ горы на немъ, и теперь настало время повѣрить эти извѣстія, и распространить промышленность.

Въ 1759, или 1760 году, * Устьянскій Якутъ Этерикамъ рѣшился на сіе предиріятіе, увѣнчавшееся открытіемъ противъ Святаго Носа острова, сохранившаго и поднесъ названіе Этерикамъ, или первый Ляховскій островъ. Это послѣднее названіе дано ему по повелѣнію Императрицы Екатерины II, въ честь купца Ляхова, ѣздившаго туда, и открывшаго новые острова.

Ляховъ, которому, вѣроятно, открытіе Этерикама было уже извѣстно, находясь въ Мартѣ мѣсяцѣ 1770 года у Святаго Носа, увидѣлъ многочисленное стадо оленей, шедшихъ къ югу, слѣды коихъ простирались отъ сѣвера чрезъ море. Рѣшившись извѣдать, откуда шли эти звѣри, Ляховъ пустился рано утромъ, въ началѣ Апрѣля, на нартахъ по слѣду, и проѣхавъ около 70 верстъ отъ мыса прямо на сѣверъ, прибылъ къ острову, гдѣ остался почевать. Слѣдующаго дня, не оставляя оленьихъ слѣдовъ, достигъ онъ, на 20 верстъ, другаго острова. Слѣдъ, простираясь еще далѣе на сѣверъ, скоро завлекъ Ляхова въ тороса, по коимъ ему невозможно было пробираться далѣе, почему возвратился онъ назадъ, и съ трудомъ выгхалъ на материкъ.

По полученіи извѣстія объ этой повѣздкѣ, правительство предоставило Ляхову исключительное право промыслять мамонтовую кость и песцовъ, какъ на сихъ островахъ, такъ и на тѣхъ, которые онъ впередъ откроетъ.

* Смотри. Путешествіе Геденштрема, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ на 1823 годъ.

1773 года, Ляховъ, сопутствуемый Якутскимъ купцомъ Протодяконовымъ, поплылъ въ лодкѣ, съ 5-ю гребцами, на первый островъ; въ проливѣ морская вода казалась имъ весьма солена, и теченіе было отъ востока. Со втораго острова увидѣлъ Ляховъ, при ясной погодѣ, еще землю на сѣверѣ, и скоро прѣвхалъ на нее, назвавъ ее третьимъ островомъ. Берегъ покрытъ былъ наноснымъ лѣсомъ. Земля гористая, и казалась обширною. Путешественники нашли клыки мамонтовые, и видѣли слѣды звѣрей. Возвратясь на первый островъ, Ляховъ выстроилъ изъ наноснаго лѣса зимовье, гдѣ и провелъ зиму. Здѣсь должно замѣтить еще, что одинъ изъ его товарищей оставилъ на третьемъ островѣ котель мѣдный, обстоятельство, доставившее оному названіе Котельнаго острова.

Протодяконовъ рассказывалъ Сауеру, въ бытность Биллингса въ Якутскѣ, что земля на первомъ островѣ состоитъ изъ песку со льдомъ. Мамонтовыхъ костей находили на немъ такое множество, что казалось, будто островъ весь состоялъ изъ нихъ. Между мамонтовыми костями видѣли головы и рога, похожіе на буйволовые. На третьемъ островѣ нашли нѣсколько рѣчекъ; въ устьяхъ лежало множество наноснаго лѣса, и въ рѣчки вплывали съ моря рыбы, между коими и краснотельная нерка, которая водится въ Охотскѣ и Камчаткѣ, но ни въ Колымѣ ни въ Индигиркѣ не бываетъ. Въ морѣ видѣли китовъ и бѣлугъ, а на землѣ бѣлыхъ медвѣдей, волковъ и оленей. Неизвѣстность пространства сего острова возобновила старую молву о продолженіи Американскаго берега.

По возвращеніи Ляхова на Яну, распространился слухъ о вновь открытой большой землѣ, для изслѣдованія которой отправленъ изъ Якутска землеѣръ *Хвойновъ*, съ порученіемъ сопутствовать Ляхову на ту землю, и сдѣлать ей вѣрную опись.

Въ концѣ Марта 1775 года, Хвойновъ прибылъ въ Устьянскъ, и по льду переѣхалъ къ Святому Носу. 16 Мая прибылъ онъ къ первому острову, имѣющему по его счету 150 верстъ въ длину, поперегъ 80, въ самомъ широкомъ мѣстѣ, и 20-ть въ самомъ узкомъ. По срединѣ, онъ нашелъ озеро значительной величины, но весьма мелкое, хотя берега онаго были круты. Дѣлая опись, Хвойновъ объѣхалъ кругомъ всего острова, и насчиталъ 367 верстъ во всей окружности. Дурныя погоды и недостатокъ въ кормѣ собакъ удержали землемѣра безъ всякаго дѣла въ Ляховскомъ зимовьѣ на этомъ островѣ до 6-го Іюня; тогда выступилъ онъ въ обратный путь, и благополучно прѣхалъ въ Устьянскъ.

Въ 1776 году надлежало Хвойнову довершить опись Ляховскихъ острововъ, но дурныя погоды и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ остановили его. Въ 1777 году имѣлъ онъ тотъ же неуспѣхъ, отъ тѣхъ же причинъ. Однакожъ, онъ собралъ отъ промышленныхъ людей столько извѣстій, что на картѣ начертилъ и второй островъ со словъ другихъ, а первый по собственной описи, которая въ главныхъ размѣреніяхъ острова не вѣрна, а въ частныхъ подробностяхъ довольно хороша. Замѣчательно, что отъ юго-восточнаго мыса, въ 10 верстахъ на востокъ, усмотрѣлъ Хвойновъ отрядышъ во льдахъ, который на его картѣ, ниже на новѣйшей картѣ лейтенанта Апжу не означенъ, и, можетъ быть, дѣйствительно, болѣе не существуетъ. *

О Медвѣжьихъ Островахъ существовали въ то время одни темныя, на преданіяхъ основанныя извѣстія. Надлежало ихъ привести въ ясность, и испытать на дѣлѣ степень вѣроятія молвы о продолженіи

* Извлечено изъ журнала Хвойнова, помѣщеннаго въ Pallas neue nordische Beiträge, 7 ч., стр. 134 - 142.

Америки мимо Колымы, въ недалекомъ отъ Сибирскаго берега разстояніи.

Дѣло это поручено было геодезійи сержанту Андрееву, * посланному, въ 1762 году, отъ Сибирскаго губернатора Чичерина на Колыму.

Марта 4-го дня, 1763 года, отправился Андреевъ изъ Нижне-Колымскаго острога, на собакахъ, къ рѣкѣ Крестовой, и оттуда на рѣку Индигирку съ казакомъ Шкулевымъ, который долженъ былъ указывать путь. Возвратясь къ Крестовой, и откормивши собакъ, Апрѣля 22-го, при благополучной погодѣ, отправились они по льду, на собакахъ, въ море, и переѣхавъ 90 верстъ, прибыли къ первому видимому острову, который протянулся по морскому берегу отъ востока къ западу на 50 верстъ; ширина острова около 40, округность до 100 верстъ.

Андреевъ, описывая подобнымъ образомъ и прочіе острова этой группы, находилъ на каждомъ признаки бывшей обитаемости, развалившіяся землянки, или вкопанныя въ землю юрты. Особенно примѣчательна юрта, найденная имъ на скалѣ у Портоваго

* У Паласа, въ Neue nord. Beyträge т. III, ч. II, стр. 231, сообщается журналъ геодезистовъ Андреева, Леонтьева и Лысова, взданныхъ по Ледовитому морю въ 1765 году. Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ на 1823 годъ тотъ же журналъ помѣщенъ подъ заглавіемъ: Журналъ Анадырской команды сержанта Андреева, и проч., выведенный въ 1765 году. По Хропол. Ист. г. Берха, стр. 148, част. II, сказано, что полковникъ Пленснеръ, будучи посланъ осмотрѣть Анадырскій острогъ, и получивъ отъ Чукчей свидѣніе, что къ сѣверу отъ р. Колымы есть большая земля, именуемая Имоглингъ, отправилъ сержанта Андреева, чтобы удостовѣриться въ справедливости сего сказанія. Г. Берхъ приводитъ объ этомъ путешествіи Андреева вкратцѣ то же, что въ прежде упомянутыхъ журналахъ сказано. Далѣе говоритъ, что послѣ Андреева (путешествовавшего въ 1765 году), въ 1767, 1768, 1769 годахъ, взданы по Ледовитому морю три геодезиста Леонтьевъ, Лысовъ и Пушкаревъ. По рукописному же журналу этихъ трехъ геодезистовъ видно, что они взданы по Ледовитому морю въ 1769, 1770 и 1774 годахъ, а что касается до земли Имоглингъ, то извѣстно, что первый островъ отъ Чукотскаго Носа въ Беринговомъ Проліивѣ назывался Имоглингъ.

острова, который, по Андрееву, превышает величиною и первый островъ, имѣя 120 верстъ вокругъ и 60 въ длину. Вотъ слова его: «Съ сѣверной стороны (острова) имѣется у берега называемый отпрядышъ, разстояніемъ отъ берега 11 сажень печатныхъ, и на прибылн промежутками бываетъ вода, а нынѣ сухо, одна мелкая дресва, а оный камень отпрядышъ весьма мягокъ, дресвянъ, вышиною отъ земли въ 5 сажень печатныхъ; на немъ же имѣется самый тѣсный залавокъ (устушъ), вышины отъ земли три сажени печатныхъ, на которомъ сдѣлана крѣпость, на подставныхъ десяти лѣсинахъ матерыхъ (крупныхъ), лиственничныхъ, а становлены лѣсины вверхъ кореньями, къ землѣ уже вершинами; такъ пригвѣлена, какъ птица на деревѣ гнѣздо вѣсть, а сдѣлана подобно, какъ быть надобно лабазу. Первый полъ настланъ изъ наноснаго лиственничнаго матераго жѣ лѣсу; по верхъ полу настланъ песокъ съ мелкою дресвою, толщиною на четверть, а по тому полу обставлено вокругъ на подобіе юрты дощечками и пластинами шести-четвертными, столъ высоко, человѣку въ поясъ; вокругъ юрты осыпано тою же дресвою съ дерномъ, а на верхъ накиданъ мелкій, наносный, лиственничной, еловый и осиновый лѣсъ, на коемъ была насыпана жѣ дресва съ пескомъ, токмо обвалилась. Для связей рублены проухи, и связаны уши ремнями; оные проухи рублены, и доски тесаны, топоромъ не желѣзнымъ, а каменнымъ, или какимъ костлявымъ, подобно какъ зубами грызено. Поперегъ ее четыре сажени, въ длину 4 сажени, а когда она цѣла была, вдоль и поперегъ по 6 сажень; внизъ къ берегу изъ юрты спускъ на землю; другой спускъ въ камень на сѣверную сторону, токмо много же развалилось. А признавается дѣлана она крѣпость съ превеликимъ трудомъ, по высотѣ и по тѣснотѣ того залавка,

только строена не Русскими людьми, а другими, какими о томъ знать не можно.»

Объѣхавъ и четвертый островъ, онъ наконецъ прибылъ на пятый, по Андрееву, разстояніемъ отъ четвертаго 100 верстъ, въ длину 70, вокругъ 140, а поперегъ 50 верстъ, «и много поотшибся противъ устья рѣки Чауна, или можно сказать къ Чукотскому носу.» Описавъ найденныя имъ двѣ развалившіяся юрты, и «два камня стоящіе, съ прѣзда отъ западной стороны, въ полугорѣ, называемые *кежурь*, съ издали видимы на подобіе челоуѣковъ», онъ продолжаетъ: «да на семь же островѣ всходили на верхъ горы и «смотрѣли во всѣ стороны. Въ полуденную сторону «видѣнъ *соломенитъ* камень, который, по разсужденію нашему, тотъ Ковыѣмской камень, а въ лѣво въ «восточной сторонѣ, едва чуть видѣтъ, синь синѣтъ, «или назвать какая чернь, что такое, земля или «полое время, о томъ въ подлинникѣ обстоятельно «донести не имѣю.» Отъ этого острова возвратясь къ Крестовой рѣкѣ, ночевали на третьемъ островѣ. Мая 1-го, готовясь ѣхать, встали по утру рано и «увидѣли два медвѣдя побѣжали въ море, за которыми отпустили собакъ, и расшибли ихъ порознь, «а раздѣля на двое команду, догнали медвѣдей и «убили.»

Выѣхавъ благополучно на Крестовую рѣку, Андреевъ, въ заключеніе журнала своего говоритъ: «хотя по сказкѣ, данной отъ казака Федора Татарина со товарищи, и показано отъ рѣчки Крестовой съ перваго, а отъ перваго до втораго, даже и до пятаго острововъ, въ длину, поперегъ и вокругъ разстояніемъ версты, но только онаго весьма львилося много; а что касается по моей описи, то развѣ единая въ маломъ числѣ верстъ ошибка быть можетъ.»

Вопреки этому скромному увѣренію, Андреевъ въ
Т. IV. — Отд. III.

описи погрѣшилъ на 440 верстѣ избыточно, протягивая пять острововъ отъ рѣчки Крестовой къ востоку на 550 верстѣ. Также взаимное положеніе и размѣренія острововъ весьма ошибочны.

Укрѣпленная на скалѣ юрта, и скала, тѣмъ болѣе примѣчательны, что въ 1820 году оныя бывшею тамъ экспедиціею не найдены, почему думать должно льдомъ стерты и сокрыты нынѣ подъ водою. Разрушенныя жилища, коихъ остатки найдены и нами на нѣкоторыхъ изъ этихъ острововъ, конечно, замѣчательны, но не болѣе какъ свидѣтельства прежней (и, вѣроятно, на короткое время) обитаемости острововъ, опустѣвшихъ подобно приморскимъ берегамъ къ востоку отъ Шелагскаго Мыса, по коимъ видѣли мы также не малое число развалившихся землянокъ. Г. Берхъ находитъ причины этого опустѣнія въ перемѣнѣ климата. *

Что касается до усмотрѣнной Андреевымъ съ пятого острова синевы, замѣчу, что ставъ лицомъ къ Колымскому камню на полдень, синева замѣчена въ лѣвой рукѣ «къ восточной сторонѣ», то есть, въ той сторонѣ моря, которая изслѣдована нами въ 1821 и 1822 годахъ на 250 верстѣ: доказательство, что синева не могла быть неизвѣстная земля, которая долженствовала бы намъ непременно открыться.

Вѣроятно, въ слѣдующемъ году сержантъ Андреевъ былъ опять на этомъ островѣ, ибо въ дополнительномъ наставленіи, данномъ Биллингсу ** сказано:

* См. Хрон. Ист. часть I, стр. 148, гдѣ сказано: «оставленыя жилища сіи подають намъ идею о тѣхъ великихъ измѣненіяхъ, коиъ шаръ земной подвергался въ теченіе своего вѣковаго круговращенія.» Должно замѣтить, что эти жилища суть не развалины Греческой архитектуры, а юрты, землянки, какія строятся въ самыхъ холодныхъ странахъ подъ 76° широты.

** См. Путешествіе капитана Биллинкса, изд. г. вице-адмираломъ Сарычевымъ, стр. 190.

«Въ 1764 году сержантъ Андреевъ, съ послѣдняго изъ Медвѣжьихъ острововъ, усмотрѣлъ въ великой отдаленности полагаемый имъ величайшимъ островъ, куда и отправились льдомъ на собакахъ, но не доѣзжая того версты за 20, наѣхали на свѣжіе слѣды превосходнаго числа, на оленяхъ, въ саняхъ, неизвѣстныхъ народовъ, и будучи малолѣдны, возвратились на Кольму. Больше о сей землѣ, или великомъ островѣ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній».

Какое довѣріе заслуживаетъ Андреевъ, показываетъ намъ его опись Медвѣжьихъ Острововъ, и выше мною изложенная невозможность видѣть землю съ пятаго острова въ восточномъ направленіи. Если же Андреевъ ѣхалъ въ ту сторону, въ которой онъ усмотрѣлъ синеву, то есть, на востокъ, и дѣйствительно видѣлъ высокую землю и оленин слѣды, то это открытіе должно быть отнесено къ матерому берегу Азіи, къ которому непримѣтнымъ образомъ могъ онъ склониться, вѣдуи на востокъ. Иначе показаніе Андреева должно бы назваться баснею, которая въ послѣдствіи еще болѣе распространена и раскрашена. Напримѣръ въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, на 1823 годъ, въ замѣчаніи къ журналу сержанта Андреева, мы находимъ: «другія извѣстія доказываютъ, что сія земля имѣетъ жителей, которые называютъ ее *Тикигень*, а сами извѣстны подъ именемъ *Хрохасъ*, и состоятъ изъ двухъ племенъ; что нѣкоторые изъ нихъ бородатые и похожи на Россіянъ, другіе же Чукотской породы, и что бывшіе при экспедиціи Биллингса сотникъ Кобелевъ и толмачъ Доуркинъ, подтвердивъ описаніе Андреева, представили даже обрисъ видѣнной имъ земли, составленный нѣкоторымъ Американскимъ тономъ.»

Здѣсь, вѣроятно, говорится о сѣверо-западномъ берегу Америки, котораго главнѣйшіе мысы и бухты

★

могли быть известны Американскому тоену, а название народа Хрохан, взято изъ рассказовъ Чукчей Сѣвернаго Мыса, какъ означено въ моемъ журналѣ.

Извѣстiе, доставленное Андреевымъ объ обширной на сѣверѣ землѣ, подало поводъ къ отправленію секретной экспедиціи изъ Тобольска на Колыму. Г-нъ Берхъ нашелъ въ Тобольскомъ архивѣ журналъ этой экспедиціи, которая иначе осталась бы поднесена для насъ секретною.

Въ 1767 году ѣздили геодезіи прапорщики Леонтьевъ, Лысовъ и Пушкаревъ изъ Якутска въ Охотскъ, и оттуда въ Нижне-Колымскъ. Въ этотъ острогъ прибыли они въ 1768 году, и въ слѣдующемъ году предприняли путешествіе по Ледовитому морю.

1769 года, Марта 1-го, поѣхали они на собакахъ изъ Нижне-Колымска, а 17-го числа отправились отъ устья рѣки Крестовой на первый Медвѣжій Островъ, и объѣзжая всѣ прочіе острова, дѣлали онымъ подробную геодезическую опись, столь вѣрную въ отношеніи къ взаимному ихъ положенію и отстоянію, что въ 1821 году мы не нашли значительныхъ погрѣшностей. Геодезисты видѣли тѣ же развалившіяся юрты, о которыхъ говорилъ Андреевъ.

23 Марта, находясь на самомъ восточномъ островѣ, въ бухтѣ по сѣверному онаго берегу, Леонтьевъ по обсерваціи нашелъ широту $71^{\circ} 58'$, почти на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1821 году мною найдена широта $70^{\circ} 37'$.

24-го числа отправились они въ море на $NO 18^{\circ}$, и проѣхавъ 37 верстъ по торосамъ и разсолу, остановились на почлегѣ, гдѣ крѣпкимъ отъ W вѣтромъ начало ломать ледъ, такъ, что едва успѣли перейти на другое безопаснѣйшее мѣсто.

25-го числа стояли за погодую и *чурою*.

26-го числа, проѣхавъ на NW 5° три версты, черезъ трудные торосы, нашли, что ледъ тонокъ, почему нервѣшили слѣдовать далѣе, «ибо до большой Американской земли разстояніе неизвѣстно»*. При томъ нестало у нихъ пищи и корма собакамъ, подбившимъ себѣ ноги, такъ, что съ трудомъ бѣжали. Поворотясь назадъ, прѣехали они тѣмъ же путемъ, Апрѣля 7-го, въ Нижне-Колымскъ, проѣхавъ по ихъ счету впередъ и обратно 839 верствъ 200 сажень.

1770 года, Февраля 28-го, пустились они вторично изъ Нижне-Колымска, а Марта 7-го, изъ устья Чукотской протока, направили путь къ Медвѣжьимъ Островамъ, на самый восточный изъ коихъ прибыли Марта 10-го; за погодую оставались на этомъ островѣ 5 дней.

16-го числа поѣхали на NO 5°, къ «большой Американской землѣ,» и на 28 верствъ остановились на ночь.

17	на NO	8°	проѣхали	25	верствъ	300	саж.)	} торосами.
18	-- NO	5°	--	18	--	150	--	
19	-- NO	5°	--	25	--	"	--	
20	-- NO	5°	--	22	--	"	--	
21	-- NO	5°	--	18	--	"	--	} весьма частыми торосами.
22	-- NO	10°	--	18	--	"	--	
23	-- NO	15°	--	{ 40	--	{ 400	--	
24	-- NO	15°	--	--	--	--	--	

25-го чинили нарты, совершенно изломавшіяся въ торосахъ.

26-го стояли за погодую.

27-го «по видимости, что впереди торосы еще чаще» поѣхали Лысовъ и Пушкаревъ, въ числѣ 10 человѣкъ, на отобранныхъ собакахъ, съ кормомъ и пищею на 3 дни, «для осмотра, не увидится ли гдѣ какал земля. На 5 верствъ доѣхали къ великимъ

* Слѣдовательно, Андреевъ не могъ сказать, что недоѣхалъ 20 верствъ до оной.

свѣжимъ торосамъ, въ 4 сажени вышиною; по онымъ проѣхали около 30 верстъ; осмотрѣли зрительною трубою горизонтъ, и видѣли одни частые тороса, чрезъ которые не предвидя возможности ѣхать далѣе, повертели 28-го числа назадъ.

На пути къ острову переѣхали они 5 разсѣлигъ льду, шириною по 1 аршину, и 1-го Апрѣля прибыли на 5-й островъ, гдѣ остались три дня для осушки платья и обуви; убили 4 медвѣдей.

5-го Апрѣля поѣхали на Колыму, и 9-го числа прибыли въ Нижне-Колымскій острогъ; сдѣлавъ впередъ и обратно 950 верстъ 150 сажень.

Полагая склоненіе компаса 15° восточное, приведуть курсы въ широту $72^{\circ} 00'$, гдѣ остановлены были они свѣжими торосами.

1771 года, Февраля 27-го числа, геодезисты въ третій разъ отправились изъ Нижне-Колымска, и отъ устья Средней Колымы направили путь къ послѣднему Медвѣжьему Острову, куда прибыли 9-го Марта. Будучи удержаны погодою, поѣхали отъ острова 15-го числа, держа на $NO 77^{\circ}$, къ Чаунской сторонѣ. Проѣхавъ въ три дня 78 верстъ, почти на истинный востокъ, и не замѣтя ничего примѣчательнаго, повертели на $SO 10^{\circ}$, къ большому Баранову камню, куда пріѣхали на 50-й верстѣ 18-го числа.

19-го дневали, и убили одного бѣлаго медвѣдя въ берлогѣ.

Отъ 20-го до 24-го числа, включительно, шли къ востоку вдоль береговъ; 25-го дневали; 26-го поѣхали далѣе до губы Шелагской; 28-го повертели назадъ за неимѣніемъ корма, а 6-го Апрѣля прибыли въ Нижне-Колымскъ, сдѣлавъ впередъ и обратно 432 версты 450 сажень.

На картѣ, сочиненной геодезистомъ Леопольдъсвымъ, изображенъ берегъ отъ Колымы къ губѣ Чаунъ съ

великимъ небреженіемъ, и какъ будто въ доказательство, что геодезисты, не токмо вовсе непомышляли объ описи, но даже не пользовались картою Шалаурова, на коей эта часть берега проведена съ довольною точностію. Таковая неосновательность геодезистовъ удивляетъ тѣмъ болѣе, что пройденныя ими разстоянія при описи Медвѣжьихъ острововъ, и даже суточные переходы въ эту послѣднюю поѣздку, показываются въ сажняхъ, почему должно думать, что разстоянія измѣряемы были цѣпью; но въ торосахъ этотъ способъ вовсе неудобенъ, и, вѣроятно, употреблялся только на ровныхъ мѣстахъ*.

Нолбра 6-го отправились геодезисты изъ Нижне-Колымска, по ордеру отъ полковника Плениснера, въ Тобольскъ, откуда Сибирскій губернаторъ Чичеринъ, 1773 года въ Августъ, послалъ донесенія и карты съ прапорщикомъ Леонтьевымъ въ С. Петербургъ.

Эта экспедиція, продолжавшаяся пять лѣтъ, и сдѣлавшая три поѣздки въ Ледовитое море, хотя и не достигла предположенной ей правительствомъ цѣли, но не была и во все безуспѣшна. Медвѣжьи Острова съ великою вѣрностію, геодезически, описаны, и море изслѣдовано къ сѣверу и къ востоку отъ нихъ, сколько обстоятельства позволяли; показаніе сержанта Андреева о сѣверной землѣ, обитаемой оленными народами, приняло видъ басни, равно и превеличенное извѣстіе о дальнемъ протяженіи Медвѣжьихъ Острововъ и ихъ размѣреніи, достаточно опровергнуто.

1778 года Августа $11\frac{1}{23}$ появился Кукъ въ Беринговомъ Проливѣ, съ извѣстною цѣлью отыскать про-

* Старикъ Нижне-Колымска помнитъ эту цѣпь, и рассказываетъ, что при описи Медвѣжьихъ Острововъ тащили се люди.

ходъ въ Атлантическій Океанъ, мимо сѣверныхъ береговъ Америки, или Азіи. Лдяныя поля, прикнувшіяся къ Ледовитому Мысу, остановили Кука на востокъ, а противные вѣтры и позднее время года понудили знаменитаго мореплавателя возвратиться, достигнувъ на западъ мыса, названнаго имъ *Съверный*, который опредѣленъ въ широтѣ $68^{\circ} 56'$, долготѣ $179^{\circ} 11' W$ отъ Гринича; склоненіе компаса найдено здѣсь 26° восточное. Капитану Куку казалось, что отъ этого мыса берегъ принимаетъ почти западное направленіе, и что за нимъ находится озеро, или заливъ.

Учиненная въ 1823 году опись показываетъ, что догадки Кука въ этомъ случаѣ были невѣрны; опредѣленіе же широты м. Сѣвернаго довольно согласно съ моими наблюденіями, на самомъ почти мысѣ учиненными; по онымъ широта $68^{\circ} 55' 16''$, долгота $179^{\circ} 54' W$; склоненіе компаса $21^{\circ} 40'$ восточнос.

Азіятскій берегъ до м. Сѣвернаго не могъ быть осмотрѣнъ Кукомъ иначе, какъ весьма поверхностно. На обратномъ плаваніи усмотрѣнъ островъ, «имѣющій отъ 4 до 5 миль въ окружности, средней вышины, съ отвѣсными скалистыми берегами, въ разстояніи 3 миль отъ материка;» на картѣ положенъ этотъ островъ, названный *Burney's island*, въ широтѣ $67^{\circ} 45'$, долготѣ $185^{\circ} 5'$.

Поелику около этого мѣста не находится другаго острова, кромѣ *Колмогина*, то, безъ сомнѣнія, *Burney's island* есть тотъ самый, до котораго въ 1823 году наша экспедиція доѣхала; описаніе наружнаго вида онаго совершенно оправдываетъ догадку, хотя въ опредѣленіи географическаго положенія находимъ значительное несогласіе, ибо, по обсерваціямъ, учиненнымъ

мною на южной оконечности острова, широта мѣста $67^{\circ} 26' 46''$, долгота по счисленію $184^{\circ} 28'$.

Дальше къ востоку, въ широтѣ $67^{\circ} 3'$, долготѣ $188^{\circ} 11'$ усмотрѣлъ капитанъ Кукъ довольно значительной высоты мысъ, отвѣсно стоящій надъ моремъ. «Къ востоку отъ онаго берегъ идетъ высокій и приглубый, но къ западу оный низменъ, и направляется къ NNW и NWW, почти до самаго мыса Сѣвернаго. Глубины въ одинаковыхъ разстояніяхъ отъ берега вездѣ почти одинаковыя, какъ у Азіятскихъ, такъ и у противолежащихъ береговъ Америки. Самая большая глубина, плавая вдоль оныхъ, была 23 сажени, и ночью, или въ туманную погоду, лотъ можетъ служить не бесполезнымъ вождемъ въ плаваніи вдоль обоихъ сихъ береговъ».

На счетъ этихъ замѣчаній капитана Кука можно замѣтить, что весь берегъ къ востоку отъ Шелагскаго мыса до мыса Сѣвернаго, и отъ сего послѣдняго до острова Колючина, нельзя назвать ни низменнымъ, ни высокимъ; оный перемѣняется, и именно, около мысовъ *Онъманъ* (къ западу отъ острова Колючина), *Киберъ* и *Козьмина* представляетъ довольно высокія, нѣсколько отлогія горы, и отвѣсныя скалы.

Въ плаваніи между берегами Азій и Америки, къ сѣверу отъ Берингова Пролива, капитанъ Кукъ и астрономъ Бели неоднократно думали видѣть примѣты близости земли на сѣверѣ. Почти непримѣтное увеличеніе глубины моря, съ удаленіемъ отъ береговъ обоихъ материковъ, стада гусей и утокъ, лѣтавшихъ отъ сѣвера на югъ въ Августѣ мѣсяцѣ, въ такое время, когда эти птицы, дѣйствительно, въ полуденныя страны отлетаютъ, самое образованіе льду, все это, по мнѣнію Бурнея, согласно указывало на неизвѣстную землю къ сѣверу отъ пролива. Те-

ченія никакого не замѣчено, хотя льды примѣтно на югъ подавались.

Подвиги Англичанъ, старавшихся знакомить Европу съ отдаленнѣйшими странами нашей земли, обратили на этотъ предметъ вниманіе и Россіи. Кому неизвѣстны описанія экспедиціи, отправленной въ сѣверовосточную Азію и къ сѣверозападнымъ берегамъ Америки, для географическихъ изслѣдованій, подъ начальствомъ капитана Биллингса, съ 1785 года по 1794 годъ? На Русскомъ языкѣ описаны ея дѣйствія капитаномъ Сарычевымъ*, который былъ дѣятельнѣйшимъ въ ней сотрудникомъ, а на Англійскомъ секретаремъ экспедиціи Сауеромъ**.

Въ числѣ многихъ предметовъ, составлявшихъ цѣль этого предпріятія, было и испытаніе возможности мореходнаго сообщенія изъ Ледовитаго моря чрезъ Беринговъ проливъ, въ Восточный Океанъ. Для этого (на рѣкѣ Ясашнѣ, близъ Верхне-Колымскаго острога, построили два мореходныя судна, Палласъ*** и Ясашна****. На первомъ находился начальникъ экспедиціи капитанъ Биллингсъ; второе поручено въ командованіе капитану Сарычеву.

1787 года, Мая 25-го, поплыли оба судна внизъ по Ясашнѣ и Колымѣ, и 18-го Іюня находились противъ Нижне-Колымскаго острога, гдѣ нашли широту $68^{\circ} 17' 14''$, долготу $163^{\circ} 17' 30''$ восточную; склоненіе компаса $14^{\circ} 14'$ восточное.

19-го числа Палласъ поплылъ далѣе, а 21-го послѣдовала за нимъ и Ясашна; 22-го соединились оба въ восточномъ устьѣ Колымы, близъ Шалауровскихъ казармъ и Лаптева маяка. Капитанъ Сары-

* Die Deutsche Uebersetzung von Busse, Leipzig 1805.

** An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia.

*** 45 еутовъ по кляю.

**** 28 еутовъ по кляю.

чевъ замѣчаетъ: «кажется, вѣроятно, что прежде фарватеръ рѣки былъ возлѣ праваго берега, что доказываютъ построенныя на немъ Лаптевымъ для людей казармы, близъ коихъ вытасченъ былъ и ботъ его, но теперь, не только большое судно приблизиться къ сему берегу не можетъ, но и шлюпка подходить съ трудомъ, и то въ водопольѣ, а во время убывши воды отмель бываетъ версты на три.»

23-го числа, югозападнымъ вѣтромъ развело волнение, и въ Ясашнѣ показалась уже течь, которую однакожь скоро остановили.

24-го, начальникъ экспедиціи объявилъ себѣ чинъ капитана 2-го ранга, и того же дня оба судна снялись съ якоря, и чрезъ 6 миль вышли изъ устья Колымы въ Ледовитое море. «Глубина рѣки, по фарватеру, который здѣсь до 200 сажень шириною, была отъ 3 до 5 сажень; на днѣ жидкій илъ. Берегъ продолжается каменнымъ утесомъ, вышиною до 8 сажень; подъ нимъ видно много наноснаго лѣсу».

Укрываясь отъ льдовъ, носившихся близъ береговъ, суда входили въ небольшіе заливы за мысами, и останавливались на якоряхъ, когда не находили возможности плыть далѣе. 28-го, находясь въ заливцѣ между большимъ и малымъ Барановымъ камнями, противъ ручья, Биллингсъ устроилъ свою обсерваторію на берегу, нашелъ широту того мѣста $69^{\circ} 27' 26''$, долготу по хронометру $167^{\circ} 50' 30''$. Капитанъ Сарычевъ въ своемъ сочиненіи показываетъ обсервованную широту того же мѣста $69^{\circ} 29'$, прибавляя, «изъ сего видно, что на всѣхъ прежде изданныхъ картахъ, берегъ Ледовитаго Моря положенъ далѣе къ сѣверу почти на два градуса». Склоненіе компаса было здѣсь $16^{\circ} 00'$ восточное.

1-го Июля, оба судна снялись съ якоря, и старались пробираться на сѣверъ, гдѣ льды, казалось, уменьшались, но самый густой туманъ, препятствовавшій видѣть далѣе 2 сажень, понуждалъ ихъ ложиться часто на якорь. Самое большое отдаленіе отъ берега къ сѣверозападу простиралось не болѣе 20 миль; отсюда принуждены были повернуть обратно, «ибо высокіе и большіе льды, коимъ не видно было конца, покрывали впереди все море, и ударяющіяся объ нихъ волны производили ужасный шумъ». Палась 2-го числа положили якорь въ заливцѣ за мыскомъ, западнѣе того, у котораго вчера стояли; Ясашна скоро съ нимъ соединилась.

5-го и въ слѣдующія числа, пытаюсь проплыть далѣе на востокъ, и встрѣчалъ всегда препятствія отъ льдовъ, при частыхъ, густыхъ туманакъ, миновали 19-го Июля большой Барановъ камень, но прощѣ на сѣверовостокъ около 11 миль, ледяныя громады, изъ коихъ многія на 16 саженьяхъ глубины доставали дно, принудили ихъ укрыться по западной сторонѣ этого мыса, и положить якорь.

Здѣсь капитанъ Биллингсъ составилъ совѣтъ изъ офицеровъ, въ коемъ положено: за невозможностію пройти далѣе къ востоку, и за позднимъ осеннимъ временемъ, возвратиться на Колыму. «Лишь только кончился совѣтъ, то снялись, и на завозахъ пошли на западъ.» 26-го Июля вошли въ устья Колымы, коей теченіе столь было тихо, что чрезъ пять дней дошли до Нижне-Колымска, «и тѣмъ кончили, сколь трудное, столь и опасное плаваніе по Ледовитому морю.»

По окончаніи плаванія Биллингсъ вторично собралъ совѣтъ, въ коемъ разсуждаемо было, «какъ бы удобнѣе и безопаснѣе обойти, водою или берегомъ, Мысы Шелагскій и Чукотскій.» Опытъ пока-

залъ, что водою сего исполнить было не можно; оставалось еще средство объѣхать мысы зимою на собакахъ; «но оно отвергнуто въ совѣтъ, такъ какъ неудобное, потому, что нельзя взять съ собою для собакъ корму болѣе, какъ на 200 верстъ пути.»

Наконецъ положено сдѣлать еще покушеніе съ восточной стороны, отъ Берингова Пролива, на судахъ, приготовлявшихся въ Охотскѣ.*

На пути въ Беринговъ Проливъ, въ 1791 году, капитанъ Биллингсъ, на суднѣ *Слава Россіи*, зашелъ въ губу Св. Лаврентія, гдѣ его навѣстили Чукчи. Они сказывали начальнику экспедиціи, что Ледовитое море почти всегда покрыто бываетъ множествомъ льду, и что нѣтъ возможности плавать по сему морю, не только на большихъ судахъ, но и на байдаркахъ. Повѣривъ этимъ рассказамъ, болѣе нежели собственному опыту**, капитанъ Биллингсъ отмѣнилъ намѣреніе обойти моремъ Шелагскій Носъ, и какъ будто изъ благодарности къ Чукчамъ, за избавленіе его отъ предстоявшихъ ему въ этомъ плаваніи опасностей, рѣшился на труднѣйшій, но менѣе славный подвигъ: пробхать чрезъ Чукотскую землю, и ввѣриться дикому и коварному ея народу, пренебрегая даже мѣрами осторожности, вопреки убѣдительнымъ представленіямъ своихъ подчиненныхъ, и особенно капитана Сарычева.

11-го Августа капитанъ Биллингсъ отправилъ геодезіи сержанта Гилева, моремъ на Чукотской байдарѣ, описывать берегъ кругомъ восточнаго Чукотскаго мыса, до острова Колочина, откуда стараться

* Смотр. Путешествіе капитана Биллингса чрезъ Чукотскую землю, составленное вице-адмираломъ Г. А. Сарычевымъ.

** Известно, что капитанъ Биллингсъ находился съ Кукомъ въ третьемъ его воляжѣ, и что сей послѣдній достигъ мыса Савернаго, не встрѣтивъ большихъ препятствій отъ льду.

выѣхать ему на встрѣчу, при путешествіи Биллинга берегомъ.

Сержантъ Гилевъ, отправясь, ѣхалъ на байдарѣ подлѣ береговъ до Восточнаго мыса, пререшель пѣшкомъ чрезъ перешеекъ онаго къ Ледовитому морю, откуда слѣдовалъ подлѣ береговъ къ NW, то на байдарахъ, то пѣшкомъ, смотря потому, какъ носящіеся по морю льды ему позволяли, или препятствовали; наконецъ, недоходя до острова Колочина 90 миль, сидячіе Чукчи отказались провѣзати далѣе, и отдали его, случившимся тутъ, оленнымъ Чукчамъ, которые, на своихъ оленяхъ, чрезъ горы, привезли его въ станъ къ Биллингу, находившемуся тогда близъ вершины рѣки Югней, впадающей въ Колочинскую губу.

На пути сюда, на 1-й верстѣ отъ озера Югней, осмотрѣлъ штурманъ Батаковъ ключи теплыхъ водъ, которые описываетъ такимъ образомъ: «Они находятся на невысокой каменной горѣ, и составляютъ четыре, овальнаго вида, водоема, которые возвышены отъ поверхности горы на $1\frac{1}{2}$ фута тонкими закраинами, сверху загнутыми на внѣшнюю сторону, такъ ровно, что сіи водоемы походятъ совершенно на котлы, врытые въ землю. Они всѣ наполнены, съ краями на ровень, теплою, густоватою, блѣсоватаго цвѣта водою. По срединѣ ихъ видны бьющіе съ низу ключи, на подобіе кипящей воды, гдѣ до дна не могли достать палкою, а къ краямъ находится вязкій известковый илъ, отъ осадки котораго, какъ думать должно, произошли закраины котловъ. — Величина сихъ водоемовъ отъ 6 до 8 сажень въ окружности; другіе два находятся въ 50-ти сажень отъ первыхъ.» Штурманъ Батаковъ, по наружнымъ признакамъ, полагаетъ, что сія гора нѣкогда была огнедышащею сопкою.

Капитанъ Биллингсъ, съ сержантомъ Гилевымъ, вѣдиль по Колючинской губѣ, до ея устья, которое по описанію «лежитъ въ 120 миляхъ отъ Берингова пролива, и вдалось внутрь Чукотской земли, къ югу, на 60 миль. Ширина его не болѣе семи миль. Въ него впадаетъ много рѣчекъ, и двѣ рѣки: *Югней* и *Килью*; первая течетъ изъ озера, вторая изъ горныхъ хребтовъ. Устье Колючинской губы имѣетъ ширины 4 мили; по срединѣ онаго лежитъ островъ *Песлоне*, величиною до 3 миль. Чукчи сказывали, что по западную его сторону мелководно, а по восточную глубоко, такъ, что симъ проливомъ входятъ въ губу киты. Островъ Колючинъ лежитъ въ морѣ отъ устья губы къ N въ 10 миляхъ.» По картѣ капитана Биллингса, середина острова Колючина находится въ широтѣ $67^{\circ} 30'$, долготѣ $185^{\circ} 26' W$ отъ Гринича.

На всемъ пути капитана Биллингса, до перваго Русскаго селенія на р. Большомъ Анюѣ, при устьѣ р. Индигирки, куда онъ прибылъ 17-го Февраля 1792 года, Чукчи, державшіе путешественниковъ, такъ сказать, у себя въ неволѣ, нисколько не измѣнили обыкновеннаго своего тракта, и медленнаго на оленяхъ кочеванія, идя всегда долинами, и не приближаясь къ морскому берегу ближе 50-ти миль. Биллингсъ скучалъ продолжительностію, трудностями пути, и нахальствомъ Чукчей, отъ которыхъ долженъ былъ переносить обиды.

Штурманъ Батаковъ съ великимъ трудомъ замѣчалъ направленія пути, и измѣрялъ пройденныя разстоянія, означая въ журналѣ своемъ имена рѣкъ, положеніе горъ, и все, что могъ распросами узнать отъ Чукчей, для положенія всего этого на картѣ.

Говоря о Чукотской странѣ вообще, капитанъ Биллингсъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ: «она вся

состоитъ въ горахъ и бесплодныхъ долинахъ; на горахъ ни какой травы не примѣтно, выключая мха, который служитъ пищею оленямъ; вездѣ видѣнъ голый камень. Въ нѣкоторыхъ долинахъ торчатъ палочки тальниковыя, очень нетолстыя; климатъ самый неспосный: до 20-го Юля непримѣтно лѣто, а около 20-го Августа приближеніе зимы во всемъ уже является.»

«Чукотская земля возвышенна, и часто попадались намъ горы удивительной вышины. По горамъ и въ долинахъ, во многихъ мѣстахъ, снѣжныя кучи покрываютъ землю во весь годъ. По долинамъ, направленнымъ къ сѣверу, протекаетъ множество мелководныхъ рѣкъ и рѣчекъ, имѣющихъ каменистое дно. Самые долины, большею частію, болотисты, и наполнены множествомъ малыхъ озеръ. Ягоды родятся только голубика, брусника и водяника, называемая шикшею. При берегахъ сѣверовосточной, восточной, и отъ части южной сторонъ, ловятся сивучи, моржи и тюлени. Сѣверный олень, горный баранъ, бѣловатый волкъ, медвѣдь, лисицы и песцы составляютъ все царство четвероногихъ. Во время кратчайшаго лѣта видны орлы, соколы, куропатки и разныхъ родовъ водяныя птицы, а во время зимы, когда жители путешествуютъ, то вездѣ летаютъ за ними вороны.»

Объ обитателяхъ этой дикой страны, Биллингсъ, въ своихъ запискахъ, намъ ничего не сообщаетъ, кромѣ описанія нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядовъ, и намъ остается сожалѣть, что необычайные труды, путешественниками перенесенные, на проѣздѣ чрезъ всю Чукотскую землю, не познакомили насъ короче съ ея обитателями.

По смерти купца Лхова, купецъ Сыроватскій вступилъ, по частной передачѣ указа Якутской вос-

водской канцеляріи, во владѣніе островами, открытыми первымъ. Желая распространить промыслы, передовщикъ (начальникъ артели) Сыроватскаго, мѣщанинъ Санниковъ открылъ отъ *второго* острова на западъ новый островъ, который, по высокимъ каменнымъ горамъ, и по малому объему своему, названъ *Столбовой*. Этотъ же Санниковъ, послѣ смерти Сыроватскаго, бывъ посыланъ сыномъ его, мѣщаниномъ Сыроватскимъ, открылъ въ 1805 году, на востокъ отъ *третьяго* Ляховскаго, или Котельнаго острова, другую землю, которая названа *Фаддеевскими* островомъ, потому, что первое на ономъ зимовье построилъ промышленникъ Фаддеевъ.

Въ 1806 году, промышленниками Сыроватскаго открыта отъ этой земли въ близкомъ разстояніи другая, названная въ послѣдствіи времени *Нового Сибирью*.

Въ это же время, купецъ Протодьяконовъ, неимѣвшій сначала успѣха въ обрѣтеніи отъ устья Лены какого либо новаго острова, рѣшился просить Государя Императора о всемілостивѣйшемъ дозволеніи, ему, съ товарищемъ его, мѣщаниномъ Бѣльковымъ, производить промыслы на Котельномъ Островѣ, я тѣмъ уничтожить исключительное право Сыроватскихъ.

Это обстоятельство подало поводъ государственному канцлеру Графу Николаю Петровичу Румянцову, отправить г. Геденштрома на оные острова, съ порученіемъ, обозрѣть ихъ со всею подробностію.

Между тѣмъ, еще до отъезда г. Геденштрома, въ 1808-мъ году, найденъ мѣщаниномъ Бѣльковымъ островокъ, отдѣляющійся отъ западнаго берега Котельнаго Острова узкимъ проливомъ, и называемый понинъ *Бѣльковскими* Островомъ.

1808-го года, въ Августѣ, отправился г. Геден-

штромъ изъ Иркутска въ Якутскъ, вмѣстѣ съ землемѣромъ Кожевнымъ, откомандированнымъ ему въ помощь. Окончивъ всѣ нужныя къ предстоящему путешествію пріуготовленія, г. Геденштромъ отправился изъ Иркутска 18-го Ноября, и 5-го Февраля 1809 года прибылъ въ Усть-Янскъ. Здѣсь представились ему величайшія затрудненія въ исполненіи первоначальнаго плана, состоявшаго въ томъ, чтобы учредить на Котельномъ Островѣ главную складку запасовъ, и начать отъ него опись береговъ къ востоку. Хотя это намѣреніе и рушилось, но благоразуміемъ и дѣятельностію своею, г. Геденштромъ привелъ себя въ состояніе употребить наступившую весну съ пользою для географіи.

Средства его, конечно, были весьма ограниченны, но онъ старался вознаграждать недостатки усердіемъ. Онъ имѣлъ октанъ, одну старую астролябію, «которая для вѣрнаго назначенія широты мѣста не годилась,» и довольно хорошій, «морской, или пелькомпасъ.» Для успѣшнѣйшаго дѣйствія, г. Геденштромъ поручилъ землемѣру Кожевину съ астролябіею описать первую отъ Котельнаго Острова, къ востоку лежащую землю, т. е. Фаддеевскій Островъ, и на обратномъ пути объѣхать первый, и запеленговать второй Ляховскій Острова. Мѣщанину Санникову, который находился при экспедиціи въ числѣ добровольно сопутствующихъ, поручено узвать пространство пролива, отдѣляющаго Котельный Островъ отъ Фаддеевскаго. Себѣ же предоставилъ онъ, раздѣляясь съ Кожевнымъ на Фаддеевскомъ Островѣ, описать открытую, по объявленію Сыроватскихъ, на 300 верстѣ къ востоку отъ сего послѣдняго острова землю, называемую нынѣ *Новою Сибирью*.

Отправясь 7-го Марта изъ Усть-Янска, пріѣхали къ первому Ляховскому Острову (число въ журналѣ

г. Геденштрома не показано), гдѣ шесть дней сильныя вьюги держали на мѣстѣ. По прибытіи наконецъ на Фаддеевскій Островъ, землемѣръ Кожевникъ и Санниковъ съ г. Геденштромомъ раздѣлились; послѣдній направилъ путь на Новую Сибирь, взявъ вожатымъ Усть-Янскаго крестьянина Портнягина.

Землемѣръ Кожевникъ описалъ западный, южный и восточный берега Фаддеевскаго Острова, объѣхалъ также первый, запеленговалъ второй Ляховскій Острова, и возвратился въ Усть-Янскъ благополучно.

Мѣщанинъ Санниковъ перѣхалъ во многихъ мѣстахъ проливъ между Котельнымъ и Фаддеевскимъ Островами, и нашелъ, что ширина его, примѣрно, отъ 7 до 30 верстъ.

Г. Геденштромъ описалъ южный берегъ Новой Сибири на 220 верстъ, нашелъ, что промышленники Сыроватскаго, вмѣсто 300 верстъ, какъ объявляли, проѣхали по новой землѣ только 65 верстъ, и возвратился благополучно въ Усть-Янскъ, тремя днями послѣ Кожевина.

Г. Геденштромъ, намѣревался въ будущемъ году провести лѣто на Новой Сибири, завезти туда оленей и лошадей, построить заблаговременно зимовье на этомъ острову, и увѣриться въ спосеобахъ продовольствія на ономъ, отправилъ мѣщанина Санникова, съ пятью промышленниками, на Новую Сибирь, на лѣтовку, такъ сказать, для испытанія, а самъ ѣздилъ въ Верхо-Янскъ, для разныхъ хозяйственныхъ распоряженій.

Возвратясь къ осени 1809 года въ Усть-Янскъ, чтобы не остаться празднымъ, дѣлалъ г. Геденштромъ опись приморскаго берега къ р. Индигиркѣ. Тутъ онъ узналъ о возвращеніи, въ началѣ Ноября, Санникова, съ артелью, отъ Новой Сибири. По объявленію ихъ, лѣто было столь холодное, что да-

же во многихъ мѣстахъ не сходилъ снѣгъ, и травы ни какой не было. Рыбы въ рѣкахъ не видно другой, кромѣ рогатки (рыбка въ 4 вершка длины); впрочемъ рыба и не могла входить съ моря, потому, что берсговой ледъ въ это лѣто не разносило. Бывшій при артели плотникъ построилъ на Новой Сибири два зимовья и три ставца. Мѣщанинъ Санниковъ также вывезъ съ собою нѣкоторыя вещи, найденныя на Фаддеевскомъ Острову и Новой Сибири. На первомъ найдены Юкагирскія сани, и обдѣланная кость, съ выемкою, въ которую вкладывалось каменное остріе, для сбитія съ оленьихъ кожъ шерсти, а съ Новой Сибири обдѣланный кусокъ мамонтовой кости, наподобіе Чукотскихъ топоровъ. «Все сіе доказываетъ,» говоритъ г. Геденштромъ въ своемъ занимательномъ журналѣ, «что были на тѣхъ островахъ Юкагиры, съ давнихъ лѣтъ туда зашедшіе, ибо ежели предполагать, что вещи сіи принадлежатъ нынѣшнимъ Юкагирамъ матераго берега, то для чего имъ употреблять кость и камень, вмѣсто желѣза, котораго у нихъ довольно привознаго.»

Зиму провелъ г. Геденштромъ съ своими людьми въ такъ называемомъ Посадномъ зимовьѣ (на морскомъ берегу, около 100 верстъ къ востоку) отъ Св. Носа, и въ 180 верстахъ отъ ближайшаго селенія на Индигиркѣ), куда всѣ нужные запасы завезены были заблаговременно. «Время,» г. Геденштромъ говоритъ, «протекало у насъ скорѣе, нежели у инаго при всѣхъ городскихъ забавахъ. Но цынга, которая въ здѣшнихъ мѣстахъ обыкновенно случается зимою, посетила и насъ. Болѣе двухъ мѣсяцевъ продолжающаяся здѣсь ночь, дѣлаетъ воздухъ чрезвычайно густымъ и нездоровымъ; безъ частыхъ вѣтровъ и выюгъ, которые посылаетъ тогда благотвор-

ная природа, для приведенія въ движеніе сего тяжелаго воздуха, мѣста сіи были бы дѣйствительно для чело́вѣка зимою необитаемы. Я предвидѣлъ нашу опасную болѣзнь, и принялъ для спутниковъ моихъ всѣ предосторожности, состоявшія въ свѣжей пищѣ, въ безпрестанномъ движеніи, и проч. За то и показала она только у меня и одного казака, потому, что мы менѣе всѣхъ прочихъ предохранялись движеніемъ. Но повторяемые приемы селитры, отваръ кедроваго сланца, и принужденное сильное движеніе при самомъ появленіи болѣзни, избавили насъ скоро отъ оной.»

1810 года, Января 29-го, г. Геденштромъ поѣхалъ изъ Посаднаго стана въ Усть-Янскъ, гдѣ присутствіе его для различныхъ распоряженій было необходимо нужно. Руководствуясь опытомъ Санникова, лѣтывавшаго въ прошедшемъ году на Новой Сибири, г. Геденштромъ отмѣнилъ лошадей, и распорядился, чтобы одни олени были переведены туда, но не прежде, какъ увѣрившись, что Новая Сибирь не есть островъ, а дѣйствительно обширная земля.

Преодолювъ многія препятствія и затрудненія, г. Геденштромъ, наконецъ, 2-го Марта, отправился изъ Русскаго устья (на Индигиркѣ) на 29 марта въ море, держа путь къ поставленному имъ въ 1809 году кресту, близъ Песцоваго Мыса. 13-го числа пріѣхали къ Новой Сибири, въ 10-ти верстахъ западнѣе сего мѣста. «Столь малой ошибкой,» говоритъ онъ, «обязанъ я Деревяннымъ горамъ, которыя увидѣли мы еще за 120 верстъ до Новой Сибири.» Дорога была по частымъ торосамъ весьма трудна, тѣмъ болѣе, что Индигирскія собаки и проводники не имѣютъ довольногаго навыка въ разъѣздахъ такого рода. Отправивъ съ креста 22 марта обратно на Индигирку, продолжалъ Геденштромъ на 7 лучшихъ

нартахъ описывать берегъ къ востоку. У Песцоваго мыса опредѣляли по наблюденію склоненіе стѣлки 15° восточн., а широту $74^{\circ} 45'$, которая отъ опредѣленія лейтенанта Анжу разнится только $5'$ недостаточно.

Мѣщанинъ Санниковъ отправленъ на одной нартѣ чрезъ островъ, къ сѣверному берегу Новой Сибири.

16-го Марта, Геденштромъ находился уже у *Каменнаго Мыса*, съ котораго берегъ Новой Сибири склоняется къ западу. Съ высоты сего мыса видѣлась на NO синева, совершенно похожая на отдаленную землю.»

На утро прѣѣхалъ и Санниковъ. Прѣѣхавъ землю 70 верстъ на сѣверъ, выѣхалъ онъ къ морскому берегу, откуда повернулъ къ востоку и ночевалъ въ 5 верстахъ отъ Геденштрома. Онъ также принялъ синеву къ NO за отдаленную землю.

Увѣрившись въ небольшомъ протяженіи Новой Сибири на востокъ, Г. отмѣнилъ намѣреніе лѣтовать на оной, и отпустивъ Санникова въ Усть-Янскъ, пустился къ NO за новымъ открытіемъ.

«Дорога была изъ труднѣйшихъ, но всѣ труды были забыты, когда прежде видѣнная синева представилась черезъ зрительную трубку бѣлымъ лромъ, изрытымъ, какъ казалось, множествомъ ручьевъ. Вскорѣ яръ сей показался простирающимся полуцѣркулемъ, и почти соединяющимся съ Новою Сибирью. Но къ крайнему прискорбію всѣхъ, на другой день узнали мы, что обманулись. Мнимая земля преобразилась въ гряду высочайшихъ лдяныхъ громадъ, 15 и болѣе сажень вышины, отстоящихъ одна отъ другой въ 2 и 3 верстахъ.»

Чтобы запастись дровами на дальній путь, возвратился Г. отсюда на Новую Сибирь, и нагрузилъ ими нарты на 14 сутокъ, отправился вторично, 24

Марта, на востокъ, но торось быль столь густъ, что въ 4 дни провхали не болѣе 70 верстъ. «Здѣсь увидѣли мы, къ крайнему удивленію, въ 5 верстахъ воду и нослщійся по морю ледъ. Сія вода была, какъ я послѣ увѣрился, морская полынья, простирающаяся почти отъ Новой Сибири до Медвѣжьихъ Острововъ, что составить до 500 верстъ.»

Г. намѣреваясь ѣхать прямо къ Лаптевскому маяку на устьѣ Колымы, три раза приближался къ полыньѣ, и наконецъ, увѣрившись въ непроходимости этой препоны, поверотилъ на югъ, и выѣхалъ на Азіятскій берегъ около устья рѣки Курджягиной, пробывъ 45 дня въ пути (считая отъ Индигирки), вмѣсто предположенныхъ 28 дней, отъ чего онъ весьма нуждался бы въ запасахъ, если бы 11 убитыхъ имъ бѣлыхъ медвѣдей не отвратили недостатка въ кормѣ собакамъ. 13 Апрѣля прѣехалъ Г. къ Лаптевскому маяку.

Еще до отправления своего на Новую Сибирь, Г. послалъ на Колыму нарочнаго, съ предписаніемъ, изготovitъ подъ экспедицію 5 отборныхъ нартъ, но какъ вмѣсто таковыхъ встрѣтили ихъ 4, весьма дурныя нарты, то Г. принужденнымъ нашелся ѣхать въ Нижне-Колымскъ, и немедленно принять нужныя мѣры. Вмѣстѣ съ симъ Г., вновь присланнаго къ нему въ Усть-Янскъ землевра Пшеницына (на мѣсто заболѣвшаго Кожевина) отправилъ для лѣтровки на Котельный островъ.

Наконецъ 18-го Апрѣля, Г. отправился изъ Нижне-Колымска, на 5 нартахъ, имѣя корму на 20 дней. У Баранова камня продержала ихъ жестокая буря отъ востока 7 дней; потомъ пустился онъ въ море, держа на NO 20°. На разстояніи 150 верстъ стали попадаться земляныя глыбы на льдинахъ.

«Мая 1-го видѣли мы стадо гусей, летѣвшихъ на NNW, и бѣлаго филина; на N подымались облака;

глубина морская уменьшалась. Все сіе доказывало близость земли. Въ 245 верстахъ отъ Баранова камня перешли мы щель, въ 1 аршинъ ширины, но въ 5 верстахъ дошли до щели въ 15 сажень. Здѣсь замѣтилъ я быстрое морское теченіе на OSO, и заключилъ, что щель сія сдѣлалась отъ бывшей съ востока бури. Въ 5-ти верстахъ сихъ, глубина морская отъ $11\frac{1}{2}$ саж. уменьшилась до 11-ти сажень.»

Сравнимъ сіи обстоятельства съ тѣми, которыя испытаны мною, 10 лѣтъ послѣ Геденштрома.

Курсъ NO 20°, по компасу, исправя склоненіемъ компаса (15° восточное), проходитъ по самымъ тѣмъ мѣстамъ, по коимъ въ 1821 и 1822 годахъ мы провѣжали. 150 верствъ отъ Баранова камня, гдѣ Г. напелъ земляныя глыбы на льдинахъ, есть почти тотъ самый пунктъ, откуда въ 1821 году, слѣдуя къ юго-востоку, поворотили мы назадъ, а встрѣча щелей въ 245 верстахъ воспослѣдовала тамъ, гдѣ въ 1822 году нашли мы попеременно полынья и чрезвычайныя тороса, въ коихъ вырыли вторую яму, для храненія припасовъ, дабы облегчить ѣзду въ торосахъ. Нами измѣренная глубина здѣсь $14\frac{1}{2}$ саж., грунтъ илъ, а на 30 миль сѣвернѣе нашли мы $14\frac{1}{2}$ саж., грунтъ дресва, или камень. Сіи глубины несогласны съ показаніемъ Г., и какъ онъ не выходилъ изъ предѣловъ нашей ѣзды, во время коей многократно измѣряема была глубина моря, возрастающая съ удаленіемъ на востокъ и умалюющаяся къ западной сторонѣ, не уменьшаясь къ сѣверу, то я имѣю достаточныя причины полагать въ измѣреніяхъ Г. ошибки, тѣмъ болѣе вѣроятныя, что, какъ мнѣ извѣстно, настоящаго, на футы измѣреннаго лотъ-линя при немъ не находилось, а пройденныя разстоянія полагались по примѣрному соображенію бѣга собакъ, безъ поѣрки обсервованными широтами. Что полагаемыя

такимъ образомъ разстоянія весьма не надежны, и у Г. всегда были слишкомъ велики, въ томъ свидѣтельствуетъ его опись Новой Сибири, въ послѣдствіи повѣренная лейтенантомъ Анжу. Явленіе гусей и филина въ значительномъ отдаленіи отъ материка, не должно также насъ удивлять, и отнюдь не можетъ служить доказательствомъ близости другой земли на сѣверѣ, ибо гуси, пролетая къ морскому берегу отъ юга, и не находя воды, обыкновенно пускаются вдалѣ къ полярнымъ, пока вскрытіе рѣкъ не позоветъ ихъ обратно, а филинъ есть плотоядная птица, ищущая пищи въ объѣдкахъ бѣлыхъ медвѣдей. Если бы въ *исходѣ лѣта* видѣли стада гусей, отъ сѣвера черезъ море къ югу летящихъ, то, конечно, можно бы думать съ нѣкоторою основательностію, что они оставили сѣверную землю, и возвращаются въ полуденныя страны.

Г., не видя возможности ѣхать далѣе на сѣверъ, желалъ выѣхать къ Шелагскому Мысу, но тонкій ледъ ему и въ этомъ покушеніи воспрепятствовалъ, такъ, что съ трудомъ нашелъ онъ свой старый слѣдъ, по которому пріѣхалъ 8-го Мая къ Баранову камню, гдѣ вторично сильная буря два дня его держала.

Проведя лѣто въ Нижне-Колымскѣ, Г. отправился 18-го Сентября на нартахъ къ Индигиркѣ, дѣлая всему берегу опись. На Индигиркѣ засталъ геодезиста Пшеницына, который оставался во все лѣто на Янѣ и Индигиркѣ, не найдши возможности перебраться для лѣтовки на Котельный островъ.

Въ половинѣ Октября отправился Г. въ Усть-Янскъ, прямымъ путемъ чрезъ тундру. « На семь пути, » говоритъ онъ, « примѣчательно озеро *Хостахъ*, длиною 14, а шириною 6 верстъ. Оно въ каждую осень выбрасываетъ на берегъ великое множество, « извѣтнаго по естественной исторіи, смолистаго

« дерева (*bituminöses Holz*), въ видѣ щепь. Берега за-
 « валены имъ въ иныхъ мѣстахъ на аршинъ вышиною;
 « между сими щепами попадаетя мелкими кусочка-
 « ми вещество, очень похожее на камедь. Оно горитъ,
 « какъ лнтарь, но имѣетъ смолистый запахъ, и судя
 « потому есть, вѣроятно, не что иное, какъ затвердѣлая
 « смола лиственницы. Ближнее разстоянiе сего озера
 « отъ моря 115 верстъ, отъ лѣсу 80 верстъ.»

Г. сообщаетъ намъ и другое, не менѣ примѣча-
 тельное явленiе природы: « на тундрѣ также на-
 « ходятъ, далеко отъ лѣсу, въ ярахъ надъ озерами и
 « рѣками, цѣлыя березы, съ корнемъ и корою. Онѣ
 « истлѣли, но жители употребляютъ ихъ на топку,
 « въ случаѣ недостатка въ дровахъ. Онѣ не даютъ пла-
 « мени. Жители называютъ сiя березы *адамовицины*.»

Въ Усть-Янскѣ освѣдомился Г. о возвращенiи Санни-
 кова отъ Котельнаго Острова; вотъ краткiй отчетъ его:

« Мѣщанинъ Бѣльковъ (компаньонъ купца Прото-
 « дьяконова), вмѣстѣ съ мѣщаниномъ Санниковымъ,
 « лѣтовали сего 1810 года на Котельномъ Островѣ,
 « для промысла мамонтовой кости и песцовъ. Они
 « избрали для лѣтованiя западную сторону сего остро-
 « ва, на которомъ предполагали имѣть изобильнѣй-
 « шiе промыслы, потому, что до сего времени ни
 « кто на сей сторонѣ не бывалъ.

« Мѣщанинъ Санниковъ, проходя по западному
 « берегу Котельнаго Острова, въ 150 верстахъ отъ
 « тѣхъ мѣстъ, до конхъ доходили прежнiе про-
 « мысленники, нашель:

1. « На берегу выкопанную могилу; тѣло было
 « вырыто медвѣдемъ. Подлѣ могилы стояла долгая,
 « узкая и высокая нарта, строенiе коей отъ всѣхъ
 « извѣстныхъ отлично, и доказывало, что тащили
 « ее люди лямками. Въ одномъ концѣ могилы сдѣ-
 « ланъ деревянный крестъ, обложенный свинцомъ, съ

« обыкновенною, церковною, Русскою надписью. Под-
« лѣ креста лежали желѣзный батасъ (родъ узкаго
« однолезвейнаго копья) и двѣ желѣзныя стрѣлы.»

2. « Въ недалекомъ отъ сего мѣста разстояніи
« было четырехугольное рубленое зимовье, въ коемъ
« найдено нѣсколько вещей изъ оленьяго рога, тесан-
« ныхъ топоромъ.»

3. « На рѣчкахъ, гдѣ линяютъ гуси, находилъ Сан-
« निकовъ гусинныя кости, въ доказательство, что бы-
« ли здѣсь люди, а на морскомъ берегу видѣлъ кито-
« вые позвонки. Также замѣчено имъ, что дикіе оле-
« ни сего мѣста гораздо болѣзливѣе и осторожнѣе
« находящихся на матерой землѣ Сибири.»

4. « Берегъ въ томъ мѣстѣ, до коего Санниковъ
« доходилъ, оборачивается на востокъ, а на сѣверо-
« западъ, въ примѣрномъ разстояніи 70 верстъ, видны
« высокія каменныя горы.»

Какъ Санникову и всѣмъ Усть-Янскимъ и Индигир-
скимъ промышленникамъ было извѣстно, что на за-
падномъ берегу острова никто прежде не бывалъ, то
видѣнные признаки бытія здѣсь Русскихъ людей
приписываетъ Г. крушенію какого либо коча море-
ходцевъ 17-го столѣтія.

Замѣчаніе Санникова, касательно высокыхъ горъ
на NW отъ Котельнаго Острова, побудило Г. къ на-
мѣренію, весною слѣдующаго года, подробнѣе из-
слѣдовать это; окончательную опись Новой Сиби-
ри и Фаддеевскаго Острова поручить геодезисту Пше-
ницыну, а казачьему сотнику Татаринovu, котораго
Г. обучилъ употребленію компаса, приказано попы-
таться объѣхать съ сѣверной стороны по льду,
протянувшуюся отъ Новой Сибири къ Колымѣ.

Занимаясь распоряженіями къ приведенію вышеиз-
ложенныхъ намѣреній для будущаго года въ испол-
неніе, ѣздилъ Г. въ Верхо-Янскъ, гдѣ получилъ пове-

лвніе отъ Иркутскаго гражданскаго губернатора возвратиться немедленно въ Иркутскъ, для личнаго обо всемъ отчета, съ тѣмъ, чтобы ко времени отправления на острова, быть опять въ Усть-Янскѣ.

По прибытіи Геденштрома, 4-го Января 1811 года, въ Иркутскъ, объявлено ему, что гражданскій губернаторъ, видя отягощеніе, которое малочисленные жители береговъ Ледовитаго Моря несутъ отъ экспедиціи, представлялъ уже высшему начальству объ уничтоженіи оной. По разсмотрѣніи же всего дѣйствія Геденштрома, предположено было окончить опись Острововъ Котельнаго, Фаддеевскаго и Новой Сибири, однакожь съ тѣмъ, чтобы все это выполнено было безъ Г., котораго губернаторъ оставилъ при себѣ.

Въ слѣдствіе сего даны нужныя предписанія геодезисту Пшеницыну, которому назначены въ помощь мѣщанинъ Санниковъ, сотникъ Татариновъ, и унтеръ-офицеръ Рѣшетниковъ, находившійся съ Г. во всѣхъ его развѣздахъ.

Геодезистъ Пшеницынъ *, выѣхавъ въ началѣ Марта 1811 года изъ Русскаго Устья (деревня на р. Индигиркѣ) на Новую Сибирь, на нартахъ, объѣхалъ оную, описалъ, и представилъ карту. Земля сія оказалась островомъ, имѣющимъ въ окружности 470 верстъ; съ сѣверной стороны Каменнаго Мыса сотникъ Татариновъ пускался въ море, но проѣхавъ не болѣе 25 верстъ, доѣхалъ до тонкаго льду, за которымъ видно открытое безъ льдовъ море. Сѣверные берега сей земли состоятъ изъ крутыхъ, почти неприступныхъ яровъ. Наноснаго лѣсу на южной сторонѣ довольно; на сѣверной же, кромѣ двухъ губъ, нигдѣ его не находили.

Мѣщанинъ Санниковъ, также въ началѣ Марта

* Отчетъ сей выписанъ мною изъ приложенія къ журналу г. Геденштрома.

1811 года, пустился изъ Усть-Янска на трехъ нартахъ на Фаддеевскій Островъ, оставивъ товарища своего, унтеръ-офицера Рышетникова, для приготовленія всего нужнаго къ лѣтованію на Котельномъ островѣ. Прибывъ на Фаддеевскій островъ, и давъ нужный собакамъ отдыхъ, 27-го отправился онъ въ путь для объѣзда всего острова. Въ западной сторонѣ онаго, съ которой началъ путь свой, почитаемое прежде проливомъ оказалось заливомъ. Верхній конецъ сего залива оканчивается до самаго моря низменнымъ пескомъ, которымъ Фаддеевскій Островъ соединяется съ Котельнымъ. Сѣверо-западная оконечность Фаддеевскаго Острова состоитъ изъ каменнаго, высокаго и узкаго, далеко въ море простирающагося мыса, отъ котораго земля, оборачиваясь круто на юговостокъ и востокъ, дѣлаетъ губу; въ восточной же части острова, берегъ, склоняясь къ юго-востоку, простирается до Благовѣщенскаго Мыса, составляющаго восточную оконечность острова, до котораго Геденштромъ доѣзжалъ въ 1809 году, и съ котораго онъ пустился на Новую Сибирь.

Съ сѣвернаго берега видѣлъ онъ на сѣверъ землю, съ высокими горами; пустившись туда, проѣхалъ не болѣе 25 верстъ, какъ былъ удержанъ полыньею, простиравшеюся во всѣ стороны; земля же ясно была видна, и онъ полагаетъ, что не болѣе она отъ него тогда 20 верстъ отстояла. Съ Благовѣщенскаго Мыса также пускался онъ на сѣверъ въ море, но проѣхавъ не болѣе 30 верстъ, доѣхалъ до открытаго же моря.

«12-го Апрѣля Санниковъ возвратился въ Усть-Янскъ, и тотчасъ приступилъ къ отправкѣ оленей и прочаго на Котельный Островъ для лѣтовки. 2-го Мая обозъ сей выступилъ изъ Усть-Янска, а 17-го прибылъ оный благополучно на Котельный Островъ. Олени же, по долгомъ ожиданіи, наконецъ пригнаны

на островъ 9-го Юня, числомъ 23, тогда, какъ ледъ во многихъ мѣстахъ изрѣзанъ уже былъ щелями и сообщеніе дѣлалось крайне опаснымъ. Пазначенные для Пшеницына на Фаддеевскій Островъ олени, по причинѣ поздняго времени, не были приведены, почему предвидѣлись для него величайшіе недостатки и затрудненія провести лѣто въ такомъ беспомощномъ состояніи.

Олени, не взирая на то, что отъ труднаго и дальнаго пути къ Котельному Острову, были весьма изнурены, скоро поправились, такъ, что 25-го Юня могли отправиться въ путь.

Слѣдуя на оленяхъ, не могли держаться всегда берега, гдѣ рѣдко бывають довольно хорошія для оленей коридвища; зная также западную и восточную сторону острова на дальнее разстояніе, приняли намѣреніе пройти во внутрь земли какъ можно далѣе, и тогда оборотиться къ берегу, и придерживаться онаго, сколь возможно ближе, пока опять дойдуть до извѣстныхъ уже мѣстъ.

Такимъ образомъ пустились вверхъ по Царевой рѣкѣ, съ которой своротили въ право, на восточную сторону острова къ Санниковой рѣкѣ, отъ которой уже держась все берега, обошли весь островъ вокругъ. Сей воляжъ совершили въ 54 дни, и возвратились въ зимовье 17-го Августа. Въ пути питались болѣе дикими гусями и оленями; первыхъ стрѣляли изъ ружей, а оленей убивалъ Юкагирскій князекъ, посредствомъ приученнаго къ такому промыслу домашняго оленя, который непримѣтнымъ образомъ приближался къ табуну дикихъ оленей, и закрывалъ собою своего хозяина.

Въ этомъ путешествіи встрѣтились слѣдующіе замѣчанія достойные предметы:

«1-е. Въ значительномъ разстояніи отъ берега на

возвышенныхъ мѣстахъ лошадиныя, буйволовыя, бычачьи и овечьи головы и кости, въ великомъ множествѣ, ведущія къ заключенію, что эти животныя водились здѣсь въ древнія времена цѣлыми стадами. Но какъ могли они питаться въ такой бесплодной и суровой странѣ? Это не иначе изъяснить можно, какъ предположивъ, что тогда климатъ былъ здѣсь гораздо умѣреннѣе, и сіи стада рогатаго скота, вѣроятно, были современники мамонтамъ, которыхъ кости во множествѣ тамъ находятся; тогда же произрасталъ и лѣсъ, котораго окаменѣлые остатки встрѣчаются цѣлыми слоями на Новой Сибири.

«2-е. Многіе признаки Юкагирскихъ жилищъ. — Въ Усть-Янскѣ и на Индигиркѣ есть преданіе, что лѣтъ за 150 множество Юкагировъ удалилось на острова, избѣгая отъ свирѣпствовавшей тогда оспы; вѣроятно, что сей народъ удалился потомъ на другіе острова, или земли Ледовитаго моря.»

«3-е. Изъ окаменѣлостей, кромѣ окаменѣлаго и смолистаго дерева, найдено въ Санниковой рѣчкѣ, на восточной сторонѣ острова, множество аммонитовъ, въ большихъ шарахъ затвердѣлаго изла. На западной сторонѣ острова находимы были на берегу китовыя кости. Это доказываетъ, что отъ Котельнаго Острова къ сѣверу простирается безпрепятственно обширный океанъ, не покрывающійся льдомъ, какъ Ледовитое море при материкѣ Сибири, гдѣ никогда китовъ, или костей ихъ не видывано.» *

«4-е. Изъ описанія путешествія Санникова, въ 1810 году, по западной сторонѣ Котельнаго Острова, извѣстно, что Санниковъ тогда нашелъ на самомъ берегу старое Русское зимовье, и могилу съ крестомъ, и проч. Нынѣ Санниковъ и Рѣшетниковъ, прибывъ

* Изъ описанія путешествій XVIII столѣтія видно, что тогда киты не рѣдко попадались въ этомъ морѣ.

на то мѣсто, рѣшились открыть сію могилу: они нашли въ ней деревянный срубъ, и въ немъ нижнія челюсти человѣка, и слѣдующія вещи: 17 желѣзныхъ стрѣлъ, топоръ, колыбѣ для литья пуль, пилу, двѣ уды, огниво, камень обитый, костяной гребень, и истлѣвшія песцовыя, олени и овчинныя лоскутья, юфтевыя перада черковъ (Сибирскихъ котовъ), не пода- леку отъ могилы желтой мѣди кастрюля, топоръ и перерубленныя лыжи; на могилѣ разводился огонь, что доказывали найденныя въ оной обгорѣлыя голов- ни и опаленная дресва. Откуда человѣкъ Русскій зашелъ на сей островъ, и кто его похоронилъ по обрядамъ Русскимъ и Азіятскимъ, когда онъ здѣсь былъ, и куда дѣвались его товарищи? Вотъ вопросы, на которые отвѣчать невозможно.»

«5-е. Близъ устья Царевой рѣки нашли также ветхое судовое дно. Доски были изъ сосноваго, а короры изъ кедроваго лѣса. Конопать была засмоленная мочала.»

«4-го Октября Санниковъ отправился для обзорѣ- нія низменнаго пещанаго мѣста, простирающагося вдоль восточной стороны острова, и для проѣзда оттуда на Ѳаддеевскій Островъ для навѣданія, какъ о томъ приказано ему было отъ Геденштрома, о геодезистѣ Пшеницынѣ.»

Геодезистъ Пшеницынъ, въ исходѣ Апрѣля, выѣ- халъ изъ Русскаго Усть-Янскаго селенія, съ сотни- комъ Татариновымъ на Ѳаддеевскій Островъ, чтобы провесть на немъ лѣто. Онъ расположился въ зи- мовьѣ, въ ожиданіи оленей, которыхъ долженъ былъ еще привезти князекъ Юкагирскій, но какъ сей послѣдній не прибылъ, то старался онъ пѣшкомъ сколько возможно слѣдовать берегомъ.»

Перенеся величайшія трудности, онъ не могъ прой- ти и 50 верстъ, возвратился въ зимовье, и ожидалъ осени, чтобы выѣхать на матерую землю, или на

Котельный Островъ. Къ несчастію, не было сего лѣта мышей на островѣ (мыши островныя часто кочуютъ съ острова на островъ, и даже на матерую землю) и собаки совершенно изнурились, потому, что вся надежда на ихъ прокормленіе полагалась на мышей, которыхъ они лѣтомъ сами ловятъ. Завезенный же кормъ хранился только на обратный путь.

6-го Октября прибылъ Санниковъ на Ѳаддеевскій островъ и засталъ геодезиста Пшеницына съ товарищами въ самой крайности. Большая половина собакъ ихъ перемерла, а остальные по недостатку въ кормъ, столь были худы, что никакъ на нихъ вхатъ было невозможно, а также и въ съѣстныхъ припасахъ терпѣли крайній недостатокъ.

10-го Октября всѣ съ Санниковымъ и Рѣшетниковымъ отправились съ Ѳаддеевскаго и 13-го прибыли на Котельный Островъ, гдѣ геодезистъ Пшеницынъ, изъ записокъ Санникова и словесныхъ рассказовъ составилъ журналъ и сочинилъ Котельному Острову карту.

27-го Октября отправились всѣ съ Котельнаго Острова въ путь. По морю подвержены были, по причинѣ тонкаго льду и многихъ полыней великой опасности, но опытностью Санникова благополучно всѣхъ избавлялись.

«12-го Ноября съ оленями прибыли благополучно въ Усть-Янскъ; отсюда Санниковъ и Рѣшетниковъ 27-го числа выѣхали въ Иркутскъ, куда прибыли 15-го числа Января 1812 года.

Пшеницынъ оставался для распродажи вещей, припасовъ и оленей экспедиціи, и для удовлетворенія жителей за кормъ, нарты, и проч. Окончивъ все сіе, возвратился онъ въ Иркутскъ въ Сентябрь 1812 года.

Этимъ кончилась экспедиція г. Геденштрома, столь
Т. IV. — Отд. III.

занимательная по многимъ отношеніямъ. Особенно любопытны замѣчанія этого достойнаго исполнителя опаснаго и труднаго порученія о предметахъ естественной исторіи льдистой страны; не излишнимъ считаю выписать ихъ вкратцѣ изъ журнала его:

«По всему берегу Ледовитаго Моря лѣсъ не растетъ. Оный оканчивается постепенно; близъ предѣловъ своихъ покрытъ мхомъ, низокъ и искривленъ. На нѣкоторое пространство отъ конца лѣсовъ растетъ еще низкій тальникъ и ерникъ (*betula nana*),* которые съ приближеніемъ къ морю становятся примѣтно рѣже и ниже, и наконецъ вовсе теряются. Изъ деревъ одна лиственница растетъ въ крайнихъ къ сѣверу лѣсахъ.

«Все пространство отъ лѣсовъ до берега Ледовитаго Моря состоитъ изъ тундры, т. е., покрыто мхомъ, крайне болотисто и усѣяно озерами. Въ рѣдкихъ мѣстахъ произрастаетъ трава. Берегъ Ледовитаго моря во многихъ мѣстахъ весьма низокъ, почти равенъ съ моремъ, такъ, что зимою трудно было бы его отличить безъ наноснаго лѣса. Это доказываетъ, что сей уваль въ древніе годы былъ берегомъ, и что Ледовитое Море удаляется отъ береговъ Сибири. Отъ низменныхъ береговъ простираются въ море на дальнее разстояніе мели, которыя зимою, а часто и во весь годъ, покрыты густымъ и высокимъ торосомъ.»

«Многіе яры, на берегахъ Ледовитаго Моря, рѣкъ и озеръ, удивленія достойны тѣмъ, что состоятъ изъ правильныхъ слоевъ льду и земли. Въ нѣкоторыхъ видны ледяныя жилы, перерѣзывающія земляные слои.»

На Ледовитомъ Морѣ, въ ясный весенній день, особенно въ Апрѣль мѣсяцъ, видимы отдаленнѣйшіе предметы. Отъ устьевъ Индигирки часто видятъ *Деревянные Горы** на Новой Сибири. Разстояніе ихъ

* Вышина ихъ, по измѣреніямъ лейтенанта Анжу, около 20 сажень.

отъ Индигирки не менѣе 312 верстъ. Быковскій Мысъ, на правомъ устьѣ Лены, имѣетъ низменный берегъ, но также часто ясно видѣнъ бываетъ съ мыса Бархалъ, въ лѣвѣ отъ Яны, на разстояніи 115 верстъ.*

О свѣрныхъ островахъ Геденштромъ замѣчаетъ:

Берега ихъ большею частію состоятъ изъ синеватой глины. Изъ произрастеній находится мохъ, и въ рѣдкихъ мѣстахъ низкая трава, изъ рода солянокъ. Напротивъ повсюду довольно, такъ называемой, куропаточьей травы; растеніе сіе низкое, стелющееся, гнѣздообразное; имъ питаются бѣлыя куропатки. Наноснаго съ моря лѣса довольно на берегахъ, кромѣ свѣрнаго береговъ Оаддеевскаго Острова и Новой Сибири. *Четвероногія*: олени, выше станомъ оленей материка Сибири; песцы бѣлые и голубые; бѣлые медвѣди; мыши бурья съ желтыми струйками, изрѣдка бѣлыя; также замѣчены слѣды росомахи. Всѣ сіи звѣри туземные, кромѣ, вѣроятно, росомахи. *Птицы*: бѣлыя куропатки; бѣлые филины, каковыя бывають въ Лапландіи и по всему свѣру; турпаны, гагары, и родъ черныхъ гусей, величиною менѣе казарки, у коихъ крылья черныя, хвостъ и спина бурья, брюхо и зобъ свѣтлобурые. Жители приморскіе называютъ ихъ *нѣлками*. Мясо ихъ весьма вкусно и жирно. *Рыбы*: на Котельномъ Островѣ въ Царевой рѣкѣ ловится красная рыба *зубатка*; на Новой же Сибири довольно *рогатки*. Она величиною до 4 вершковъ, походитъ на налима, видомъ и вкусомъ, только брюхастѣе, и хвостъ у ней тонѣе; на головѣ четыре твердыя, конической фигуры, возвышенности, отъ которыхъ рыба сія и имѣла свое получила.

* Въ журналѣ Геденштрома сказано 300 верстъ, но это несправедливо.

Изъ ископаемыхъ находится на Новой Сибири смолистое дерево; тутъ же по близости есть превосходной доброты точильный камень. Упомянутыя выше, *Деревянные горы* названы симъ именемъ отъ того, что образуютъ утесы, состоящія изъ горизонтальныхъ, равной толщины слоевъ пещаника и смолистаго дерева, въ видѣ бревенъ. Въ утесахъ бревна сѣи имѣютъ горизонтальное положеніе; на самой же вершинѣ горы стоятъ вертикально, одно подлѣ другаго. Вышина концовъ по поверхности земли отъ 2 до 4 вершковъ. Видъ ихъ много походить на заваленную плотину, изъ которой выказываются одни концы. По всей поверхности горы разбросаны довольно большіе куски каменнаго угля. Видъ сего угля чрезвычайно обманчивъ, потому, что совершенно походить на потухшій только уголь, подернутый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пепломъ. Геденштромъ не могъ узнать, изъ чего состоитъ сѣи нѣжная бѣловатая плева, крѣпко впрочемъ соединенная съ углемъ *.

На Котельномъ Островѣ попадаются аммониты. На всѣхъ островахъ находятъ изрѣдка темнокрасные сердолики. Мамонтовые клыки, или, какъ нѣкоторые называютъ, рога мамонта, не попадались тяжеѣ шести пудовъ; напротивъ на матеромъ берегу, въ нѣкоторой отдаленности отъ моря, находили рога въ 12-ть пудовъ. Въ замѣнъ того островная кость свѣжѣе и бѣлѣе. На первомъ Ляховскомъ Островѣ примѣчательно, что если отмель на запад-

* Лейтенантъ Анжу говорить о Деревянныхъ Горахъ слѣдующее: оны суть ничто иное, какъ отвѣсный до 20 саж. земляной яръ, образующій морской берегъ, на разстояніи около 5 верстгъ; въ семь яръ лежатъ почти горизонтально бревна кучами, мѣстами по 50-ти выстѣ, и выходящія концами своими наружу. Самое толстое, мною видѣнное, имѣло въ діаметрѣ полторы четверти; составомъ хрупки, полутверды, чернаго слаболознячагося цвѣта, горять на угольяхъ трудно, и издаютъ смолистый запахъ.

ной сторонѣ острова отъ продолжительныхъ вѣтровъ обнажается, то находятъ на ней множество вновь нанесенныхъ изъ моря роговъ.

Астрономическія наблюденія г-на Геденштрома, для опредѣленія географическаго положенія мѣстъ, не заслуживаютъ большаго вниманія: широта Святаго Носа, полагаемая имъ $71^{\circ} 50'$, разнится ровно однимъ градусомъ, недостаточно, съ опредѣленіемъ лейтенанта Лаптева, и около $1^{\circ} 5'$, недостаточно же, противъ вѣрнѣйшей observaціи лейтенанта Анжу; въ другихъ мѣстахъ берегъ болѣе полуградуса положень южнѣе новѣйшихъ опредѣленій. Сѣверные острова слишкомъ много по долготѣ растянуты; отъ самаго западнаго мыса Котельнаго Острова до самаго восточнаго Новой Сибири, по картѣ Геденштрома 285 миль разстоянія, но лейтенантомъ Анжу найдено оно не болѣе 205 миль Итал. Подобныя невѣрности дѣлаютъ опись Геденштрома ненадежною.

Читатель легко усмотритъ изъ предъидущаго, что хотя сѣверные берега Сибири, и прилежащіе къ онымъ острова, были неоднократно осмотрѣны и частію описаны, однако жъ за исключеніемъ капитановъ Кука и Биллингса, ни одна географическая экспедиція, занимавшаяся въ сей части свѣта, не могла соотвѣтствовать требованіямъ географовъ и мореходцевъ, и морскія карты того берега разнились въ широтѣ нѣкоторыхъ пунктовъ на $1\frac{1}{2}^{\circ}$. Такъ, на примѣръ, на генеральной меркаторской картѣ, изданной капитаномъ Сарычевымъ къ путешествію экспедиціи капитана Биллингса, положень:

Святой Носъ	$70^{\circ} 53'$	$\left\{ \begin{array}{l} 71^{\circ} 50' \dots \dots \dots \left(\begin{array}{l} 72^{\circ} 50' \\ 71^{\circ} 05' \end{array} \right) \end{array} \right.$
Сѣверный пунктъ берега между Алазеею и Кольмою	$70^{\circ} 07''$	
	У Геденштрома.	$\left\{ \begin{array}{l} \text{На оригинальной картѣ Дмитрія Лаптева.} \\ 70. 27. \dots \dots \dots \left(\begin{array}{l} 71^{\circ} 05' \end{array} \right) \end{array} \right.$

Сверхъ того, отъ Шелагскаго Мыса до Мыса Сѣвернаго оставался берегъ вовсе еще неосмотрѣннымъ, а извѣстія о плаваніи казака Дежнева изъ Колымы въ Беринговъ Проливъ были столь неопредѣленны, что Бурней находилъ въ нихъ доказательства въ подтвержденіе гипотезы своей о соединеніи Америки съ Азіею перешейкомъ близъ Шелагскаго Мыса. *

Наконецъ неопровергнутыя преданія, возобновленныя въ позднѣйшее время мѣщаниномъ Санниковымъ, о существованіи земель на сѣверъ отъ Котельнаго Острова и Новой Сибири, и противъ рѣки Колымы, дѣлали географію этой части земли еще болѣе неизвѣстною, въ то время когда сѣверные берега новаго материка приводились въ точнѣйшіе предѣлы трудами Росса, Парри и Франклина.

Вотъ причины, побудившія блаженной памяти Императора Александра I-го повелѣть отправить къ устьямъ рѣки Яны и Колымы двухъ морскихъ офицеровъ съ помощниками, снабдивъ ихъ нужными инструментами, и доставивъ всѣ возможные способы къ открытію предполагаемыхъ въ Ледовитомъ Морѣ земель, и къ точнѣйшему описанію береговъ Сибири, между означенными рѣками и за Шелагскій Мысъ.

Въ слѣдствіе сей Высочайшей воли, морское начальство назначило два отряда; въ каждомъ морскаго лейтенанта, двухъ помощниковъ, врача, свѣдущаго по части естественной исторіи, и двухъ людей нижнихъ чиновъ, знающихъ слесарное и плотничное ремесла. Одинъ отрядъ; подъ начальствомъ лейтенанта Анжу, долженъ былъ отправиться на р. Яну; другой, назначенный дѣйствовать съ р. Колымы, порученъ мнѣ, и по собственному моему желанію опредѣлены къ сему отряду:

* См. Burney's Chronological History.

къ открытію обитаемой земли, находящейся, по сказанію Чукчей, въ недалекомъ разстояніи.»

Экспедиція поступила въ полное распоряженіе Сибирскаго генераль-губернатора дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Михайла Михайловича Сперанскаго; всѣмъ, что экспедиція совершить успѣла, обязана она мудрымъ распоряженіямъ его высокопревосходительства; безъ его особеннаго и сильнаго покровительства, предпріятіе рушилось бы въ самомъ началѣ отъ недостатка мѣстныхъ способовъ....

БАРОНЪ ФЕРД. ВРАНГЕЛЬ.

8

IV.

К Р И Т И К А.

Хань-вынь-ци Мынь. Китайская Грамматика, сочиненная монахомъ Ипкиноомъ. Напечатанная по Высочайшему повелѣнiю. Спб. въ литографiи Гемильяна, 1838 г. въ 4, XXII и 237 стр.

Почетное мѣсто занимаетъ между литераторами Русскими почтенный о. Іакинѣвъ, и безспорно, первое между оріенталистами Русскими по своимъ практическимъ и полезнымъ трудамъ. Отнюдь не думаемъ мы унижать нашими словами другихъ почтенныхъ людей, занимающихся у насъ Востокомъ и его языками и литературами, каковы г-да Френъ, Шмидтъ, Ковалевскій, Сенковскій, и другіе. Но никто изъ нихъ донынѣ не показалъ однакожь болѣе трудолюбія по своему предмету, не приготовилъ столько матеріаловъ для другихъ по своей части, не передалъ столько любопытнаго изъ того, что сдѣлалось ему извѣстно. Донынѣ издано о. Іакинѣомъ около девяти переводовъ и сочиненій, касательно Китайскаго востока. Сюда принадлежать его *Записки о Монголіи* (путешествіе изъ Пекина до Кяхты, описаніе и исторія Монголіи); *Исторія первыхъ четырехъ Хановъ Монголіи*, начиная съ Темудзина; *Исторія Тибета и Хухунора*; *Историческое обозрѣніе Ойратовъ, или Калмыковъ*; *Описаніе Чжуньгаріи (Зюнгоріи) и Восточнаго Туркистана*; *Планъ и описаніе Пекина*; наконецъ *Троесловіе*, элементарная книга

Китайцевъ. Не говоримъ о полемическихъ сочиненіяхъ нашего хиндолога, по поводу споровъ съ разными Европейскими учеными; не говоримъ и о приготовляемомъ, и уже конченномъ въ рукописи обширномъ сочиненіи, которое надобно почестъ самымъ лучшимъ и подробнымъ, систематическимъ описаніемъ Китая, и энциклопедіею, такъ сказать, всѣхъ знаній Китайцевъ. Это сочиненіе, когда будетъ оно издано, безъ сомнѣній, превзойдетъ все, что только было донынѣ известно въ Европѣ касательно Китая.

Обращаясь къ новому, только что изданному теперь о. Іакинѣомъ труду, его Китайской Грамматикѣ, скажемъ, что сочиненіе это не уступаетъ важностью другимъ трудамъ нашего почтеннаго литератора, и проливаетъ совершенно новый и ясный свѣтъ на предметъ малозвѣстный, и до сихъ поръ ложно представляемый, отличаясь своею ясностью, краткостью, систематикою, и полнымъ и совершеннымъ познаніемъ дѣла, отъ всего, что донынѣ было писано о Китайскомъ языкѣ и его грамматикѣ.

Если съ одной стороны, надобно изумляться многообъемлемости знаній человеческихъ, то съ другой не менѣе изумительны ограниченность и односторонность нашего частнаго ученія. Увлекаясь какимъ нибудь однимъ предметомъ, какимъ нибудь однимъ занятіемъ, мы до того пренебрегаемъ все остальное, что ученое невѣжество наше становится иногда истинно смѣшнымъ. Исключительность ученія нашего производитъ гордое презрѣніе къ тому, чего мы не знаемъ, вредитъ общему просвѣщенію и образованію нашему, и благодаря тому и другому, до сихъ поръ поддерживается въ свѣтъ несчастное повѣрье и присловье: *наука долга, а жизнь коротка*. Наука долга и коротка, смотря по тому, какъ мы глядимъ на нее; долга она, если каждое знаніе постараемся мы знать до возможныхъ подробностей, и коротка, если знаніе наше ограничимъ мы главнымъ, общимъ, суще-

ственнымъ. Намъ возразятъ, что такое знаніе недостаточно, поверхностно, но достаточно-ли его совершенное незнаіе? Что касается до обвиненія въ поверхности, то едва ли будетъ оно справедливо въ семь случаевъ. Возьмемъ въ примѣръ языкоученіе: можно рѣшительно выучиться всякому языку въ годъ, такъ чтобы читать и понимать все, писанное на немъ, и— жизни человѣческой не достанетъ на изученіе даже своего роднаго языка, которымъ говоримъ мы съ малолѣтства! Но должно ли назвать «поверхностнымъ» знаніе того или другаго языка, если я, вполне понимая писанное на немъ, умѣю передать сокровища его на свой языкъ, зная грамматическія основанія его, не могу писать на этомъ языкѣ, не могу отдать отчета въ его исторіи, филологическихъ трудностяхъ, палеографической лѣтописи? Обратимъ нашъ примѣръ къ другому, и спросимъ: не долженъ-ли, напримѣръ, поэтъ знать главныхъ основаній естествознанія, или филологъ математики? Незнаніе самыхъ главныхъ основаній того и другаго не сдѣлаетъ-ли идей ихъ неполными, мыслей сбивчивыми и ложными? Но такъ водится обыкновенно въ свѣтъ, и наши поэты увѣряютъ, что имъ для поэзіи вовсе нѣтъ надобности вѣдать великія тайны природы, а филологи спорятъ, что математика есть наука, изсушающая душу. За то ученые мстятъ имъ совершеннымъ презрѣніемъ съ своей стороны, хотя математикъ является не менѣе забавенъ, ограничиваясь только плюсами и минусами, а зоологъ не восходя далѣе копытъ и зубовъ четвероногаго. Какъ будто нарочно, каждый путается послѣ сего въ мелкой дроби своего познанія, клептъ частныя системы, загораживается отъ другихъ ученою номенклатурою, и дѣйствительно, каждая наука, изъ яснаго, чистаго простаго вѣдѣнія дѣлается схоластическою путаницею, говорить своимъ непонятнымъ языкомъ, становится какимъ-то Египетскимъ гіерофантисмомъ.

Неужели не явенъ и не ощутителенъ вредъ, про-

*

исходящейъ отъ всего этого? Если бы науки и знанія дружески подавали одна другой руки, совѣтовались взаимно, полсняли взаимно языкъ и идеи свои, истинная польза произошла-бы для ученія вообще, приложилась къ общественной практикѣ, облегчила, упростила новыя открытія, сняла съ умовъ кандалы мелкихъ понятій и превратныхъ идей, происходящихъ отъ упрямой близорукости и ученаго невѣжества. Изученіе общихъ истинъ всякаго знанія полезно всякому, и повѣрьте, что оно совсѣмъ не трудно, если мы не затруднимъ его вздорною схоластикою и ложными системами.

Всѣ сіи мысли, неоднократно приходившія намъ въ голову, неволью пришли намъ опять при чтеніи любопытнаго сочиненія о. Іакинѣа.

Есть у насъ какія-то закоренѣлыя особенно понятія о томъ, или о другомъ. Мы привыкли, напримеръ, считать Бакона реальнымъ философомъ, Спинозу безбожникомъ, и къ такимъ предразсудкамъ принадлежать наши понятія о Китаѣ вообще, и Китайскомъ языкѣ особенно. Мы смѣемся надъ понятіями Китайцевъ объ Европѣ, но не въ правъ ли Китайцы смѣяться надъ нами, если бы слышали и понимали, что говоримъ и думаемъ мы объ нихъ? Ни одинъ изъ чуждыхъ нашего образованія народовъ не представляется намъ такимъ непонятнымъ, такимъ страннымъ, какъ Китайцы. Не постигая первобытной исторіи ихъ, не умѣя разгадать будущности *Великой Небесной Имперіи*, мы видимъ въ Китайцахъ что-то не человѣческое, окаменѣлое, пестрое, растительное, не вѣримъ мудрости ихъ философіи, величію ихъ политической самобытности, отчисляемъ ихъ въ антиподы рода человѣческаго. Намъ не совѣстно кажется оставлять въ забвеніи сотни милліоновъ самаго крайняго Востока, царство, имѣющее столь великое, политическое и нравственное вліяніе на Японію, Монголію, Среднюю Азію, восточный Индѣйскій по-

луостровъ, Малайскій архипелагъ, народъ, обладавшій великими тайнами искусства гораздо прежде насъ, и одинъ изъ древнѣйшихъ въ мѣрѣ народовъ по образованію. Не споримъ о пользѣ изученія Востока Санскритскаго, Арабскаго, Персидскаго, но почему забываемъ мы Китайскій Востокъ? Почему не хотимъ мы даже заглянуть въ Китайскую литературу? Изученіе ея неужели не подарило бы насъ новыми и важными истинами? Между тѣмъ, изученіе Китая, познаніе языка его и литературы совершенно пренебрежены въ Европѣ. Мы сохраняемъ еще донинѣ множество ошибочныхъ извѣстій, какія доставлены были намъ старинными миссіонерами, вѣримъ разсказамъ путешественниковъ — невѣждъ, мимоходомъ взглянувшихъ на лаковыя жилища и изразцовыя башни Китайцевъ, извѣстіямъ переданнымъ черезъ десятки руки, пустымъ компиляціямъ. Во Франціи только въ послѣднее время стали заниматься немного Китайскимъ языкомъ. Англія донинѣ оказываетъ удивительное хладнокровіе къ Китаю, въ сравненіи съ тѣмъ, что она сдѣлала для остальнаго Востока. Послѣ трудовъ О. Іакинѣа, насъ, Русскихъ, конечно, не упрекнуть въ подобномъ равнодушіи, вспомня притомъ посильные наши прежніе труды, и особенное попеченіе правительства нашего, которое учредило теперь практическую школу Китайскаго языка въ Кяхтѣ, и каѳедру Китайскаго языка въ Казанскомъ Университетѣ.

При непростительномъ небреженіи къ дѣлу людей, отъ которыхъ зависитъ наука, удивляться ли, что толпа съ изумленіемъ смотритъ донинѣ на Китайскія куклы и Китайскія буквы равно, и въ пестротѣ Китайскихъ письменъ видитъ какую-то тарбарскую грамату? Съ важностью повторяютъ намъ, что у Китайцевъ 100,000 буквъ; что Китайскія буквы суть затруднительные гіероглифы; что изученіе

Китайскаго языка превосходить трудностью все, что только можно себя вообразить.

- Не удивимъ ли мы нашихъ читателей, сказавши имъ то, въ чемъ убѣдили насъ прилежное чтеніе Китайской грамматики О. Іакина, и бесѣда съ симъ почтеннымъ хинологомъ нашимъ, не удивимъ ли, сказавши, что языкъ Китайскій есть одинъ изъ самыхъ легкихъ для изученія; что все говоренное намъ о безчисленности Китайскихъ буквъ и неопредѣленной символикѣ ихъ — сущій вздоръ?

Рады будемъ такому удивленію, ибо послѣ того, конечно, каждому образованному читателю любопытно будетъ узнать дѣло нѣсколько подробнѣе, и мы статьею нашею угодимъ многимъ. Порадуемся и тому, что этимъ воздадимъ мы должную справедливость труду нашего почтеннаго соотечественника.

Нѣтъ надобности восходить къ изъясненіямъ о томъ, что такое языкъ, и что такое письмена, или буквы. Языкомъ того или другаго народа называется собраніе извѣстныхъ, опредѣленныхъ звуковъ, коими тотъ или другой народъ выражаетъ свои идеи и понятія. Законы сихъ звуковъ непронзвольны, и всюду основаны они на непремѣнныхъ и однообразныхъ правилахъ, изъясняемыхъ *всеобщею грамматикою*, разнясь только въ произведеніи самыхъ звуковъ, и въ подробностяхъ развитія, что опредѣляется происхожденіемъ языка, мѣстностью, исторіею его, и составляетъ предметъ *частныхъ грамматикъ* различныхъ языковъ. Письмена совсѣмъ другое: это суть произвольныя, придуманныя челоукомъ начертанія, или замѣтки, которыми оставляетъ онъ для себя память звуковъ, какъ будто схватывая ихъ на лету, переводя ихъ, такъ сказать, изъ времени въ пространство, изображая для глазъ и зрѣнія. Письмена, или начертанія, будучи постепеннымъ созданиемъ челоука, подвергаясь его волѣ и прихоти, должны

вали быть повсюду разнообразны, несовершенны, неполны и произвольны.

Два рода понятій приходили въ мысль человека при составленіи письменъ.

По одному изъ нихъ, человекъ хотѣлъ замѣнить условными изображеніями цѣлые предметы вполне. Такъ звуки, означающіе, напримѣръ, понятія: *солнце, человекъ, громъ*, Перуанецъ изображалъ какими-то узелками, Мексиканецъ картинною, разные народы нарѣзками. Неудобства такихъ начертаній состояли въ томъ, что умножая число знаковъ до безконечности, не выражая ими отношеній между предметами, и оставляя темноту въ смыслѣ, предметная азбука долженствовала быть затруднительна, многосложна и не точна.

Гораздо совершеннѣе былъ другой родъ понятій, состоявшій въ глубокой мысли, которую разгадалъ человекъ, что всѣ слова состоятъ изъ немногихъ основныхъ звуковъ, и образуются только различною *разстановкою* звуковъ и *придыханіями*, и что слѣдовательно, если найти знаки для немногихъ основныхъ звуковъ, то перестановкою ихъ и знаками *придыханій* можно будетъ, при *немногихъ* знакахъ, выражать все *безчисленное множество* составныхъ словъ. На этомъ основана звуковая азбука, начало, и мѣсто изобрѣтенія которой неизвѣстны. Напрасно мудрому Кадму и Халдеямъ приписывали прежде первое начало азбучныхъ письменъ: въ Индіи, колыбели человеческихъ знаній, мы находимъ самую древнѣйшую, удивительно полную и самую совершеннѣйшую азбуку, Санскритскую. Впрочемъ, великое изобрѣтеніе это могло совершиться во многихъ мѣстахъ отдѣльно; такъ Бертольдъ Шварцъ могъ изобрѣсть пороховъ, не зная употребленія его Китаичами, и Европа могла вѣдать о компасѣ и безъ знакомства съ отдаленнымъ Востокомъ. По крайней мѣрѣ, при основномъ одинакомъ началѣ, ибо оно повсюду

основалось на природѣ языка чловѣческаго, мы ни какъ не можемъ отдать преимущества древности одной азбуки передъ другою, находя только, что всѣ онѣ, даже употребляемыя просвѣщенными Европейцами, недостаточнѣе и несовершеннѣе Санскритской.

Спрашивается, что же такое *Китайскія письма*: гіероглифы ли они, выражающіе полные предметы, безъ грамматическихъ подробностей, или буквы, выражающія только звуки, и всѣ притомъ подробности грамматическихъ отношеній? Собственно, они и то и другое. Это покажется сначала непонятно, но дѣло объясняется общою идеею, которая служитъ разгадкою всего быта Китайцевъ.

Идея быта сего достопамятнаго народа состоитъ въ томъ, что Китай представляетъ собою одно изъ громадныхъ явленій Восточной жизни, образованное въ слѣдствіе одного, предварительно философически и политически обдуманнаго, и неизмѣннаго, умственнаго понятія. Не знаемъ, когда переселилась на свое мѣсто, и какъ составилаь эта отличная порода Азійцевъ, но переселеніе ея нѣкогда было, произойти ей слѣдовало; надобно было перенести ей и множество внутреннихъ революцій, тяжкихъ войнъ, непріятельскихъ нашествій, перетерпѣть систему удѣловъ и феодализма, и наконецъ образоваться, не только въ политическомъ единодержавіи, но и въ неизмѣнномъ общественномъ порядкѣ. Это мы видимъ отчасти въ Индіи, гдѣ порядокъ основанъ на раздѣленіи кастъ. Индія можетъ быть покорена, завоевана, но ничто не измѣнитъ общественной конституціи Индусовъ, основанной на религіозныхъ раздѣленіяхъ. Еще выше конституція Китайцевъ. Она основана на умственныхъ выводахъ великихъ мудрецовъ, которыхъ потомство причло въ боги. Они установили основную идею своей религіи, своего правленія, отношеній подданныхъ къ государю, и постепенно изъ основныхъ идей ихъ образовался рели-

гіозно-политическій, общественный бытъ Китайцевъ. Положено, что *основныя идеи* всего суть неизмѣнны во вѣки. Но Китай не отвергалъ и не отвергаетъ прибавленія и раздробленія частностей. Отдѣленный географически отъ мятежнаго міра западной Азіи, онъ принимаетъ совершенствованія, новыя идеи и понятія, но присоединяетъ ихъ къ своимъ основнымъ идеямъ, оставляя сіи идеи неприкосновенными, приновляя все новое къ системѣ древней и основной, и уподобляясь Океану, въ который вливаются рѣки и источники. Основная идея облечена въ Китаѣ въ *законъ и власть*. Все исходитъ отсюда, но законъ и власть суть блюстители только *истины и порядка*, которые признаны единожды навсегда, и должны кончиться только съ гибелью и истребленіемъ всего, какъ основные законы природы должны кончиться только съ разрушеніемъ міра. Изумительное, чудное, приводящее къ великой думѣ явленіе чело-вѣчества!

Такъ и *языкъ Китайскій*. Въ отдаленнѣйшія времена, когда варварство тяготѣло надъ раздѣленнымъ Китаемъ, нѣсколько мудрецовъ опредѣлили число, рядъ и порядокъ идей и предметовъ, и придумали для нихъ знаки. Это были собственно гіероглифы, (принимая сіе слово, какъ символъ предметовъ, а не *священное письмо*, что означалось у Египтянъ словомъ *гіероглифъ*), и всѣ они грубо изображали даже подобіе самыхъ предметовъ, причемъ незримыя идеи выражались подобіемъ видимыхъ. Начертанія сіи потомъ измѣнялись, принимали свой характеръ, и окончательно перешли въ собраніе чертъ. Прибавкамъ знаковъ стали изображать грамматическія отношенія одного предмета къ другому. Всѣ новыя идеи и предметы были приложеніемъ къ первоначальнымъ, и наконецъ составилаь такимъ образомъ система письменъ, которыя не *суть буквы*, не *суть гіероглифы*. Въ нихъ, въ словарѣ этихъ начертаній заключаются

всѣ идеи, всѣ предметы, всѣ грамматическія отношенія, и они на вѣки неизмѣнны, образуютъ письменный языкъ, который употребляется литераторами и во всѣхъ общественныхъ сношеніяхъ, и котораго не пойметъ Китаецъ, если онъ ему не учился. Разумѣется, и нашей азбукъ надобно *учиться*, но разница въ томъ, что выучившись ей, мы можемъ все читать и понимать, а ученіе Китайскихъ письменъ соединено съ изученіемъ самыхъ идей, и потому при немъ надобно изучать идеи, и тогда только Китаецъ будетъ умѣть читать и понимать, когда онъ разумѣетъ связь и сущность идей написаннаго. Изученіе письменъ составляетъ послѣ сего изученіе философскаго, или ученаго, такъ сказать, языка, который совершенно разнится отъ простонароднаго, или разговорнаго. Самые знаки, или письмена, восходятъ къ основнымъ и труднѣйшимъ, по степени содержанія сочиненій, раздѣляясь на древнѣйшіе, позднѣйшіе, главныя, сложныя, прибавочныя, и произношеніе ихъ опредѣлено и неизмѣнно въ Китаѣ, хотя письмена съ ихъ идеями составляютъ между тѣмъ всеобщій языкъ всего Китайскаго міра, такъ, что произносилъ ихъ различно, ученый Кореецъ, Японецъ, Сіаецъ, Кохинхинецъ, не зная произношенія Китайскаго, поймутъ совершенно все, что имъ напишутъ. Это можно уразумѣть отчасти изъ нашихъ цифръ: напишите Арабскими цифрами 22, и Русскій скажетъ *двадцать два*, Французъ *vingt-deux*, Итальянецъ *venti due*, Англичанинъ *twenty two*; они не поймутъ звуковъ, но поймутъ идею. Такимъ образомъ Китайцы осуществили у себя вполне мысль всеобщаго философскаго языка, которая пришла въ голову столь многимъ Европейскимъ ученымъ. Пояснимъ еще примѣромъ сказанное нами, что только ученіе доводитъ Китайца до познанія его языка письменнаго, или *мандаринскаго*, какъ называли его миссіонеры: простолюдинъ нашъ, читая фило-

софскую книгу, не понимает ее; переводя съ иностраннаго, мы иногда не знаемъ, какую формую Русскихъ звуковъ должно выразить то, или другое слово; кто не учился математикъ, тотъ не пойметъ книги съ математическими формулами. Но разница въ подобномъ незнаніи у Китайцевъ съ нами та, что тамъ нѣтъ произвола: даютъ читать, научивши сперва понимать; ведутъ отъ нисшаго къ высшему; власть и законъ устанавливаютъ порядокъ ученія; съ нимъ соединяется общественная іерархія чиновъ и званій, такъ, что высшій чиновникъ гражданскій (отъ военныхъ ученія не требуется) непременно долженъ знать болѣе нисшаго, и рангу, примѣрно, маіора не дадутъ знать болѣе полковника, а капитану болѣе ранга маіора. Дарованію открыть полный путь; оно при ученіи ведетъ къ чинамъ и величію, и министръ Китайскій есть ученѣйшій Китаецъ, ибо ему известно то, чего не знаетъ никто изъ стоящихъ ниже его, а простолюдинъ, кромѣ того, что если бы онъ взялся за книгу высшую, не пойметъ ее, но и дѣлается преступникомъ, если не прошелъ порядкомъ письменной, или лучше сказать, ученой іерархіи, не выдерживалъ постоянно экзаменовъ, и не получалъ степеней, послѣ чего, постепенно открывается ему доступъ и на приличное по ученію его званіе въ обществѣ. Отсюда религіозное благоговѣніе Китаецъ къ письменамъ, ученое уравненіе, похожее на Индѣйскія касты, неизмѣнная письменная іерархія. Слѣдственно, на Китайскомъ письменномъ языкѣ основанъ и держится весь политическій и общественный бытъ Китая, и явна ошибка Европейцовъ, говорящихъ, будто вся Китайская мудрость состоитъ въ изученіи азбуки, и что эта азбука состоитъ изъ определенныхъ, ничего болѣе педопускающихъ знаковъ. Здѣсь ошибка въ томъ, что въ этой азбукѣ, если угодно, включена вся мудрость, всѣ знанія Китаецъ; выучившій ее вполне изучилъ всю энци-

клопедію, а прибавки и идеи совершенно допускаются, но только идутъ отъ власти и закона, находящіяся въ рукахъ самыхъ ученѣйшихъ людей Китая.

Надѣмся, что теперь понятно будетъ основаніе Китайской письменности, и различіе разговорно-письменнаго, всеобщаго языка въ Китаѣ, состоящаго изъ сліяннiя начертанiй и звуковъ, отъ простонароднаго, не имѣющаго начертанiй, ограниченнаго въ идеяхъ и грубаго. Этотъ нисшій языкъ до того не обработанъ и грубъ, что измѣняется въ каждой области Китая, едва не въ каждомъ городѣ, и даже иногда жители ближнихъ селенiй съ трудомъ понимаютъ другъ друга, составляя частныя нарѣчiя *сянь-дань* (hiang tan), простонароднаго Китайскаго языка. Житель Пекина съ трудомъ разумѣетъ жителя Кантонскаго. Но если они образованы оба въ извѣстной степени, они поймутъ себя, по степени образованiя, въ звукахъ и письменахъ приличнаго имъ языка, (*гуань-хуа*, что похоже на наше нарѣчiе образованнаго общества, столь ложно называемое *Московскимъ*), не понимая однакожъ высшаго языка книгъ философскихъ, когда напротивъ, высшей степени ученый Китаецъ будетъ понятъ равнымъ ему по ученію Сіамцемъ, хотя-бы заговорилъ о самыхъ высшихъ истинахъ мудрости, и не зналъ Сіамскаго языка: онъ будетъ бесѣдовать съ Сіамцомъ *письменами*, не произнося ни одного звука.

Излишне будетъ пояснять здѣсь, послѣ всего, сказаннаго нами, что въ Европѣ, слѣдовательно, изучаемъ мы книжный, или высшій Китайскій языкъ, и писанное на немъ, ибо все письменное и печатное Китайское касается этого языка, и всѣ грамматики, до нынѣ изданныя Европейцами, суть грамматики языка книжнаго. Такъ и грамматика О. Іакинѣа поясняетъ и заключаетъ въ себя сей языкъ.

Весьма естественно было вообразить Европейцамъ, при сбивчивомъ понятiи о сущности сего языка, и при усмотрѣнiи постепенности и продолжительности

ученія его въ Китаѣ, въ слѣдствіе строгаго іерархическаго и ученаго порядка, что Китайскій языкъ составляетъ бездну трудностей безконечныхъ. Странная фигура Китайскихъ письменъ, не различеніе ихъ по степенямъ, забвеніе того, что для познанія какого нибудь языка нѣтъ надобности изучать всѣ слова его, и что всѣхъ словъ не знаемъ мы даже и въ родномъ нашемъ языкѣ, если не изучаемъ ихъ, слѣдственно, нѣтъ надобности изучать на память всѣ *знаки Китайскіе*, а надобно узнать главные изъ нихъ, или *ключи*, узнать потомъ прибавочныя вставки, и аналогическое произведеніе словъ, все это вводило насъ въ заблужденіе. Грамматика О. Іакинаеа, освобождая языкъ Китайскій отъ оковъ, въ какія до сихъ поръ заключали его Европейскіе грамматисты, показываесть удивительную легкость, съ какою можно выучиться читать, понимать по Китайски, и переводить съ Китайскаго. Онъ доказалъ это на практикѣ въ Кяхтинской школѣ Китайскаго языка, гдѣ ученики чрезвычайно легко и скоро стали разумѣть по Китайски, а разсмотрѣніемъ изданной имъ нынѣ грамматики Китайской, мы надѣемся сдѣлать это яснымъ для нашихъ читателей. Напередъ просимъ однакожь извиненія въ нѣкоторой сухости предмета, надѣясь на любознательность образованныхъ нашихъ читателей, которые должны вѣдать, что каждое знаніе и каждая наука требуютъ вниманія, и отчасти своего особеннаго языка. Не узнавши его, нельзя судить о наукѣ и знаніи. Только для бѣдной поэзіи, и вообще для сужденія объ изящныхъ искусствахъ, позволяется ничего не изучать предварительно, и руководствоваться золотымъ правиломъ: «со вранья пошлѣннъ не берутъ.»

Какъ всякій другой человѣческой языкъ, Китайскій имѣетъ восемь, если угодно девять частей рѣчи. Такъ ужъ заведено говорить въ грамматикахъ, хотя мы никогда не сказали бы этого, если бы намъ

пришлось писать какую нибудь грамматику, ибо считаемъ частей рѣчи гораздо меньше. Но пусть будетъ покаместъ по старому. — Подобно многимъ другимъ Азіятскимъ языкамъ, Китайскія слова односложны, а еще болѣе однозвучны, и всего чаще различаются только по мѣсту и связи, а не по произношенію. Произношеніе вообще не трудно, но только странно для Европейца. Приведемъ для примѣра полную Китайскую фразу: *Цзы сы минъ дао чжи бѣнь юань юэ. Тъхянь ся цзъ янь синъ дао цзяо и. И чжи синъ дао цзяо го хэ вэй ху.* Это значитъ въ Русскомъ переводѣ: *Цзы-сы, объясняя корень и источникъ естественнаго закона, сказалъ: «подъ небомъ все говоритъ о природѣ, естественномъ законѣ и ученіи.» И такъ надлежитъ знать, что такое въ самой вещи суть природа, законъ и ученіе.*

Какъ во всѣхъ языкахъ, у Китайцевъ имя выражаетъ предметъ (пространство), глаголь бытіе и дѣйствіе (время); отъ перваго производятся прилагательныя (качество), и нарѣчія (отношеніе предметовъ); отъ втораго причастія (степени времени) и дѣепричастія (отношеніе бытія и дѣйствія).

Имена Китайскія не склоняются; только для означенія родительнаго падежа есть придатокъ, слово *чжи*, и есть отличіе отчасти для падежа винительнаго. Чисель два, единственное и множественное, но окончанія словъ притомъ не измѣняются; только прибавкою особыхъ словъ: *всь*, *толпа*, *много*, *нѣскольکو*, и проч., означается множественное число. Родовъ вовсе нѣтъ; въ необходимыхъ случаяхъ, мужескій и женскій роды различаются отдѣльными словами (быкъ, корова; осель, ослица — *манъ-ню*, *жу-ню*; *цзяо-люй*, *цао-люй*), или прибавкою словъ: *гунъ* (самецъ), *му* (самка) — селезень, *гунъ-я*, утка, *му-я*.

Прилагательныя выражаются отдѣльными словами (*кху*, горекъ, *хунъ*, красень), но всего болѣе сое-

дѣненіемъ разныхъ существительныхъ и глаголовъ: *инь*, серебро, *цянъ*, деньги, значать вмѣстѣ, почитаемое прилагательнымъ, слово, *серебряную монету*; *ченъ*-городъ, *мынь*, ворота, означаютъ вмѣстѣ прилагательное, *городскія ворота*. Рода, числа, падежа нѣтъ, какъ въ существительномъ, и прилагательное узнается по отношенію его къ существительному. Сравнительная и превосходная степени производятся прибавкою частицъ: *болѣе*, *нѣсколько*, *очень*, *весьма*, и проч. Имена числительныя идутъ у Китайцевъ отъ одного до десяти; отдѣльно выражаются еще *сто*, *тысяча*, *десять тысячъ*; всѣ остальные слагаются изъ нихъ. Число: 14,500, Китаецъ выразитъ сложными словами: *И* (1), *вань* (10,000), *сы* (4), *цянъ* (1,000), *ву* (5), *бай* (100).

Мѣстоименія личныя и возвратныя не склоняются, и отношенія ихъ объясняются прибавкою извѣстныхъ частицъ. Кромѣ того, учтивость и этикетъ почти изгоняютъ личное мѣстоименіе у Китайца. Какъ Монтанъ, Китайцы думаютъ, что «слово *я*, несносно,» не терпятъ и слова *ты*.—Для вопросительныхъ и прилагательныхъ мѣстоимѣній есть нѣсколько особыхъ неизмѣнныхъ звуковъ.

Глаголы Китайскіе суть также неизмѣняемые звуки; ими выражаются основныя идеи бытія и дѣйствія, въ родъ нашихъ неопредѣленныхъ наклоненій, а залогов, времена, другія наклоненія, и лица, образуются прибавкою частицъ, или сложеніемъ извѣстныхъ глаголовъ. Частица *сянь* (взаимно) дѣлаетъ, на примѣръ, глаголь взаимнымъ: *сянь-цзянь*, значить «видѣться,» отъ *цзянь*, видѣть; отсутствіе мѣстоименія означаетъ глаголь безличный; прибавки извѣстныхъ глаголовъ и нарѣчій къ другимъ означаютъ страдательный залогъ, а также и времена (настоящее, прошедшее, будущее), причастія и дѣепричастія.

Нарѣчія, предлоги, союзы и междометія ни въ какомъ языкѣ не составляютъ трудности. Изученіе то-

го, какъ приложение ихъ измѣняетъ имена существительныя, прилагательныя, и въ глаголахъ дѣлаетъ залoги, времена и числа, у Китайцевъ весьма легко, а кончивши это изученіе, вы кончили всю этимологию, и конечно, согласитесь, что едва ли есть въ мірѣ другой языкъ, который представлялъ бы этимологическихъ правилъ такъ мало, и въ которомъ были бы они простѣе, нежели въ Китайскомъ.

Перейдемъ къ самымъ Китайскимъ звукамъ, изъ коихъ составляются слова. Китайскій языкъ имѣетъ ихъ 20, поставляемыхъ въ началъ (Русскими буквами выражаются они такъ: б, м, ф, д, н, л, ш, ж, ц, с, і, г, х, е, пх, тх, чж, кх), и 12 окончательныхъ (которыя Русскими буквами выражаются такъ: Аньань, инь-ынь-унь, инь-ынь-унь-юнь, аньянь, ю-у, ао-ло, у, о, эь, а, ай, и), состоящихъ отчасти изъ предыханій. Китайцы дѣлятъ ихъ все вообще на девять разрядовъ, по произношенію (зубные, губные, и пр., подраздѣляя каждый разрядъ на произношенія ясное, глухое, и проч.). Странно для Европейца слышать, что все это приводится потомъ къ 447 звукамъ. Это изъяснимъ мы далѣе.

Здѣсь слѣдовало бы намъ обратиться къ синтаксису Китайскому. Но языкъ Китайскій такъ слить съ его письменами, что необходимо должно прежде узнать *графическую* систему Китайцевъ, и тогда легко можно постигнуть систему синтаксиса.

Касательно графики Китайцевъ надобно сознаться, что въ ней встрѣчается нѣсколько болѣе запутанности, нежели въ звукахъ, особливо отъ схоластическихъ и условныхъ законовъ, но такъ бываетъ во всемъ, что придумываетъ человекъ! Однакожь, за всѣмъ тѣмъ, система Китайской письменности весьма легка и понятна, и съ самою малою привычкою представить затрудненій не болѣе азбуки Европейской, при удивительной опредѣлительности и точности.

Скажемъ прежде всего, что Китайскія буквы выражаютъ идеи и предметы, безъ различія ихъ на имена, глаголы, и проч. Онѣ суть, или простыя, или сложныя, и показываютъ, какъ идею, или предметъ, такъ и произношеніе, и потому иногда три писанныя буквы произносятся однимъ звукомъ, ибо одна и двѣ буквы ставятся иногда для означенія произношенія.

Китайскія письмена вообще дѣлятся на шесть слѣдующихъ разрядовъ: *синь-сянь* (изобразительныя; ихъ считаютъ 608), представляющіе самые очерки предметовъ (напримѣръ, *дань*, восхожденіе солнца, представляетъ самое солнце надъ небосклономъ; *тьхянь*, поле, изображаетъ квадратъ, раздѣленный на четыре размежеванныя поля). *Чжи-ши* (указательныя; ихъ считаютъ 107), представляютъ умственное приложеніе очерка предметовъ (напримѣръ, *фынь*, дѣлать, составляется изъ письменъ: *дао*, ножъ, и *бѣа*, раздѣлять; *чи*, румяный, изъ *да* — большой, и *хо* — огонь). *Хой-и*, совокупительныя; ихъ считаютъ до 740), представляютъ особенное соединеніе буквъ (напримѣръ: *чжу*, бамбукъ, и *мао*, шерсть, вмѣстѣ означаютъ *писальную кисть*). *Чжу-ань-чжу* (обратныя; ихъ считаютъ 372), представляютъ перемѣщеніемъ своихъ частей разные смыслы). *Цзя-цзѣ* (заимственныя; ихъ считаютъ 598), представляютъ, при перемѣнѣ ударенія, или выговора, два разные смысла. Наконецъ, самый обширный отдѣлъ письменъ именуется *Съ-шенъ* (звукосогласительныя); здѣсь считается до 21,810 очерковъ, и они составляются каждый изъ двухъ знаковъ, въ коихъ поставленный съ права означаетъ только выговоръ стоящаго съ лѣвой стороны. Такимъ образомъ, число письменъ Китайскихъ состоитъ почти изъ 25,000 основныя знаковъ (24,235), а всѣхъ очерковъ и начертаній полагается въ Китайской письменности до 40,000.

Скажемъ здѣсь мимоходомъ о любопытныхъ по-

дробностяхъ , которыя не относятся собственно къ нашему предмету.

Китайцы составляютъ свои письма изъ шести разнообразныхъ черточекъ , и точки , съ четырьмя крючками. Строки ведутъ они съ правой стороны въ низъ ; буквы ставятъ раздѣльно одну за другою , и потому въ слѣдующей строкѣ одну противъ другой , такъ , чтобы каждая буква заняла свой квадратъ , и собраніе ихъ походило на шахматную доску. Начало Китайскихъ книгъ , слѣдовательно , бываетъ , тамъ , гдѣ у насъ находится конецъ. Китайцы имѣютъ вообще шесть почерковъ : древнѣйшій , нынѣ не употребляемый *гу-вынь* ; измѣненный за 900 лѣтъ до Р. Х. , *чжеу-вынь* ; измѣненный за 300 л. до Р. Х. , *сло-чжуань* , нынѣ употребляемый на печатяхъ ; измѣненный въ IV-мъ вѣкѣ по Р. Х. , *цэй-шу* — это нынѣшній печатный ; измѣненіе его , *синь-цэй* — нынѣшній почетный рукописный , и *цао-цзы* — связная скоропись , или простой рукописный. Каждый почеркъ имѣетъ свои каллиграфическіе законы. Китайцы допускаютъ притомъ сокращеніе писемъ ; есть по два начертанія на нѣкоторыя письма ; маленькій кружокъ и черточка замѣняютъ почти всѣ знаки препинаній ; кружокъ побольше и черта подлиннѣе дѣлятъ періоды . Закономъ установлены притомъ полныя и точныя правила всѣхъ каллиграфическихъ приличій , и исчислено и опредѣлено 92 правила , по которымъ пишутся всѣ части Китайскихъ писемъ .

Но все это дѣло постороннее. Если только умѣли мы въ краткомъ очеркѣ нашемъ ясно пересказать существенныя законы Китайской Грамматики , то , думаемъ , теперь понятно будетъ каждому все , что мы говорили въ началѣ о простотѣ Китайскаго языка , связи въ немъ звуковъ съ очерками , и о томъ , что Китайскія письма не суть собственно ни буквы , ни гіероглифы .

Изъ двадцати , или тридцати звуковъ , однослож-

ныхъ, съ двумя, тремя удареніями, образуется нѣсколько сотъ звуковъ предметныхъ, или, если угодно, словъ выражающихъ идеи, которыя изображаются извѣстными знаками. Каждое «слово-идея», или «звукъ предметный», какъ мы ихъ назвали, облеченные въ очеркъ, дѣлаются основаніемъ для составныхъ очерковъ, произношеніе коихъ опредѣляется уже составомъ сложныхъ очерковъ, выражающихъ подробности идей, а связь между ними и основными звуками и очерками поясняется особыми знаками. Вотъ вся тайна Китайской письменности.

Звуки и слова, облеченные въ очерки, составляютъ такимъ образомъ словарь Китайскій. Въ немъ отличаются прежде всего ключи. Ихъ считается 214. Ключи состоятъ изъ одной, двухъ, трехъ, четырехъ, пяти, шести, семи, и такъ далѣе, восходя до семнадцати чертъ. Число производныхъ отъ ключей сложныхъ очерковъ весьма неравно; нѣкоторые ключи имѣютъ ихъ болѣе 1000, а всѣ они вмѣстѣ составляютъ болѣе 33,000.

Основаніе состоитъ прежде всего въ изученіи ключей, а потомъ въ знаніи того, какъ по нимъ отыскивать производство, и въ правилахъ, какъ писать знаки (при чемъ, само собою разумѣется, нѣтъ никакой надобности изучать на память весь Китайскій словарь). Глазъ весьма скоро знакомится съ Китайскими знаками письменными, и познаніе Китайскаго языка не представляетъ уже послѣ сего никакой трудности при хорошемъ словарѣ, и самомъ даже небольшомъ навыкѣ, ибо Китайскій синтаксисъ чрезвычайно простъ. Весьма любопытно изложеніе его Китайскими филологами. Они дѣлятъ всѣ письмена на существенныя, *ши-цзы*, и пустыя, *суй-цзы*. Первыми означаются существенныя идеи именъ и глаголовъ; вторыми всѣ другія части рѣчи, и связь и отношеніе словъ. Примѣръ пояснить дѣло лучше всякихъ изъясненій. Возьмемъ Китайскую фразу, кото-

рую выставили мы выше всего, для показанія Китайскаго произношенія, и разберемъ грамматическій складъ ея.

Цзы-сы минъ дао чжи бэнь юань юэ: «Тъхянь ся цзэ янь синъ дао цзяо н». И чжи синъ дао цзяо го хэ вэй ху?

Здѣсь представляется намъ двадцать четыре звука, выражаемыхъ 24-мя раздѣльными Китайскими письменами.

Изъ нихъ шесть суть имена существительныя: Дао, бэнь, юань, тьхянь, синъ, цзяо, а пять суть глаголы: минъ, юэ, янь, чжи, вей (все это по-Китайски *существенныя письмена*). Пять суть дополнителныя части рѣчи: ся, й, го, цзэ, хэ, и три буквы суть грамматическіе знаки: чжи, и, ху (Все это называютъ по-Китайски *пустыя письмена*).

Разберемъ всѣ сіи слова по порядку, какъ они находятся въ приведенной нами рѣчи:

Цзы-сы, имя собственное Китайскаго мудреца.

Минъ, глаголь, *объявлять, объяснять*.

Дао, имя сущ., значащее: *путь, законъ естественный*.

Чжи, частица, показывающая, что предшествующее ей имя поставлено въ родительномъ надежъ.

Бэнь, имя сущ., значащее: *пень дерева, корень, начало вещи*.

Юань, имя сущ., значащее *источникъ*.

Юэ, глаголь, *говорить, сказывать*.

Точка показываетъ здѣсь конецъ первой части періода. Поставимъ слова рядомъ, помня, что имена у Китайцевъ не имѣютъ измѣненій по падежамъ, а измѣненіе глагола узнается по связи словъ.

Цзы-сы минъ (объяснять), *дао чжи* (естественнаго закона), *бэнь* (корень), *юань* (источникъ), *юэ* (говорить).

Явно, что смыслъ слѣдующій: «Цзы-сы, объясняя

естественнаго закона корень и источникъ, говоритъ (или говоритъ).»

Пройдемъ вторую часть фразы.

Тьхянь, имя сущ., значащее *небо*.

Ся, частица, означающая нарѣчіе, *подъ* (*vous*), и поставляемая всегда послѣ именъ существительныхъ.

Цзъ, частица, значащая *всѣ*, *все*.

Янь, глаголь, *повѣствовать*, *повѣдать*, *вѣщать*.

Синь, имя сущ.; значащее: *природа*, *свойство*.

Дао, имя сущ., значащее, какъ выше сказано, *путь*, *законъ естественный*.

Цзяо, имя сущ., значащее *ученіе*.

И, протяжно произносимое, частица, показывающая окончаніе рѣчи — родъ нашей точки. Здѣсь кончится вторая часть періода.

Тьхянь ся (*небо, подъ*), *цзъ* (*все*), *янь* (*повѣствовать*), *синь* (*природа*), *дао* (*естественный законъ*), *цзяо* (*ученіе*) и.

Явный смыслъ: «*подъ небомъ все повѣдуетъ природу, естественный законъ, ученіе.*»

Третья часть фразы:

Й, произносимое кратко, частица, значащая союзъ, и *такъ*, *также* (*ainsi*).

Чжи, глаголь, *знать*, *вѣдать*.

Синь (см. выше).

Дао (см. выше).

Цзяо (см. выше).

Го, частица, значащая нарѣчіе, *подлинно*, *дѣйствительно*.

Хэ, частица, значащая вопросительное мѣстоименіе, *кто?* *что?*

Вэй, глаголь, *называть*, *нарицать*.

Ху, частица, которая, находясь въ концѣ рѣчи, значить вопросительный знакъ.

И (и *такъ*), *чжи* (*знать*—отсутствіе имени показываетъ безличное наклоненіе), *синь* (*природа*), *дао* (*ест.*

законъ), *цзяо* (ученіе), *го* (подлинно), *хэ* (что?), *вэй* (называть), *ху* (какъ выше сказано, знакъ вопроса).

Явный смыслъ: «И такъ знать надлежитъ: природою, естественнымъ закономъ, ученіемъ, что подлинно называть (называется)?»

Составимъ полную фразу изъ трехъ ея частей: «Цзы-сы, объясняя естественнаго закона корень и источникъ, говорилъ:» Подъ небомъ все повѣдуетъ природу, естественный законъ, ученіе.» И такъ знать надлежитъ: «природою естественнымъ закономъ, ученіемъ, что подлинно называть?»

Голословный, слово въ слово сдѣланный, но совершенно понятный для насъ переводъ. Переложимъ его въ нашу чистую Русскую форму, и онъ явится въ слѣдующемъ видѣ:

«Объясняя корень и источникъ естественнаго закона, Цзы-сы говорилъ: «Все подъ небесами повѣдуетъ намъ природу, естественный законъ и ученіе.» И такъ надобно знать, что такое подлинно называть должно природою, естественнымъ закономъ и ученіемъ?» —

Мы не выдумываемъ — беремъ и рассказываемъ сокращенно то, что подробно и вполнѣ нашли мы въ новомъ сочиненіи О. Іакина, и узнали изъ бесѣды его о предметъ, столь занимательномъ. Гдѣ-же здѣсь неизобразимыя трудности языка нашихъ юго-восточныхъ сосѣдей? Ихъ раждали только невниманіе наше, и спутанная система, въ какой передавали намъ законы Китайскаго языка и Китайской графической системы. Честь и слава нашему Русскому хинологу, который разсѣкъ Гордіевъ узелъ, и оказалъ изданіемъ грамматики своей Европейскую услугу, имѣвши случай многолѣтнею практикою на мѣстѣ изслѣдовать и узнать предметъ, столь маловѣдомый до него!

Когда и какъ составилаь эта система письменности, столь отличная отъ гіероглифической и азбуч-

ной? Весьма естественно рождается такой вопрос при ея соображеніи.

Китайцы сохранили преданіе, смѣшанное съ мнѣйшимъ рассказомъ о началѣ своихъ письменныхъ знаковъ. Выписываемъ его изъ предисловія къ грамматикѣ О. Іакинѣа.

Что касается до изобрѣтенія Китайскихъ письменъ, Китаецъ Шень-си-минъ представляетъ намъ одно изъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ по сему предмету. Нѣкогда, пишетъ онъ, читая Индійскія уложенія, я нашелъ въ нихъ, что изобрѣтателей письменъ было трое: Фань, Цялу, Цань-цзъ. Первый сообщилъ свое открытіе Индіи. Его буквы пишутся отъ лѣвой руки къ правой. Второй жилъ въ Западныхъ странахъ. Его буквы пишутся отъ правой руки къ лѣвой. Последний былъ въ Китаѣ (Чжунь-си). Его буквы пишутся сверху внизъ. Очевидно, что Шень-си-минъ подѣ первыми разумѣетъ Санскритскія, подѣ вторыми Арабскія, подѣ третьими Китайскія письмена.

Предоставляя гг. ориенталистамъ изслѣдованіе начала буквъ Санскритскихъ и Арабскихъ, мы обратимъ вниманіе на одно Китайское письмо.

Цань-цзъ, которому Китайцы приписываютъ изобрѣтеніе своихъ буквъ, имѣлъ пребываніе въ нынѣшней Китайской губерніи Шань-си. Повѣствованіе объ немъ любопытно. Въ одно время, спустившись съ Сюань-ху на сѣверный берегъ рѣки Ло, увидѣлъ онъ черепаху, спина которой имѣла по красной землѣ темныя черты. Разсматривая сіи черты, и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдая слѣды разныхъ животныхъ и птицъ, онъ попалъ на счастливую мысль изображать условными знаками самыя повлія о вещахъ. Сей Цань-цзъ, по древнимъ преданіямъ, жилъ въ такія времена, когда первобытные обитатели Китая находились еще въ полудикомъ состояніи, укрывались въ берлогахъ и норахъ, не знали ни одѣянія, ни огня, питались сырымъ мясомъ и растениями. Въ слѣдъ за нимъ, пѣкто Суй-жинь-шы открылъ употребленіе огня, и первый ввелъ способъ замѣчать общественныя дѣла узелками на веревочкѣ. Изъ сихъ преданій съ полною вѣроятностію можно заключить, что Цань-цзъ первый открылъ способъ чертить на чемъ либо изображенія видимыхъ вещей, и не болѣе какъ въ семь самоу состояло его изобрѣтеніе Китайскаго

письма. По прошествіи пѣкотораго времени, государь Фу-си-шы выдумалъ восемь Гуа, изъ коихъ каждый состоитъ изъ шести чертъ, трехъ цѣльныхъ и трехъ ломаныхъ *. Сія самая черта привели Фу-си-шы къ изобрѣтенію Китайскаго письма, т. е. условныхъ знаковъ, которые онъ ввелъ для замѣчанія общественныхъ дѣлъ, вмѣсто веревочныхъ узелковъ. Сей Фу-си-шы, по счисленію, основанному на предположеніи вѣроятности, жилъ въ концѣ 29, или въ началѣ 28 столѣтія до Р. Х. Слѣдовавшій за нимъ государь Ю-сюнъ-шы уже въ состояніи былъ положить прочное основаніе гражданскому образованію въ народѣ. Онъ раздѣлилъ Китай на области, и учредилъ шесть министерствъ, доселѣ удержанныхъ въ Китайскомъ управленіи; изобрѣлъ ноты для музыки, и написалъ первую врачебную книгу, донинѣ существующую подъ названіемъ Нэй цзинъ; сдѣлалъ небесную сферу, и сочинилъ мѣсяцословъ **. Шунъ, первый законодатель Китая, въ 2285 году по Р. Х., предписалъ своимъ астрономамъ повѣрить прежнія астрономическія выкладки, и сдѣлалъ новую небесную сферу. Все сіе ведетъ насъ къ заключенію, что хотя точное начало Китайскаго письма неизвѣстно, но весьма достовѣрно, что оно существовало до государя Шунъ, и совершенствовалось на ряду съ постепеннымъ возвышеніемъ гражданского устройства въ Китаѣ.

Въ древности, пока еще не были изобрѣтены въ Китаѣ кисть, тушь и бумага, *** писали вырѣзывая буквы на бамбуковыхъ доскахъ, или рисуя оныя на шелковыхъ тканяхъ. Трудность, и вмѣстѣ съ тѣмъ медленность такого письма, поставляли писателей въ необходимость выражать свои мысли съ чрезвычайною краткостію и силою. Такъ писали отъ династїи Ся до династїи Цинъ (2205 - 202 до Р. Х.), и госу-

* Изъ различнаго соединенія цѣлыхъ чертъ съ ломаными произошло 64 разныхъ Гуа, или фигуръ, изъ коихъ каждая содержитъ въ себѣ нравственную истину, и сіе самое составляетъ содержаніе книги И-цзинъ, первой изъ древнѣйшихъ Китайскихъ книгъ.

** Сему государю преданія еще приписываютъ изобрѣтеніе разной домашней посуды и оружія, телегъ, компаса, мѣръ, вѣсовъ, строенія домовъ и водоходныхъ судовъ, добываніе мѣдной руды, плавленіе мѣдной монеты, открытіе шелководства и введеніе царскаго одьянія.

*** Писчую кисть изобрѣлъ Мынь-тхянь, полководецъ, построившій Великую Стѣну, за 200 съ небольшимъ лѣтъ до Р. Х., а внучка Цай-лунь, вскорѣ по Р. Х., открылъ способъ дѣлать изъ древесной коры и вѣтошекъ, или трапокъ, писчую бумагу..

дарственные люди и частные ученые. И какъ въ сочиненіяхъ первыхъ сохранились значеніе письменъ, и первыя уложенія Китая, въ послѣдствіи принятыя за основаніе словесности и законодательства, то оныя уже и во время славнаго мудреца Кхунь-фу-цзы (Конфуція) почитались основными, Цзинь, т. е. классическими, или священными. Со времянь династїи Хань до династїи Юань (съ 202 года до Р. Х. до 1264-го по Р. Х.), Китайская словесность, поощряемая правительствомъ, непрерывно шла къ совершенству. Но какъ сей періодъ слѣдовалъ непосредственно за древними временами, то писатели, увлекаемые подражаніемъ, болѣе руководствовались духомъ древности. Въ лучшихъ ихъ твореніяхъ господствуетъ та же краткость въ словахъ, та же выразительность въ мысляхъ, и хотя сіи творенія, по мнѣнію новѣйшихъ Китайскихъ критиковъ, уступаютъ древнимъ, какъ въ краснорѣчїи, такъ въ правильности и силѣ мыслей, но за всѣмъ тѣмъ считаются образцовыми, и на ряду съ ними составляютъ, такъ пазываемую, древнюю словесность, *Гу-зынь*. Съ паденіемъ дома Сунь начинается третій періодъ Китайской словесности. Въ сіе время потомки Чингисъ-Хановы, овладѣвъ престоломъ Китая, окружили себя смѣсью народовъ цѣлой Азіи. Гордый Китаецъ, изнемогшій подъ тяжестью желѣзнаго ига, наконецъ преклонился къ раболѣпству. Съ сего времени, вмѣсто прежней простоты и краткости въ слоги, появилась пышность въ наборѣ словъ, роскошь въ описательныхъ выраженіяхъ, и словесность, одѣтая блескомъ пустаго краснорѣчїа, утратила тайну управлять волею и дѣйствовать на чувство. Таковъ былъ ходъ Китайской словесности въ продолженіе минувшихъ сорока вѣковъ. Но между тѣмъ, какъ ходъ ея измѣнялся съ ходомъ политическихъ перевѣтовъ, языкъ, поддерживаемый законами, оставался неизмѣннымъ, ибо въ Китаѣ издревле существуетъ законъ, которымъ запрещено вводить новые условные знаки (буквы), безъ утвержденія оныхъ верховною властію.

Въ настоящее время (что долженствовало быть и прежде), Китайскій языкъ дѣлится на книжный и разговорный, изъ коихъ послѣдній отличается отъ перваго оборотами, ему одному свойственными. Первымъ пишутъ все вообще, а послѣднимъ только романы, повѣсти и пѣсни народныя.

Почитаемъ любопытнымъ выписать еще критиче-

ское обозрѣніе изданныхъ донынѣ Европейцами Китайскихъ грамматикъ, тѣмъ болѣе, что при малоизвѣстности предмета, о которомъ идетъ рѣчь, книга О. Иакина не поступитъ въ продажу, слѣдовательно, останется въ рукахъ весьма немногихъ читателей, будущи напечатана въ небольшомъ числѣ экземпляровъ.

Европа еще недавно познакомилась съ языкомъ и письмами Китайскими. Въ половинѣ XVI столѣтія, Католическіе въропроновѣдники первые проникли въ сіе государство, съ благочестивымъ намѣреніемъ, посѣять тамъ сѣмя Евангельскаго ученія. Изученіе Китайскаго языка было необходимо для достиженія сей цѣли, и многіе изъ нихъ съ успѣхомъ упражнялись въ немъ. Въ послѣдствіи, нѣкоторые изъ ученыхъ, по страсти къ наукамъ, начали заниматься Китайскимъ языкомъ въ самой Европѣ, и также приобрѣли, хотя не полныя, но довольно основательныя свѣдѣнія въ ономъ. И тѣ и другіе занимались между прочимъ изложеніемъ самыхъ правиль Китайскаго языка, и составили грамматическія системы. Къ первымъ изъ нихъ преимущественно причисляются Варо, Маршманъ, Премаръ, Морриссонъ и Гонзальвъ, а къ послѣднимъ Байеръ, Фурмонъ и Абель Ремюза.

Первую Китайскую грамматику написали, сколько намъ извѣстно, О. Варо на Испанскомъ языкѣ, и расположилъ оную по порядку частей рѣчи, примѣнялъ къ правиламъ Латинской грамматики. Онъ старался объяснить, какимъ образомъ, при неизмѣнимости словъ въ Китайскомъ языкѣ, можно выразить на немъ измѣненія, овойственные Европейскимъ языкамъ, а сіе самое воспрепятствовало ему раскрыть подлинныя свойства Китайскаго языка. Сверхъ сего Грамматика О. Варо написана только для общенароднаго, а не для ученаго языка, да и Китайскія слова въ примѣрахъ писаны Латинскими же буквами, почему можетъ она служить только для тѣхъ, которые желаютъ обучаться разговорному Китайскому языку, и при томъ въ самомъ Китаѣ*.

* Французскъ Варо, миссіонеръ Доминиканскаго ордена, напечаталъ свою Граматику въ Кантонѣ въ 1703 году (8), подъ названіемъ: *Arte de la lengua mandarina*, въ одной книжкѣ, состоящей изъ 64 листовъ. Буквы подлинника были писаны кистью, и въ семь видѣ вырѣзаны на деревянныхъ доскахъ, на которыхъ производилось тисненіе по способу Китайскаго книгопечатанія. Сія Грамматика столь рѣдка, что по увѣренію Абеля Ремюза, даже въ Парижской Королевской

Вторая Китайская Грамматика, появившаяся въ свѣтъ послѣ Варовой, есть твореніе Байера, который обучался Китайскому языку въ Европѣ, въ такое время, когда Европейцы имѣли очень недостаточныя свѣдѣнія о самомъ Китаѣ, не говоря уже о Китайскомъ языкѣ. Къ чести Байера должно сказать, что онъ получилъ, хотя очень неполное, но довольно правильное понятіе о механизмѣ языка. Сей ученый написалъ свою Грамматику на Латинскомъ языкѣ, и даже Китайскій текстъ въ примѣрахъ писанъ Латинскими же буквами. Нѣтъ сомнѣній, что Байеръ матеріалы для сей книги получилъ отъ Европейцовъ, долго жившихъ въ Китаѣ, по со всѣмъ тѣмъ, его Китайская Грамматика также содержитъ въ себѣ правила только для одного разговорнаго языка, и, какъ первое въ Европѣ произведеніе въ семъ родѣ, носить на себѣ тяжелый отпечатокъ несовершенства, по недостатку правилъ, и по неисправности буквъ Китайскихъ *.

Въ слѣдъ за Байеровою Грамматикою показалаея третья Китайская Грамматика, изданная Фурмономъ, подъ названіемъ: *Чжунъ-ю-гуанъ-хуа*, что отъ слова въ слово значить: «Китайскій разговорный языкъ высшаго сословія». Изъ самаго названія книги можно видѣть, что Фурмонъ написалъ свою Грамматику для одного разговорнаго языка, которымъ Европейскіе въропроповѣдники, проникшіе въ Китай, занимались преимущественно передъ книжнымъ, и который, какъ мы выше сказали, отличенъ отъ книжнаго. Сія Грамматика разделена на двѣ части. Въ первой изъ нихъ, кромѣ нѣсколькихъ правилъ Китайскаго языка, помѣщены склоненіе именъ и спряженіе глаголовъ, по формамъ Европейскихъ грамматикъ составленныя, а во второй изложено словосочиненіе, котораго самую большую часть составляютъ не правила, а учти-

Библіотекъ нѣтъ ни одного экземпляра оной. Я получилъ сію книгу для пересмотра изъ музея Азіатскихъ книгъ, принадлежащаго барону Паулу Львовичу Шиллингу фонъ-Канштатъ.

* Теофиль Зигеридъ Байеръ, профессоръ исторіи и древностей при С. Петербургской Академіи Наукъ, издалъ свою Китайскую Грамматику подъ названіемъ: *Museum Sincicum*, въ двухъ томахъ, изъ конхъ въ первомъ помѣщена *Grammatica Sinica*, во второмъ *Lexicon Sinarum latine explicatum*. Сія книга посвящена Теофану, архіепископу Новгородскому, и напечатана въ типографіи С. Петербургской Академіи Наукъ въ 1750 году (8). И такъ первая Китайская Грамматика въ Европѣ напечатана была въ Россіи — членомъ С. Петербургской Академіи Наукъ.

выя выраженія, употребляемыя при свиданіи. Въ концѣ книги приложенъ любопытный реэстръ Китайскихъ книгъ, находившихся въ то время въ Парижской Королевской Библиотецѣ. Это была первая Грамматика, въ которой Китайскій текстъ въ примѣрахъ писанъ Китайскими буквами. Нѣкоторыя правила въ оной изложены довольно хорошо, но вообще не полны; въ примѣрахъ встрѣчаются выраженія неперимыя въ чистомъ разговорномъ языкѣ, и самый переводъ мѣстами ошибоченъ. Все сіе достаточно показываетъ, что сочинитель учился Китайскому языку не въ Китаѣ, а во Франціи, по Грамматикѣ О. Варо, и написавъ собственную Грамматику, не имѣлъ средствъ повѣрить оной съ людьми, основательно знавшими Китайскій языкъ *.

Въ то же самое время, когда Фурмонъ въ Европѣ трудился надъ сочиненіемъ Китайской Грамматики, О. Премаръ, находясь въ Китаѣ, писалъ свою, подъ названіемъ: *Notitia linguae Sinicae*. Сей миссіонеръ, долго занимавшійся Китайскимъ языкомъ въ самомъ Китаѣ, совершенно постигъ свойства сего языка, и съ большою точностію показалъ оныя въ своей Грамматикѣ, не привязываясь къ грамматическому порядку Европейскихъ языковъ, какъ немѣющихъ никакого сходства съ Китайскимъ языкомъ. Въ первой части своего творенія, О. Премаръ кратко излагаетъ основныя понятія о языкѣ и письменахъ Китайскихъ; во второй изображаетъ обороты разговорнаго, въ третьей обороты книжнаго, или ученаго языка. Въ обѣихъ послѣднихъ преимущественное даетъ мѣсто словамъ, вмѣющимъ многообразное употребленіе, и употребленіе оныхъ объясняетъ многими прекрасными примѣрами, изъ которыхъ, впрочемъ, самая большая часть суть выраженія, принадлежащія къ словарю, и не составляющія существенныхъ правилъ языка. Примѣры вообще писаны Китайскими буквами средствами шрифта. Жаль только, что въ *Notitia linguae Sinicae*, твореніи единственномъ въ семь родѣ по чистотѣ слога, находится общій высшимъ Грамматикамъ недостатокъ въ правилахъ, на которыхъ осно-

* Стефанъ Фурмонъ, профессоръ Арабскаго языка въ Парижѣ, издалъ Китайскую Грамматику на Латинскомъ языкѣ, присовокупивъ къ Китайскому и Латинское названіе: *Linguae Sinarum Mandarinicae hieroglyphicae Grammatica duplex, latinè et cum characteribus Sinensium*. Сія книга посвящена Лудовику XV, и напечатана въ Парижѣ въ 1742 году, въ листъ. Китайскія буквы грубовато вырѣзаны.

вывається управленіє словъ въ разговоръ и писъмъ, свойственное Китайскому языку. По сей, кажется, причинѣ, самъ О. Премаръ не назвалъ своего сочиненія Грамматикою, хотя въ ономъ изобильно находятся матеріалы, потребные къ составленію полной Грамматики *.

Англійскіе миссіонеры, жившіе въ Кантонѣ, также издавна упражнялись въ Китайскомъ языкѣ, но поздно начали обнаруживать свои свѣдѣнія въ ономъ. Г-нъ Маршманъ издалъ *Clavis Sinica* (Ключъ къ Китайскому языку), въ 1814 году. Я не имѣлъ случая видѣть сей книги, и потому не могу произнести сужденія ни о расположеніи, ни о внутреннемъ достоинствѣ оной. Абель-Ремюза, въ Введеніи къ своей Китайской Грамматикѣ пишетъ, что *Clavis Sinica* не есть грамматика, но длинное разсужденіе о слогахъ, которымъ писанъ *Лунъ юй*, составляющій третіе отдѣленіе Четыре-книжія **.

Черезъ годъ по напечатаніи *Clavis Sinica*, Моррисонъ издалъ Китайскую Грамматику на Англійскомъ языкѣ, въ которой примѣры писаны Китайскими буквами. При долговременномъ пребываніи въ Кантонѣ, онъ приобрѣлъ хорошее знаніе въ Китайскомъ языкѣ, но при сочиненіи своей Грамматики, приспособляя употребленіе оной для своихъ соотечественниковъ, старался изложить правила болѣе для разговорнаго слога, и выразить на Китайскомъ языкѣ всѣ грамматическія измѣненія, свойственныя Англійскому языку, а сіе самое заставляло его иногда составлять примѣры изъ выраженій мало употребительныхъ въ Китайскомъ языкѣ. Отсюда каждый можетъ заключить, что такая учебная книга недостаточна къ прямому познанію даже самаго общенароднаго Китайскаго языка, ибо она не въ точности показываетъ отличительныя свойства сего языка ***.

* Иосифъ Генрихъ Премаръ, іезуитъ, написалъ *Notitia linguae Sinicae*, на Латинскомъ языкѣ, а примѣры въ ней изложилъ Китайскими буквами. Сія книга долго находилась въ разныхъ Европейскихъ библіотекахъ въ рукописи; наконецъ Англичане напечатали ее въ Малаккѣ подъ названіемъ, *Notitia linguae Sinicae Auctore P. Premare, Malacae, Cura Academiae Anglosinensis, 1834, in 4, 262 стр.* Показаніе (index) 28 стр.

** Маршманъ, Англійскій миссіонеръ въ Кантонѣ, напечаталъ *Clavis Sinica*, на Латинскомъ языкѣ, въ Серамурѣ, въ 1814 году, 600 страницъ. Потомъ онъ издалъ *Лунъ-юй*, переведенный имъ на Англійскій языкъ.

*** Робертъ Моррисонъ, Англійскій миссіонеръ въ Кантонѣ, напечаталъ свою Грамматику Китайскаго языка въ Серамурѣ, въ 1815

Абель-Ремюза написал Китайскую Грамматику на Французскомъ языкѣ, въ которой также примѣры писаны Китайскими буквами. Онъ, какъ Байеръ и Фурмонъ, не имѣлъ случая быть въ Китаѣ, а обучался Китайскому языку въ Парижѣ, самоучкою, но справедливость обязываетъ меня сказать, что средства, дарованія и трудъ доставили ему хорошее свѣдѣніе въ ономъ. Расположеніе его Грамматики не много-сложно, и, должно сказать, правильно. Въ предисловіи, съ большою основательностію предлагаетъ онъ свое мнѣніе о грамматикахъ Китайскаго языка, издаваемыхъ, или сочиненныхъ до появленія въ свѣтъ его собственной, а въ Введеніи помѣщены основныя понятія о языкѣ и письменахъ Китайцевъ. За ними слѣдуетъ самая грамматика, раздѣленная на двѣ части, изъ коихъ въ первой изложены правила, по которымъ Китайцы въ книжномъ языкѣ, безъ измѣненія словъ, выражаютъ грамматическія измѣненія свойственныя Европейскимъ языкамъ; во второй содержатся такія же правила для общенароднаго языка. Первую часть онъ называетъ *Tu yinъ*, ou *style antique*, вторую *Tuанъ-хуа*, ou *style moderne*. Мы тотчасъ увидимъ, что Абель-Ремюза, по недостатку практическихъ свѣдѣній въ Китайскомъ языкѣ, ошибся въ названіи частей своей Грамматики. *Tu-ынъ*, какъ мы выше уже сказали, отъ слова въ слово значить: «древняя словесность». Подъ симъ названіемъ въ Китаѣ издано нѣсколько книгъ, въ которыхъ помѣщены образцовыя мѣста изъ сочиненій древнихъ. *Tуанъ-хуа* значить «разговорный языкъ высшаго сословія». Оба сіи выраженія суть употребительныя, и первому изъ нихъ противопологается выраженіе *инъ-ынъ*, то есть, «нынешняя словесность», а второму выраженіе *су-хуа*, то есть, «простонародный» или «деревенскій языкъ». Изъ сего объясненія открывается, что въ Китаѣ находится, какъ выше уже было сказано, два языка, книжный и разговорный.

Не смотря на все это, о грамматикѣ Абель-Ремюза должно сказать, что ошибочное названіе частей нисколько не вредитъ внутреннему достоинству самой книги, потому, что правила, изложенныя въ первой части для древняго слога, можно примѣнять ко всѣмъ родамъ другихъ ученыхъ слоговъ, уподобу, подъ Китайскимъ названіемъ *Тхунъ-тонъ-ханъ-анъ-жи-фа*, съ присовокупленіемъ Англійскаго перевода: A Grammar of the chinese language, 8, 280 стр. Китайскія буквы въ сей грамматикѣ чисто вырѣзаны.

требляемыхъ нынѣ въ Китаѣ, а вторая часть содержитъ правила для нынѣшняго общенароднаго языка *.

Последнюю грамматикъ Китайскаго языка написалъ Гонзальвъ на Португальскомъ языкѣ. Онъ началъ сію книгу краткимъ ключевымъ словаремъ, въ которомъ при каждомъ знакъ показаны ключъ его, удареніе, выговоръ, двойкій способъ начертанія, и употребительнѣйшія выраженія. Далѣе слѣдуютъ 20 главъ выраженій, употребляемыхъ въ книжномъ и общенародномъ языкахъ. Въ слѣдъ за симъ изложено словосочиненіе, въ которомъ, безъ означенія правилъ, приведено множество примѣровъ, показывающихъ, какимъ образомъ одна и та же мысль выражается, и книжнымъ и разговорнымъ слогомъ, и сіи выраженія примѣнены къ формамъ измѣненія частей рѣчи, употребляемымъ въ грамматикахъ Европейскихъ языковъ; далѣе 46 разговоровъ на общенародномъ языкѣ, пословицы, краткая біографія славныхъ мужей, начиная съ Фу-си-ши, до настоящаго времени; къ біографіи приобщено баснословіе (Китайская мифологія). Наконецъ Гонзальвъ заключаетъ свою Грамматикъ примѣрными образцами различныхъ родовъ Китайской словесности. Слогъ разговоровъ и примѣровъ, какъ на ученомъ, такъ и на простонародномъ языкѣ вообще, чистъ и правиленъ **.

Изъ восьми исчисленныхъ Грамматикъ только три заслуживаютъ вниманіе наше: это суть Грамматики Премара, Абель-Ремюза и Гонзальва, по которымъ можно обучаться и общенародному и книжному Китайскому языку. Но если сіи три Грамматики сравнить между собою, то Премаръ и Гонзальвъ берутъ большее преимущество передъ Абель-Ремюза наборомъ примѣровъ, а послѣдній превосходитъ обоихъ, хотя недостаточнымъ, но яснымъ изложеніемъ самыхъ правилъ Китайскаго языка. По первымъ двумъ легко обучаться

* Абель Ремюза, членъ Французской Академіи, издалъ Китайскую Грамматикъ въ Парижѣ, въ 1833 году, подъ названіемъ: *Хан-зыи-ци-мынь*, *Elémens de la grammaire Chinoise*. Она напечатана in 4, и отличается отъ прочихъ грамматикъ чисто вырѣзаннымъ Китайскими буквами.

** Сія грамматика напечатана въ Макао, въ 1829 году, in 4, подъ названіемъ *Хан-зыи-вынь-фа*, *Arte China constante de alphabeto e grammatica comprehendendo modelas las diferentes composiciones*. Къ ней приобщенъ второй томъ, содержащій въ себѣ Словарь Португало-Китайскій, расположенный по Латинскому алфавиту. Шрифтъ Китайскихъ буквъ не очень ясенъ, что могло зависѣть и отъ бумаги, которая нѣсколько сѣра.

Китайскому языку, находясь въ Китаѣ, а по грамматикѣ Абель-Ремюза можно и въ Европѣ приобрести въ немъ достаточное свѣдѣніе.

Вотъ что говоритъ О. Іакинѣвъ о собственномъ трудѣ своемъ, съ скромностію, столь приличною истинному знанію :

Россія по сопредѣльности съ Китаемъ давно уже находится въ непосредственной связи съ сею державою, и Россійская Духовная Миссія съ 1715 года имѣть постоянно пребываніе въ Пекинѣ, для образованія переводчиковъ въ Китайскомъ и Маньчжурскомъ языкахъ, но какъ письменныя сношенія болѣе производятся на Маньчжурскомъ языкѣ, то члены Миссіи до сего времени преимущественно занимались послѣднимъ, не обращая должнаго вниманія на языкъ Китайскій. Въ Кяхтѣ, напротивъ, гдѣ Китайскій языкъ необходимъ для торговыхъ сношеній съ Китайцами, съ самаго открытія торговли на семь мѣствъ, еще ни одинъ изъ Русскихъ не занимался постояннымъ изученіемъ онаго, не смотря на то, что Китайцы ежедневно имѣютъ обращеніе съ нами по торговымъ дѣламъ. Причина сему заключалась въ томъ, что Китайцы, употребляя при обращеніи съ Русскими исковерканное Русское нарѣчіе, не въ состояніи объяснить на ономъ и первыхъ началъ своего языка. Къ чести Кяхтинскаго купечества должно сказать, что оно давно чувствовало необходимость имѣть въ Кяхтѣ училище Китайскаго языка, но главное препятствіе къ тому состояло въ недостаткѣ учителей.

Изъ членовъ Миссіи, возвращавшихся изъ Китая въ отечество, лучше оставались переводчиками при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, а средственныя не въ состояніи были принять на себя должности классическаго учителя. Наконецъ сіе препятствіе миновалось съ прибытіемъ послѣдней Миссіи, возвратившейся изъ Пекина въ 1831 году, и Высочайшій Покровитель наукъ Николай I, по представленію Азіатскаго Комитета, исполнилъ желаніе Кяхтинскаго купечества, утвердивъ въ Кяхтѣ существованіе училища Китайскаго языка.

Сіе обстоятельство было поводомъ къ тому, что Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, ревностно, споспѣшествующій распространенію въ нашемъ отечествѣ

Восточной Словесности и полезных свидѣній объ Азін, препоручилъ мнѣ написать Китайскую грамматику, для употребленія въ Кяхтинскомъ училищѣ, и испросилъ Высочайшее соизволеніе напечатать оную иждивеніемъ казны. Это уже седьмая моя книга, на которую Азіятскій Департаментъ обращаетъ всемілостивѣйшее Монаршее вниманіе, поощрительное для занимающихся науками. Записки о Монголіи, также Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана, Исторія четырехъ Хановъ, Троесловіе, Исторія Тибета и Хухупора, Историческое обозрѣніе Ойратовъ, или Калмыковъ, не были бы издапы въ свѣтъ, безъ пособія со стороны правительства.

Касательно самаго состава сочиненія О. Іакинѣа, можно видѣть изъ разсмотрѣнія его прежде изданныхъ Европейцами Китайскихъ грамматикъ, что онѣ не во многомъ могли быть ему полезны. Онѣ брали матеріалы изъ практики и элементарныхъ Китайскихъ сочиненій, грамматикъ и словарей, а система изложенія принадлежитъ рѣшительно ему самому. Вотъ расположеніе, принятое почтеннымъ хитологомъ нашимъ:

Часть I. *Китайскій языкъ и письмена.* Идея языка; дѣленіе звуковъ; составъ, начертаніе, виды, правописаніе, знаки препинанія Китайцевъ; произношеніе письменъ, ударенія, дѣленія на классы. Китайская каллиграфія. Правописаніе иностранныхъ словъ. — Часть II. *Китайская Грамматика.* Части рѣчи, каждая отдѣльно, и Китайское раздѣленіе частей рѣчи (синтаксисъ собственно).

За тѣмъ слѣдуютъ любопытныя и необходимыя приложенія:

1. Составъ Китайскихъ буквъ.
2. Образцы всѣхъ шести Китайскихъ почерковъ.
3. Неправильныя письмена.
4. Измѣненныя письмена.
5. Сличеніе древнихъ и новыхъ письменъ.
6. Китайскіе звуки Русскими, Французскими, Португальскими и Англійскими буквами.
7. Ключевыя письмена и измѣненные ключи.

8. Цыфры Китайскія.

9. Китайскій цикль.

10. Замѣны КитаЙцами мѣстоименій.

Назначая книгу свою для употребленія въ Кяхтинской школѣ Китайскаго языка, О. Іакинѣвъ присовокупилъ, въ окончаніи, Китайскія названія Русскихъ товаровъ, Китайскихъ товаровъ, и номенклатуру чаевъ.

Особенное вниманіе всякаго, даже и незанимающагося Китайскимъ языкомъ, должно обратить прибавленіе *шестое*, гдѣ объясняется правильное произношеніе Китайскихъ именъ. Каждый народъ пишетъ ихъ по своему, не потому, чтобы ошибался, но потому, что въ началѣ принялъ по своему условныя буквы своего языка для выраженія, стараясь показать ими Китайское произношеніе. Такъ нашу *Москву*, Французъ привыкъ писать *Моску*, Нѣмецъ *Москау*, другіе народы *Москова*, *Мосха*. Такъ Французъ пишетъ : *гуань*, kouang; *цю*, khieou; *пзынь*, pheng; Англичанинъ — *хунь*, hwang; *цзинь*, tsing; Португалецъ — *нянь*, niam, *чо*, cho, и проч. — Отъ этого происходитъ совершенная сбивчивость при переводахъ извѣстій о Китаѣ съ разныхъ языковъ, и имена Китайскія кажутся совершенно различны, когда они въ сущности одни и тѣ-же, и разнятся только потому, съ какого языка Европейскаго мы беремъ ихъ.

У насъ, въ Россіи, какъ у частныхъ людей, такъ и въ казенныхъ библіотекахъ находится не мало Китайскихъ книгъ. Богатыя собранія ихъ есть въ Парижѣ, Лондонѣ, и даже въ Германіи. Но если чрезвычайно мало донинѣ издано Европейцами переводовъ съ Китайскаго, то еще менѣе издано Китайскихъ текстовъ. Можетъ быть, этому отчасти причиною педубство имѣть подвижныя Китайскія буквы для печатанія, при многочисленности Китайскихъ знаковъ. Впрочемъ, у Французовъ и Англичанъ есть

такія буквы. Мы предоставляемъ себѣ удовольствіе поговорить вообще о литературѣ Китайцевъ и трудахъ по сей части Европейцовъ, въ особенныхъ статьяхъ.

Не можемъ не изъявить здѣсь желанія нашего, чтобы за изданіемъ Грамматики Китайской на нашемъ языкѣ слѣдовало изданіе Китайской учебной хрестоматіи, могущей послужить пособіемъ къ изученію Китайскаго языка въ Россіи. Знаемъ, что подобныя труды рѣшительно можно назвать неблагодарными. Ихъ цѣнять не многіе, и тяжкій трудъ дѣлателя едва ли награждается, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Но здѣсь должна руководствовать мысль общаго добра, и безкорыстіе подвига для пользы просвѣщенія. Конечно, не это можетъ останавливать ревность нашего почтеннаго хинолога, но трудность изданія въ свѣтъ его трудовъ. Все, чѣмъ донинѣ обогатилъ онъ нашу литературу, могло явиться только съ пособіемъ просвѣщеннаго нашего правительства. Такъ правительствомъ изданы у насъ труды гг. Шмидта и Ковалевскаго, касательно Монгольскаго языка и Монгольской литературы. Видно, что не настало еще время для пожертвованій на подобныя подвиги частныхъ людей, имѣющихъ къ тому средствъ. Такъ важный, обширный, новый трудъ нашего почтеннаго хинолога, (отрывокъ изъ котораго читатели наши видѣли въ С. О., книжка IV, отд. III, стр. 97—137, и о которомъ надѣмся мы поговорить подробнѣе) ожидаетъ благодѣтельнаго вниманія правительства, и тогда только можетъ явиться въ свѣтъ, будучи со всѣмъ окончанъ въ рукописи.— Такъ надѣмся мы, что Россіи суждено, можетъ быть, подарить Европу, и необходимымъ пособіемъ для изученія Китайскаго языка и литературы — словаремъ Китайскимъ. Вообще недостатокъ Восточныхъ словарей составляетъ великое и главное препятствіе для Европейцовъ въ изученіи Восточныхъ

*

языковъ. Они рѣдки, дороги, недостаточны. Всего ошутительнѣе это въ отношеніи Китая. Наполеону обязаны хинологи изданіемъ *перваго* Китайско-Французско - Латинскаго Словаря (*Dictionnaire chinois, français et latin*, Парижъ, 1813 г.), съ старинной рукописи О. Василя Глемонскаго (хотя ее и приписывали Дегиню). Изданіе было роскошно, но книга недостойна великольпнаго изданія. Клапротъ издалъ прибавленіе къ этому словарю (*Supplement au dictionnaire chinois-latin du P. Basile de Glemona, par J. Klapproth*, Парижъ, 1819 г.). У Англичанъ есть недостаточный словарь Морриссона (*Dictionary of the chinese language*, 1815 г. 6 т. in 4). Недавно изданы еще въ Макао маленькіе словари Китайско-Португальскій и Португальско - Китайскій, Гонсальва (*Diccionario portuguez-china, no estilo vulgar e classico geral*, 1831 г. въ 4, и *Diccionario china portuguez, composto por I. A. Gonçalvas*, 1833 г. in 4). Этимъ, кажется, ограничивается все, что сдѣлано до нынѣ Европейцами для Китайской лексикографіи. Будемъ надѣяться, что Россіи предоставлено показать что нибудь болѣе совершенное. О. Іакинѣвъ имѣеть для такого важнаго предпріятія богатые матеріялы, кромѣ собранія подлинныхъ Китайскихъ словарей, каковы новѣйшій Китайскій Словарь, въ 6-ти томахъ, *Кханъ-си-цзы-диль*, и проч.

Скажемъ въ заключеніе, что изданіе Китайской грамматики О. Іакинѣва весьма красиво. Литографія г-на Гемильяна такъ хорошо умѣла поддѣлаться подъ каллиграфію Китайскую, что Китайцы, видѣвши листы грамматики въ Кяхтѣ, любовались ими, какъ неуступающими тщательностью и красотою стереотипамъ Пекинской Дворцовой типографіи.

Н. ПОЛЕВОЙ.

=

ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1838-Й ГОДЪ.

1. *ОБЗРѢНІЕ РУССКИХЪ ДЕНЕГЪ и иностранныхъ монетъ, употреблявшихся въ Россіи съ древнихъ временъ. Съ рисунками и таблицами. Соч. Барона Станислава де-Шодуара. Разсмотрѣнное по приказанію г-на Министра Финансовъ. Перев. съ Французскаго В. А. — Двѣ части, Спб. въ тип. Эксп. загот. госуд. бумагъ, 1837 г., въ 8, III, 272, 23 стр. и 81 таблицъ и гравюръ.*

Мы упоминали о Французскомъ подлинникѣ этого любопытнаго сочиненія, удостоеннаго Академіею Наукъ полной Демидовской преміи, и съ удовольствіемъ видимъ теперь изданіе Русскаго перевода книги почтеннаго Барона Шодуара.

Говоря собственно, сочиненіе это не есть критическое учебное изслѣдованіе о Русскихъ деньгахъ, которыми окончательно были-бы положены, такъ сказать, законы и правила нашей нумизматики. Авторъ, опытный любитель, имѣвшій средства собрать богатый кабинетъ разнородныхъ монетъ и обширную нумизматическую библіотеку, а также обозрѣвать казенные и частные кабинеты, представляетъ въ книгѣ своей все, что могъ онъ замѣтить, и почелъ любопытнымъ и нуж-

нымъ для Русскихъ нумизматовъ, предоставляя ученые выводы и результаты другимъ. Подобное сочиненіе было-бы темно безъ рисунковъ, и потому авторъ обогатилъ свою книгу рисунками и таблицами, искусно составленными и отлично гравированными. Послѣ предварительнаго взгляда на исторію предметовъ, представлявшихъ въ древности *цѣнность* между людьми, авторъ говоритъ о старинныхъ гривнахъ, и мѣховыхъ деньгахъ (куны, рѣзани, ногаты, въкоши, и проч.), что вопреки мнѣнію М. Т. Каченовскаго, принимаетъ онъ положительно. Затѣмъ переходитъ авторъ къ иностраннымъ монетамъ, издревле обращавшимся въ Россіи (шляги, корабленники, пѣязи, гроши, чехи, и проч.), Русскимъ монетамъ до Татаръ, при Татарахъ, и накопецъ послѣ нихъ, даже до новѣйшихъ постановленій о монетной системѣ въ Россіи. По нашему мнѣнію, послѣдняя часть есть любопытнѣйшая во всей книгѣ, ибо все основано здѣсь на фактахъ и оффиціальныя источники, а все, что авторъ говоритъ о древнихъ и старинныхъ Русскихъ монетахъ, требуетъ еще во многомъ повѣрки и критики, и авторъ старался, кажется, вознаградить сей недостатокъ только многочисленностью разнообразныхъ и разнородныхъ фактовъ и выписокъ, которые не въ одной *пробѣ*, но общностью своею составляютъ готовый запасъ богатыхъ матеріаловъ. Подробные реэстры и указанія даютъ при томъ все удобства употреблять ихъ, и рѣшительно сказать можно, что Русская нумизматика, послѣ ученыхъ изслѣдовацій г-дъ Круга и Каченовскаго, и книги г-на Черикова, не получала еще ничего лучше сочиненія Барона Шодуара. Теперь нашимъ археографамъ есть возможность приступить къ нумизматической работѣ, да, правду сказать — и пора!

2. Наука естественной природы, или динамика естества. Сочин. Иосифа Вебера, бывш. професс. въ Диллингенъ. Переводъ съ Нѣмецкаго. Кіевъ, въ Унив. тип. 1838 г., въ 8, 390 стр. съ 2-мя рис.

Вотъ книга, какихъ давно уже не встрѣчали мы въ нашей литературѣ, и видя, что ею обязаны мы трудолюбиво Кіевскаго литератора, благодаримъ его за то, о чемъ не думаютъ многіе литераторы Петербурга и Москвы.

Можетъ быть, доколѣ будетъ стоять міръ и будутъ стра-

сти людскія, люди не согласятся въ двоякомъ образѣ воззрѣнія на природу — *опытною* и *умозрительною*, анализъ и синтезъ. Напрасно будете увѣрять ихъ, что оба сіи способа, взятые раздѣльно, недостаточны, что оба они притомъ равно полезны, и что только соединеніе ихъ составляетъ высшую степень знанія и науки — люди васъ не послушаютъ, по крайней мѣрѣ, въ наше время, когда весьма немногіе еще постигаютъ тайну идеитивнаго знанія, то есть, такого знанія, гдѣ теорія не смѣетъ идти впередъ безъ опыта, и опытъ служить повѣркою и доказательствомъ умозрительной теоріи. Всего жалче, что превозносятся односторонніи направленія знаній, люди слушать не хотятъ другъ друга, и въ спорахъ между собою забываютъ даже важность и цѣль ученія, унижаются до насмѣшекъ, клеветуютъ, лгутъ другъ на друга — только-бы однимъ защитити *умозрѣніе*, другимъ *опытность*.... Бѣдные, бѣдные люди!... Опытные ученые уподобляютъ теоретиковъ людямъ, которые по маленькому камешку хотятъ судить объ устройствѣ цѣлаго міра, и летаютъ за облака на мыльныхъ пузыряхъ, а ученые умозрители увѣряютъ, что опытные изслѣдователи похожи на людей, собирающихъ въ кучку пещишки, и думающихъ, что вѣрной карты какой-нибудь земли пельзя спать, пока каждый кусточикъ и каждое деревцо въ ней не будутъ срисованы и описаны, а поелику это невозможно, то, слѣдовательно, и теоріи невозможны.... Человѣку остается учиться на обумъ, и не думать о томъ, для чего онъ учится....

Да—много еще падобно учиться человѣку *знать*, и даже наукъ *какъ знать падобно*. Ко многимъ знаніямъ еще и не прикасались новыя реформы человѣческаго вѣдѣнія. Знанія, такъ называемыя, *точные* (*sciences exactes*), напримѣръ, большею частью, находятся у насъ подъ владычествомъ только *опыта*, и ученія сочиненія по части ихъ состоятъ, большею частью, только изъ собранія опытныхъ наблюдений и замѣтокъ. Изъ словъ нашихъ читатели могутъ видѣть, что мы вовсе не думаемъ отвергать опыта, но съ тѣмъ вмѣстѣ никогда не согласимся мы, чтобы *опытомъ только* ограничивались наши знанія. Такое несчастное, одностороннее направленіе науки всегда будетъ причиною того, что наши физики, химики, естествознанія всегда составятъ безобразную смѣсь всякой всячины, изслѣдованія безъ системы, громады замѣтокъ,

но всего меньше науку. Каждое новое открытіе въ нихъ сбиваетъ съ толку, каждое новое сомнѣніе разстроиваетъ ряды прежнихъ положеній, и къ несчастію, самыя великіе умы, при одностороннемъ воззрѣніи, необходимо выдаютъ въ самыя жалкія предубѣжденія. Не видѣли-ли мы еще такъ недавно, что великій Кювье упорно отвергалъ всякое покушеніе привести въ систему естествознаніе, довольствуясь только настольнымъ реэстромъ предметовъ его, и не замѣчая, что обширность анализа невольно привела уже его къ высшему синтезу въ глубокихъ изслѣдованіяхъ по части геологій и геогнозій!

Такъ, напримѣръ, что такое называется теперь у насъ физикою? Трудно отвѣчать. Въ каждомъ курсѣ видете такой произволь, что не скоро добьетесь толку. Въ физику вводятъ и естествознаніе, и прикладную математику, и химию, и даже механику. Тутъ толкуютъ вамъ объ устройствѣ барометровъ и термометровъ, телескоповъ и очковъ, и объ газахъ, и объ анатомическомъ устройствѣ человѣческихъ глазъ и ушей, и только объ одномъ не заботятся — надлежащей системѣ науки.

Но неужели опытные ученые совсѣмъ обходятся безъ умозрѣнія? Нимало—умозрѣніе встрѣчается у нихъ на каждомъ шагу, ибо безъ теоретическихъ посылокъ имъ никакъ обойтись невозможно. Потому и горѣніе, и сдѣпленіе, и гальванизмъ, и магнетизмъ, и электричество, и всѣ части физики, всѣ явленія природы имѣютъ у нихъ свои маленькія *теорійки*, и даже на каждое явленіе природы есть по нѣскольку различныхъ маленькихъ теорій. Совсѣмъ не думая стыдиться этого, вамъ откровенно говорятъ такъ: «По мнѣнію г-на А. это происходитъ отъ того-то, по мнѣнію г-на Б. отъ того-то, а по мнѣнію г-на В. отъ того-то.»—Отъ чего же именно? — спрашиваете вы. — «Позвольте еще составить намъ 500 маленькихъ теорій, и сдѣлать еще 5000 опытовъ—можетъ быть, мы вамъ тогда скажемъ.»—Но, пробовали-ль вы, Мм. Гг. соединить всѣ частныя наши теорійки, и хоть изъ аналогій ихъ вывести общую теорію природы и систему для науки? — Опытные ученые смотрятъ на васъ послѣ такихъ словъ съ удивленіемъ, и улыбаются. Это значитъ: «*Поим.насмль—онъ умозритель; онъ думаетъ о вѣсобщихъ законахъ природы и науки, когда мы не придумали*

еще законовъ для самаго малаго предмета въ природѣ! — И будто это наука? Жалкая наука—постройка зданія, въ самомъ дѣлѣ изъ пещинокъ!

Разумѣется, нельзя и подумать человѣку, чтобы онъ могъ рѣшить всѣ великія тайны природы, и помышлять о совершенной и полной системѣ знаній и наукъ. Забавно намъ, при ограниченности нашей, рассуждать на вѣрное о мірозданіи и основныхъ законахъ всѣхъ явленій во вселенной, но есть же всему мѣра, и отказываясь отъ правъ нашихъ на умозрѣніе, все равно, что отказываться отъ нашей души, потому, что она невидима, и отъ ума, потому что мы его руками оцупать не можемъ.

Именно, *est modus in rebus*, а потому есть и сочиненія о точныхъ наукахъ, гдѣ благоразумная средина представляеть уже счастливый опытъ примиренія анализа и синтеза. Къ такимъ *опытамъ* причисляемъ мы книгу г-на Вебера, изданную теперь въ Русскомъ переводѣ.

Опредѣливъ *физику* (науку о природѣ) познаемъ *дѣйствительнаго* (*wirkliche*, въ противоположность *intelligenten*) *бытія* (*das Sein*), и предметъ ея, какъ *дѣйствительность* (*Realität*), познаваемую *опытностью* (*Erfahrung*), авторъ доказываетъ однакожь недостатокъ одного опытнаго воззрѣнія. Это составляетъ предметъ его особеннаго сочиненія: *Physik, als Wissenschaft, oder allgemeine Dynamik der Natur*. Разсматривая вещественность въ трехъ отношеніяхъ: 1, въ динамикѣ основныхъ началъ, *собственно повсѣхъ* еще, 2, въ динамикѣ основныхъ законовъ въ явленіяхъ вещественныхъ, *всѣхъ собственно*, и 3, въ динамикѣ частныхъ явленій вещественности, *организмъ живущаго въ природѣ*, авторъ раздѣляетъ въ слѣдствіе сего физику, на динамику *вещественной, не всѣхъ собственно и органической природы*; въ переведенной нынѣ на Русскій языкъ части сочиненія его излагается только первалъ, *динамика всѣхъ*.

Здѣсь, послѣ краткаго введенія, авторъ говоритъ объ общихъ процессахъ вещественной природы—сдѣшенія, прилипанія, тлотовнія; за тѣмъ излагаетъ тройкое проявленіе вещественной жизни природы—магнетизмъ, электричество и химическіе процессы. Ограничивая снѣ только дина-

нику вещества, г-нь Веберъ относить всѣ другія части физики къ двумъ другимъ отдѣленіямъ — динамикъ природы неживою и динамикъ природы органической, которыхъ не имѣемъ еще мы въ Русскомъ переводѣ.

Намъ кажется, что объемъ науки г-мъ Веберомъ учиненъ весьма вѣрно. Изложеніе его также весьма удовлетворительно. Недостаетъ, по нашему мнѣнію, одного: у него мало фактовъ, и въ опытной части онъ отстаетъ отъ современныхъ усилъ, какими непрерывно обогащается физика. Въ семь случаевъ, кажется намъ, была обязанность переводчика *дополнить* сочиненіе г-на Вебера, передавая его своимъ соотечественникамъ. Разумѣется, что если оставаться при одномъ умозрѣніи, повторяя только давно извѣстное, то мы неминуемо отстанемъ отъ науки, и касательно опытной части физики, именно этотъ недостатокъ видимъ мы въ Веберовой книгѣ.

Русскій переводъ ея хорошъ, и удаленъ отъ страннаго языка, въ какой впадаютъ многіе переводчики Нѣмецкихъ ученыхъ сочиненій, думающіе, что тогда только достигли они совершенства, когда среди варварскихъ, новоскованныхъ словъ и темныхъ фразъ ихъ вовсе попятъ нельзя.

3. *Новый карманный Французско-Русскій и Русско-Французскій Словарь*, и проч., *составленный Естаеіемъ Ольдекопомъ. Второе издание, совершенно исправленное и значительно умноженное. Часть II. Русско-Французскій словарь.* СПб. въ тип. Эксп. заг. гос. бумагъ, 1838 г. въ 16, XLVI и 1149 стр.

Читателямъ, или, лучше сказать, занимающимся Французскимъ языкомъ, такъ уже знакомъ сей трудъ почтеннаго Е. И. Ольдекопа, что мы излишнимъ почитаемъ хвалить его, тѣмъ болѣе, что не любимъ хвалить безусловно. *Перваго изданія* сей книги разошлось нѣсколько тысячъ экземпляровъ. *Первый томъ втораго изданія* выданъ былъ въ прошломъ году (Французско-Русскій словарь); *второй* (Русско-Французскій) вышелъ теперь. Мы не можемъ не сказать, что лексикографъ исполнилъ обязанность свою, какъ не многіе исполняютъ ее. Слова: *«совершенно пересмотрѣнное и значительно умноженное»*, поставлены у него не даромъ. Не щадя труда, г-нь Ольдекопъ сдѣлалъ большія прибавки и исправленія. О достоинствѣ подобныхъ трудовъ можно судить только ис-

пытавши ихъ собственнымъ завлѣтѣмъ. — Здѣсь долгомъ почитаемъ мы напомнить, что кромѣ этого прекраснаго краткаго Словаря, мы обязаны еще г-ну Ольдекопу и лучшими Французско-Русско-Нѣмецкими разговорами (*Dialogues français-russes-allemands classés, d'après l'ordre grammatical par A. Oldesop*). Эти разговоры не суть фразы, кое-какъ сшитыя, но практическое руководство къ изученію трехъ языковъ, расположенное систематически, и легко приучающее къ познанію трудностей и практическому употребленію грамматическихъ свѣдѣній.

Надѣмся вскорѣ извѣстить о новомъ обширномъ трудѣ почтеннаго г-на Ольдекопа, который долженъ заслужить нашу особенную благодарность по своему превосходству надъ всѣмъ тѣмъ, что донынѣ являлось у насъ по части лексикографіи Французско-Русской.

4. *A DICTIONARY of the English and Russian languages by J. Banks.* Англійско-Русскій Словарь, составленный Яковомъ Банксомъ. Два тома. Москва, въ тип. А. Семенова, 1838 г., въ 8, VII, 579 и 607 (всего 1194) стр.

Вотъ еще трудъ драгоценный, и тѣмъ болѣе, что почтенному лексикографу почти вовсе были бесполезны при немъ труды его предшественниксъ. Можемъ сказать, что до сихъ поръ у насъ не было Англійскаго Словаря, хоть скольконибудь сноснаго. Словари — Жданова (1784 г.), Грамматина и Паренаго (1808—1817) составляли всю нашу лексикографію по сей части. Теперь мы имѣемъ Англійско-Русскій Словарь превосходный, ибо трудъ г-на Банкса совершенно пополняетъ столь важный недостатокъ. Будучи самъ знаткомъ Русскаго языка, онъ имѣлъ подъ рукою всѣ лучшія Англійскія пособія, девять лѣтъ трудился прилежно, и кромѣ того въ Русской части Словаря своего былъ длительно вспоможенъ извѣстнымъ литераторомъ нашимъ К. А. Полевымъ. Г-нъ Банксъ отдастъ притомъ долгъ благодарности Гг. Ольдекопу и Рейфу, Словарями которыхъ онъ особенно пользовался. Полнота Словаря г-на Банкса не оставляетъ ничего болѣе желать, и хотя онъ вообще не ввелъ въ него фразы, но выставилъ ихъ, однакожь, вездѣ, гдѣ отъ сближенія разныхъ словъ измѣняется смыслъ какого либо отдельнаго слова, или это слово принимаетъ переносный смыслъ. Введеніе

фразъ вполнѣ, въ самомъ дѣлѣ, только увеличилось-бы безъ пользы словарь, и цѣну его, а теперь она весьма умеренна, судя по огромности книги, и по изящности изданія, которое весьма опрятно, напечатано четко и исправно, и мы съ большимъ нетерпѣніемъ желали бы поскорѣ видѣть и *Русско-Англійскій Словарь*, вполнѣ окончанный почтеннымъ лексикографомъ въ рукописи, и къ печатанію коего онъ, кажется, уже приступилъ. Замѣтимъ, что изданіе этой полезной книги произведено К. А. Полевымъ, который, кромѣ личнаго участія въ самомъ составленіи Словаря, употребилъ значительную сумму и на напечатаніе его.

5. Дѣянія Петра Великаго, *Мудраго Преобразителя Россіи, собранныя изъ достоверныхъ истолкованій и расположенныя по годамъ. Сочиненіе И. И. Голицына*. Томъ пятый. *Изданіе второе*. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1838 г. въ 8, 602 и XVI стр.

Этимъ *вторымъ изданіемъ* столь извѣстной, и всегда драгоценной, какъ матеріала, книги, мы одолжены также просвѣщенному усердію К. А. Полеваго. Изданіе продолжается безостановочно. Помѣщая вмѣстѣ Дѣянія и Дополненія, издатель довелъ уже въ пятомъ томѣ событія жизни Петра Великаго до 1715 года.

6. *Исторія нашихъ делъ Императора Наполеона на Россію въ 1812 году. Съ оффиціальными документами и другихъ достоверныхъ бумагъ Россійскаго и Французскаго Генераль-Штабовъ, сочиненная Е. И. В. флигель-адъютантомъ полковникомъ Д. Бутурлинымъ. Съ Франц. на Русскій языкъ пер. Свѣты Е. И. В. по квартирмейстерской части г. л. А. Хатовымъ*. Два тома. *Изданіе второе*. СПб. въ Военной тип., 1837, 1838 гг. въ 8, XV, 415, 9, V и 418 стр. съ картами и планами.

Мы говорили уже объ этомъ, также *второмъ изданіи* одного изъ достопамятныхъ произведеній нашей новѣйшей военной литературы, которое всегда останется памятникомъ рѣдкаго безпристрастія и обширныхъ познаній военныхъ почтеннаго автора. Вторымъ изданіемъ, которое далеко превосходитъ изяществомъ первое, обязаны мы А. Ф. Смирдину. Теперь вышли вторая и послѣдняя часть книги г-на Бутурлина, такъ-

же, какъ и первая, напечатанная совершенно сходно съ первымъ издапіемъ. Планы и карты приложены прежніе. — О времени выхода столь нетерпѣливо ожидаемаго сочиненія А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, еще ничего не слышно. Но появленіе въ свѣтъ этого творенія знаменитаго, конечно, не отниметь чести у сочиненія ему предшествовавшаго, и уже оцѣннаго Европейскою критикою.

7. ОБОЗРѢНІЕ *Новѣйшей Исторіи. Соч. Мишле. Переводъ съ Французскаго.* СПб. въ тип. А. Воейкова и Комп., 1838 г. въ 8, XIV и 161 стр.

Пошелъ у насъ въ моду Мишеле, или *Мишле*, если вамъ угодно (Michelet). Мода-бы и не дурная, потому, что Мишеле, дѣйствительно, писатель умный, ученый, иногда говорунъ, но часто краснорѣчивый, и мастеръ пользоваться изысканіями другихъ. Но бѣда бѣдному Мишеле: Русскіе переводчики передаютъ его очень плохо, а въ предисловіяхъ расхваливаютъ его такъ, что нельзя читать безъ смѣха! И теперь, передавая краткій учебный очеркъ новѣйшей Исторіи, почтенный Переводчикъ вздумалъ въ предисловіи увѣрять, что «*Мишле, краснорѣчивѣйшій писатель современной Франціи, напертомъ, въ этой небольшой брошюркѣ, съ свойственными ему высокимъ талантомъ исторію новѣйшихъ временъ до революціи 1789 года.*» Ну, это - бы еще ничего, а вотъ что особенно любопытно: «*При переводѣ на Русскій языкъ этой книги, переводчикъ съелъ нужными въпустить все то, что относится до исторіи Франціи....*» Какъ? Почему такъ? А вотъ почему: «*какъ заключающееся слово въ слово въ краткой исторіи этого государства, недавно вышедшей въ Русскомъ переводѣ.*» — Нравятся ли вамъ такіе выводы, а если нѣтъ, то вотъ вамъ и еще причины, по которымъ переводчикъ *съелъ нужными въпустить Францію?* — «*Переводчикъ рѣшился на это по двумъ причинамъ: во-первыхъ для того, чтобы сократить издержки изданія...*» Довольно — другой причины намъ знать не нужно. Спрашиваемъ у читателей: Какъ вамъ покажется Исторія, изъ которой «*для сокращенія издержекъ изданія,*» урѣзываютъ по произволу какое нибудь государство, и можно - ли обходиться такъ съ *краснорѣчивѣйшимъ писателемъ?* Но Переводчикъ рѣшительно не хотѣлъ щадить бѣднаго Мишеле: онъ отрѣзалъ отъ него не только Исторію

Франція, но еще цѣлую треть подлинника, и не разсудить за благо даже и упоминать объ этомъ. Послѣ всего этого — можете спокойно отложить въ сторону Русской переводъ книги Мишеле, и если вамъ понадобится *эта* книга, то прибѣгнуть къ Французскому подлиннику ея, который въ самомъ дѣлѣ, можно назвать весьма хорошо составленною учебною книжкою для изученія Исторіи повѣйшей — но отнюдь не богѣе.

8. Славянскія Древности. *Соч. П. И. Шафарика. Пер. съ Чешскаго Г. Бодляскаго. Издано М. Погодинъ. Часть историческая*, тома I, книга 3. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1838 г. въ 8, 302 стр.

Почтенный Издатель сей книги, М. П. Погодинъ, говоритъ, что до сихъ поръ не окупилсь у него издержки на напечатаніе трехъ изданныхъ уже отдѣленій книги Шафарика (стр. 301). Странное обыкновеніе г-на Погодина всегда жаловаться, что книги, имъ издаваемыя, ему въ убытокъ! Скажемъ ему однажды навсегда, что при изданіи книгъ ученыхъ нигдѣ о барышахъ не думаютъ. Издавая ихъ; имѣютъ въ виду пользу и выгоду другаго рода. Далѣе, г-нъ Погодинъ увѣряетъ, что книгу Шафарика *приняли у насъ неблагонамеренные люди съ ругательствами* (стр. 302). Ругательство, признаемъ, мы не слышали. Напротивъ, книгу Шафарика многіе *превознесли похваляли*, а другіе признавали пользу ея, но только не безусловно. Мы принадлежимъ къ числу послѣднихъ. Объяснимся.

Каждый ревностный трудъ бываетъ полезенъ и почтенъ. Но отличайте «ревность не по разуму» отъ ревности разумной. Если смотрѣть на трудъ Шафарика, какъ на обширную компиляцію, гдѣ собрано множество фактовъ, безъ всякой критики, но вѣрно, усердно, трудолюбиво — мы готовы хвалить его. Но если начинаютъ намъ выставлять Шафарика великимъ изыскателемъ, глубокомысленнымъ филологомъ, знаменитымъ критикомъ и историкомъ, если ставятъ трудъ его на ряду съ трудами Шлецера, Круга, Лерберга — просимъ извинить — мы несогласны....

Совсѣмъ, не какъ ученый, но какъ компиляторъ, весьма часто пристрастный, увлекающійся своимъ предметомъ, мыслитель самый ограниченный, историкъ вовсе не философъ,

и филологъ весьма часто ошибочный, зараженный притомъ всеми общими предразсудками ученыхъ западныхъ Славянъ, вотъ какъ представляются намъ Шафарикъ и сборникъ его, издаваемый теперь г-мъ Погодинымъ по-Русски. Сочинитель не выдерживаетъ даже ученаго достоинства въ изложеніи, впадаетъ въ полемику и брань, недостойныя науки, говорить притомъ языкомъ варварскимъ, и можетъ назваться Рудбекомъ, Гардингомъ, Пелатье, по не Шлецеромъ! Доказательствъ на все это искать не далеко — разверните книгу Шафарика въ любомъ мѣствѣ, и читайте.

Мы удивляемся только одному, какъ г-нъ Погодинъ, самъ воспитанный на истинно-ученыхъ сочиленіяхъ Шлецеровъ, Круговъ, Миллеровъ, Лерберговъ, Френовъ, до такой степени удался отъ истиннаго взгляда на Исторію, что находить что-то *великое* въ Шафарикѣ, собирателѣ матеріаловъ, разумѣется, полезномъ, но, какъ историкъ и ученомъ, недостойномъ ни какого особеннаго вниманія. Книга его, повторяемъ, матеріалы, которые годятся для опытнаго челоука, и которые собыють съ толку читателя, непривыкшаго къ критической оцѣнкѣ запасовъ.

Въ издаваемыхъ теперь по Русски *трехъ частяхъ* книги Шафарика кончена общая Исторія Славянъ. Не смотря на *убытки*, г-нъ Погодинъ великодушно хочетъ продолжать далѣе — частныя исторіи Славянскихъ народовъ. Дѣло, повторяемъ, полезное, но только просимъ почтеннаго Издателя не считать издаваемой имъ книги *«сокровищницею, изъ которой будутъ почтаться, которою будутъ руководствоваться на пути познаній цѣлья поколѣній,»* и автора ея не называть *«великимъ писателемъ, великимъ челоукомъ, благородное чело котораго должно украсить лавровымъ вѣнкомъ за его исполнскій трудъ.»* Такіе возгласы, ничего не доказывая, только вредятъ дѣлу, и заставляютъ по неволѣ смѣяться.

9. Нѣмецкая Словесность. *Изъ книги Вольфганга Менцеля.* Часть II. СПб., въ тип. А. Плюшара, 1838 г. въ 12, 461 стр.

Нѣкоторые изъ читателей подумали, смотря на разборъ *первой части* книги Менцеля, помѣщенный въ С. О., что мы отвергаемъ заслугу, какую оказалъ нашей литературѣ переводъ Менцелевой книги. Заключение, совершенно ошибочное!

Иное дѣло *авторъ*, иное *переводчикъ*. Менцель судить ошибочно, превратно, по кнѣга его явленіе замѣчательное, по странному направленію, какое приняли въ высѣйшее время мнѣнія многихъ Германцевъ, особливо юныхъ. Менцель былъ корифеемъ сихъ мнѣній. Далѣе, замѣчательна она, какъ предметъ для философскаго воззрѣнія, и знакома намъ съ любопытнымъ переходомъ Германскаго критицизма въ наше время, даетъ намъ средства повѣрять на ней, какъ на пробномъ камнѣ, свои собственныя мнѣнія. Передать намъ такую книгу, значитъ оказать услугу, и потому, какъ въ разборѣ нашемъ, такъ и теперь, мы благодаримъ и благодаримъ почтеннаго Переводчика Менцелевой книги за трудъ его, полезный, прекрасный, и совершенно безпристрастный, ибо передавая книгу Менцеля, почтенный Переводчикъ предоставляетъ судъ ея уму каждаго читателя, отнюдь не предупреждая ихъ своимъ мнѣшемъ.

Въ вышедшей теперь *второй* части, содержатся сужденія Менцеля о Нѣмецкой литературѣ по части естествознанія, и обширный, и самый любопытный отдѣлъ — *измѣненіе словесности*. Тутъ-то достается бѣдному Гете — всѣ стрѣлы Менцеля съ бышенствомъ устремлены въ этого исполина вѣковъ. Но — подождемъ третьей, *последней* части Русскаго перевода, и тогда поговоримъ подробнѣе.

10. *Богословіе Догматическое, или пространное изложеніе ученія въры Православной Каколическія Восточныя Церкви. Доктора Богословія, протоіеря Петра Терповскаго, Императорскаго Моск. унив. проф. и проч. Москва, въ Унив. тип. 1838 г. въ 8, XI и 262 стр.*

11. *Часы Благоговѣнія, для споспѣшествованія истинному христіанству и домашнему богопочтенію. Часть пятая. Пер. съ Нѣм. 20-го изданія. Къ третьему изданію Русскому перевелъ частей. СПб., въ тип. К. Неймана и К., 1838 г. въ 8, 405 стр.*

Первая изъ сихъ книгъ составляетъ руководство, употребляемое почтеннымъ авторомъ при чтеніи его лекцій Богословія въ Московскомъ Университетѣ. — Успѣхъ на Русскомъ языкѣ второй книги, извѣстныхъ *Stunden der Andacht*, долженъ порадовать каждаго, кому драгоценно сохраненіе благочестія и набожности въ нашихъ нравахъ. *Часы Благоговѣ-*

тѣ, это собраніе назидательныхъ поученій и бесѣдъ, котораго двадцать изданій разошлось уже въ Германіи, переводимое почтеннымъ Т. С. Крыловымъ, нѣкогда передавшимъ Русской публикѣ знаменитое сочиненіе Іерузалема, нашло столь многихъ читателей у насъ, что всеобщее требованіе заставило теперь переводчика издавать его сжснѣдливо листами, которые по прошествіи каждаго полугодія составляютъ книгу. Съ 1-го Іюля сего года выдаются имъ листы уже *шестой* книги, а первыхъ четырехъ книгъ вышло уже *три изданія*. Слава Богу! стало быть «Часы Благоговѣнія» составили и у насъ домашнее семейное чтеніе, поучительную бесѣду въ кругу друзей и родителей съ дѣтьми. Это сѣмена, которыя даютъ обильную жатву добра въ сердцахъ человѣческомъ, и — блаженъ съющій ихъ! Награда его въ чувства добра, приносимаго трудомъ его ближнему.

12. *Лекціи о Чистой и Прикладной Математики*. Императорской Акад. Наукъ экстраорд. акад. и докторомъ наукъ Парижской Академіи В. Я. Буяковскимъ. Часть I, отд. II, тетр. III. СПб. въ тип. Ак. наукъ, 1838 г. въ 4, отъ 281 до 321 стр., съ рисункомъ.

13. *О началахъ равновѣсія и движенія, соч. К. Яниши, репетитора механики при Институтѣ Путей Сообщенія*. Часть I, СПб. въ тип. Коур. Вишгебера, 1838, г. въ 8, XVIII и 415 стр.

Читателямъ С. О. извѣстно уже мнѣніе наше о безкорыстномъ ученомъ предпріятіи почтеннаго академика нашего, г-на Буяковскаго, которое продолжается безостановочно. *Первое* отдѣленіе *перваго тома* кончено выслать, и *второго* отдѣленія вышла теперь *третья тетрадь*; слѣдовательно, остается издать только *два тетради* для совершеннаго окончанія *перваго тома*. Въ вышедшей нынѣ тетради находятся слова отъ *Cor* до *Cur* (*Corpusculaire, частичный, до Curviligue, криволинейное*).

Г-нъ Яниши говоритъ въ предисловіи къ своему замѣчательному сочиненію:

Сочиненіе это не назначено для преподаванія. Авторъ его имѣлъ единственно намѣреніемъ: изложить въ строгомъ систематическомъ
Т. IV. — Отд. IV.

порядка главнейших математических истинъ общей теоріи равновесія и движенія, заключаются въ механическихъ вопросахъ, которые только вообразить можно. Онъ останавливался особенно на тѣхъ пунктахъ теоріи, которые почитаются самыми отвлеченными и затруднительными, и имъ изложены и рѣшены разряды вопросовъ, не рѣшаемые до сихъ поръ ни въ одномъ известномъ ему сочиненіи о механикѣ...

Не можемъ не выписать еще слѣдующихъ словъ почтеннаго автора, показывающихъ благородную черту сердца его, и съ тѣмъ вмѣстѣ ручающихся за достоинство его книги, которой выдана теперь только *первая часть*, заключающая въ себѣ *начала корепитескія*; вторая часть посвятится *практикѣ*.

«Центромъ всей математической дѣятельности въ Россіи, вполнѣ и безъ лести, можно назвать г-на Остроградскаго. Авторъ сего сочиненія менѣе всѣхъ имѣетъ право отрицать вліяніе корней нашей математической литературы. Онъ ученикъ г-на Остроградскаго, и въ продолженіе пяти лѣтъ репетиторъ его по части механики, при Институтѣ путей сообщенія. Онъ ему обязанъ ему почти всѣмъ, что знаетъ въ математикѣ... Поводомъ къ настоящему сочиненію служили мысли, изложенныя въ мемуарѣ г-на Остроградскаго, *Considérations générales sur les moments des forces*. Авторъ былъ одушевленъ желаніемъ распространить въ кругъ Русскихъ математическихъ читателей, и сдѣлать ему доступными новыя и прекрасныя идеи о теоріи равновѣсія и движенія, заключающіяся въ вышепомянутомъ мемуарѣ, и проч.

14. Краткое начертаніе *Россійской Исторіи, составленное для руководства при первоначальномъ изученіи Россійской Исторіи, Профессоромъ Иваномъ Кайдановымъ. Изданіе четвертое.* Спб. въ тип. Акад. наукъ, 1838 года, въ 8, 81 стр. и двѣ таблицы.

15. Энциклопедическій курсъ *методическихъ и практическихъ уроковъ, составленныхъ изъ краткихъ назидательныхъ фразъ, приспособленныхъ къ мѣлическому языку, относящихся къ человеку, житейскимъ нуждамъ, познаніямъ и ко всѣмъ обязанностямъ его въ обществѣ; для обоого пола глухо-слѣпыхъ дѣтей, воспитывающихся въ С. П.-бургскомъ Императорскомъ Училищѣ Глухо-слѣпыхъ, въ особенности, и для говорящихъ дѣтей вообще, начинающихъ учиться отече-*

стеснѣнному письменному языку. СПб. въ тип. Эд. Праца и К. 1838 г. въ 8, 54) стр. со многими рисунками.

Сочиненіе, достойное особеннаго и признательнаго вниманія каждаго благомыслящаго человѣка, какъ по благотѣльной цѣли, такъ и по исполненію своему. Видали-ль вы училище глухо-нѣмыхъ? посѣщали-ль вы это убѣжище, гдѣ вполнѣ является вамъ торжество благотѣльныхъ успѣховъ ума человѣческаго? билось-ли радостно сердце ваше, при видѣ этихъ несчастныхъ, которымъ искусство человѣческое возвращаетъ языкъ и даръ слова, коего лишены они были природою, и дѣлаетъ ихъ разумными существами изъ полу-человѣческаго существованія? Если вы были, если вы видали, то бы оцѣните и трудъ тѣхъ почтенныхъ людей, которые посвящаютъ жизнь свою на пользу этихъ несчастныхъ собратій нашихъ; вы прочтѣте съ наслажденіемъ и книгу почтеннаго г-на Гурцова, управляющаго нынѣ въ С. Петербургѣ училищемъ глухо-нѣмыхъ, учрежденіемъ коего одолжены мы благотворительности нашихъ Монарховъ, и незабвенной Матери сиротъ, Императрицы Маріи.

Изданная нынѣ г-мъ Гурцовымъ книга содержитъ въ себѣ полный курсъ всѣхъ познаній, какія предполагается необходимымъ передать глухо-нѣмому. Она дѣлится на *десять* небольшихъ частей, и пачинается ручною азбукою глухо-нѣмыхъ и собраніемъ идей о разныхъ простыхъ, положительныхъ предметахъ. Это, такъ сказать, собраніе умственныхъ *волабуловъ*, гдѣ объясняются ученику части тѣла, пища, одежда, жилище его, и восходя постепенно, курсъ ученія переходитъ къ идеямъ высшимъ, наукамъ, искусствамъ, поятіямъ о Богѣ, человѣкѣ, природѣ. Все передается, такъ сказать, *образами и изображеніями*, и потому къ краткимъ, яснымъ, логическимъ фразамъ, вслѣдъ приложено множество картинокъ, болышею частью раскрашенныхъ. Въ заключеніе авторъ излагаетъ методу обученія глухо-нѣмыхъ, такъ, что съ книгою его можно это легко произвести каждому, кто пожелаетъ посвятить трудъ и время на такое благодѣяніе, требующее однакожь болышой отчетливости и терпѣливой внимательности. Съ особеннымъ удовольствіемъ читая книгу г-лу Гурцова, мы не могли не чувствовать сердечной благодарности къ нему, за изданіе сочиненія, кажется, еще перваго

и единственнаго въ своемъ родѣ, на Русскомъ языкѣ. Обученіе глухо-нѣмыхъ вообще прибавило новый фактъ къ понятіямъ объ ученіи дѣтей и способахъ передачи имъ знаній. Потому, мы согласны съ авторомъ, что книга его можетъ быть полезна и вообще *при первоначальномъ обученіи* дѣтей, и потому мы рекомендуемъ ее родителямъ и наставникамъ. Пусть они прочтутъ ее, и впикнутъ въ нее, ибо, дѣйствительно, умъ дѣтскій, какъ узкогорлый сосудъ, въ который каплями вливается жидкость, не можетъ быть поучаемъ только синтетическимъ способомъ. Надѣмся поговорить объ этомъ подробнѣе въ послѣдствіи. Предметъ стоитъ того по важности своей.

16. Латинская Грамматика, составленная по Дулиту Д. Поповымъ, бывшимъ профессоромъ Греч. Словесности, и проч. СПб. въ тип. Акад. наукъ, 1838 г. въ 8, XI и 859 стр.

Вотъ книга, которая насъ ужасно испугала. Какъ? Грамматика, *только грамматика*, и --- почти *десять сотъ* страницъ, довольно сбитой печати, тяжелымъ страшнымъ языкомъ, съ стихами для затверживанія, съ тысячами вслѣсныхъ правилъ, съ методою, по которой десять лѣтъ посвящали некогда Латини, для того только, чтобы послѣ выучки говорить и писать такимъ языкомъ, отъ котораго прахъ Цицерона содрогается въ могилѣ, и постараться поскорѣе позабыть его! Воля ваша, а это чуть-ли не шутка, которою хотѣтъ насъ испугать! Воля ваша, въ нашъ вѣкъ, мы уже пережили, кажется, то страшное время, когда философію и логику изучали въ школахъ подѣ ферулою Бавмейстеровъ, а Латини учились по грамматикамъ въ родѣ передѣланной г-мъ Поповымъ по Дулиту! Безспорно, что не худо имѣть полный грамматическій кодексъ, по которому учитель могъ-бы проходить грамматику, и гдѣ можно-бъ было справиться о всѣхъ возможныхъ мелочахъ языка. Но мы боимся того, не попалась-бы эта грамматика по Дулиту въ руки такого учителя, который съ плеча заставитъ учениковъ заучивать ее. Тогда, будь я ученикъ --- я первый поклялся-бы никогда не выучиться Латини, а выучившись -- позабыть ее немедленно! Да, притомъ, надобно же и въ Латинской грамматикѣ думать

Не думайте, чтобы мы не хотѣли выставить вамъ заглавія этой книги: его въ самомъ дѣлѣ нѣтъ — эта книга *безъ головы и безъ имени*, вопреки Русской пословицѣ, что *безъ имени и овца не овца*, а что-то такое другое.

Въ наши вѣкъ, искусство вывѣсокъ и названій до того усовершенствовалось, что даже многимъ надоѣло; на вывѣски и названія не смотрятъ, и ловкіе кандитеры, повара, погребщики замѣкаютъ иногда именно тѣмъ, что вовсе вывѣсокъ не ставятъ. У знаменитаго *Сальватори*, напримѣръ, въ Большой Морской, нѣтъ вывѣски. Вотъ вамъ и литературная попытка *на книгу безъ вывѣски.....* Bravo! Vive l'industrie!

Но такъ-ли хороша эта книга, какъ хороши пирожки Сальватори? То-то и бѣда, что размаху орла можетъ подражать только соколъ, а не пѣтухъ.....

Плохой кандитеръ и безъ вывѣски можетъ умереть съ голоду; плохая книга и безъ заглавія равно не будетъ читана. Если не вѣрите, прочтите предисловіе, гдѣ авторъ объясняетъ, почему выдаетъ онъ книгу *безъ головы*:

На все и время и пора.

Не мило *мыше* намъ, что правлюсь вчера.

Бывало къ книгѣ *предисловіе*

Необходимое *условіе*.

Теперь изъ *ста тещовъ* одинъ

Едвадь прочесть его *рѣшится*,

И *нѣту* автору причинъ

Надъ предисловіемъ *трудиться*.

Но надъ заглавьемъ *любъ мозолъ*

Еще и *нѣтъ* сочинитель,

Безъ *титла* книги, та *раголе*,

Не купитъ *школьникъ*, ни учитель.

Поэма *тута*, а *титла* нѣтъ!

Бѣда бѣдой..... На смѣхъ народа,

Ступай безъ *титла*, книга, въ *свѣтъ* —

Безъ *семья* не безъ *урода*!

Но *безголовыхъ* уродовъ ни въ какую *семью* не пускаютъ, а кладутъ ихъ въ *спиртъ*, и ставятъ на полки, какъ *дики*

вники. Неужели такое мѣсто хочется имѣть автору «книги безъ титула» въ литературу? Невольно подумае, читая далѣе сборъ всякой всячины, и плохіе стихи Русскіе, Французскіе, Нѣмецкіе, Итальянскіе, которые могутъ одно доказать, что у автора на одну мысль готово *четыре* слова, невольно подумае, что все это шалость литературная. Къ сожалѣнію, хороша остроумная шалость, а отъ *безголовыхъ* литературныхъ шалостей, да избавять насъ Музы и Аполлонъ, какъ отъ Парнасскихъ домовыхъ и кикиморъ --- наше мѣсто свято! --- чуръ насъ! чуръ насъ!

19. *Плоды вечернихъ бездѣлокъ. Сочиненіе Ивана Рассига.* Москва, въ тип. А. Евренцова, 1838 г. въ 8, 75 стр.

Опять, кажется, какая-то шутка! Кто-то *Андрей Улановъ*, говоритъ въ предисловіи, что завидуя Петербургу, гдѣ въ *три года* нашлись *два* знаменитые поэта (?), онъ искалъ въ Москвѣ также поэта, знаменитаго поэта, и нашелъ г-на Раевича, и издаетъ стихотворенія его на стѣрой бумагѣ, для потѣхи толкучаго рынка. А за тѣмъ слѣдуютъ стихи, изъ которыхъ вотъ вамъ малепькій образецъ:

*Меня ужасъ вдругъ сразилъ,
Когда взору показался,
Отъ меня не вдалекъ,
Трунъ безглавый, сонный;
Онъ держалъ въ своей рукѣ
Голову чертъ сатаньей.
Грозный страхъ меня сожалъ,
Моя внутренности хладѣла,
Я въ жару былъ, то дрожалъ,
Кровь то стыла, то кипѣла, и прог.*

Въ заключеніе всего, г-нъ Раевичъ говоритъ о самомъ себѣ:

*Я душой опамѣлъ,
И повергся въ забавень....*

Перваго усердно желаемъ, а второе неизбежно: такова участь всѣхъ плохихъ поэтовъ!

20. ПАСХАЛЬНАЯ ЛАМПА, поэма въ 12-ти книжкахъ. Титовъ. Сиб. въ тип. К. Неймана и Коми. 1838 г., въ 12, 45 стр.

Авторъ называетъ *пѣснями* двѣнадцать небольшихъ отдѣленій, на которыя раздѣляеть свою поэму, «въ память 12-ти Апостоловъ». Далѣе: «*первая* и вторая главы родились въ головѣ моей во время пасхальной заутрени, и въ первый-же день пасхи вся пѣса была написана. Главы: 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11-я *почти обильноосмыслены*; на 4-ю *прошу обратить особенное вниманіе*; 12-я есть *заключеніе* разсказа.» Далѣе: «одинъ изъ моихъ знакомыхъ, читая это произведеніе въ рукописи, сказалъ мнѣ: «Дай прочесть его Русскому въ первый день пасхи, и ты увидишь послѣдствія!» Авторъ жалѣеть, что послѣ такого совѣта оный давно не издалъ своей поэмы. «Польза можетъ быть впереди», заключаетъ авторъ. Но оный ужъ получилъ свою пользу: первый день пасхи провелъ оный въ поэтическомъ мечтаніи, создавая свое произведеніе. Шуткали провести такъ цѣлый день! Но чтеніе поэмы его отложили мы до перваго дня будущей пасхи. Тогда, если Богъ дастъ, будемъ живы и здоровы, прочтемъ ее, разговѣвшись куличомъ и сыркомъ, и *увидимъ послѣдствія*, какъ говорилъ почтенному автору другъ его.

21. Звѣзда любви (L'étoile de l'amour). Подарокъ прелестно-му полу. Москва, въ тип. Н. Эрста, 1838 г., въ 16, 57 стр.

Мы совѣтъ не согласны съ тѣмъ, что говорится, въ предисловіи, къ этой сѣрой книженкѣ: «Поощряйте *молодость* къ занятіямъ; не убивайте разцвѣтающихъ талантовъ насмѣшками, остротами, *ругательствами*, и время образуетъ въ нихъ (какъ червей въ Лимбургскомъ сырѣ?) можетъ быть, что нибудь *великое*. Да и самая польза отечества того требуетъ.» — *Ругаться*, разумѣется, не должно и не хорошо, но никогда не должно *поощрять къ занятіямъ молодость*, которая пишеть стихи въ родѣ тѣхъ, изъ коихъ составлена «Звѣзда любви»:

Дави мнѣ залубой
 Не тревожь мой покой
 Не страшись за меня,
 Не смесу ево я... и проч.

Тутъ *развѣтчатъ* не талантъ, а *литературная бѣда*, или крапива, и польза отечества требуетъ непременно, чтобы критика уничтожала такіе стихотворенія. Пусть примутся писаки такихъ стиховъ конать гряды, мостить мостовую, садить картофель и вырывать рѣпу — это будетъ для отечества гораздо полезнѣе мараша нежныхъ стиховъ, и печатанья модъ именемъ звѣздъ и мѣсяцовъ любви.

22. Сказка въ стихахъ о Додоновѣ, или о томъ, какъ дуракъ сдѣлался умнымъ. Москва, въ тип. В. Кириллова, 1838 г., въ 24 л., 60 стр.

Какъ дуракъ сдѣлался умнымъ, этого мы совсѣмъ не видимъ въ этой сказкѣ. Какъ дуракъ этотъ вралъ чепуху въ началѣ, такъ вреть ее и въ концѣ, въ родѣ слѣдующей рѣчи царя Додона, наприхѣтъ:

Десять лѣтъ живемъ съ женой,
 Но дѣтей мы не имеемъ,
 Десять лѣтъ бѣда такой
 Пособить мы не умеемъ —
 Научите, какъ намъ быть,
 Чтобъ жена могла родить? и т. д.

23. Собраніе отборнѣйшихъ Русскихъ пѣсень. Собрано М. С. Дѣт. восток. Спб., въ тип. Ковр. Випгебера, 1838 г., въ 16, 124 и 117 стр.

Отборнѣйшія Русскія пѣсни у г-на М. С. значать: «Псалма златая — Что мнѣ нужды — Звукъ умилый фортепіано — Ахъ! тошно мнѣ, и т. п. — Къ этому прибавлено нѣсколько пѣсень Дельвига, нѣсколько пѣсень простонародныхъ, и вышло «собраніе отборнѣйшихъ пѣсень».

24. Карманный пѣснникъ. Изданъ М. С. Книжка I. Спб., въ тип. Н. Греча, въ 32 л., 69 стр.

Тотъ-ли это г-нъ М. С., который издавъ теперь отборнѣйшія пѣсни, и отборнѣйшія-ли пѣсни помѣстилъ оны въ

этомъ *карманно изъ* пѣсепникъ, мы разрѣшить не умѣемъ. Тутъ счиито вмѣстѣ десятка четыре пѣсенъ новѣйшихъ поэтовъ Русскихъ. Собраны безъ разбора пѣсни Жуковского, Яковлева, Баратынскаго, Ротчева, Дельвига, Цертелева, Пушкина, Бороздни, и проч. и проч. Почему все это называется *карманны изъ*, оставляемъ догадываться читателю.

25. Русскія народныя сказки, *собранныя Богданомъ Грошницкимъ изъ*. Спб. въ тип. А. Воейкова и К., 1838 г. въ 12, III и 100 стр.

Мы было порадовались, думая, что въ самомъ дѣлѣ, нашелся человекъ, который вздумалъ подслушивать и записывать сказки, какія ходятъ у насъ въ простонародѣ, и показываютъ собою настоящій разгулъ пародной нашей фантазій. Вотъ что говоритъ г-нъ Брошниковъ: «Сказки, собранныя мною, записаны со словъ *хожслага сказогника, крестьянина изъ подмосковной*,» и проч.—Либо г-нъ Брошниковъ кемпожко хитритъ, либо его обманулъ «*хожслаго сказогникъ, крестьянинъ изъ подмосковной*,» наслушался Нѣмецкихъ и вслѣхнхъ сказокъ, и выдалъ ихъ г-ну Брошникову за Русскія. Въ Русскомъ народѣ не можетъ быть сказки о *стрѣлкѣ*, который освобождаетъ «духа Музу» изъ кубышки — не можетъ быть ея въ Русскомъ простонародѣ — это *бусурманская* сказка. Впрочемъ, если сказки г-на Брошникова и *не исты Русскія*, то онѣ лежали однакожь подлѣ Русскихъ, и въ нихъ видна Русская заманка, есть много удачно и по Русски сказаннаго, и искусно склепнаго изъ извѣстныхъ старинныхъ сказокъ, такъ, что ихъ прочтете, право, не безъ удовольствія.

26. Тайпа. *Романъ въ 4-хъ частяхъ. Сочиненіе А. Степанова, Автора романа Пестолмагій Дворъ*. Спб. въ тип. III-го Отд. собственной Е. И. В. Канцелярн, 1838 г., въ 8, 223, 214, 215, 215 стр.

«Сочиненіе Автора того-то и того-то.» Такое прибавленіе къ титулу книги всегда показываетъ, что авторъ заслужилъ почетное вниманіе *прежнимъ* сочиненіемъ, о которомъ упоминаютъ при названн *новнаго*. Не ужели слова: «*Авторъ Пестолмагій Двора*,» значать *рекомендацію* въ чьихъ вѣбудъ гла-

захъ? Не уже-ли это созданіе могло отъ кого нибудь заслужить похвалу? Правда, есть читатели на Поль-де-Кокковы романы — по чему было не пайтись имъ на *Постольный Дворъ*? Почему не пайтись и на *Тайну*!

По крайней мѣрѣ, съ самымъ твердымъ рѣшеніемъ прочитавъ книгу г-на Степанова (романомъ назеать мы се совѣстимся) взмандъ мы за нее, но со *второго тома*, она выпала у насъ изъ рукъ...

Не постигаемъ, какое воображеніе подобно было имѣть, чтобы собрать воедино столько несообразностей, неестественностей, столько безвкусицъ, и столько нутаницы всякаго рода! Не ужели это *люди*, эти герои *Тайны*? Не уже-ли это *романы*, эта *Тайна*, съ подробностями въ родѣ Луве-де-Кувре, Пиго-Лебрѣна и Поль-де-Кока? Не ужели эта вакханалія словъ и мыслей не заставить человѣка, которому сколько нибудь дорого его время, бросить *Тайну* съ перваго тома, и не губить нѣсколькихъ часовъ жизни на прочтеніе 867 страницъ сѣрой бумаги? Кто прочитаетъ *Тайну* до конца — съ тѣмъ мы отказываемся спорить, и совѣтуемъ ему послѣ этого повторить *Фоблази* и *Валентина беззаботную голову*, если онъ давно не читалъ ихъ...

Поговоривши о *Тайнѣ*, мы находимъ въ себѣ смѣлость спуститься до самыхъ нижнихъ слоевъ Русской литературы, туда, гдѣ лежать чудесные мегалиты и ихтиозуры безсмыслицы — вотъ вамъ два изъ нихъ на лицо:

27. Саксонецъ. *Повѣсть изъ походныхъ записокъ 1812 года. Переводъ съ Французскаго. П. Р... а.* Москва, въ тип. В. Кирилова, 1838 г. въ 12, 167 стр.

Мы готовы битися объ закладъ, что «Саксонецъ» *са народное* чудовище нашей словесности, а не *переводъ съ Французскаго*, какъ говорится въ заглавіи. Видна птичка по полету! И во Франціи есть Александры Афонимовичи Орловы, но они даютъ другой складъ своимъ пѣснямъ. Отъ «Саксонца» пахнетъ литературою нашего толкачаго рынка, какъ отъ Русскаго питуха пахнетъ сивухою и укомъ.

28. Оладдей Дятелъ, *ата нашъ разбѣжниковъ Повѣсть.* Москва, въ тип. В. Кирилова, 1838 г. въ 12, 60 стр.

«Грозная буря шумела надъ вершинами темнаго бора Момія, огненнымъ полосами перерывала черныя тучи, и громъ страшно раскатывался по мрачному своду. Въ глубинахъ бора, на широкой полянѣ, разложены были костры, отъ которыхъ столбами поднимался черный дымъ. Вокругъ костровъ сидѣли товарищи булатнаго ножа. На лицахъ злодѣевъ былъ отпечатокъ страшнаго ихъ промысла. Въ сторонѣ навалены были кины товаровъ, бочанки съ виномъ, конская сбруя и оружіе. Страшное общество вело бесѣду объ ужасной добычѣ.—«Эй, Гришка Филинъ!» сказалъ одинъ изъ шайки, дубясь голосомъ.—«Что приважишь атамана? — почитительно отъчалъ разбойникъ. — «Подать сюда боченокъ съ романею, тотъ, который привезли съ послѣдней добычи» — Филинъ, рыжий мужикъ, съ вѣлокоченной воловой, и съ дьявольскиими, зелеными глазами, опростью бросился исполнить приказъ атамана, но отъ излишней поспѣшности задѣвъ ногою за горящую головню, которая отлетѣла прямо въ лицо атаману. Гдѣвъ асыжуль въ сердца начальника. Кровожадный разбойникъ выхватилъ пистолетъ, и Гришка Филинъ мертвый покотился на землю.—«Вотъ тебѣ ораха!» вскричалъ съ хохотомъ небольшого роста разбойникъ, въ изорванномъ балахонѣ. Вся шайка подхватила его хохотъ, и боръ огласился истовою рдестыю злодѣевъ. «Айхо, Оадей Дятель!» вскричали разбойники «Вина, вина!» заревѣлъ атаманъ. . .

Не въ романъ-бы такихъ мерзавцевъ, а въ Земскій Судъ, хорошенько посячь ихъ, и отправить въ дальнюю дорогу на готовыхъ прогонахъ... Право, надобно вымыть руки, придержавши нѣсколько минутъ въ рукахъ ипигу, подобную Оадей Дятелю....

29. Современникъ (издаваемый П. А. Плетневымъ). *Тамъ десятый*. СПб. въ тип. А. Воейкова и К., 1838 г. въ 8, 76, 88, 190 стр.

Признаемся, что слиникомъ утрюмо отозвались мы о первой книжкѣ этого прекраснаго, съ большою разборчивостію и изящнымъ вкусомъ поддерживаемаго изданія, драгоценнаго намъ памятью основателя его, А. С. Пушкина. Что дѣлать! Никакъ не можемъ мы освободить себя отъ той мысли, что *въ хорошему должно быть въискательныя*; что общество первыхъ и избранныхъ поэтовъ и прозаиковъ нашихъ современныхъ, книжки сборника, гдѣ встрѣчаются имена, стояща на первомъ планѣ нашей словесности, не только не должны бояться суда критики самой въискательной, но даже его-то именно должны требовать.... Теперь отказываемся мы отъ этой мысли. Девизомъ нашимъ, да будутъ слова Карамзина: «болше

хвалить достойное похвалы, нежели осуждать достойное осужденіи.....»

Скажите — съ чего начать? Въ *Современникѣ* есть стихи, есть проза. Сперва о стихотвореніяхъ (ихъ всего 12 пьесъ.)

Пушкина помѣщены двѣ пьесы. *Сцена изъ Бориса Годунова*. Она писана 6-ти и 4-хъ стопными ямбами, съ римами, и не была введена поэтомъ въ трагедію. Содержаніе ея не важно: Марина одваается; служанка говоритъ съ пей одвая ея, о Самозвощѣ. Стихи прекрасны, и намъ сдается не была-ли даже это проба — написать всю трагедію ямбомъ съ римами? Ужь и вкусъ Пушкина избрали другой размѣръ, и какъ вѣрно избрали его! *Борисъ* ямбическо-римованный могъ оставить опять надолго нашу драматическій стихъ, теперь свободный и развязный. Кстати объ отрывкахъ изъ Годунова — ихъ, можетъ быть, еще нѣсколько найдется, неизвѣстныхъ. Мы слышали отъ самого Пушкина сцену народную, изображающую то время, когда Бориса уговариваютъ принять царство. Сцена эта была превосходная. Неужели поэтъ истребилъ ее потомъ? — Другая небольшая пьеса Пушкина, *Къ жениху поэту* — прелестна. Какъ милъ этотъ *Пушкинскій* оборотъ въ концѣ:

Соперницы завѣтой розы
Важень безсмертный идеаль!
Стократъ блаженъ, кто ей ввущалъ
Единый стихъ и — много прозы....

На все, что теперь является съ именемъ Пушкина, смотрите, какъ на драгоценности, которыя остались вамъ въ наслѣдство, — дивитесь тому, что находится, и съ грустью думаете: «что если-бы наслѣдство это *пошло* намъ достаться!».....

И послѣ Пушкина прочтете стихотвореніе: *Новый адъ* (означенное именемъ: *Г—ня Е. Р—на*), съ удовольствіемъ. Какъ милы вотъ эти два окончательные куплета, которыми сочинительница прощается съ старымъ годомъ, и доспрашивается у новаго года:

Скажи, что ты несешь: блаженство, или несчастье?
Къ надеждѣ-ль, къ трепету-ль должна я мысль склонять?
Мнѣ ждуть-ли ливихъ дней, или бури и ненастья?
Какъ недруга тебя, какъ друга-ли встречать?

Напрасно съ сердцемъ я хочу о томъ спроситься:

Оно въ невѣднѣхъ робзеть и молчить.

Чему не миновать, тому со мною и сбѣться!

Печаль утѣшится... а радость улетитъ.

Кромѣ того, помѣщены въ Современникѣ стихотворенія г-да Прокоповича, Гребенки, Родзянки, Глинки (Ф. Н.), А. О., Ф. Т — ва.

Въ прозѣ любобытентъ, жаль только, что слишкомъ уже мимолетный *Взглядъ на нынѣшнюю литературу Германіи*, Э. И. Губера. Кромѣ того есть тутъ: повѣсть, въ Гомаиновскомъ родѣ, Барона Ф. Корфа; отрывки изъ книгъ И. П. Шульгина и г-жи Ишимовой; статья о Жанъ-Поль Рихтеръ (кажется, уже бывшая нѣкогда въ одномъ изъ Московскихъ журналовъ), переведенная съ Англійскаго; краткое историческое извѣстіе о перемѣщеніи Университета въ Петербургъ, и нѣсколько небольшихъ извѣстій о новыхъ книгахъ. — Статья: «*А. С. Пушкинъ*», представляетъ намъ краткую біографію незабвеннаго нашего поэта. Она написана съ чувствомъ и съ памятію сердца. Намъ остановили только въ ней три, четыре мѣста, гдѣ, кажется, подробности не совсѣмъ вѣрны. Вотъ они:

Стр. 23. Въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ, безъ подписи сочинителя имѣи, печатаемы были всѣ сочиненія Пушкина, нитъ печатаны на 12, 13 и 14 году отъ рожденія. Къ сожалѣнію, онъ нигдѣ не упоминаеть объ нихъ, не внесъ, какъ образчикъ денетанія дѣтской мумы, въ собраніе своихъ стихотвореній, и они *сдѣлали не повѣли для потомства...*

Къ этимъ словамъ примѣчаніе въ низу страницы: «Издатель Современника не териетъ надежды *доискаться до нихъ*, и сообщить ихъ своимъ читателямъ въ этомъ журналѣ.»

Намъ кажется вовсе не тайною, и дѣломъ весьма и всѣмъ извѣстнымъ, что первые опыты Пушкина были помѣщены въ *Вѣстникъ Европы* и въ *Европейскомъ Мужикѣ*, когда сій журналы издавалъ другъ дяди поэта, В. В. Измайловъ.

Стр. 30. Овъ даже нашель время выучиться *тогда* Италіянскому языку...

Если не ошибаемся, Италіянскій языкъ, вакъ и Французскій, былъ извѣстенъ Пушкину съ дѣтства.

Стр. 30. По выхождъ изъ Лицея, онъ зналъ только Латинскій, Французскій, Англійскій и Нѣмецкій.»

Латинскаго Пушкинъ почти вовсе не зналъ; Французскимъ обладалъ онъ, какъ природнымъ; Англійскому выучился *гораздо послѣ*, а Нѣмецкій едва-ли былъ ему извѣстенъ когда нибудь.

Стр. 35. Пока авторъ не зналъ его (Онегина) вполне, отдѣльныя главы составляли *выгодный примыселъ* диссужихъ и смѣльныхъ переписчиковъ, продававшихъ тетрадки ихъ въ столицахъ, и *внутри Россіи по примѣркамъ*.

О *промыслѣ* такого рода, особливо по *ярмаркамъ* нѣ, мы никогда и ничего не слычивали. Рукописными ходили по рукамъ стихи Пушкина, но только ихъ списывали охотники совсѣмъ не для продажи, и не торговали ими.

Стр. 41. Пушкинъ въ 1826 году высказалъ *однимъ стихомъ*, что думаетъ онъ объ *нестестественныхъ* характерахъ *героевъ и героинь Байрона*.

Приводятся извѣстные стихи Пушкина Баратынскому:

Твоя Чужоночка, ей, ей!
Гречанокъ Байрона мнѣй...

Намъ кажется, что это была пріятельская шутка, которую вовсе не думалъ Пушкинъ высказывать своего мнѣнія о великихъ создателяхъ Байрона.

Да, извинить насъ почтенный издатель Современника за эти мелочныя привязки. Намъ такъ дорога память Пушкина, что желательна, чтобы до потомства дошли отъ насъ, *современниковъ* его, извѣстія объ немъ вполне вѣрныя...

Хроника Русскаго въ Парижѣ на сей разъ составляетъ въ Современникѣ чрезвычайно любопытную журнальную статью. Разказы о пребываніи Брума въ Парижѣ, о лекціи Жирардена, о проповѣдяхъ квакерина Фрей, о трагедіи Грифо, и проч. и проч., переносятъ насъ въ устроумный, вѣтренный, шаловливый Парижъ своею животрепещущею новостью. Та-

кихъ статей давайте намъ побольше—опъ оживляютъ листочки Современника и обрацываютъ его названіе.

50. *Донъ Кихотъ Ламанчскій* (названный А. А. Пшощаромъ. Переводъ г-на Масальскаго). *Тетради 1 и 2, въ бол. 8, XII и 102 стр.*

Участь *Донъ-Кихота* до сихъ поръ была на Руси самая жалкая, и онъ странствовалъ по стени Русской литературы, точно какъ настоящий *рыцарь печальнаго образа*. Переименованный въ *Донъ-Кншоты*, похвалъ снъ изъ Французскаго перевода въ Русскій, на тяжелыхъ фразахъ пѣкоста г-на Осипова, подъ именемъ *мслыканнаго тудодля*, и тѣшилъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ, какъ тѣшилъ ихъ Бова Королевичъ и Ерусалъ Лазаревичъ. Горько было бѣдному любовнику прекрасной Дульциней, что вовсе не понимая его, считали его за пошлаго дурака, да дѣлать ему было пѣкоста! Между тѣмъ прошло много лѣтъ; явился во Франціи щеголеватый Флоріанъ, пригладилъ, напомадилъ, завилъ *Донъ Кихота* по модѣ, вычистилъ и пустилъ его въ новый переводъ. Былъ у насъ тогда молодой литераторъ, который потомъ сдѣлался нашимъ славнымъ писателемъ. Но кто не шалилъ съ молоду? И этотъ литераторъ пошалилъ — передѣлъ Русскаго *Дона Кншота* по Флоріановскому манеру, и опять похвалъ по святой Руси *рыцарь Ламанчскій*, и задилъ онъ *тридцать три года*, и случилась съ нимъ въ это время большіи перемены. Узнали Нѣмцы и Французы, что все то, что до тѣхъ поръ выдавали имъ за славнаго *рыцаря Донъ-Кихота Сервантеса*, была передѣлка, подѣлка, до того, что и самое имя героя было иеренячено. И вотъ, въ наше время воздали они безсмертному герою большую и великую честь — перевели его снова, вѣрно и тщателью. Чудный карандашъ Тоин Жоанно изобразилъ его въ прелестныхъ политипжахъ; чудное перо Жапена написало объ немъ прелестную статейку, и *Донъ-Кихотъ* явился въ истинномъ видѣ, историческій, фантастическій, романтическій, элегическій, поэтический, философическій, неподражаемый герой безсмертнаго гениа сатиры и южнаго юмора! Французы, Нѣмцы, Англичане встрѣтили его съ восторгомъ — имъ казалось, что они въ первый еще разъ

видять и читають настоящаго Донъ-Кихота. Намъ, Русскимъ, оставалось только завидовать имъ, но избавляя насъ отъ зависти, этого смертнаго грѣха, г-нъ Масальскій рѣшился передать намъ вновь исторію подвиговъ Донъ Кихота, а г-нъ Плюшаръ, не боясь издержекъ, переставляетъ теперь въ новое Русское изданіе всѣ великолѣпныя декорации, которыми украсилъ Жоаино сцену, гдѣ горделиво развѣзжаетъ на своемъ Рыжакѣ, сопровождаемый вѣрнымъ оруженосцемъ своимъ Санхо-Пансою, пылая страстью къ прелестной Дульцинеѣ, сражаясь съ мельницами, рыцарь Ламанчскій. Если вы не видали еще Донъ Кихота въ новомъ его парадѣ --- посмотрите; если вы еще не купили поваго перевода его чудной, неслыханной исторіи --- купите ее поскорѣе, и полюбуйтесь. Въ самомъ дѣлѣ --- что за прелесть такая! Какое неистощимое воображеніе карандаша! Какое изящество типографическаго искусства! --- Благодаря старшіимъ г-на Плюшара, нашъ Русскій Донъ Кихотъ не только не уступаетъ Французскому, но едва ли не превосходитъ его *великолѣпнѣе* изданія. Буквы, бумага, чистота оттиска --- превосходны. Многіе полтипажи не уступаютъ лучшимъ стальнымъ гравюрамъ. Это обширная галерея каррикатуръ, изобрѣтенныхъ съ остроуміемъ гениальнымъ, парисованныхъ съ искусствомъ изумительнымъ, отпечатанныхъ такъ, что не вѣрится, будто онѣ оттиснуты съ деревянныхъ досокъ.

Желая полнаго успѣха прекрасному предпріятію г-на Плюшара, мы надеемся, что наши просвѣщенные, образованные читатели подкрѣпятъ его своимъ особеннымъ вниманіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя изданія служатъ къ распространенію вкуса къ искусствамъ, и у всѣхъ Европейцевъ нѣтъ теперь *салона*, нѣтъ *будуара*, гдѣ подобныя изданія не составляли-бы лучшей и самой необходимой мебели, точно такъ, какъ бронза, часы, альбомы, коверъ, диванъ, цѣвты, и другіе *комфорты*.... Какъ, мил. гос., неужели въ вашемъ Тамбовскомъ салонѣ нѣтъ еще Плюшаровскаго Донъ-Кихота? И въ вашемъ будуарѣ, *madame*, который славится по всему Саратову, также нѣтъ его? И вамъ, *mademoiselle*, папелъка не привезъ его, когда ѣздилъ изъ Чернигова торговаться на откупъ? Помилуйте, сударь! Извините сударыня! да, только это ни на что не похоже! Пнишите скорѣе въ Москву, въ Петербургъ --- купите, выпишите скорѣе Допъ-

Т. IV. — Отд. IV.

Кихота, читайте его, любуйтесь имъ! И знаете-ли, что онь стоитъ? За книгу въ 200 слишкомъ листовъ, или 1600 страницъ, превосходно изданную, съ *восемью стали* рисунковъ, вы заплатите 40 *рублей*! Едва-ли какая нибудь книга продавалась у насъ дешевле, если сообразить издержки на напечатаніе.....

31. Полковникъ *старыхъ временъ. Комедіа-водевилъ въ одномъ дѣйствіи. Соч. гг. Мелесвиля, Габриеля и Анжела.* СПбургъ, въ тип. Копрада Вингебера, 1838 г., въ 8 долю, 82 стр.

Одинъ изъ милыхъ и повенкихъ Французскихъ водевилей! Завязка, положеніи, развязка презабавныя, и не диво, что съ прелестною игрою г-жи Асенковой, *полковникъ* получилъ *генеральскій* успѣхъ на Петербургской сценѣ. Вотъ въ чемъ все дѣло: когда во Франціи можно еще было покупать чины, Герцогъ де-Креки, вмѣсто игрушки, купилъ мальчику сыну своему славный полкъ. А какъ тогда рано начинали воспитаніе герцоговъ, то онь отправилъ его въ полкъ, сказавши на прощаньи: «Ступай — дѣлай долги, волочись за женщинами, дерись, и ты будешь славный полковникъ!» Вмѣстѣ съ тѣмъ однакожь, съ молодымъ полковникомъ поѣхалъ и учитель его, чтобы продолжать уроки Латинскіе и Греческіе. И вотъ 15-ти лѣтній полковникъ на свободѣ, полный командиръ храбраго полка, садитъ подъ арестъ учителя, заставляетъ его выкидывать артикулъ ружьемъ, влюбляется въ дочь маіора, ссорится съ ея женихомъ, и въ два часа перевортываетъ вверхъ дномъ, и маневры, и дисциплину, и весь полкъ. Офицеры подъ арестомъ, солдаты не слушаются, но полковникъ благородный мальчикъ, хотъ и порядочный шалуицъ. Гордымъ желаніемъ славы онь мирится съ офицерами, смѣlostью съ солдатами; любовниковъ жепятъ — купшеты, и — *браво!* зрителей составляютъ конецъ водевильной шалости.

Но не всегда водевилъ беретъ этимъ. Вотъ, наприимѣръ —

32. Архивариусъ. *Водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. П. С. Острова.* Сиб., въ тип. А. Воейкова и К., 1838 г., въ 16 д., 106 стр.

Этотъ водевиль также имѣлъ успѣхъ, но онъ не годится и въ капралы, по содержанию и завязкѣ.

Архивариусъ Пауковъ не хочетъ выдать дочери за молодого чиновника, а выдаетъ ее за негодяя, своего архивнаго помощника. Дѣвушка въ отчаяніи пишетъ къ директору. Тотъ назначаетъ мѣсто помощника ея любовнику. Негодяя провожаютъ вонъ — онъ нейдетъ — ему бросаютъ 25 рублей, и толкаютъ его вонъ. И все это украшено такими подробностями, что раекъ помираетъ со смѣху, и какъ не смѣяться ему, когда любовникъ даетъ *гривенники* кухаркѣ и проситъ трубочки *затянуться*, а архивариусъ посылаетъ купить въ три гривенника бутылку мадеры, и проч. и проч. и --- водевиль съ успѣхомъ! Кого понцетъ слава — что дѣлать!

33. Три водевиля: I. *Хороша и дурна, и глупа и умна. Д. Ленскаго.* II. *Крестный отецъ, служащій продолженіемъ водевиля Хороша и дурна, и глупа и умна. II. С. Федорова.* III. *Стрѣлкій подъ столомъ. Д. Ленскаго. Второе изданіе.* СПб. въ тип. Н. Греча, 1838 г. въ 32, 392 стр.

Тутъ умолкаетъ всякій голосъ критики: *успѣхъ* и *второе изданіе*, въ крошечный форматъ, какимъ печатаются теперь творенія Пушкина, Богдановича, Дмитріева, и проч., вотъ самыя вѣрныя ручательства, что всѣ эти три водевиля и *хороши и умны*.

34. Слѣпой, или дѣвъ сестры. Комедія водевиля въ 3-хъ отдѣленіяхъ. Соч. Ансело. Перев. съ Франц. II. М. Степановымъ. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1838 г. въ 8, 104 стр.

Отъ Ансело толку ждуть нечего. И потому толку и въ *слѣпыхъ* его весьма не много. Тутъ спинаютъ бѣлья, женятся, разжениваются, ходятъ въ походъ, опять слѣпнутъ, опять женятся, пьютъ, падаютъ въ закромъ съ мукой, и наконецъ поютъ такія вещи, которыхъ мы не посоветуемъ пѣть дѣвушкамъ, когда ее попросятъ спѣть какой нибудь романсъ.

35. Маскерадъ въ лѣтнемъ клубѣ, или ни то, ни се, для развазда киреть, не водевиль и не балетъ, съ куплетами и танцами. Съ Французскаго Д. Ленски. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1838 г. въ 8, 56 стр.

Дѣйствіе въ трактирѣ. Дѣйствующія лица: двѣ цѣточницы, писарь нотаріуса и подмастерье брильянтчика. Писарь учитъ подмастерья волочитья, и даетъ ему пощечину; битый подмастерье женится, дѣлается счастливъ, и въ заключеніе всѣ пляшутъ. Видите, что это такъ, *ни то, ни се, для развѣзда каретъ*, когда изъ ложъ и кресель уже уходятъ, а въ райкѣ еще досиживаютъ на послѣднюю гривну — *шестое дѣйствіе*. Тамъ вѣдь всегда считаютъ такъ: трагедіи, на примѣръ — *пять дѣйствій*, а за тѣмъ слѣдуетъ водевиль — это *шестое дѣйствіе*.

36. ВОСКРЕСЕНЬЕ въ *Марьиной роцѣ*. *Интермедія въ 1-мъ дѣйствіи, съ принадлежащими къ ней хоралми и танцалми*. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1838 г. въ 8, 32 стр.

Это также *для развѣзда каретъ*, только *Русское издѣлье* Московской фабрики. Фуфоркинъ, прикащикъ изъ моднаго магазина, гуляетъ въ Марьиной роцѣ, ѣстъ пирожки, волочитя, дерется, бранится; его бьютъ, подбиваютъ ему глаза, рвутъ на немъ сюртукъ, и призываютъ квартальнаго занку. Фуфоркинъ прячется въ балаганъ къ Нѣмцу, за женой котораго онъ волочился, и балаганъ, и Нѣмецъ, и Фуфоркинъ, и квартальный дерутся, падаютъ, а потомъ всѣ мирятся, пляшутъ и идутъ ужинать.

37. КАТЕРИНА. *Комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ, съ куплеталми*. Пер. съ *Франц. П. И. Степанова*. Москва, въ тип. В. Кирилова, 1838 г., въ 12, 164 стр.

Во времена Наполеона, безродный бѣднякъ идетъ охотою въ солдаты, за поселянина, у котораго были сестра и невеста. Сестра клянется выйдти замужъ за этого бѣдяка, если онъ воротится. Походъ въ Россію, барабаны, и проч. *Дѣйствіе второе*, черезъ четыре года. Поселянинъ женатъ и богатъ. Онъ является съ какимъ-то поручикомъ, въ котораго влюбляется сестра его. Но ее связываетъ клятва, данная нѣкогда бѣдяку, пошедшему въ военную службу за ея брата, и о которомъ доходятъ слухи что онъ не убитъ. Это поручикъ, въ котораго она влюбилась. Свадьба и «браво!» зрителей? скажете вы Нѣтъ! *браво* не загремѣю. Переводчикъ разсердился за это, напечаталъ бѣдную Катерину на сѣрой бумагѣ, ужасными

буквами, и пустилъ на апелляцію читателямъ, желая узнать, если зрителямъ его Катерина пришлось не по праву, что скажутъ читатели. Что вы скажете, Мм. Гг.?

38. НЕВѢСТА ПОДЪ ЗАМКОМЪ. *Комедія водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи. Н. Соколова.* Москва, въ тип. Н. Степанова, 1838 года, въ 12, 100 стр.

Еще водевилъ ... Не надѣли-ль мы вамъ этими водевилями? Но это послѣдній, и съ нимъ толковать много нѣчего: помпите ли вы комедію Коцебу, *Разъянниге*, которая, лѣтъ 25 тому, чрезвычайно смѣшила зрителей? Г-нъ Н. Соколовъ передѣлалъ ее на Русскіе нравы, вставилъ ради смѣха башмачнаго мастера Авдея Михайловича Сафьяннаго, который ко всякому слову прибавляетъ *съ*; кромѣ того вставилъ куплеты, и въ заключеніе спектакля поетъ:

Насъ не браните, господа,
И водевилъ нашъ поддержите!

Въ самомъ дѣлѣ, за что бранить его? Да, намъ же, право, и пѣогда — мы должны еще сказать читателямъ о разныхъ новостяхъ по части городской и сельской промышленности, остава промышленность водевильную. Какъ въ нашъ индустріальный вѣкъ быть библиографіи журнальной безъ извѣщенія о чемъ-нибудь *промышленномъ*? Нельзя, нельзя! Помните-ли, что недавно говорилъ Лафитъ? Il existe dans le monde, à toutes les grandes époques, une passion dominante à laquelle il a été donné d'imprimer à l'humanité la vie, le mouvement, et de marquer un but à son activité, une direction à ses efforts. Aujourd'hui l'industrie perce les montagnes et les aplantit; l'industrie passion nouvelle, surgit à la place des passions politiques, et vient achever l'oeuvre de l'émancipation universelle. (Во всѣ великія эпохи существуетъ въ свѣтѣ господствующая страсть, которой суждено придавать человечеству жизнь движеніе, и назначать цель его дѣятельности, направленіе его усилій. Нынѣ промышленность пробиваетъ и сравниваетъ горы, промышленность, страсть повал, заступила мѣсто страстей политическихъ, и докапчиваетъ великое дѣло всеобщей *эмансипаціи* — или урав-

венія, если угодно). Какъ не повѣрить премудрому Лафигу, хоть мы ужъ и не станемъ разбирать того, каковъ долженъ быть вѣкъ нашъ, если, въ самомъ дѣлѣ, имъ управлять, роеть и пробиваетъ въ немъ горы, и указываетъ ему цѣль, и даетъ ему направленіе купеческій аршинъ, цѣлковый рубль, филатурное веретено, какъ высшія проявленія промышленности. Что дѣлать Мм. Гг.! —

Къ чему бесплодно спорить съ вѣкомъ?

Примемся и мы за промышленность - скажите, что вамъ угодно предпринять? Что вы хотите пачать? Не угодно-ли вамъ лечить ягнятъ, разводить сады, лечить собакъ, лить салныя свѣчи, или дѣлать превосходное чухонское масло? Выбирайте что нибудь, Мм. Гг., не лѣзя — мы живемъ въ вѣкъ промышленности, или *промышленности*, какъ пишуть нынѣ (и не безъ основанія: нынѣ *промышленность* точно сбивается въ *промышленность*?) Для выучки всего этого стоитъ вамъ только купить слѣдующія книжки:

39. Руководство къ заложенію и преобразованію небольшихъ садовъ, по прилагаемымъ рисункамъ. Издано въ 1836 году Карломъ Риттеромъ, директоромъ сада въ Пресбургѣ. Перевелъ съ Нѣмецкаго П. Ш. — СПб. въ Гуттенберговой тип. 1838 г. въ 12, 22 стр. и 9 рис.

Вы спросите: какъ это закладываютъ сады? Этому научитесь вы, Мм. Гг. изъ книжечки г-на Карла Риттера, переведенной П. Ш., которая научитъ васъ, сверхъ того, какъ разводить сады на 20 шагахъ длины и 10 ширины, представить вамъ и рисунки такихъ обширныхъ и прекрасныхъ садовъ. Правду сказать — посмотрѣвши на рисунки, не всякаго возьметъ охота приниматься за садоводство по этимъ рисункамъ. Не лучше-ли лечить ягнятъ и собакъ? Вотъ вамъ руководства:

36. Охотникъ медикъ, или полное описаніе болезней собакъ. Переводъ съ Французскаго, съ сочиненія Клатеръ, съ 25-го изданія. Перевелъ Осипъ Турне. Москва, въ тип. Вас. Кириллова, 1838 г. въ 18, 173 и III стр.

40. О двухъ важнѣйшихъ болѣзняхъ лянтя. *Разсужденіе Барона Монтетона, удостоенное преміи за рѣшеніе предложенныхъ Королевскими Потсдамскими эконолическими Обществами вопросовъ: 1-е какимъ образомъ, навѣрнѣе, можно предотвращать, такую называемую, хромоту лянтя, и болѣзнь при которой легкія дѣлаются бѣлыми, какъ равно и зараженіе волособразныхъ елистовъ во внутренностяхъ овецъ?* и 2-е, какимъ образомъ налегче и скорѣе можно остановить объ эти болѣзни, если онѣ уже обнаружились? И найдено-ли вѣрное средство для излеченія этихъ болѣзней? *Съ Нѣмецкаго.* Москва, въ тип. Лазаревыхъ инст., 1838 г. въ 12, XIX и 96 стр.

Не уже-вы не повѣрите достоинству книги, которая на Французскомъ языкѣ была издана *двадцать пять разъ*, и переведена «съ Французскаго, съ сочиненія, съ 25-го изданія?» А другая книга, когда она удостоена преміи отъ Потсдамскаго эконолическаго Общества --- еще ли этого мало? Вы спросите: точно-ли эта книга была удостоена преміи? А какъ же? Вѣдь это на заглавномъ листкѣ сказано и *напечатано!* А вотъ за слѣдующую книжку, мы уже вамъ поручимся, что она точно хороша. ---

41. Руководство *подробное и основательное къ дѣланію свѣей, по способамъ извѣстныхъ хиликовъ и фабрикацтовъ.* Москва, въ тип. Лазаревыхъ инст. 1838 г. въ 12, 95 стр.

Видите: года четыре тому, въ СПб., была выдана извѣстнымъ книжкомъ Мабу книжка: *Руководство къ дѣланію различныхъ салныхъ свѣей* (СПб. 1834 г. въ тип. Хр. Гинце, въ 8, 121 и 24 стр.). Нѣкто неизвѣстный выбралъ изъ нея кое-что, иныя страницы слово въ слово, и напечаталъ теперь въ Москвѣ, подъ выписаннымъ нами заглавіемъ. Прежде называлось это... Нынѣ называется это *промышленностью* -- вѣдь нынѣ вѣкъ индустріальный, Мм. Гг. !...

42. Секретъ *дѣланія превосходнаго сливогнаго масла, на манеръ приготовляемаго на фермѣ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища. Обнародованный Б-имъ В-имъ.* СПб. въ тип. Н. Греча, 1838 г. въ 16, 24 стр.

И чухонское масло выдѣлывать было прежде *секретолиз*, какъ вы видите! За то, открытіе этого секрета можетъ васъ рѣшительно увѣрить въ справедливости изреченія: «Нѣсть тайны, иже въ наше время не откроется!» Посмотрите, что скоро откроютъ тайну писать стихи какой нибудь машинкой....

=

У.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ПОХОДЫ ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ АФРИКЪ, И НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ВАРВАРІЙСКИХЪ ОБЛАСТЕЙ.

*(Статья вторая *)*

Въ Мартѣ 1836 года, Оранская наша дивизія совершила въ обширныхъ долинахъ восточныхъ, и въ ущельяхъ Малаго Атласа, блистательный походъ, который открылъ для насъ самыя обильныя и самыя богатыя стороны этой обширной области. Послѣдуемъ за сею экспедиціею, и проникнемъ вмѣстѣ съ нею во внутренность Варварійскихъ земель. Здѣсь будетъ намъ случай на многія любопытныя замѣтки, какъ объ Арабахъ, друзьяхъ и врагахъ нашихъ, такъ и о прекрасной странѣ, гдѣ они обитаютъ.

Начнемъ сердечною благодарностію памяти двухъ начальниковъ, бывшихъ въ нашей экспедиціи — генерала Перрего и полковника Комба; оба они были такъ юны, оба такъ любимы солдатами, оба исполнены великихъ дарованій, и — оба погибли подъ Константиною. Это завоеваніе, похигивъ у

* Статья 1, см. С. О. Апрель, отд. V, стр. 159 — 170.
T. IV. — Отд. V.

насъ двухъ вождей незабвенныхъ въ одно время, оставило надолго Французскимъ солдатамъ тяжкое и грустное воспоминаніе. Великія почести возданы потомъ славнымъ останкамъ главнаго начальника, навшаго подъ Константиною, генерала Дамремона; прахъ Перрего, покоящійся въ Калиари, долженъ быть положенъ подлѣ Дамремонова, въ склепѣ Иввалиднаго Дома. Что касается до несчастья, такъ рано погибшаго Комба — рвы Константины, да будутъ безвѣстною его могилкою, и да почиетъ память его въ этомъ углу Африканскихъ земель, гдѣ шелъ онъ на битвы, такъ гордо, такъ мужественно предводя къ побѣдѣ....

По выступленіи изъ Орана, небольшое войско наше перешло сначала черезъ долину Смоковницы. Обширная долина эта будетъ около 12-ти лье въ поперечникѣ, и на всемъ ея протяженіи находится только одно дерево — чудесная, огромная смоковница, занимающая, такъ сказать, съ математическою точностью, самую срединную точку долины. Арабы благоговѣютъ предъ этимъ старымъ, вѣковѣчнымъ деревомъ. Караваны, враги, друзья, всѣ, кто только покоился подъ тѣнью его, всѣ уважаютъ этого великана изъ царства растений; кровь, проливаемая при его корняхъ, только плодотворитъ землю окрестъ его, и даетъ новую жизнь его всегда зеленѣющимъ листьямъ.

Долина Смоковницы ограничена на югъ отраслью Малаго Атласа, горами *Бени-Амеръ*, гдѣ живетъ богатое племя, выводящее въ поле до 3000 всадниковъ; на сѣверъ она разстилается до самаго моря; на западъ идетъ до Оранскихъ предмѣстій, а къ востоку ограничиваетъ ее лѣсъ *Мулей-Измаила* и небольшой ручей *Тлелатъ*. Лѣсъ Мулей-Измаила, славный въ нашихъ Африканскихъ военныхъ лѣтопи-

сяхъ убійственнымъ сраженіемъ, въ которомъ погибъ полковникъ Удино, назвали-бы во Франціи густою рощею; онъ состоитъ изъ фисташковыхъ деревьевъ, съ немногими и рѣдкими дикими соснами. Здѣсь не найдете большихъ деревьевъ; только въ окрестностяхъ Тремесена видно множество величественныхъ, огромныхъ маслинъ. Фисташки составляютъ почти все здѣшніе лѣса; это небольшое деревцо покрыто густыми листьями на короткихъ и тонкихъ вѣткахъ, и мало пригодно для разведенія бивачныхъ огней.

Арабы совсѣмъ не заботятся объ умноженіи лѣсовъ; они почитаютъ и берегутъ тѣ, которые осяняютъ ихъ оазисы, но не стараются, ни размножать ихъ, ни придавать имъ щегольскихъ формъ—предмета заботы нашихъ землевладѣльцовъ. Во всемъ и при всемъ, Арабъ полагается на природу, любитъ прохладу тѣни, случайно имъ встрѣченной, но безопасно и весело спать онъ и на палящемъ солнцѣ, если не гдѣ укрыться.

Часто Арабы выжигаютъ часть своихъ лѣсовъ, для обработки потомъ очищенной земли; населеніе не соответствуетъ здѣсь пространству, и жители могутъ захватывать сколько угодно земель для земледѣльческихъ произведеній и скотоводства. Лѣса имъ почти бесполезны. Они живутъ подъ шатрами и не строятъ домовъ; не знаютъ даже и началъ мореплаванія; зима здѣшняя замѣтна только дождливою погодою. Вотъ отъ чего пренебрегаютъ они лѣсами. Надобно-ли имъ поохотиться? Они зажигаютъ свои фисташковыя роуцы; испуганные звѣри бѣгутъ оттуда, и находятъ смерть въ опушкѣ охотниковъ, окружающихъ зажженную роуцу.

Нашъ корпусъ раздѣленъ былъ на двѣ части. Генералъ Перрего отправился изъ Орана съ 3000-ми, и къ нимъ должны были присоединиться въ доли-

нѣ Габрахской еще 1100 человекъ, которыхъ велъ изъ Мостаганема полковникъ Комбъ.

Съ генераломъ находились *Мустафа-Бенъ-Измаиль* и племянникъ его *Эль-Мезари*, начальствовавшіе Дуерами и Смелами, союзными племенами изъ Млетской долины, находящейся въ 4-хъ миляхъ отъ Орана. За полковникомъ слѣдовалъ бей *Ибрагимъ*, имѣя подъ начальствомъ пѣшихъ Турковъ, и нѣсколько Дуеровъ, или племень *Боргияхъ*, обитающихъ по дорогѣ Маскарской. Пройдя по морскому берегу, генералъ расположилъ свой первый бивакъ на *Львиной Горѣ*, въ пяти лье отъ Орана.

Гора эта, съ ея довольно высокою вершиною, замѣчательна по своему странному виду, особливо, если смотрѣть на нее издали. Она, то походить видомъ своимъ на верблюда, то является въ видѣ пирамиды, смотря по положенію зрителя; иногда видите освѣщенную солнцемъ густую зелень ея кустарниковъ, а иногда опаленныя зноемъ ребра ея являются вамъ только широкую полосу голыхъ, изломанныхъ утесовъ. Имя горы произошло отъ величайшаго множества львовъ, которымъ до войны служила она всегдашнимъ пристанищемъ. Теперь они здѣсь являются за рѣдкость, и Арабы говорятъ, что ихъ даже вовсе нѣтъ.

Къ сѣверной покатости горы есть небольшая долина, гдѣ протекаетъ потокъ чистой, прекрасной воды. Это любимое становище Арабовъ, на которомъ, проѣзжая мимо, никогда не забудутъ они остановиться и отдохнуть.

На другой день, войско наше пришло къ устью *Мактаха*, небольшой рѣки, выходящей изъ болота, образуемаго сліяніемъ *Габраха* и *Сига*; названіе «Мактахъ» значитъ по-Арабски *болото*. Мы повернули на право, и вступили въ обширную долину Си-

га и Габраха, гдѣ соединился съ нами полковникъ Комбъ. Отсюда отправились мы на Габрахъ, къ подошвѣ Малаго Атласа.

Встрѣча двухъ небольшихъ нашихъ отрядовъ, среди безконечной, безграничной долины, не была лишена ни поэзіи, ни картинности, особливо, если припомнить мѣста, гдѣ мы были, и составъ нашего небольшого войска.

Тогда былъ Мартъ мѣсяць, а подь небомъ Африки весна пачинается весьма рано. Долину застилали обширныя полосы хлѣба и ячменю, пересѣченныя другими полосами, покрытыми множествомъ дикихъ цвѣтовъ; самыя названія большей части ихъ, были намъ неизвѣстны. Многочисленные потоки, орошающіе долину во всѣхъ направленіяхъ, закрыты по берегамъ лавровымъ шиповникомъ; онъ былъ тогда въ полномъ цвѣту, и въ немъ укрывались стада горлицъ и Варварійскихъ голубей. Ни одинъ холмъ, ни одна неровность не являлись взорамъ нашимъ на этой безмѣрной скатерти зелени и цвѣтовъ, по которой высились только длинныя и гибкія лозы Испанскихъ генетовъ (дрока). Среди такой веселой природы, медленно двигались мы съ нашими пушками, мулами, лошадьми, и всѣми приборами военнаго похода. Подлѣ насъ шли Арабы, въ своихъ бѣлыхъ и черныхъ бурнахъ, между тѣмъ, какъ по сторонамъ, отчаянные искатели приключеній, *Спалы*, въ красныхъ бурнахъ, пускали во весь галопъ своихъ легкихъ коней, попирая копытами ихъ хлѣбъ и цвѣты, и по вѣтру пустыни развѣвая своими *санджакалы*, или небольшими знаменами.

Наша экспедиція слѣдовала послѣ той, которую совершилъ маршалъ Клозель къ Тремесену. Мустафа-бень-Измаиль, освобожденный нами отъ осады, ко-

торую три года выдерживалъ онъ въ этомъ городѣ отъ Абдъ-эль-Кадера, въ первый разъ находился тогда въ нашихъ рядахъ, и долженъ былъ воздать бею Ибрагиму почести, надлежащія ему по званію бей.

Скажемъ сперва нѣсколько словъ объ этомъ Ибрагимѣ. Журналы кричали объ немъ, въ Европѣ такъ много, что имени его нельзя оставить безъ объясненій.

Ибрагиму теперь будетъ около шестидесяти лѣтъ; онъ высокаго роста, всегда гордо держитъ свою красивую голову, украшенную длинною съ просѣдью бородою, и безпрестанно красуется величественными положеніями тѣла. Ибрагимъ годился-бы въ превосходные образцы для батальной живописи нашего Гро. И вотъ единственное и неоспоримое его достоинство. Разсматриваемый ближе, какъ всякій публичный, выдвинутый изъ ряду другихъ человекъ, онъ теряетъ всѣ свои достоинства. Горделивый вождь этотъ всегда былъ для Арабовъ предметомъ презрѣнія и ненависти; они ненавидятъ его, какъ Турка, смѣются надъ нимъ, какъ надъ безсильнымъ беємъ, и презираютъ его, ибо только наше заступленіе доставило ему нѣкоторую власть надъ ними. Между тѣмъ они боятся его, потому, что пули пистолетовъ Ибрагима мѣткі, и итаганы его шіауссовъ всегда хорошо отточены.

Французское правительство увидѣло въ послѣдствіи, что этотъ человекъ не годился быть его представителемъ среди Арабовъ; Мостаганемскій бейлыкъ отняли у него, и отдали племяннику Оранскаго бей.

Ибрагима всегда сопровождаетъ его зонтикъ, какъ знакъ его высокаго званія, семь знаменъ съ полумѣсяцами, и странная музыка, которую Арабы почитаютъ однакожь превосходнѣею музыкою бей Трс-

месенскаго, Абдъ-эль-Кадера, и даже бей Константиискаго. Ибрагимъ слыветъ между ними любителемъ изящныхъ искусствъ. Музыка его составляютъ семь, или восемь инструментовъ — три волынки, двѣ дудки, въ родѣ кларнетовъ, и три бубна, столь-же странные по своей формѣ, какъ и по звукамъ, какіе изъ нихъ извлекають. Каждый бубень образуетъ кошечья кожа, сильно натянута, по которой бьютъ въ мѣру деревянною колотушкою. Музыканты Ибрагимовы всегда играютъ при утренней и вечерней молитвѣ, и играя ѣдутъ верхомъ за беемъ, куда-бы онъ ни отправился. Находясь всегда за нимъ, бѣдлые виртуозы дуютъ изъ всѣхъ силъ, или бьютъ во всю руку, всѣ вмѣстѣ, правда, но скоро или тихо, однакожь все на одинъ ладъ. Волынки составляютъ родъ басовъ, дудки что-то въ родѣ теноровъ, а барабаны стучать просто, какъ понало. Если вы слышали, какъ волынки и Каталанскіе гобои играютъ живыя и увлекательныя деревенскія пѣсни въ восточныхъ Пиренеяхъ, когда подъ эти звуки пляшутъ красивыя дѣвушки Перпиньнскія, Арльскія, Прадскія и Прать-де-Мольскія, то можете имѣть нѣкоторое понятіе о Бедуинской музыкѣ. Представьте себѣ притомъ загорѣлыя и угрюмыя лица впереди волынщиковъ, и великолѣпное голубое небо, распростертое надъ головами—и вы можете представить себѣ послѣ этого бей Ибрагима-Бюснаша, ѣдущаго по обширной долинѣ Габрахской, на встрѣчу Мустафѣ и Эль-Мезари.

У Мустафы никогда нѣтъ ни зонтика, ни музыки. Этотъ человекъ угрюмый своимъ видомъ, небрежный въ своемъ нарядѣ, не отличается, ни богатымъ платьемъ ни шумомъ музыкальнымъ, но его привѣтствуетъ тихое, почтительное благоговѣніе двухъ подвластныхъ ему, воинскихъ племенъ; лучшіе

всадники и сильные воины ихъ окружаютъ Африканскаго властителя. Рядомъ съ нимъ гордо несутъ два шамаля его, зеленое и бѣлое, съ изображеніемъ руки — хоругви, которыя столько разъ видали въ опасностяхъ битвъ, и — никогда еще не видывали дрогнувшими передъ непріателемъ.

Дуеры и Смелы осматривали курки своихъ ружей и готовили своихъ коней — надлежало начаться торжественной *фантазіи*. Для показанія своей радости, для празднованія великихъ событій своей жизни, Арабы ничего другаго не знаютъ, кромѣ воинскихъ игръ. Ихъ составляютъ скачки и обороты изумительныя, въ которыхъ лошадь совершенно передается прихоти всадника. Арабъ истинно прекрасенъ, когда склоняетъ на свою удивительную лошадь, заставляетъ зрителя вѣрить сказку о центаврахъ, людяхъ, сросшихся съ лошадью. Вы видите его ловко отбрасывающаго съ плеча свой бурну — онъ прицѣливается, и стрѣляетъ, и между тѣмъ лошадь его даже не дрогнетъ, на волосъ не встрепенется, и между тѣмъ всадникъ мчится на ней во весь опоръ съ опущенною уздою, и по такой землѣ, гдѣ наша конница съ трудомъ маневрировала-бы кое-какъ шагомъ, а Европейскій скакунъ не посмѣлъ-бы пустить рысью коня своего. Знамена Ибрагима появились вдали, и четыре ста Арабовъ Мустафы пустились во весь махъ — ружья впередъ, не щадя шпоръ и крика! Арабскія шпоры не походятъ на наши серебряныя, щегольскія игрушки. Одинъ видъ Арабской шпоры заставилъ-бы васъ испугаться. Эта шпора, или *шагиръ*, кусокъ желѣза, длиною вершковъ въ восемь, оканчивающійся острымъ, которое загибается у него нашу шпорную звѣздочку. Кусокъ этотъ прикрѣпленъ къ желѣзному полукругу, который привязываютъ къ ногъ ремнемъ. Посредствомъ

такой-то машинки заставляют Арабскую лошадь бѣжать безъ усталы, или — умирать. Арабъ хочетъ, требуетъ, чтобы лошадь его жертвовала ему всѣми силами, даже самую свою жизнь, и ему нѣтъ надобности, если кровь обогрѣетъ ребры благороднаго животнаго. Пусть лошадь задыхается отъ усталости, онъ жестоко поражаетъ ее, ранитъ ее, обновляетъ ей рану — онъ повелитель своего добраго коня, и конь другъ его и рабъ его....

Рынувшись въ первый разъ, Бедуины раздѣлились по три и по четыре, держа въ строю своихъ лошадей, при равной скорости бѣга; крича во все горло, они доскакали до бѣга, выстрѣлили изъ ружей къ ногамъ его, и быстро помчались назадъ. Но, вотъ они опять повернули, заржая свои ружья, вертя ими вокругъ, подымаясь на своихъ короткихъ и широкихъ стременахъ, оживленные уже прежнимъ перелетомъ, и крича еще сильнѣе и диче прежняго. Еще выстрѣль, и они стали за беємъ, въ пыли, въ дыму, заставляя прыгать и плясать подъ собою утомленныхъ лошадей.

Въ это время любопытно, восхитительно видѣть Арабскую лошадь; кажется, что она оживлена душою своего сѣдока, и горячится какъ опъ; ротъ ея въ пѣнь, изъ глазъ ея сверкаетъ огонь, ноздри ея раздуваются; она подымаетъ пыль и каменя изъ-подъ копытъ, мчитя черезъ кусты, или мимо ихъ, съ удивительною ловкостью, и вдругъ становится въ ряды хладнокровная, спокойная, повѣся голову и опустя хвостъ и уши, пока снова двинуть ее, для начала новой *фантази*.

Торжество прервано было появленіемъ непріятельскихъ отрядовъ. *Каидъ* Калаха, города въ Маскарской области, назначенный Абдъ-эль-Кадеромъ на мѣсто Сиди-Румедина, бывшаго съ нами, вздумалъ рекогно-

сцировать наше войско, съ семью, или восемьюстами своихъ всадниковъ. Всѣ Арабы наши, за минуту думавшіе только о забавахъ, мучившіе лошадей своихъ только для показанія своего удалства, мгновенно повернули на непріятеля; начальники ихъ полетѣли впередъ, и толпы отчаянныхъ удалцовъ разсыпались по долигѣ, съ крикомъ, заставлявшимъ трепетать. Быстро примчались они къ непріятелю, ожидавшему ихъ; раздались выстрѣлы, и Бедуины Абдъ-эль-Кадеровы дрогнули и побѣжали. Невозможно изобразить ярости, какал зажгла тогда сердца нашихъ союзниковъ! Болѣе шести часовъ преслѣдовали они бѣгущихъ враговъ, проскакали болѣе девяти лье (около 40 верстъ), и ни рвы, ни потоки, ни самыя горы ихъ не останавливали; они персѣхали за Габрахъ, и оставили непріятеля только въ ущельяхъ Маскарскихъ, гдѣ легко могли попасть на засаду.

Медленно слѣдуя по дорогѣ за нашими союзниками, мы безпрестанно находили разбросанные по слѣдамъ ихъ, обезглавленные, прострѣленные пулми, нагіе трупы. Легко узнали мы между ними тѣло каида Калахскаго; пуля поразила его прямо въ грудь, и голову его отрѣзала тотъ, кого смѣнилъ онъ въ начальствѣ. При видѣ этого обезображеннаго трупа, нельзя было не пожалѣть о несчастномъ каидѣ — онъ былъ такъ молодъ, такъ красивъ, такъ смѣлъ и силенъ; бѣлизна рукъ, ногъ его и груди была особливо замѣчательна; голову отрѣзали у него тщательно и съ величайшимъ искусствомъ; видно было, что онъ защищался отчаянно; правая рука его была вся изрублена, изуродована. Вечеромъ, когда мы стали на бивакахъ, передъ шатромъ Ибрагима каждый изъ насъ могъ видѣть, сложенную для потѣхи его, грудю головъ непріятельскихъ. Въ сторонѣ отдѣльно положена была бритая голова, съ черною, тщательно

расчесанною бородою; большіе, неподвижные, но все еще прекрасные глаза, придавали, какъ будто жизнь какою-то этому блѣдному лицу, и легкое сжатіе губъ, казалось, показываетъ болѣе улыбку, нежели скорбь, презрѣніе болѣе, нежели страхъ.

День вечерѣлъ, когда мы пришли на правый берегъ Габраха. Мѣсто было здѣсь живописно. Рѣка неширокая и неглубокая, хотя и весьма крутоберегая, какъ всѣ потоки въ сѣверной Африкѣ, омываетъ подошву горъ Маскарскихъ. Прежде, на 15, или 20 лье ея теченія, огнѣнныя ея прекрасныя деревья, изъ коихъ многія были обильно плодовиты. На лѣвомъ берегу и теперъ еще остается длинный тамариндовый перелѣсокъ, уважаемый Арабами потому, что близъ него были разбиты Испанцы, въ 1561 году. Наши отряды, при непрерывныхъ переходахъ, срубили всѣ деревья по берегамъ Габраха, для разведенія огней лагерныхъ и постройки шалашей. Стремнины, образующія здѣсь послѣднія покатости горъ, сходящихъ въ долину, покрыты лѣсомъ и превосходными пажитями. Множество *марбутовъ*, разбросанныхъ по утесамъ, придаетъ видъ жизни пустынѣ. Дорожки, ведущія къ симъ небольшимъ памятникамъ въ видѣ башенокъ, гдѣ покоятся святыя и знаменитыя люди изъ Арабовъ, вѣролтно, часто и многими посѣщаются, потому, что никогда не зарастаютъ онѣ травою. На югъ, къ сторонѣ Маскары, широко раздвигаются сѣрыя, крутыя горы. Отъ времени до времени, на высотахъ являлись намъ всадники, наблюдавъ движенія нашего войска, которосъ, расположась въ долину, рубило деревья, ломало надгробныя памятники, топтало жатву и шумно пѣло на развалинахъ. При этомъ позорѣ родины и могилы отцовъ его, Африканецъ клянется въ душѣ своей вѣчною ненавистью Французу, и войною безъ мира и

пощады! На сѣверъ тянется долина, край небосклона которой едва можно завидѣть глазами, ибо она простирается, до Массагранскихъ возвышенностей; на востокъ касается она ущельевъ Минаскихъ, на западъ Мулей-Измаилова лѣса.

Дуеры и Смелы возвращались, кончивъ погоню за непріателемъ. Трое вождей ихъ ѣхали впереди дружинъ своихъ, и бей Ибрагимъ находился среди двухъ своихъ товарищей. Музыка его гремѣла безъ прерыва; рѣзкіе звуки волюнокъ оживляли торжественный маршъ; лошади ржали, предчувствуя близость отдыха; всадники смѣялись и разговаривали, громко рассказывая о своемъ удаествѣ, и о томъ, кто чѣмъ успѣлъ отличиться. Наши солдаты составили полукругъ при ихъ приближеніи, и съ удивленіемъ смотрѣли на нихъ. Арабъ представляетъ для Европейца столь много самобытнаго и новаго, что даже самыя тѣ, кто живетъ съ нимъ, и сражается съ нимъ, не могутъ довольно на него насмотрѣться, и удовлетворить вполне свое любопытство. Мы толпились кругомъ, какъ настоящіе зѣваки, между тѣмъ, пока, гордясь нашимъ любопытствомъ, Арабы старались еще болѣе возбуждать его разными лихими маневрами на окровавленныхъ своихъ лошадяхъ. Настала ночь; запылали таборные огни; небо было великолѣпно; воздухъ почти жаркій. Въ станѣ нашемъ царствовало обиліе. Арабы захватили на погонѣ непріятельскія стада, и лагерь нашъ наполнился козами и овцами, производившими страшное блѣяніе. За 30 су отдавали барана. Вездѣ рѣзали, жарили; деревянные вертела шевелились на всѣхъ огняхъ. Это былъ Омировскій таборъ, ужинъ героевъ, для котораго готовили цѣликомъ животныхъ, и подавали ихъ не разрѣзывая на части. И тутъ-же, въ двухъ шагахъ, текла рѣка, и обильно снабжала насъ чистою

водою. Этотъ бивакъ остался едва ли не самымъ веселымъ воспоминаніемъ изъ всѣхъ тяжелыхъ кампаний, какія перенесли мы въ Африкѣ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Тяжелые труды ожидали насъ на другой день. Въ пять часовъ утра кликнули охотниковъ; мы сдѣлали походъ въ горы, и только двухъ лье не дошли до Маскары. За годъ прежде, во время похода своего противъ сего города, маршалъ Клозель имѣлъ съ собою 10,000 человекъ, и значительные запасы, а между тѣмъ надобно ему было преодолѣть величайшія трудности, чтобы достигнуть цѣли своего предпріятія. Теперь было насъ только 1,500 человекъ, но бодрыхъ, смѣлыхъ, готовыхъ на перенесеніе всякихъ трудовъ. Жаръ стоялъ смертельный; мы умирали отъ жажды, а между тѣмъ шли впередъ, и отважно лѣзли съ горы на гору. Во всю продолжительную прогулку нашу не нашли мы ни одной капли воды, хоть-бы грязной и мутной. Мы воротились въ станъ нашъ въ пять часовъ вечера, употребивъ на походъ двѣнадцать полныхъ часовъ, и отдыхая только по нѣскольку минутъ черезъ каждыя два часа, преслѣдуя и отгоняя притомъ стада, которыя встрѣчались намъ въ ущельяхъ; испуганные пастухи бѣжали отъ насъ, не оказывая никакого сопротивленія.

Возвращеніе наше въ станъ, черезъ горные хребты, было особенно любопытно. Между колоннами нашими гнали мы болѣе двухъ тысячъ штукъ рогатой скотины. Для прогонки такого многочисленнаго стада, по сторонамъ шли барабанщики и трубачи; они трубили, били въ барабаны, и пугая животныхъ шумомъ, заставляли ихъ опретью бѣжать впередъ по дорогѣ. Съ трудомъ можете себѣ представить, что за ревъ и что

за шумъ производила наша движущаяся толпа людей и животныхъ. Барабаны и трубы гремѣли и стучали какъ попало, безъ лада и порядка; блѣянье, мычанье, дикіе вопли, шумные клики смѣшанно слышались изъ облаковъ пыли, разстилавшихся во все стороны, и все это прикрывалъ глухой топотъ, который производятъ шаги людей и лошадей. Последний отдыхъ нашъ былъ на самой крайней высотѣ горъ, при спускѣ въ долину — товарищи и раздолье ждали насъ тамъ подъ горою, внизу, но мы остановились на высотахъ — мы съ жадностью хотѣли дохнуть этою прохладою, которой тщетно жаждали цѣлый день; она вѣяла теперь на насъ, свѣжая, благоуханная, съ рѣвки, протекавшей передъ нами, и развивавшейся по долинѣ длинною, изгибистою змѣйкою. Чудная картина раскрывалась передъ нашими взорами; солнце садилось въ небѣ безъ облаковъ, и природа являла на землѣ все свое величіе: все труды, все страданія наши были забыты. Тяжелый, но счастливый день! — Да, «счастливый»: мы успѣли показать силы и юность нашу....

На другой день объявленъ былъ отдыхъ. Мы устроили по обоимъ берегамъ рѣвки нѣкоторыя укрѣпленія, и оставили ихъ потомъ Арабамъ. Никогда не пытались они разрушать построекъ, какія оставляли мы имъ по дорогамъ, довольствуясь тѣмъ только, что съ любопытствомъ обглядываютъ ихъ; защищаться въ нихъ никогда не приходитъ имъ въ голову. Не принимая на себя труда разломать и раскопать валы и укрѣпленія наши, они даже употребляютъ ихъ иногда съ пользою — дѣлаютъ въ нихъ хлѣва для скотины.

Скоро отправились мы къ марабуту *Сиди-Мадера*; именемъ его называется одинъ изъ фонтановъ, въ

которомъ вода весьма пріятна на вкусъ, но не здорова для питья. Во время марша нашего, продолжавшагося около семи часовъ, многія племена Арабскія пришли изъявить свою покорность бею Ибрагиму и генералу нашему; первый отъ всѣхъ забиралъ себѣ подарки; генералъ не принималъ ничего, что ему ни подносили. Мы вступили послѣ того въ долины *Иллила* и *Мины*. Иллиль небольшой протокъ, вливающейся въ Мину, которая также впадаетъ неподалеку въ Шелифъ. Обѣ сія долины во многомъ походятъ на Сигскую и Габрахскую, хотя и меньше ихъ. Онѣ хорошо обработаны и обильны. Между племенами, здѣсь обитающими, особенно замѣчательны *Сиди-Лариби* и *Меджеръ*, оба изъявившія намъ свою покорность.

Племя Сиди Лариби славится тѣмъ, что у него лучшія лошади. Онѣ извѣстны подъ именемъ «Шелифскихъ»; головы у нихъ большія, члены мощные, коньнты широкія. Пажиты долинъ здѣсь тучны, и весьма уважаются. Когда вождь Сиди Ларибскій явился къ намъ, для изъявленія своей покорности, мы поспѣшили къ нему навстрѣчу, ибо мы знали его трогательную исторію, и намъ любопытно было увидѣть его. Это былъ молодой Арабъ, 19-ти, 20-ти лѣтъ, бѣлый лицомъ, съ нѣжными формами тѣла, и робкій въ разговорѣ. А между тѣмъ, подъ этою слабою наружностью, скрываются у него неукротимая воля, и сердце благородное и мужественное. Печальное событіе передало ему власть. Отецъ его, начальникъ Сиди-Арибскаго племени, былъ потребованъ въ Маскару къ Абдѣ-эль-Кадеру, боявшемуся власти храбраго старика надъ сильнымъ племенемъ. Довѣрчиво явился онъ по приказанію, былъ схваченъ, и безъ суда повѣшенъ въ окнѣ эмирава жилища, пока Абдѣ-эль-Кадеръ совершалъ молитву въ мечети. Голову несчаст-

наго отослали къ его сыну. Этотъ юноша не оробѣлъ; воздалъ достойныя почести погребенія головѣ отца, отрубилъ голову невольнику, привезшему къ нему столь ужасный даръ, и нашель усерднаго раба, который согласился отвезти къ Абдъ-эль-Кадеру голову его посланнаго. Такія пересылки могли быть безконечны. Эмиръ отпустилъ смѣлаго Араба безвредно, но приготовился наказать примѣрно смѣлаго бунтовщика. Вождь Сиди Ларибскій перешель за Шелифъ, долго сражался съ могущимъ своимъ непріателемъ, и наконецъ передался Французамъ.

Мы оставили Мину, и углубились въ Шелифскія ущелья. Горы, окружающія ихъ, чрезвычайно стѣснены, и весьма удобны для партизанской войны. Здѣсь обитаетъ нѣсколько племенъ, и между ними *Бени-Зерруальское*, которое не хотѣло слышать о мирѣ съ нами, и гордо запрещало намъ переходить черезъ его землю. Головы нашихъ колоннъ двинулись въ ущелья, и скоро загрѣмѣла по горамъ перестрѣлка. Нѣсколько разъ принуждены мы были останавливаться, и очищать дорогу пушками, а непріятель, занимая крѣпкія мѣста, нападалъ на насъ, и многихъ ранилъ и убивалъ. Шагъ за шагомъ брали мы здѣсь каждый футъ земли оружіемъ, и битва прекратилась не прежде, когда мы перешли земли Бени-Зеруаловъ. Это храброе племя принадлежитъ къ Кабайламъ; они сражаются пѣшие.

Вечеромъ пришли мы къ Шелифу, одной изъ самыхъ широкихъ и глубокихъ рѣкъ въ сѣверной Африкѣ. Она выходитъ съ юга, идетъ къ С. З., принимаетъ въ себя многіе потоки, и описавши большой изгибъ на сѣверъ, впадаетъ въ море, въ десяти миляхъ отъ Мостаганема. На берегахъ ея видѣли мы какія-то, Византійской постройки, развалины.

Ничего нельзя тутъ разобрать; все такъ развалилось, что остается уцѣлѣвшею только длинная стѣна.

Далѣе перешли мы черезъ богатую долину *Мас-сагранскую*, усѣянную сельскими домами Мавровъ; но теперь здѣсь все пустынно и въ разрушеніи. Печальный, грустный видъ! Сады наполнены еще цвѣтами; разбросанными земледѣльческими орудіями завалены рвы; померанцовыя, гранатныя, финиковыя, лимонныя деревья видны еще тутъ, посаженныя величественными аллеями; правильныя четырехугольнички нарцисовъ и резеды, жасминовъ и розъ, показываютъ изящный вкусъ прежнихъ хозяевъ; кактусовыя огорожи ограничиваютъ и межутъ владѣнія и дачи; въ каждомъ домѣ находятся цитеры. Но дома всѣ пусты — приведите, сюда жителей, и все готово снова закипеть жизнью....

Послѣ восемнадцати дней марша, нерѣдко форсированнаго, войско наше стало подъ Ораномъ. Мы потеряли весьма немного народа въ нашей экспедиціи, которая между тѣмъ хорошо ознакомила насъ съ Арабскими нравами, и принесла особенную честь начальникамъ, дарованіи и кротость которыхъ воспотрижествовали надъ столькими трудами и препятствіями.

Великолѣпный приказъ по арміи извѣстилъ насъ, отъ имени главнаго полководца, что Абдъ-аль-Кадеръ, бѣгствующій, оставленный своими подданными, приписываетъ себѣ теперь только пустое названіе вождя и повелителя, не имѣя уже ни надъ кѣмъ ни какой дѣйствительной власти; что Африканскія владѣнія наши укрѣплены миромъ и покорностью, и что бѣдныи, жалкіи эмиры огньиѣ погнѣиъ навсегда.....

Но война никогда не кончится такъ скоро на берегахъ Африки. Черезъ двѣ недѣли роли наши пе-

решились — мы были заблокированы на берегахъ рѣки *Тафны*, текущей отъ Трмесена къ острову *Аарессуну*, послѣ несчастнаго и кроваваго дѣла, гдѣ храбрость двухъ тысячъ Французовъ не могла устоять противъ силы двѣнадцати тысячъ Арабовъ, предводимыхъ самимъ Абдъ-эль-Кадеромъ, который явился здѣсь страшнѣе и грознѣе, нежели являлся когда либо прежде. Только усиленное движеніе свѣжихъ, помощныхъ войскъ могло насъ спасти.....

Статья третья.

Бедуины, занимающіе сѣверъ Африки, происходятъ отъ нѣсколькихъ древнихъ племенъ, пришедшихъ сюда изъ Аравіи, и хотя много вѣковъ протекло со времени переселенія въ Африку ихъ предковъ, все еще можно называть ихъ *Арабами*; они сохранили всѣ привычки и нравы народа, отъ котораго происходятъ, ничего не пріобрѣли отъ сообщенія съ другими, болѣе образованными народами, и ничего не утратили, смѣшиваясь съ племенами, болѣе ихъ варварскими. У нихъ вполнѣ остаются характеръ, одежда, кочевая, безпокойная жизнь пустыннаго Аравитянина. Вѣка, протекая надъ ними, оставили на нихъ слѣдовъ не болѣе, какъ и переселеніе изъ первобытной отчизны — и нынѣ они тѣ-же, какими были во времена Югуреы и Массиниссы.

Хитрость и *лукавство* — отличительный характеръ Бедуина. Недовѣрчивость есть причина всѣхъ его дѣйствій; всегда готовый защищаться, онъ не заботится о жребіи, какой предоставляет ему Пророкъ его, и будучи фаталистъ въ этомъ отношеніи, ничего не дѣлаетъ для избѣжанія, или переменны своего жребія; онъ сгибается безъ ропота подъ усиленными ударами бѣдствій, такъ-же, какъ безъ радости принимаетъ онъ самыя величайшія, самыя неожиданныя блага счастья.

Жадность корысти у всѣхъ Арабовъ, превращается въ скарредство; повѣрить невозможно, до чего доходить у нихъ сребролюбіе; они не знаютъ другаго закона въ торговлѣ, и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти обманываютъ самыхъ ближнихъ родственниковъ своихъ и лучшихъ друзей.

Между тѣмъ дсныги ни къ чему не служатъ Арабамъ; умѣренные въ домашней жизни, они не знаютъ нашихъ безразсудныхъ издержекъ; роскошь заключается у нихъ въ оружіи и въ лошадяхъ, и только въ этой роскоши полагаютъ они все свое богатство.

Одежду Араба составляетъ обыкновенно рубашка, съ широкими рукавами, безъ воротника, и *гаикъ*, лоскутъ шерстяной ткани, который обертываютъ около тѣла; верхній конецъ его привязываютъ на голову веревкою изъ верблюжьей шерсти, завернувши ее 40, или 50 разъ; сверхъ гаика надѣваются два, или три плаща съ капюшонами, изъ бѣлой, или черной шерстяной ткани, извѣстные подъ именемъ *бурму*; ноги у Араба всегда голы, и на нихъ надѣваются только сафьянныя *бабуши*. Въ такой одеждѣ ѣздитъ Арабъ на лошади, употребляя для возбужденія своего коня широкія стремяна, ибо на ногахъ его нѣтъ шпоръ.

Для отличенія себя отъ простолюдиновъ, начальники и богачи присоединяютъ еще къ описанному костюму *сорвалъ*, или шаровары Арабскія, куртку, и *тумашъ*, или воинскіе сапоги. Шаровары придерживаются на поясъ шерстянымъ, или шелковымъ, чрезвычайно длиннымъ поясомъ, который обвиваютъ вокругъ тѣла. Они дѣлаются весьма широки, но суживаются къ низу, и завязываются ниже колѣна. Страшная ширина дѣлаетъ это исподнее платье всеема неудобнымъ для конной ѣзды. Сѣдла

Арабскія, подобно Турецкимъ, имѣютъ спереди луку, весьма высокую, а сзади вырѣзка ихъ дѣлается еще выше, и потому Турокъ и Арабъ не могутъ сѣсть на лошадь такъ проворно, какъ мы. Садясь, всегда съ правой стороны, всадникъ кладетъ лѣвую ногу на лошадь, подбираетъ лѣвою рукою широкій сорвалъ свой, и помѣщается на сѣдло послѣ значительной разстановки. Всѣ такія приготовленія были бы затруднительны съ нашею Европейскою лошадыю, часто непослушною, когда на нее садятся (*au montoir*), но Арабская лошадь рѣдко пошевелится съ мѣста, пока всадникъ самъ ея не двинуть. Турмани обувь весьма щегольская, похожая на *bottes à dentelles*, какіе носили во времена Людовика XIV-го; она безъ каблуковъ, легка, нѣжна, вся въ складкахъ, и съ широкимъ отверзтіемъ къ верху, въ видѣ воронки, стягиваясь, въ случаѣ надобности, сафьянными ремнями, которые висятъ на ногѣ. Два разныхъ отдѣленія составляютъ сію обувь—ботинка, изъ чрезвычайно нѣжной кожи, и ее надѣваютъ сперва, а къ ней уже прибавляется потомъ отдѣльное голенище. Цвѣтъ этихъ сапоговъ бываетъ различный, смотря по вкусу каждаго; вообще они дѣлаются цвѣта желто-соломеннаго, но часто шьются и красные. Едва только сошелъ Арабъ съ своей лошади, онъ замѣняетъ сапоги башмаками, или бабушами, въ которыхъ всегда ходитъ, пока опять не сѣлъ на лошадь, оставляя ноги голыми, лѣтомъ и зимою.

Гаикъ, бурну, веревка изъ верблюжьей шерсти, для обвивки гаика, составляютъ національный костюмъ Араба, начальника и простолюдина, и только у знатныхъ тканъ бываетъ понѣжнѣе и шерсть потоньше. Знаменитые Арабы, каковы Мустафа, Эль-Мезари, и другіе, прививаютъ къ обыкновенной ве-

ревкѣ изъ верблюжьей шерсти нѣсколько золотыхъ нитокъ, что составляетъ для нихъ почетное отличие.

Во всякое время года, жилище Араба составляетъ шатерь; у бѣдныхъ, онъ дѣлается изъ верблюжьего войлока, грубый, и нерѣдко воздухъ проходитъ въ него только черезъ множество прорѣхъ. Но у богачей и знатныхъ шатры щегольскіе и хорошо защищаютъ ихъ; это красивые павильоны, роскошно украшенные, и далеко отбрасывающіе тѣнь своихъ трехъ высокихъ маковицъ. Во внутренности, такіе шатры украшаются шелковыми подушками, коврами, воинскими трофеями. Шатерь бей Ибрагима было даже любопытно посмотреть. Богатство и великолѣпіе его составляли странную противоположность со всеми бѣдными лоскутьями другихъ шатровъ. Обширность помѣщенія, горделиво вьющіяся, цвѣтные значки, которыми былъ онъ украшенъ, ослѣпляющая бѣлизна полотна его, глубокое молчаніе, соблюдаемое окрестъ его, все способствовало представить шатерь Ибрагима чѣмъ-то похожимъ на чертоги сильнаго властителя. Два чауша, облокотясь на свои жезлы, стерегли входъ въ него. Внутренность его была вся драпирована; молодые невольники, стоя за беємъ, внимательно наблюдали каждое его движеніе, и благоговѣйно ждали его повелѣній. Сложивъ подъ себя ноги, неподвижный и молчаливый, цѣлые дни красовался въ этомъ шатрѣ бей Ибрагимъ среди своихъ подвластныхъ, тихо проходившихъ мимо входа, который, какъ у всѣхъ Арабскихъ шатровъ, всегда обращенъ на востокъ.

Только около Тафны попадались намъ Арабскія жилища, изсѣченные въ утесахъ, и землянки, похожія на наши Турнскія. Нигдѣ и ничего болѣе

не видаль я похожаго на хижины. Но по долинамъ построено множество марабутовъ; это суть небольшіе четырехугольные голбчики, съ башенкой, служащіе гробницами благочестивымъ людямъ и начальникамъ, и означаемые каждый по имени похороненнаго въ немъ покойника. Для постройки ихъ выбираютъ самыя веселыя мѣста, и около нихъ всегда устроивается потомъ кладбище. Арабы не знаютъ великолѣпія при похоронахъ; они погребаютъ мертвыхъ въ неглубокихъ могилахъ, которыя закрываются потомъ каменнымъ сводомъ, а сверхъ могилы кладется плоскій, необдѣланный камень, безъ надписи, и какъ нѣтъ притомъ ни какого различія между надгробными камнями, то можно подумать, идя по Арабскому кладбищу, что вы идете по долину, усыянной дикими камнями, если бы марабуты непоказывали назначенія мѣста.

Арабскіе фанатики, называемые *марабутами*, шатаются отъ одного племени къ другому, и всюду собираютъ милостыню во имя Мугаммеда, читая стихи корана, начертывая ихъ на маленькиихъ дощечкахъ, и увѣщавая правовѣрныхъ быть добродѣтельными. Во время самой войны, вездѣ уважаютъ сихъ изъяснителей словъ Пророка; они почитаются священными для всѣхъ племенъ, и рѣдко сами принимаютъ за оружіе. Но иногда и они вступаютъ въ битвы, отличаясь мужествомъ и безстрашіемъ. Имъ строго запрещено закономъ рубить головы убитымъ врагамъ, и потому никогда не рубятъ головы и марабуту, если онъ палъ на полѣ битвы.

Свѣдѣнія Арабовъ въ медицинѣ весьма ограниченны; ихъ *тебибы*, или лекаря, едва знаютъ нѣскольکو простыхъ средствъ и мазей, и вовсе не разумѣютъ хирургическихкихъ операцій. Здоровая кровь, хорошій климатъ, нравственная сила и образъ жи-

эти Арабы дополняют то, чего не могут имъ дать ихъ медики. Никогда, ни одинъ Арабъ не просился у насъ въ нашу госпиталь, а между тѣмъ, они выздоравливали скорѣе нашихъ солдатъ. Эль-Мезари былъ однажды раненъ пулею въ ногу, но не позволилъ отрѣзать ее, не смотря на опасность раны; потомъ вылезъ онъ, и если бы не хромалъ немного, то и узнать было бы невозможно о полученной имъ жестокой ранѣ. Мустафу ранили при Сиккакѣ, но онъ не захотѣлъ прибѣгнуть къ нашимъ лекарямъ, и лечился у какого-то стараго Тремесенскаго шарлатана, который пользуется славою великаго знатока въ леченіи между своими земляками.

Но за то каждый Арабъ имѣетъ свѣдѣнія въ коновальствѣ; для каждаго изъ нихъ лошадь есть первое, величайшее сокровище, и потому изучаетъ онъ всѣ средства для сохраненія ея жизни и здоровья. Впрочемъ, все ветеринарное знаніе Арабовъ ограничено кровопусканіемъ и прижиганіемъ; то и другое употребляютъ они во всѣхъ случаяхъ, и потому рѣдко увидите здѣсь самую прекрасную лошадь, у которой не было бы множества слѣдовъ того и другаго по тѣлу.

Торговля Арабовъ весьма ограничена, и много еще надобно имъ времени уравниваться въ семъ отношеніи съ Европейцами. Произведенія земли и продажа скотины изъ стадъ суть почти единственные предметы торговли ихъ. Арабъ вовсе не понимаетъ торговыхъ спекуляцій, и ничего не дѣлаетъ изъ своего золота и серебра, если и пріобрѣтаетъ его. Скупой и жадный, онъ не пуститъ своего запаса ни на какое торговое предпріятіе, хотя бы оно обѣщало ему сто на сто прибылей; онъ зарываетъ свое золото и серебро, и прикладываетъ къ нему все, что

попалось потомъ въ его руки. Многие изъясняютъ нелѣпое обыкновеніе копить сокровища, тѣмъ, будто Арабы берегутъ ихъ изъ опасенія, чтобы въ случаѣ нужды, если послѣдуетъ осужденіе на смерть, по приговору начальниковъ, можно было выкупить жизнь свою. Такое мнѣніе кажется мнѣ несправедливо, хотя оно и согласно съ увѣренностью Арабовъ въ неизбежности судьбы и покорностью ихъ жребію, и приговорамъ безъ апелляцій ихъ начальниковъ. Жадность къ деньгамъ, кажется мнѣ, заставляетъ Араба копить сокровища, не тратить изъ него ни сколько, и притворяться нищимъ, для отвращенія всякихъ подозрѣній, а ничто болѣе. Такъ водится у всѣхъ полудикихъ народовъ, которые всегда собираютъ богатства, но не пользуются ими, не ведутъ на нихъ торговли, и не имѣютъ притомъ ни какой цѣли. Отецъ семейства есть полный властитель всего между Арабами, и потому изъ домохозяевъ никто не смѣетъ спросить у него, куда зарываетъ, или прячетъ онъ свои сокровища. Нерѣдко послѣ смерти отцовской, дѣти тщетно ищутъ богатствъ, сокрытыхъ отцомъ ихъ неизвѣстно гдѣ. Нелѣпая страсть Арабовъ прятать драгоценные металлы причиняетъ намъ въ Африкѣ большія неудобства; все, что только попадетъ въ ихъ руки, уже не возвращается въ оборотъ, ибо Арабы почти ничего у насъ не покупаютъ, довольствуясь собственными произведеніями, и мѣняя свои товары на наши, если бы что нибудь имъ и понадобилось.

Народонаселеніе сѣверной Африки совсѣмъ не однородно; его составляютъ Арабы Бедуины, Жиды, Мавры, Турки, Кулугли, и Арапы, или Негры. У каждаго изъ сихъ народовъ свои нравы, свой языкъ и даже свои законы. Арабы собственно живутъ въ поляхъ; обитающіе въ горахъ называютъ себя ка-

байлами; никогда не сходятъ они въ долины, и сражаются пѣшие; это самые безстрашные воители, и кто изъ Французовъ бывалъ въ отдаленныхъ экспедиціяхъ, тотъ, конечно, помнитъ храбрость и свирѣпость горнаго Араба въ битвѣ. Турки, Мавры и Кулугли живутъ по городамъ; послѣднимъ названіемъ отличаютъ здѣсь Турецкаго метиса, людей рожденныхъ отъ отца Турка и матери Мавританки, или Арабки. Тремесень почти сплошь заселенъ такими выродками, и самый Мустафа-бень-Измаиль по рожденію своему есть Кулугли.

Негры безъ различія живутъ въ городахъ и въ долинахъ; почти всѣ они невольники, но иногда вѣдуть однакожь верхомъ, и сражаются, какъ Арабы. Жиды здѣшніе всѣ торговцы, и скрываются по городамъ, ибо здѣсь легче сберечь имъ свои богатства. Впрочемъ, они распространены повсюду. Военное ремесло имъ вовсе невѣдомо. Въ Маскаръ жило ихъ прежде величайшее множество. Во время экспедиціи маршала Клозеля, Абдъ-эль-Кадеръ, оставилъ сей городъ, раззорилъ совершенно тамошнихъ Жидовъ тяжкою контрибуціею. По прибытіи нашихъ отрядовъ, несчастные умоляли милосердовать надъ ними, и приказомъ маршала вѣрно было оказывать имъ всякое пособіе и состраданіе. Когда войска наши оставили потомъ Тремесень, множество Жидовъ послѣдовало за нами и поселилось въ Оранъ, сграшась, что если останутся въ городъ, то, по возвращеніи немилосердаго эмира, снова могутъ подвергнуться страшному гнѣву его.

Приморскіе города, какъ-то: *Оранъ*, *Мостаганель*, *Алжиръ*, *Бужіл*, *Бона*, совершенно измѣнили видъ свой, съ тѣхъ поръ, когда подпали нашей власти. Теперь это уже не прежніе Мавританскіе города, съ узкими, нечистыми улицами; ихъ охраняютъ уже не

старинныя башни Мавританскія, какъ прежде было это въ Мостаганемъ, Испанскія, какъ прежде было въ Оранъ, или Датскія, какія были въ Бужин и Бонъ — всюду замѣнили сіи старинныя строенія правильными бастіонами, защищающими города съ сухаго пути, и выказывающими мореплавателямъ свои правильныя, зубчатыя вершины съ моря. Широкія улицы проложены въ упомянутыхъ городахъ по всемъ направленіямъ; устроеніемъ площадей данъ свободный проходъ воздуху; Католическія колокольни высатя теперь противъ Мусульманскихъ минаретовъ; церкви христіанскія стоятъ рядомъ съ мечетями; унылый кликъ имана, призывающаго къ молитвѣ своихъ правовѣрныхъ, мѣшается съ звономъ колоколовъ, далеко по окрестностямъ и по морю разносящимъ вѣсть молитвы.

Европеизмъ, словомъ сказать, уже овладѣлъ, и болѣе и болѣе овладѣваетъ приморскими городами сѣверной Африки. Многое можно-бъ было сказать о каждомъ изъ нихъ, рассказывая его исторію, излагая его прошедшее и настоящее, угадывая притомъ и будущую участь, но мы хотимъ лучше поговорить о какомъ нибудь городѣ совершенно Арабскомъ, ничего не утратившемъ донинѣ изъ прежняго своего образованія и вида. Выберемъ для сего *Тремесень*, городъ довольно большой, и находящійся во внутренности нашихъ Африканскихъ владѣній.

Тремесень, или *Тлелмесень*, находится въ 35 лье на Ю. В. отъ Орана, на границахъ степи Ангадской и имперіи Мароккской. Принявши Оранъ центромъ, можно очертить кругъ, отъ 35-ти до 40 лье, который пройдетъ черезъ *Тремесень*, *Маскару*, *Калахъ* (гдѣ дѣлаютъ богатые ковры), *Белиду*, *Миліану*, *Сеуту* (морской предѣлъ Марокка, принадлежащій Испаніи), и наконецъ *Недрому*, богатый городъ, до-

нынѣ не занятой нами, защищаемый кабайлами Тафнійскихъ ущельевъ, и откуда Абдъ-эль-Кадеръ получаетъ большую часть пороха и оружія. Во внутренности этого круга, за исключеніемъ Мостаганема, который находится только въ 25 лье отъ Орана, нѣтъ ни одного города, ни одного мѣстечка ни одного селенія, даже ни одной хижины. Проходя всѣ сіи мѣста, не замѣтите даже и слѣдовъ никакаго народонаселенія и жителей. Съ приближеніемъ нашихъ отрядовъ, каждый разъ, кочевые обитатели здѣшнихъ долинъ, свертываютъ шатры свои, и исчезаютъ, такъ, что не остается ни малѣйшаго признака ихъ таборовъ.

Страна, отдѣляющая Оранъ отъ Тремесена, довольно неплодна. Потому взоры странника, утомленные въ продолжительномъ пути черезъ пещанья степи и нагія горы, съ наслажденіемъ устремляются на прелестный холмъ, служащій подножіемъ городу. Трудно представить себѣ положеніе миловиднѣе и красивѣе. Возвышался среди масляныхъ рощей, Тремесенъ кокетливо выставляетъ свои высокія минареты, свои многочисленные марабуты, свою Арабскую крѣпость, свои бѣлыя дома. Поставленный на ребрѣ горы, онъ беззаботно внимаетъ журчанію двухъ потоковъ, и шуму тысячи своихъ фонтановъ, а долина, разстилающаяся у его подножія, услаждаетъ его благоуханіями луговъ своихъ и богатыхъ жатвъ. Скалистая, опаленная зноемъ горы, къ которымъ примкнуть онъ съ юга, отдѣляютъ его отъ другой долины, столь-же богатой и обильной, обитаемой *Бени-Гурниски* племениемъ.

Долину Тремесенскую орошаетъ рѣка *Сальсеффъ*, которая, по сліяніи съ рѣкою *Иссеролиъ*, впадаетъ въ *Тафну*. Сальсеффъ течетъ по уступамъ, водопадами, среди садовъ, и его чистыл, свѣжія воды нѣ-

сколько разъ окружають городъ, какъ будто съ сожалѣніемъ оставляя его, и теряясь потомъ въ долину, которую утучняютъ своимъ дальнѣйшимъ теченіемъ. Не оставляя еще Трмесена, онъ протекають подъ двумя мостами, постройка которыхъ относится къ глубочайшей древности; нѣкоторые изслѣдователи почитаютъ даже сіи мосты постройкою Римскою. Впрочемъ, въ Трмесенѣ гдѣ никакихъ слѣдовъ, которые напоминали бы пребываніе здѣсь Римлянъ.

Трмесенъ былъ прежде весьма богатъ и цвѣтущъ. Очаровательное положеніе этого города среди оазиса, гдѣ уединенно возвышается онъ, дѣлало его драгоцѣннымъ убѣжищемъ для каравановъ, въ немъ отдыхавшихъ. Тутъ была складка товаровъ, привозимыхъ изъ внутреннихъ степей, и предназначаемыхъ для продажи въ Марокко, или Испанскимъ купцамъ. Алжирскіе и Оранскіе Жиды являлись сюда толпами, и увозили въ свои города шерсть, благовонія, ковры и оружіе.

Населеніе Трмесена составлялось, какъ уже мы сказали, изъ Турковъ и Кулугли, которые суть дворяне мѣстные. Городомъ управлялъ бей, соперничавшій въ могуществомъ съ Оранскимъ и Маскарскимъ. Но теперь Трмесенъ совсѣмъ упалъ; стѣны, защищавшія его, низпровергнуты; развалинами башенъ его покрыты окрестныя поля; жилища, столь бѣлая, столь щегольскія, столь гордыя своими мраморными помостами, прекрасными фонтанами и садами, представляютъ взору картину полного опустошенія. Предмѣстья остаются необитаемы, и въ самой срединѣ города множество домовъ опустѣло и разрушилось. Война изгнала жителей; осады опустошили окрестность, и народонаселеніе, перемѣнивъ своего властителя, является теперь бѣдное, покрытое

лоскутьями. При первомъ приходѣ нашемъ въ Трёмесень, въ Январѣ 1836 года, между жителями видно еще было довольство, но съ тѣхъ поръ, мы столько разъ приходили къ нимъ, и опять оставляли ихъ, что теперь удѣломъ ихъ совершенная нищета.

Бывшій тамъ нашимъ коммендантомъ, г-нъ Кавеньякъ добровольно принялъ на себя исполнить смѣлый подвигъ: съ 500 волонтеровъ, онъ рѣшился защитить и сохранить намъ Трёмесень. Лишенный всякихъ пособій, отданный собственнымъ только средствамъ, при слабыхъ силахъ, прежде всего долженъ былъ онъ возстановить разрушенныя укрѣпленія города. Потомъ, забытый такъ сказать, между непріязненными племенами, съ самыми малыми запасами, онъ умѣлъ внушить солдатамъ своимъ неустрашимость, для выполненія съ честью подвига нзумительнаго, *пятнадцать мѣсяцевъ* оставался онъ, запертой въ развалинахъ, лишенный самыхъ необходимыхъ средствъ для жизни. Когда въ Юнѣ 1837 года смѣнили храбрыхъ защитниковъ Трёмесена, на лицъ каждаго изъ нихъ видны были печальные слѣды страданій, ими перенесенныхъ. Стѣсненные отвсюду Абдъ-эль-Кадеромъ, они не могли ни выйти изъ города и ничего достать себѣ извнѣ; недостатки и голодъ губили ихъ и жителей. На многихъ террасахъ домовъ насыпали землю, и сѣяли на ней пшеницу и ячмень. Теперь владѣть Трёмесеномъ Абдъ-эль-Кадеръ, и можетъ быть, онъ успѣетъ возвратить ему, хоть отчасти, прежнее его благосостояніе. Не далѣе полуторы лье отъ Трёмесена находился обширный лѣсъ, состоявшій изъ огромныхъ, обремененныхъ плодами маслинъ. Съ прискорбіемъ видѣли мы потомъ солдатъ нашихъ, безжалостно срубавшихъ эти деревья, и большею частію, изъ прихоти, безъ всякой надобности. Пять, шесть тысячъ че-

ловѣкъ зажигали огни, бросая въ костры деревья, цѣликомъ, и по уходѣ войска оставляя еще болѣе деревьевъ срубленныхъ, нежели сожженныхъ. Часто даже, не имѣя времени, либо охоты рубить дерево, солдаты наши зажигали его на корнѣ, и любовались огнемъ бесполезно пожиравшимъ драгоценный пенъ, съ его прелестными листьями и плодами.

Развалины *Манзуры*, въ двухъ лѣсахъ на юго-западѣ отъ Тремесена, конечно, составляютъ самый любопытный предметъ въ цѣлой округѣ.

Императоръ Мароккскій, именовавшійся *Эль-Манзуръ* (побѣдительный), захотѣлъ покорить Тремесень, и осадилъ ея городъ. Осада продолжалась *десять лѣтъ*, и въ теченіе сихъ десяти лѣтъ, императоръ, укрѣпляя свой лагерь, окружилъ его наконецъ испанскою каменною стѣною, съ огромными башнями на каждой тысячѣ метровъ, и сдѣлался такимъ образомъ властителемъ не Тремесена, но своего новаго города, который получилъ названіе Манзуры. Видя невозможность покорить Тремесень, Эль-Манзуръ удалился наконецъ, оставя непріятелю свой новый городъ, отъ котораго видны теперь только громадныя башни и высокій минаретъ, въ которыхъ укрываются вооруженныя шайки Арабовъ. Любопытные посѣтители могутъ дорого заплатить за обзорніе этихъ опустѣлыхъ развалинъ. Бывшіе въ Оранской экспедиціи съ грустью вспоминаютъ о гибели тамъ добраго товарища. Бюжонъ, молодой ливженскій офицеръ, отважно пустился въ Манзурскій лѣсъ, попалъ тамъ на засаду, и былъ убитъ Арабами Абдъ-эль-Кадера.

Выйдя изъ маслячнаго лѣса, покрывающаго всю долину, приближаетесь къ подошвѣ возвышенія, на которой построены Тремесень. По развалинамъ и остаткамъ стѣнъ, разбросанныхъ около города, легко

можно видѣть древнее начало его обширныхъ предмѣстевъ. Нѣсколько отдѣльныхъ, развалившихся укрѣпленій свидѣлствуютъ прежнюю обширность города, ибо, вѣроятно, они служили ему вѣншною защитою.

Теперь все это пространство около города занимаютъ прекрасные сады. Смоквы, гранаты, лимоны, померанцы обольщаютъ взоры проходящаго, и каждый можетъ рвать ихъ сколько угодно, ибо съ перваго начала войны, сіи сады заброшены и не обрабатываются ни кѣмъ. Самая свѣжая, и самая прозрачная изъ всѣхъ водъ сѣверной Африки течетъ здѣсь тысячею ручьевъ по аллеямъ, и теряется по склоненію холмовъ въ бурьянахъ ближняго савана.

Перейдя сады Тремесенскаго предмѣстія, приближаетесь къ сѣвернымъ воротамъ Тремесена. Ихъ образуютъ двѣ огромныя, развалившіяся башни въ стѣнѣ; подлѣ нихъ извнѣ проходятъ двѣ дороги: одна ведетъ въ Маскару, а другая въ Марокко, но теперь онѣ заброшены и печальны; многочисленныя караваны не поднимаютъ на нихъ пыли, и нѣсколько бродящихъ всадниковъ, нѣсколько горныхъ кабайловъ, суть единственные проѣзжіе по обимъ путямъ, прежде кипѣвшимъ народомъ. Первые дома, какіе попадаются при вѣздѣ въ городъ, пусты и не могутъ быть обитаемы, потому, что совсѣмъ разваливаются; обломки ихъ зарастаютъ кругомъ травою, и завалили улицу, смѣшавшись съ обломками стѣны, почти всюду разрушающейся. За тѣмъ слѣдуютъ ворота Клозеля; нѣкогда были онѣ желѣзныя, а теперь желѣзо замѣнено кое-какъ сбитыми досками; тутъ была первая кордегардія Кавеньяковыхъ зуавовъ. Далѣе высится *бейликъ*, или бывший дворецъ бей — огромное строеніе Мавританскаго эдчества, тяжелыя галереи котораго под-

держиваются тоненькими колоннами. Дворецъ этотъ, вѣроятно, былъ прежде роскошенъ, но теперь едва видимы бѣдные остатки его. Великолѣпно вымощенный мраморомъ дворъ простирается въ немъ на 50 шаговъ въ длину, и на 30-ть въ ширину. По срединѣ фонтанъ, брызжущій множествомъ водныхъ отраслей; онъ осыпается лимоннымъ деревомъ громаднаго роста, и орошаетъ цвѣтникъ, за которымъ ухаживаютъ особенные невольники. Зданіе, простое по наружности, блистало внутри великолѣпнѣмъ необыкновеннымъ.

Подлѣ бейлика находится *мешуаръ*, или цитадель. Въ нее входятъ большими, крѣпкими воротами, сдѣланными изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ, обитыхъ желѣзными листами, утвержденными на гвоздяхъ съ большими шишками, которыми унизаны такимъ образомъ ворота съ обѣихъ сторонъ. Подлѣ воротъ увидите важно сидящаго кулугли, продающаго кофе; за монету въ 10 сантимовъ, онъ поподчиваетъ васъ чашкою добраго кофе, подслащеннаго сахарнымъ пескомъ. Впрочемъ, ворота не проведутъ васъ прямо въ цитадель, и надобно перейти еще черезъ нѣсколько входовъ и переходовъ, пока вы туда достигнете. Подъ защитою толстыхъ стѣнъ мешуара былъ устроенъ прекрасный садъ, гдѣ солдаты наши разводили и въ изобиліи собирали травы, плоды и овощи. Въ центрѣ цитадели находится огромнѣйшій фонтанъ, водоемъ чрезвычайно обширный, снабжающій водою весь городъ, и дающій средства начальнику цитадели, если бы только понадобилось, осушить въ одно мгновеніе всѣ водныя трубы и засушить всѣ фонтаны въ городѣ. Въ этомъ мешуарѣ укрѣпился Мустафа, и здѣсь-то, въ теченіе трехъ лѣтъ, выдерживалъ онъ всѣ упорныя нападенія Абдъ-эль-Кадера. Съ обильнымъ запасомъ, и

съ нѣсколькими при томъ плохими Турецкими пушками и горстью безстрашныхъ удалцовъ, мужественно устоялъ онъ противъ всѣхъ силъ эмира. Геройство его въ этой осадѣ, какъ равно поведеніе его во всю жизнь, безпорочно славную, даютъ ему мѣсто почетное между самыми знаменитыми Арабскими вождями.

Въроятно, великолѣпны были здѣсь нѣкогда помѣщенія владѣльцовъ, но теперь обратились они въ жалкія развалины и бѣдныя жилища солдатскія. Бани, нѣкогда украшенныя со всею роскошью, служили кухнями нашимъ солдатамъ; пыль и грязь лежатъ на огромныхъ мозаикахъ, которыми онѣ выстланы, и на расписныхъ изразцахъ, которыми окладены всѣ стѣны ихъ.

Неподамску отъ цитадели красивая мечеть, высокій минаретъ которой служить убѣжищемъ аистамъ, птицѣ священной въ глазахъ Арабовъ, какъ и у другихъ Восточныхъ народовъ. Намъ хотѣлось бы заглянуть во внутренность этого зданія, но входъ христіанамъ въ него запрещается. Съ сожалѣніемъ продолжимъ прогулку нашу далѣе, къ южной части Тремесена — это Жидовская сторона, которою сюда оканчивается городъ, и она составляетъ лабиринтъ узкихъ, тѣсныхъ переулковъ, гдѣ подъ переходами домовъ едва можно стать прямо во многихъ мѣстахъ. Дома всѣ тщательно заперты, и двери въ нихъ такъ низки и такъ малы, что подумаете, не для дѣтей ли только онѣ продѣланы? Переступивъ порогъ Жидовскаго дома, очутитесь на четырехугольномъ дворѣ, выкладенномъ мраморомъ, и омываемомъ фонтаномъ, которые вообще находите почти въ каждомъ домѣ. Въ Тремесенѣ рѣдко встрѣтитъ васъ у Жида гостепріимство. Въ Африкѣ, болѣе нежели гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, Жидъ недовѣрчивъ — онъ

Т. IV. — Стл. V.

всего боится, всегда прячется, и тогда только принимает гостя, когда уже не может отказать ему. Нерѣдко въ жидовскомъ домѣ увидите молодыхъ красавицъ, дочерей, и красивыхъ мальчиковъ, Жиденковъ, съ большими глазами, съ благородною физіономіею, но страданіе написано на ихъ лицахъ. Они чахнутъ, кажется, запертые въ домахъ отцовскихъ, откуда весьма рѣдко позволяютъ имъ выходить, и поиграть иногда съ товарищами, подобно имъ заключенными.

Видѣвши бейликъ, мешуаръ и Жидовское отдѣленіе, намъ остается только взглянуть еще въ Трмесенъ на кладбище и на старинный монастырь.

Кладбище красиво, и его стоитъ посмотреть. Могилы покрыты мраморными плитами, съ Арабскими надписями. Особливо замѣчательны гробницы Трмесенскихъ беевъ, здѣсь погребенныхъ. На лѣво отъ входа, подъ камнемъ, почти заросшимъ травою, похоронена голова Барберуссы, отрубленная послѣ потери имъ кровавой битвы въ ущелии Лашерскомъ, томъ самомъ, гдѣ такъ славно отличился нашъ генералъ Летанъ, 4-го Декабря 1836 года.

Старинный Трмесенскій монастырь служилъ мѣстомъ для лазарета нашихъ войскъ. Тутъ видны еще красивыя мозаики изъ изразцовъ и потолки изъ рѣзнаго дерева.

Кромѣ Сѣверныхъ, въ Трмесенъ еще двой ворота — *Восточныя* къ сторонѣ Маскары, и *Южныя*, ведущія къ области Бели-Гурнискихъ Арабовъ и въ пустыню Ангадскую.

Трудно оставить Трмесенъ съ веселымъ сердцемъ. Посѣтитель спѣшитъ отдохнуть отъ его бѣдности, и его развалинъ въ привольныхъ его окрестностяхъ, и неподалеку отъ города, онъ являются уже прекрасны.

Область племень *Бели-Гурнискихъ*, орощаемая

Сальсеффомъ, покрыта богатыми масличными лѣсами, и превосходно обработана. Мы сдѣлали большую сборку хлѣба изъ ямъ, гдѣ хранять его жители въ землѣ. Съ этими запасами изъ Бени-Гурни, генераль Бюжо могъ, въ Іюль 1836 года, наполнить Тремесепскіе магазины. Область не велика, но трудно найти страну прекраснѣе и обильнѣе долинъ Бени-Гурнискихъ.

Въ двухъ лѣе на юго-западъ отъ Тремесена увидите знаменитую мечеть Сиди-Бумедина, одного изъ самыхъ знаменитыхъ святыхъ Арабскихъ. До нашего прихода, мечеть эта была чрезвычайно богата. Гробницы въ ней были покрыты древнѣйшими надписями. Стѣны были украшены полумѣсяцами изъ слоновой кости, страусовыми лицами, и множествомъ другихъ предметовъ, дорогихъ и рѣдкихъ, принесенныхъ въ даръ усердными пилигримами. Двери поворачивались на серебряныхъ петляхъ. — Теперь все это исчезло. Мы все забрали отсюда, даже оружіе и знамена, которыми увѣшанъ былъ марабутъ святаго. Какъ побѣдный трофей, они перевезены въ Парижъ, и находятся въ Инвалидномъ Домѣ. Я видѣлъ въ мечети великолѣпный списокъ корана; онъ былъ написанъ на деревянныхъ дощечкахъ, столь тонкихъ, что ихъ можно было почестъ за листочки пергамента; на мѣдныхъ застѣжкахъ и на углахъ были еще замѣтны слѣды серебра, и на всѣхъ страничкахъ находились рисунки и стихи, что дѣлало сей экземпляръ безцѣннымъ. Кто-то похитилъ въ послѣдствіи эту книгу, положенную, какъ священный залогъ, на гробъ святаго, и вѣроятно, она погибла потомъ въ рукахъ какого нибудь невѣжды.

Въ мечети Сиди-Бумединской, какъ и во многихъ другихъ знаменитыхъ марабутахъ здѣшнихъ, всегда

воспитывали и содержали льва и львицу. Это животное, столь страшное въ пустынь, отказываясь отъ своей дикой ярости, становится весьма кротко и смиренно. Приведенное въ такое состояніе, оно дѣлается предметомъ благоговѣнія для Арабовъ, и нерѣдко мусульманскіе фанатики возятъ приученнаго льва по разнымъ областямъ, вездѣ собирая милостыню, въ которой не откажутъ имъ обитатели самаго бѣднаго Арабскаго шатра. Странно даже видѣть, что приученный левъ дѣлается кроткимъ, какъ самое смиренное домашнее животное. Подобно послушной собакѣ, онъ слѣдуетъ за проводникомъ, привязанный за шею на веревочку, не для удержанія, но для того только, чтобы можно было вести его. Мы видѣли въ Миссергинѣ льва, котораго посадилъ проводникъ его на спину осла, боясь утомить дальнею дорогою. Любопытно было, какъ огромный царь звѣрей, привязанный веревочкой къ шеѣ осла, лежалъ, растянувъ свои страшныя лапы, на спинѣ бѣдняка. Всѣ собаки бросались по слѣдамъ двухъ замѣчательныхъ странствователей, и преслѣдовали ихъ своимъ лаемъ. Маленькіе Арабченки шали съ бѣднымъ осломъ, тянули его за хвостъ, и грозили льву кулаками. Спокойно озирая шумную толпу окрестъ себя, безстрастными глазами, левъ билъ хвостомъ по ребрамъ, но безъ всякаго гнѣва, и какъ будто для того только, что хотѣлъ ободрить своего возницу, который выступалъ горделиво, поднявши голову и вытянувъ уши.

Помню еще молодого львенка, котораго комендантъ Кавеньякъ привезъ съ собою изъ Тремессна; онъ вездѣ слѣдовалъ за батальономъ зуавовъ, и спалъ на бивакахъ, столь-же кроткій и послушный, какъ будто какая нибудь обученная собаченка.

На западъ отъ Тремессна, часахъ въ двухъ ѣзды,

находится селеніе *Айнъ-эль-Гаудъ* (лошадиный фонтанъ). Положеніе этого селенія, не столько раззореннаго, сколько оставленнаго, чудесное — тутъ видны ряды маленькихъ, прохладныхъ, сельскихъ домиковъ по берегу Сальсеффа, прозрачныя волны коего омывають ихъ, орошал великолѣпную рощу маслинъ. Прелестъ сего мѣста увеличиваетъ еще то, что оставляя его, не видите уже болѣе ни жилищъ, ни воды, ни деревьевъ, ни зелени, и перейдя за масличную рощу, вступаете въ обширныя степи, по которымъ надобно слѣдовать до Орана, или до Тафны. Вскорѣ потъ польется съ васъ ручьемъ; пламенное солнце сожигаетъ васъ, жажда мучить, и вы не находите; ни деревца, гдѣ могли-бы пріютиться, на капли воды для вашего освѣженія—передъ вами разстилается пустыня, съ дикими горами, съ вѣчно паллицамъ солнцемъ—вамъ предлежитъ борьба со всѣми тѣлесными страданіями—кочевая жизнь, со всѣми ея недостатками и неудобствами.

Мавры, завоевавшіе Испанію, вышли большею частью изъ Тремесена. Многія семейства этого города горделиво вспоминаютъ, что они обязаны происхожденіемъ грозному и побѣдительному народу, который обладалъ нѣкогда столько вѣковъ прекраснѣйшею странною въ Европѣ, и держалъ подъ игомъ своимъ надмѣнныхъ Испанскихъ христіанъ.

Подвиги Абдъ-эль-Кадера и мужество этого грознаго врага нашего, обновили въ наше время древнюю славу Африканскихъ послѣдователей исламизма. Пора поговорить объ немъ, и мы соединимъ нашъ рассказъ объ Арабскомъ эмирѣ съ другими любопытными подробностями.

Статья четвертая.

Ториньи, подполковникъ, начальствовавшій надъ Оранскими спагами, былъ первый Французскій офи-

церь, вступившій въ Маскару. Онъ передалъ намъ нѣсколько любопытныхъ подробностей о положеніи сего города, и о томъ, чѣмъ былъ онъ въ 1834 году. «Многія горы защищаютъ Маскару», говоритъ онъ, «и для перехода черезъ послѣднюю изъ нихъ, весьма высокую и крутую, надобно часа два. Съ вершинъ ея увидѣли мы городъ, бѣлые дома его и минареты; онъ расположенъ на обширной, весьма хорошо обработанной долинѣ. Четыре пушечные выстрѣла возвѣстили прибытіе бѣа, и тотчасъ все народонаселеніе бросилось на встрѣчу къ намъ, и привѣтствовало своего властителя громкими восклицаніями. Мы остановились въ довольно красивомъ домѣ, принадлежавшемъ бѣа; первая забота моя была осмотрѣть городъ, но трудно было проходить по узкимъ улицамъ, гдѣ тѣснились толпы, любопытствуя посмотрѣть на *руми* (христіанъ), какъ они насъ называли, и стоя, какъ будто остолбенѣлые отъ удивленія, когда увидѣли Французскихъ офицеровъ, вооруженныхъ, и ходящихъ по улицамъ города, дотогѣ неприкосновеннаго ни для кого изъ неправовѣрныхъ.

«Городъ показался мнѣ похожимъ на монастырь, гдѣ въ разныхъ направленіяхъ ходятъ иноки, одѣтые въ плащи съ капюшонами. Только по дикому виду и блестящимъ очамъ, мельбавшихъ передъ мною, одѣтыхъ въ темныя бурны людей, можно было замѣтить, что это совсѣмъ не монахи. Число жителей въ Маскарѣ надобно положить около 12,000 человекъ. Нѣсколько лавокъ, гдѣ торгуютъ Мавры и Жиды, хорошо снабжены товаромъ. Кофейни и рынокъ, обильный, и часто посѣщаемый горными Бедуинами, суть единственныя мѣста продовольствія. Женщины рѣдко выходятъ изъ жилищъ своихъ, и то развѣ въ

бани, но между ними есть красавицы. Особенно замѣчательна сестра Абдъ-эль-Кадера.

«Пятнадцать пушекъ защищаютъ городъ, но большая часть ихъ въ такомъ состояннн, что лафеты, конечно, развалились-бы у нихъ при первомъ выстрѣлѣ. Четыре пушки защищаютъ жилище бей.»

Въ то время заключенъ былъ первый мирный договоръ между Французами и Арабами. Миръ этотъ продолжался 15 мѣсяцовъ; бей утвердилъ свое владычество, и чувствуя необходимость имѣть для пребыванія своего крѣпкое мѣсто, рѣшился привести Маскару въ сильное оборонительное положеніе. Война остановила начало его предпріятія; надлежало сражаться снова, и войско, которое повелъ къ Маскарѣ маршалъ Клозель въ 1835 году, проникло въ нее безъ всякой битвы.

Вступленіе въ Маскару нашего войска, подъ предводительствомъ Герцога Орлеанскаго и маршала Клозеля, сопровождалось любопытными подробностями.

Дожди сдѣлали дорогу непроходимой для артиллеріи и обоза. Оставя тяжелое войско за три лье до города, маршалъ поспѣшилъ впередъ съ конницею, нѣсколькими гаубицами и двумя полками легкой пѣхоты. Въ темную ночь, въ девять часовъ вечера, пришла пѣхота, и расположилась въ предмѣстнн Бабъ-Али.

Никто не противился занятію города. Совершенная тишина царствовала повсюду; дома были оставлены, двери ихъ заперты, и ни какой голосъ человѣческой не нарушалъ глубокаго безмолвія. Предмѣстнн, занятое нами, казались совершенно пусто. Только одно живое существо встрѣтили мы въ грязной, темной улицѣ. Это была бѣдная, больная старуха, спрятавшаяся въ кучѣ доскутьевъ и кожъ. На

другой день, послѣ смотра, мы вступили въ городъ.

Въ древности Маскара называлась *Victoria*. Городъ этотъ находится на прелестной долинь, въ 65-ти лье на З. Ю. З. отъ Алжира, и въ 20 лье отъ Орана. Высокіе шпицы его минаретовъ разнообразятъ ряды бѣлыхъ, низкихъ террасъ, и вообще видъ его величественъ. Стѣна, вышиною въ 20—25 футовъ, довольно толстая, и хорошо поддерживаемая, окружаетъ все его пространство. Ожидая насъ, негодныя пушки поставили на батареею. Но у стѣны нѣтъ ни рововъ, ни гласиса, и дома примыкаютъ прямо къ ней. При такомъ укрѣпленіи можно отбиться отъ приступа, но нельзя выдерживать никакой осады. Плохая, полуразвалившаяся крѣпость можетъ почестъся защитою не лучше городской стѣны. Всѣ эти укрѣпленія построены жителями для защиты отъ Арабовъ; имъ не хотѣлось принимать къ себѣ Турецкаго гарнизона. Внутренность города грязная; дома малы и бѣдны. Передъ одною изъ мечетей небольшая площадь, подлѣ которой дворець, или, лучше сказать, домъ Абдъ-эль-Кадера. Внутренность его ни чемъ не замѣчательна, состоя изъ двора, вымощеннаго мраморомъ, и большихъ четырехугольныхъ комнатъ. Если бы наружность не была замѣчательна особенною опрятностью, дворець эмира нельзя было-бы отличить отъ другихъ сосѣднихъ домовъ.

Оставляя городъ, Абдъ-эль-Кадеръ убѣждалъ жителей слѣдовать за нимъ. Жиды отказались, и эмиръ отдалъ жилища ихъ на грабежь солдатамъ своимъ, которые расхитили лавки, и перерѣзали всѣхъ, кто дерзнулъ сопротивляться. Многіе изъ домовъ походили на бойни, гдѣ грудями лежали изувѣченные трупы. Несчастные, избѣгнувшіе свирѣпости эмира, и встрѣтившіе насъ ласково, думали, что найдутъ

въ насъ избавителей. Но поступки нашихъ солдатъ скоро показали имъ противное. Нѣсколько женщинъ спрятались въ разныхъ мѣстахъ; ихъ нашли, и только строгость начальства могла остановить беспорядки. Бѣдные Жиды явили намъ собою примѣръ послѣдняго униженія человѣческаго. Одинъ старикъ Жидъ бѣжалъ изъ города опрометью. Дорогою, онъ что-то бормоталъ, и показывалъ знаками совершенное отчаяніе. Нѣсколько нашихъ офицеровъ встрѣтили его, и начали съ нимъ ласково разговаривать. Онъ отвѣчалъ стихами изъ Библіи, просилъ пощады, цѣловалъ руки; ни какъ не могли разуверить его въ безопасности; онъ опять побѣжалъ, рыдая. Ужасъ лишилъ его разсудка. Вскорѣ, на время городъ ожилъ. Союзные намъ Арабы помѣстились въ оставленныхъ лавкахъ, и кладнокровно продавали награбленные ими вещи.

Прежде нежели мы оставили Маскару, началось ея разрушеніе. Дворецъ Абдъ-эль-Кадера преданъ былъ грабежу, какъ равно мечети, гдѣ истребили и расхитили всѣ цвѣтныя стеклянныя люстры, растащили списки Корана и страусовыя лица. Послѣ двухъ-дневнаго пребыванія, на мѣстѣ города остались только развалины. Войско выступило колоннами, и долго видна была Маскара, обвита тучами дыма; огонь отражался краснымъ отливомъ на небѣ. Густые столпы дыма показывали мѣста, гдѣ находились магазины хлѣба, шерсти и сѣры, которыхъ были тутъ большіе запасы. Одной сѣры, заготовленной эмиромъ для выдѣлки пороху, сгорѣло въ Маскарѣ болѣе нежели на 80,000 франковъ.

Жиды Маскарскіе не смѣли оставаться, страшась гнѣва Абдъ-эль-Кадерова, и пошли за нашимъ войскомъ. Надобно было видѣть мрачное отчаяніе бѣдныхъ бѣглецовъ; иначе невозможно понять гибельна-

го состояніи этихъ несчастныхъ. Поспѣшно, съ трепетомъ оставили они городъ, гдѣ горѣли ихъ дома и все ихъ достояніе. Сердца самыхъ нечувствительныхъ солдатъ умилялись при взглядѣ на ихъ бѣдность. Еле-движущіеся старики, слабыя женщины, дѣвушки, дѣти, влеклись за нами, несмотря на наши форсированные марши, но не могли перенести трудностей похода, едва выносимыхъ людьми молодыми, привыкшими къ трудамъ. Старики останавливались, ложились въ кустарникъ и ждали смерти. Бѣдныя женщины истощали послѣднія силы, неся на рукахъ дѣтей своихъ, но ихъ нѣжныя ноги, истерзанныя камнями и горными кустами, не могли ихъ поддерживать; дѣти валились изъ рукъ ихъ, падали въ грязь, а послѣднихъ силъ матерей едва доставало — отойти еще нѣсколько шаговъ, и умереть отъ изнеможенія. Герцогъ Орлеанскій увидѣлъ ребенка, безпомощно брошеннаго въ хлѣбную яму; сердце его не вытерпѣло, и онъ взялъ его въ свой обозъ.

Абдъ-эль-Кадеръ долженъ занять почетное мѣсто между замѣчательными людьми, которыми можетъ гордиться Африка. Онъ самовластный повелитель, воинъ, первосвященникъ, судія своего народа. Будучи властителемъ племени, несимѣющихъ другихъ писанныхъ законовъ, кромѣ книгъ, почитаемыхъ ими за священныя, другаго уложенія кромѣ воли своего султана, Абдъ-эль-Кадеръ рѣшаетъ умомъ своимъ всѣ вопросы общественные и религіозные, и безъ апелляцій и совѣта произноситъ свой судъ.

Роль, какую играетъ этотъ человекъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы заняли берега сѣверо-западной Африки, величественна и вполне выдержана. Благодаря этому величію и упорной настойчивости, Абдъ-эль-Кадеръ возвысился изъ нисшихъ званій до самой

знаменитой степени, и если мы внимательно будемъ слѣдовать за шествіемъ его по блистательному его поприщу, намъ надобно будетъ сознаться, что могущему гению этого человека прежде не доставало только сцены обширнѣе для подобнаго развитія. У насъ сохраняется еще смѣшной предрасудокъ, въ слѣдствіе котораго почитаемъ мы обязанностью унижать нашихъ непріятелей. Такое обыкновение, просто, не ловко, не говоря уже объ его несправедливости. Другіе народы поступаютъ иначе, и думаютъ, кажется, вѣрнѣе, что возвышая, по крайней мѣрѣ, справедливо оцѣнивая славу побѣжденнаго врага, они возвышаютъ тѣмъ самихъ себя.

Такъ, у насъ привыкли говорить объ Африканской войнѣ, какъ о событіи незначительномъ, потому, что подъ Тафноу и Мактахомъ билось народа менѣе, нежели подъ Лейпцигомъ и Ватерлоо. Многіе пожимаютъ плечами при имени Абдъ-эль-Кадера, потому что къ войнѣ съ нимъ нельзя приложить правилъ Европейской стратегіи. Старые гренадеры Наполеоновскіе улыбаются насмѣшливо, когда нашъ молодой Африканскій офицеръ говоритъ имъ о перенесенныхъ имъ трудностяхъ, потому что, по мнѣнію нашихъ желѣзныхъ ветерановъ, ихъ нельзя сравнить съ бѣдственнымъ отступленіемъ отъ Москвы. Между тѣмъ, подвиги наши въ Африкѣ сопровождались тяжкими трудами, битвы наши тамъ были кровавы, и непріятель нашъ храбръ и дѣтеленъ.

Эмиру можно теперь полагать около 29-ти, или 30 лѣтъ, но достовѣрно никто не знаетъ года его рожденія, потому, что Арабы вовсе не заботятся о замѣткѣ при рожденіи дѣтей своихъ. Сиди-Мейдинъ отецъ его, былъ знаменитый Арабскій марабуть, и совершилъ путешествіе въ Мекку, что доставило ему великое уваженіе между земляками. У него бы-

ло трое дѣтей, два сына и дочь. Старшій сынъ, сумасшедшій фанатикъ, проводитъ жизнь свою въ чтеніи стиховъ Корана и подвигахъ мусульманскаго благочестія, остается неизвѣстнымъ, и уступилъ всѣ права свои Абдъ-эль-Кадеру.

Предки эмира были издревле значительными людьми въ своей землѣ. Абдъ-эль-Кадеръ гордится этимъ, и не забылъ сказать въ одномъ изъ писемъ своихъ къ генералу Деминелю: *«Мы родились отъ семейства князей, нѣкогда царствовавшихъ въ сей странѣ.»* Подобно отцу своему, онъ совершилъ пилигримство въ Мекку, дабы пріобрѣсть славу святаго человѣка. Сиди-Мейдинъ умеръ, и сынъ его употребилъ всѣ старанія достигнуть Оранскаго бейлика. Трудно было бы ему утвердить владычество свое надъ многочисленными племенами, нынѣ ему повинующимися, если бы Французы не внесли войны на Африканскіе берега. Едва пало знамя Турецкихъ властителей въ Алжирѣ, едва Французское знамя возвѣялось на древнихъ Испанскихъ твердыняхъ Орана, Арабы съѣли на воинскихъ коней своихъ, и неутолимая война, между ними и новыми пришлецами изъ Европы, загорѣлась повсюду.

Дѣло туземцовъ было справедливое. Зачѣмъ пришли къ нимъ эти гордые, безчеловѣчные завоеватели? И они защищали дѣло свое со всею силою, какую можетъ внушить любовь къ отечеству. Въ такой славной борьбѣ должно было явиться человѣку необыкновенному. И онъ явился въ лицѣ Абдъ-эль-Кадера. Для успѣшной борьбы, ему надлежало укрѣпить свою власть, покорить себѣ непослушныя Африканскія племена, и выставить ихъ противъ насъ огромными толпами. Но всего болѣе—ему надобна была непобѣдимая душа, съ которою онъ возставалъ бы еще могуще и сильнѣе послѣ каждого пораже-

ніа. Ни однажды не уклонился онъ ни передъ однимъ препятствіемъ, по дорогѣ, ведущей его къ славнои цѣли, и достигъ этой цѣли. Его имя, его строгая жизнь, его храбрость, его хитрая политика, его блестящіе успѣхи—все было для него оружіемъ, которымъ изумительно ловко успѣвалъ онъ пользоваться. Изъ простаго начальника племени, чѣмъ былъ при нашемъ приходѣ въ Африку, онъ слѣмался беємъ, эмиромъ, султаномъ, и послѣ договора Тафнскаго, Мароккскій императоръ боится этого хитраго сосѣда, который непрерывно раздвигаетъ предѣлы власти своей и областей своихъ.

Генералъ Демишель, долгое время бывшій въ сношеніяхъ съ Абдъ-эль-Кадеромъ, и заключившій съ нимъ первый трактатъ въ 1834 году, издалъ о событіяхъ въ Африкѣ, во время начальства своего тамъ, весьма любопытную брошюрку. Нашъ генералъ отдаетъ полную справедливость политическимъ способностямъ эмира. Заимствуемъ изъ переписки его съ этимъ Африканскимъ вождемъ два письма, могущія показать Абдъ-эль-Кадеру характеристику.

Первое письмо было отвѣтомъ на требованіе генерала: отпустить нѣсколькихъ Французовъ, захваченныхъ измѣною. Эмиръ весьма ловко говорилъ здѣсь о мирѣ.

*День 6-й еіемьялистани, есіры 1249-й (Октяб-
бря 30-го 1833 года.)*

Хвала Богу и властителю нашему Мугаммеду, а также и товарищамъ его!

Гаджи Абдъ-эль-Кадеръ Бенъ-Мейдинъ, князь вѣрныхъ защитниковъ правовѣрія, генералу Демишелю (да благословитъ Богъ его оружіе!), губернатору Оранскому!

Привѣтъ!

Мы получили письмо, гдѣ даешь ты намъ совѣты, какихъ лучше дать нельзя, и оспаривать которые невозможно. Мы оцѣнили ихъ и употребимъ съ пользою.

Ты настояшь, въ трехъ, полученныхъ нами отъ тебя писемъ, на требованіи свободы плѣннымъ, невольничество конкъ ты оплакиваешь. Эти люди, о которыхъ прилагаемъ мы вселчскія заботы, для насъ совсѣмъ не важны, по состоянію дѣлъ, въ какомъ мы находимся, и малая надежда видѣть въ немъ перемѣну, не позволяютъ намъ согласиться отдать ихъ тебѣ безъ выкупа. Если ты желаешь соглашенія между Арабами и Французами, я готовъ на требованіе твое, касательно плѣнныхъ, когда договоръ по общему убѣжденію прекратить опустошенія сабли. Мы замѣтимъ тебѣ, что въра наша, запрещая намъ просить мира, позволяетъ однакожь намъ принимать его, если намъ предлагаютъ, ибо, сказалъ Господь въ святой книгѣ: *«Отдыхай только послѣ побѣды и я всегда съ тобою буду.»*

Довѣренность, какую внушили намъ твои письма, была сильнымъ побужденіемъ, рѣшившимъ насъ вести съ тобою переговоры. Такъ сказано въ святой книгѣ: *«Если не предлагаютъ вамъ мира, не ищите его, ибо Господь все устроиваетъ, а если миръ нарушенъ, надвѣялся на Него, и Онъ подкрѣпитъ союзъ вашъ, и благословитъ ваше оружіе.»*

Ты требуешь свиданія для переговоровъ, но его должно подчинить условіямъ, которыя должны мы знать, и разъ принявши, утвердить навсегда свящепными, если-бы даже остался хоть одинъ изъ насъ, ибо Всевышній изрекъ: *«Когда ты составилъ союзъ, будь ему вѣренъ, и если-бы мусульманитъ плѣнными христіанскій получалъ свободу на честное слово, онъ не отступитъ отъ своего слова, безъ позволенія тѣхъ, кому далъ его.»*

Дабы довести къ доброму концу предполагаемое условіе, необходимо тебѣ сказать намъ: чего ты именно хочешь, и чего ты желаешь? Я скажу тебѣ свои условія, и Богъ поможетъ намъ. Ты хвалишься могуществомъ Франціи и унижаешь наше могущество, но вѣка свидѣтели силы мусульманъ, всегда побѣдоносной надъ врагами. Если мы слабы по наружности, то сила наша въ Богъ, ибо Онъ рекъ: *«Сила ваша въ слабости вашей; доверься мнѣ и успѣши во всѣхъ дѣлахъ твоихъ; блуди въру и побѣда върна тебѣ, и если нѣтъ у тебѣ силы, ты найдешь ихъ въ моемъ упованіи.»* Не думаемъ о побѣдѣ постоянной: на войнѣ есть успѣхи и неудачи; сегодня твоя побѣда — завтра наша. Смерть для насъ предметъ радости. Мы не заботимся о прошедшемъ; мы не

нимъ съ другой опоры, кромѣ нашего оружія и нашихъ копей. Свистъ пуль драгоцѣннѣе для насъ, нежели свѣжая вода томному жаждою, и ржаніе коней прельщаетъ насъ болѣе, нежели очарованіе сладостнаго голоса.

Но обратимся къ нашему дѣлу. Если мы будемъ совершенно утверждены на прочныхъ между нами основаніяхъ дружбы, требуй отъ насъ, и тогда можемъ мы послать къ тебѣ двухъ знатныхъ особъ, облеченныхъ нашею довѣренностью, дабы по совѣщаніи съ Амаромъ, говорить намъ съ тобою о взаимныхъ пользахъ, и тако исполнятся обѣты наши при помощи Божіей. Но если бы принуждены мы были даже оставить нашу страну, мы съѣдемъ это безъ печали, ибо вся земля Божія, и Онь далъ намъ ее, и куда бы мы ни пошли, на востокъ, на западъ, въ пустыню, всюду будетъ съ нами народъ нашъ.

Кажется, ты презираешь силы Арабовъ, а между тѣмъ мы всегда готовы сражаться. Загляни въ лѣтописи, и ты увидишь, что происходило нѣкогда въ Азіи, въ окрестностяхъ Дамаска.

Послѣдними словами, Абдъ-эль-Кадеръ напоминалъ осаду Акры Бонапартомъ, и блистательные подвиги первыхъ послѣдователей Мугаммеда въ Сиріи. Приведу другое письмо его, писанное къ нашему генералу послѣ несчастной битвы, гдѣ счастье благоприятствовало оружію врага Абдъ-эль-Кадерова, Мустафы-бенъ-Измаила, нынѣшняго союзника нашего.

Абдъ-эль-Кадеръ, и проч.

Ночь 8-я рамадана, года 1249 (1834).

Привѣтъ!

Бюснашъ прѣхалъ ко мнѣ, и привезъ отъ тебя старинную Арабскую саблю; мы приняли ее, какъ знакъ твоей дружбы и новое доказательство добраго твоего къ намъ расположенія. Богъ, да вознаградитъ тебя по заслугамъ! Можешь быть увѣренъ, что я сдержу свое слово, и всегда соблюду союзный договоръ, насъ соединяющій. Бюснашъ сказалъ намъ, что тебѣ жаль нашего несчастія, но ты знаешь войну: сегодня намъ, а завтра непріятелю. По твоему доброму совѣту, я przygotowляю новую вылазку, и ни сколько не отдыхаю.

Но если эта война кончится, при помощи Божіей, все, чего ты желаешь от насъ, будетъ легко сдѣлать. Желаю, чтобы ты потребовалъ отъ насъ, что тебѣ нравится изъ произведеній нашей земли. Самъ я не могу угадать твоего вкуса, и почту знакомъ дружбы, если ты захочешь мнѣ сказать. Жизнь и голову мою отдамъ для исполненія твоихъ желаній. Знаю праяа дружбы, но я отсталъ отъ тебя въ великодушіи, и никогда не воспомяну недостатка, ибо ты началъ, а кто начинается, тотъ всегда болѣе великодушенъ.

Эти два письма не требуютъ поясненій, и сами собою свидѣтельствуютъ тонкую хитрость и ловкій разумъ Абдъ-эль-Кадера. Но чтобы лучше оцѣнить его, надобно было его видѣть въ одно изъ прекраснѣйшихъ событій его жизни—я хочу сказать о свиданіи его подъ Тафною съ генераломъ Бюжо.

Немногіе изъ насъ видали до тѣхъ поръ Абдъ-эль-Кадера. Онъ никогда не рѣшался пріѣхать въ Оранъ, и весьма немногіе изъ нашихъ офицеровъ посѣщали Маскару. Все войско наше жаждало взглянуть на человѣка, съ которымъ жестоко сражалось оно уже столько времени.

Дивизія наша, составляя отъ 9-ти до 10,000 человѣкъ, находилась при устьѣ Тафны. Цѣлый уже мѣсяць шла она по долинамъ, не встрѣчая непріятеля. Слухъ о мирѣ доходилъ до солдатъ, и мы нетерпѣливо ожидали рѣшенія на этотъ вопросъ, когда приказъ главнокомандующаго кончилъ все наше сомнѣніе; вѣрно было собраться отряду въ 4000 человѣкъ, для охраненія генерала при свиданіи съ Абдъ-эль-Кадеромъ. Мы запаслись холостыми зарядами и ядрами, но почитали миръ уже утвержденнымъ, и думали только о томъ, какъ-бы поласковѣе встрѣтить Сиди Абдъ-эль-Кадера. Мы добродушно предполагали, что *султанъ* соблаговолитъ самъ явиться въ нашихъ рядахъ, посмотреть на насъ, похвалить наше воинское устройство. Такъ дѣлали встарину

люди, помогущественіе этого султана Арабскаго, но старое время давно прошло, и мы позабывали, что были не въ Европѣ, а въ Африкѣ. Въ пять часовъ утра, полки наши выступили въ походъ. Авангардъ составили у насъ Арабы союзники, подъ начальствомъ Мустафы, который самъ ни за что не хотѣлъ однакожъ явиться передъ своимъ смертельнымъ непріателемъ.

Для свиданія выбрали прелестную долину, орошаемую Тафною, и обставленную высотами, большею частью обработанными. Колонны наши стали въ боевой порядокъ въ неподвижномъ и величественномъ положеніи, какое обыкновенно принимаютъ войска, ожидая королевскаго смотра. Генеральъ развернулъ свою конницу на скатахъ холма, и послалъ ведетами отрядъ снаговъ, чтобы авангардъ Абдъ-эль-Кадера не засталъ насъ въ расплохъ. Ему уже очень досадно было и то, что мы явились первые. Но намъ готовилась не одна такая досада.

Пѣхога наша стояла и ждала, взявши ружья къ ногѣ, конница наша была на лошадяхъ, канонеры при своихъ пушкахъ, а генералы наши верхомъ, окруженные своимъ штабомъ. Ни одинъ Арабъ не показывался — долина была пустынна; ведеты ничего не возвѣщали намъ. Ждемъ часъ, два, три часа; нетерпѣніе горячо обнаруживается между нами; шутки и насмѣшки мелькаютъ во всѣхъ рядахъ. И вотъ солнце почти идетъ къ западу, а никого не видно и ничего не слышно. Генеральъ Бюжо очень хорошо понималъ неудовольствіе войска, и самъ онъ былъ въ большомъ замѣшательствѣ. Но ведеты даютъ наконецъ извѣстіе, что непріятельское войско приближается и подымаетъ вдали густую пыль. Нѣкоторые изъ фуражировъ этого войска являются къ генералу, и извѣщаютъ его, что эмиръ

нездоровъ, и просить извинить въ медленности похода.

При такой новости загрѣмѣли барабаны; ружья разобраны изъ козелъ, войско стало подъ ружье, и сдѣлалось опять неподвижно. Новал неудача! Чуть не за лье до нашего авангарда, Арабы останавливаются, и хотятъ разбивать бивакъ. Сначала думали при этомъ извѣстн, что *султанъ* отдѣлится съ прикрытiемъ, и станеть на половинѣ разстоянiя между двумя войсками. Но ожиданiе было тщетно; по гордости-ли, или по недоувѣрчивости, онъ и не думалъ поступить такимъ образомъ.

Ясно можно было разглядѣть все его войско; онъ сосредоточилъ толпы его въ обширный треугольникъ, занявшій углами своими три холма. Все войско Арабское состояло изъ конницы, и по видимо-му, простиралось до десяти тысячъ. Генералъ Бюжо послалъ своего переводчика, подъ прикрытiемъ, къ ближнимъ постамъ Абдъ-эль-Кадера, изъяснить ему свое неудовольствiе, разсвѣять опасенiя, какiя могъ онъ имѣть, касательно своей безопасности, и словомъ — кончить переговоры, при которыхъ заставляли насъ играть жалкую роль. Знавшiе живой и немного упрямый характеръ нашего генерала, дивились кротости и хладнокровiю, которыя оказывалъ онъ при семъ случаѣ. Но переводчикъ нашъ въздилъ, переѣзжалъ, а эмиръ ничего не рѣшалъ; онъ стоялъ въ своей позицiи — мы въ своей. Всѣ военные, которымъ не очень нравились переговоры о мирѣ, ласкали уже себя надеждою на разрывъ ихъ. Мы того только и ждали, что намъ велеть приниматься за оружье, и никто не предвидѣлъ внезапнаго рѣшенiя нашего генерала. Выведенный изъ терпѣнiя всѣми этими медленностями, онъ передалъ начальство надъ войскомъ генералу Леде,

и съ своимъ штабомъ отправился къ непріятельскому войску. Тогда было уже четыре часа по полудни, и мелкій дождикъ пошелъ въ это время. Кто могъ предвидѣть, что нашъ главнокомандующій, безъ всякаго прикрытія, осмѣлится ѣхать и отдаться во власть врага, добрая вѣра котораго была болѣе нежели сомнительна....

Арабскіе ведеты возвѣстили приближеніе нашего генерала, но Абдъ - эль - Кадеръ ждалъ его не двигаясь съ мѣста. Смѣлый поступокъ нашего начальника долженствовалъ произвести сильное впечатлѣніе. Этимъ показано было, что не боятся, не трусятъ грознаго Абдъ - эль - Кадера, и высокое званіе свое ставятъ надъ всякимъ мелкимъ опасеніемъ и ничтожною робостью. Къ сожалѣнію, не смотря на строгое повелѣніе генерала, многіе изъ чиновниковъ, принадлежавшихъ къ гражданской части по арміи, присоединились къ его военному штабу, и образовали при немъ свиту совсѣмъ не величественную. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, Арабскихъ начальниковъ, красивыхъ, мощныхъ, рослыхъ, одѣтыхъ не роскошно, но воинственно, смѣло и съ открытою головою выдерживающихъ непогоду, сидящихъ на богатыхъ коняхъ, и потомъ обратитесь къ свитѣ генерала, въ ея партикулярномъ Европейскомъ платьѣ, составленной изъ весьма плохихъ ѣздоковъ. Всѣ эти господа чиновники были, напрымѣрь, въ картузахъ съ огромными козырьками, весьма удобными, правда, и защищающими отъ солнца, но за то ужъ совсѣмъ не воинскими. Сравнивая представителей двухъ народовъ, нельзя было не досадовать, вида генерала нашего, такъ плохо окруженнаго, при подобномъ торжественномъ случаѣ. Мы хотѣли бы, чтобы свиту его составляли люди, знакомые непріятелямъ на поляхъ битвъ и сраже-

ній, и пусть бы Арабы узнали въ нихъ народъ, который уже семь лѣтъ мужественно сражается въ Африкѣ. Но дѣлать было нечего! — Подъѣхавъ къ переднему углу Арабскаго войска, генераль остановился. Тутъ увидѣли мы всадника, выѣхавшаго изъ непріятельскихъ рядовъ на вороной лошади, красоты изумительной. Два невольника держали ее подъ узцы съ обѣихъ сторонъ, и гордое животное подымало ихъ обонхъ при каждомъ курбетъ. Подъѣхавши къ генералу, Абдъ - эль - Кадеръ сбросился, а не слѣзъ съ своей бѣшеной лошади. Онъ слѣзъ первый. Генераль нашъ слѣдовалъ его примѣру. Два переводчика принялись передавать взаимно слова двухъ знаменитыхъ собесѣдниковъ.

Эмиръ невысокаго роста. Кожа его гораздо бѣлѣе, нежели у другихъ Бедунновъ, и руки его отменно нѣжны и прекрасны. На немъ были ганкъ, черный бурпу, и веревка изъ верблюжьей шерсти. Онъ одѣтъ былъ такъ просто, какъ одѣвается послѣдній всадникъ въ его войскѣ. Четки изъ крупныхъ зеренъ висѣли у него на шеѣ, и онъ безпрестанно перебиралъ ихъ. Черты лица его, нѣжны и красивы, выражали что-то болѣзненное, и были въ совершенной противоположности съ могуществомъ его взора. Онъ взвѣшивалъ каждое свое слово, произнося ихъ кроткимъ голосомъ, и взглядами совѣтовался въ то же время съ своимъ диваномъ, который состоялъ изъ нѣсколькихъ марабутовъ, неподвижно стоявшихъ по сторонамъ.

Абдъ - эль - Кадеръ занималъ средину полукруга, который образовали окрестъ его начальники племени, ожидалъ слѣдствій переговоровъ, продолжавшагося минутъ сорокъ, среди глубокаго, благоговѣйнаго молчанія. Эмиръ долженъ былъ поддержать выгоды всѣхъ племенъ Арабскихъ, ибо для нихъ

блѣве, нежели для насъ, война имѣла важныя послѣдствія. Абдъ-эль-Кадеръ говорилъ передъ войскомъ своимъ, передъ собраніемъ своихъ старшинъ, и онъ долженъ былъ возвыситься въ виду ихъ, соблюдая осанку благородную, гордую и презрительную, при важномъ переговорѣ съ начальникомъ невѣрныхъ. Постоянно поддерживалъ онъ одинакое положеніе, не глядѣлъ въ глаза нашему генералу, и не показывалъ никакого внутренняго движенія. Роля его была прекрасна, и превосходно разыграна до конца. Миръ былъ нуженъ Арабамъ; имъ надобно было оправиться послѣ большихъ потерь, и невозможно было имъ удержаться противъ превосходнаго войска, которымъ начальствовалъ генералъ Бюжо. Абдъ-эль-Кадеръ лучше всѣхъ понималъ важность, какую пріобрѣталъ онъ заключеніемъ мира. Но, какъ искусный дипломатъ, онъ не спѣшилъ поддаваться, даже торговался въ условіяхъ. — «Что даешь ты мнѣ порукою въ этомъ договорѣ?» спрашивалъ онъ. — «Мое генеральское слово» — отвѣчалъ ему генералъ Бюжо — «а впрочемъ, ты долженъ быть доволенъ этимъ перемиріемъ и потому, что если мой государь не утвердитъ нашихъ условій, ты противопоставишь мнѣ армію сильнѣе нынѣшней, и между тѣмъ успѣешь управиться съ жатвою.» — Султанъ отвѣчалъ не запинаясь: «Моя армія, ты самъ видишь, и теперь хороша. А что касается до жатвы, то мы объ ней не заботимся. Хочешь-ли доказательства? Я позволяю тебѣ выжечь весь хлѣбъ на поляхъ.» — Онъ притворялся, и въ презрительномъ тонѣ рѣчей его скрывалось явное хвастовство. Но хвастовство это было кстати, и выказывало какое-то благородство.

Генералъ Бюжо всталъ и протянулъ руку къ Эмиру, который наоборотъ подалъ ему свою руку,

но не вставая съ мѣста. Тутъ нашъ генераль насильно приподнялъ его, горячо произнеся: *Mais relevez-vous donc* (Да, встань же)! — Такое движеніе благородной гордости понравилось всему нашему войску. Хладнокровіе, какое показаль нашъ начальникъ при переговорахъ, когда онъ совершенно предался во власть непріятеля, льстило нашей народной гордости.

Немного смущенный смѣлымъ поступкомъ генерала, Абдъ-эль-Кадеръ отвернулся не говоря ни слова, вскочилъ на свою лошадь, прищипорилъ ее, и въ четыре прыжка соединился съ своими Арабами, громогласно и единодушно закричавшими: *«Да здравствуетъ султанъ!»* Бедуины до такой степени уважають эмира, что даже и наши союзники невольно повторили въ нашихъ рядахъ кликъ, огласившій ряды непріятелей.

Войско Абдъ-эль-Кадера двинулось въ горныя ущелья, персшло за горы и исчезло изъ виду. — Черезъ нѣсколько дней послѣ сего свиданія, Абдъ-эль-Кадеръ наказываль уже набѣгомъ племена Ангаэдской пустыни, который не вполнѣ приняли его сторону въ войнѣ, только что минувшей.

==

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ

ЗА ІЮНЬ 1838 ГОДА.

Р о с с і я.

О пребываніи Государыни Императрицы въ Фюрстенштейнѣ получены дальнѣйшія извѣстія. Сообщаемъ ихъ вполнѣ: «⁶/₁₈ Іюня прибылъ сюда Наслѣдвѣй Принцъ Оранскій, и остановился въ назначенныхъ Его Высочеству комнатахъ въ замкѣ, а на другой день отправился въ Фишбахъ.

«Ея Высочество Принцесса Луиза Нидерландская, съ дочерью, вчерашній день предприняла путь туда же.

«¹¹/₂₃-го числа сего Іюня, во второмъ часу по полудни, Государыня Императрица, съ Великою Княжною Александрою Николаевною, изволила отправиться въ Эрдмансдорфъ, для свиданія съ Его Величествомъ Королемъ Прусскимъ. Въ тотъ же день вечеромъ, Ея Величество прибыла въ Фишбахъ, и остановилась въ замкѣ Принца Вильгельма, брата Короля, а сегодня, въ ²/₂ часа по полудни, возвратилась благополучно опять въ Фюрстенштейнъ, въ сопровожденіи Принцессы Луизы Нидерландской.

«Здоровье Ея Императорскаго Величества, равно и Ея Высочества Великой Княжны, благодаря Бога, весьма хорошо.

«Юня 18/27 числа прибылъ сюда Его Королевское Высочество Наслѣднйй Принцъ съ Супругою, а сегодня ожидаютъ Его Величества Короля Прусскаго. — Его Величество остановится въ городѣ Фрейбургѣ, отстоящемъ отъ Фюрстенштейна въ полу-миль.

«Здоровье Государыни Императрицы ежедневно улучшивается. — Ея Высочество Великая Княжна находится въ вожделѣнномъ здравіи.»

О путешествіи Государя Императора, отъ С. Петербурга, черезъ Царство Польское и Пруссію, до Саксоніи, получены слѣдующія извѣстія: «Въ ночи съ 13-го на 14-е число Юня, въ первомъ часу, Государь Императоръ изволилъ отправиться изъ Александріи въ путь къ Варшавѣ, черезъ Динабургъ и Ковно. — Въ Динабургъ Его Императорское Величество останавливался самое короткое время, былъ въ соборной церкви, и осмотрѣвъ крѣпостныя работы, отправился далѣе, и прибылъ благополучно въ Варшавскую крѣпость Новогеоргіевскъ, 17-го числа, въ часъ полуночи.

17-го числа, Его Величество, въ десять часовъ утра, изволилъ быть въ Соборѣ, и потомъ осматривалъ крѣпостныя работы, обширныя предположенія которыхъ и отличнѣйшее исполненіе заслужили совершенное одобреніе Государя Императора.

Къ обѣденному столу Его Величества приглашены были, прибывшіе въ Варшаву къ предстоящимъ смотру и маневрамъ войскъ, Эрцгерцогъ Фердинандъ, Прусскіе генералы Грольманъ и Эльстеръ, и состоящіе при нихъ штабъ и оберъ-офицеры; равно всѣ генералы, въ Новогеоргіевскѣ находившіеся.

Послѣ обѣда, Его Императорское Величество вто-

рично изволилъ осматривать во всей подробности крѣпость, вмѣстѣ съ Эрцгерцогомъ, и прочими иностранными посѣтителами, а въ 10 часовъ вечера, отправился въ Варшаву, куда и прибылъ благополучно въ 12 часовъ, при многочисленномъ стеченіи народа.

Городъ былъ иллюминированъ.

Государь Императоръ остановился въ Лазенковскомъ дворцѣ. 17-го Іюня, въ восемь часовъ утра, Его Величество изволилъ дѣлать смотръ 4-му Пѣхотному Корпусу, и сверхъ того дивизиону Жандармскаго полка, Сборному Линейному и Сборному Донскому Казачьимъ, Закавказскому Конно-Мусульманскому, и Кавказскому Конно-Горскому полкамъ, съ баттареею Донской артиллеріи.

Въ семь часовъ по полудни, Его Императорское Величество осматривалъ цитадель.

19-го Іюня, въ 9 часовъ утра, Государь Императоръ изволилъ принимать въ Лазенковскомъ дворцѣ представленіе Администраціоннаго и Государственнаго Совѣтовъ.

Послѣ того слушалъ обѣдню въ Греко-Россійскомъ кафедральномъ соборѣ, при входѣ въ который былъ встрѣченъ Первосвященнымъ Антоніемъ, Викарнымъ Епископомъ Варшавскимъ, со крестомъ и святою водою. По окончаніи обѣдни, Его Величество, съ Эрцгерцогомъ Фердинандомъ, присутвовалъ въ лагерѣ у развода Азовскаго пѣхотнаго полка.

Послѣ развода, объѣзжая лагерь 10-й, 11-й и 12-й пѣхотныхъ дивизій, Государь Императоръ изволилъ останавливаться при каждомъ полку.

Въ четыре часа по полудни были приглашены къ обѣденному столу Его Величества Эрцгерцогъ Фердинандъ, всѣ военные генералы и полковые командиры, также высшіе чины гражданскаго вѣдомства.

Въ шесть часовъ многочисленная публика собралась въ Лазенковскомъ паркѣ. Въ этотъ день дано было представленіе въ открытомъ театрѣ. Паркъ былъ иллюминированъ.

Къ одиннадцатому часу, Государь Императоръ, въ сопровожденіи Генералъ-Фельдмаршала, изволилъ отправиться для ночлега въ лагерь.

20-го Іюня, въ 6 часовъ утра, Его Величество изволилъ произвести ученіе дивизіямъ 4-й легкой кавалерійской и сводной иррегулярной, и совершенно былъ онымъ доволенъ.

21-го Іюня, Государь Императоръ, въ 12-мъ часу утра, въ Варшавѣ изволилъ посѣтить военный госпиталь, и найденнымъ въ ономъ порядкомъ и устройствомъ остался доволенъ. Потомъ Его Величество изволилъ осматривать, на правомъ берегу Вислы, вновь строящійся фортъ Сливницкій, который будетъ служить теть-де-пономъ Александровской цитадели. Оттуда Государь Императоръ посѣтилъ Институтъ воспитанія дѣвиць и больницу Святаго Лазаря. Въ Институтѣ Его Величество удостоилъ сдѣлать нѣкоторымъ дѣвицамъ вопросы на Русскомъ языкѣ, и будучи совершенно доволенъ, какъ усгѣхами воспитанницъ, такъ и общимъ порядкомъ этого заведенія, повелѣлъ на будущее время содержать въ Институтѣ, сверхъ нынѣшняго комплекта дѣвиць, четырехъ воспитанницъ на собственномъ Его Величества иждивеніи, и двумъ воспитанницамъ пожаловалъ подарки.

Въ шесть часовъ по полудни, Государь Императоръ присутствовалъ на ученьи Сборнаго Линейнаго Казачьяго, Закавказскаго Конно-Мусульманскаго и Кавказскаго Конно-Горскаго полковъ, а въ одиннадцать часовъ вечера, переѣхалъ въ лагерь на ночлегъ.

22-го Юня, Государь Императоръ, въ шесть часовъ утра, изволилъ начать ученье 4-му пѣхотному корпусу и сводной иррегулярной дивизіи, между Бвлянскимъ лагеремъ и Вольскою заставою.

Когда войска приблизились къ укрѣпленію Воли, Его Величество передалъ командованіе маневромъ Генераль-Фельдмаршалу, поручивъ ему сдѣлать примѣрный штурмъ, и по взятіи приступомъ укрѣпленія, Государь Императоръ приказалъ отдать честь Генераль-Фельдмаршалу.

23-го числа, въ 10 часовъ утра, Государь Императоръ изволилъ осматривать пѣшую и конную батареи, составленныя временно изъ людей прикомандированныхъ къ артиллеріи, отъ пѣшихъ и кавалерійскихъ полковъ 4-го пѣхотнаго корпуса, и былъ совершенно доволенъ.

23-го Юня, отъ 2-хъ до 5¹/₂ часовъ по полудни, Государь Императоръ изволилъ присутствовать въ Варшавѣ на маневръ войскъ 4-го пѣхотнаго корпуса, продолженіе котораго должно было быть на другой день.

Ночь Его Величество провелъ въ палаткѣ, посреди войскъ, расположенныхъ бивуаками.

24-го Юня, въ пять часовъ утра, началось продолженіе маневра, по окончаніи котораго, на половинѣ дороги между Варшавою и первою станціею къ Фюрстенштейну, Его Величество, въ 9¹/₂ часовъ утра, прямо отсюда отправился въ дальнѣйшій путь.

25-го числа въ три часа по полудни, Государь Императоръ прибылъ благополучно въ замокъ Фюрстенштейнъ, мѣстопробываніе Государыни Императрицы.»

Изъ Фишбаха нишуть, отъ 2-го Юля: «Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, съ Ея Высочествомъ Великою Княжною

Александрю Николаевною, изволили выехать сегодня изъ замка Фюрстенштейна, и пріѣхали сюда на объѣздъ къ Принцу Вильгельму, брату Короля Прусскаго.

«Вчера, во всерадостный день рожденія Государыни Императрицы, была устроена вечеромъ иллюминація, соответствующая гористымъ и сельскимъ мѣстоположеніямъ, окружающимъ замокъ. Скалы, гѣса и старинный готическій замокъ, находящійся передъ окнами дворца, были освѣщены разноцвѣтными огнями. Окрестныя горы обрисовывались огромными кострами, пылавшими на самыхъ возвышенныхъ вершинахъ, верстъ на двадцать въ окружности.

Множество народа собралось съ самаго утра, изъ всѣхъ окрестностей, для принесенія поздравленія Ея Императорскому Величеству, и Государыни Императрицы, по выходѣ изъ Русской церкви, изволила принимать болѣе ста особъ высшаго дворянства, послѣ чего были приглашены къ Императорскому столу, кромѣ Принцевъ и Принцессъ, и всѣхъ Русскихъ подданныхъ, находящихся на Зальцвассерскихъ водахъ, главнѣйшіе военные и гражданскіе сановники, равно какъ и нѣкоторые важнѣйшіе помѣщики съ ихъ супругами.»

Юля ⁸/₁₇ дня, въ семь часовъ утра, Государь Императоръ благополучно прибылъ въ Дрезденъ, вмѣстѣ съ Государынею Императрицею и Ея Высочествомъ Великою Княжною Александрю Николаевною, и остановился въ домѣ Россійскаго Посланника.

Тотчасъ по пріѣздѣ, Государь изволилъ поѣхать въ Пильницъ, загородный дворецъ Короля, и тамъ предупредилъ Его Величество, который готовъ былъ ѣхать на встрѣчу къ Императору. Изъ Пильница Государь Императоръ возвратился въ городъ, и посѣ-

тилѣ Ея Императорское Высочество Великую Княгиню Анну Павловну. Въ то же утро Ихъ Императорскія Величества изволили осматривать знаменитую Дрезденскую картинную галерею, гдѣ встрѣчены были Королемъ.

Юля 6/10, Государь Императоръ съ Ея Императорскимъ Величествомъ изволили обѣдать у Короля въ самомъ Дрезденѣ, а вечеромъ отправились въ Пильницъ, откуда 7/10 числа, имѣли намѣреніе выѣхать прямо въ Теплицъ.»—

Его Свѣтлость Принцъ Петръ Ольденбургскій, 2-го Юля, съ супругою и дочерью, отправился изъ Кронштадта въ Травемюнде, на пароходъ Александра, шкиперъ Шютъ.

Генераль-маіоръ Графъ Симоничъ, согласно желанію его, отозванъ изъ Персін, а на мѣсто его Высочайше повелѣно быть Полномочнымъ Министромъ при Тегеранскомъ Дворѣ полковнику Дюгамелю.

Вмѣсто выданныхъ отъ Государственного Заемнаго Банка, до Марта мѣсяца 1828 года, билетовъ на простой бумагѣ, съ сургучными печатами, повелѣно нынѣ выдать въ обмѣнъ билеты нынѣшней формы, какъ болѣе прочные, и потому, что прежніе, въ теченіе 10-ти лѣтъ могли придти въ ветхость, и написанное на нихъ чернилами могло стереться. Срокъ для обмѣна назначенъ по 1-е Юля 1840 года.

Юня 14 го, въ Ялтѣ торжествовали, въ присутствіи Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль-губернатора Графа М. С. Воронцова открытіе новоучрежденнаго въ семь городѣ уѣзднаго управленія.

Мая 24-го прибылъ въ Одессу Австрійскій пароходъ Либано, шкиперъ Петчи, предназначаемый для постояннаго сообщенія между Галацомъ и Одессою отъ Дунайской Пароходной Компаніи. Изъ Галаца въ Одессу пришелъ онъ въ девять дней, а изъ

Сулинскаго гирла въ сутки. Мая 29-го отплыль онъ съ грузомъ въ Браиловъ.

По Царскосельской желѣзной дорогѣ въ теченіе Іюня мѣсяца проѣхало пассажировъ отъ Петербурга до Царскаго Села 42,781, обратно 40,249, отъ Царскаго Села до Павловска 16,891, обратно 16,773, а всего 116,694. Доходъ съ проѣзда и провоза тяжестей по дорогѣ составилъ 155,385 р. 60 к.

Съ открытія навигаціи до 12 Іюля, въ Кронштадтъ пришло кораблей 615, а вышло изъ Кронштадта 335.

Іюля 1-го, въ день рожденія Государыни Императрицы, на Елагиномъ Острову было большое гулянье; вечеромъ сожженъ богатый фейерверкъ. Прекрасная погода способствовала народному веселью.

Іюня 3-го, въ уѣздномъ городѣ Рязанской Губерніи Ряжскѣ былъ ужасный пожаръ: въ пяти подгородныхъ слободахъ сгорѣло 385 домовъ, и въ городѣ 3, да разныхъ построекъ 23.

Англійская голета Амалія, шкиперъ Оренджъ, отплывшая изъ Одессы въ Галацъ, и тамъ нагружившаяся саломъ, погибла 15-го Мая въ Дунаѣ, на Тульчинской скаль, вмѣстѣ съ Англійскимъ бригомъ Касикъ, вышедшимъ изъ Одессы въ Галацъ.

Мая 30-го и 31-го, по восточному берегу Чернаго Моря, свирѣствовала столь жестокая буря, что нѣсколько кораблей, стоявшихъ у Абхазскаго берега, сорваны были съ якорей и погибли; въ томъ числѣ находились: одинъ пароходъ, который тщетно удвоенною силою паровой машины хотѣлъ удалиться отъ береговъ, и три военныя судна, бригъ и два куттера, а купеческихъ кораблей 14 (въ томъ числѣ одинъ Неаполитанскій).

Съ особеннымъ наслажденіемъ повторяемъ извѣстіе, помѣщенное во всѣхъ почти Русскихъ журна-

лахъ, о началѣ въ Россіи благотѣльныхъ *Обществъ умеренности* (Sociétés de Tempérance; подробное объ нихъ извѣстіе читатели могутъ видѣть въ «Журналъ Мин. Вн. Дѣлъ,» на сей годъ, кн. III, стр. 248, и слѣд.):

Уже нѣсколько лѣтъ тому, какъ состоялись въ Сѣверной Америкѣ, въ Англии и въ сосѣдней намъ Швеціи, общества, подъ названіемъ *Союзовъ умеренности*, составленныя изъ благородныхъ и доброжелательныхъ людей, положившихъ себя предметомъ искоренять, по возможности, между простыми народамъ пьянство и развратъ. Старанія сихъ благотѣльныхъ союзовъ имѣли очень хорошій успѣхъ; многія хозяйства, разоренныя и пришедшія въ крайнюю пищу отъ разврата своихъ хозяевъ, внимая благимъ совѣтамъ и наставленіямъ своихъ благотѣлей, бросили пагубное пьянство, и вскорѣ, оправясь, стали жить въ довольствѣ и счастіи, благословляя добрыхъ своихъ наставниковъ.

Объ этомъ важномъ для всехъ предметѣ были помѣщены свѣдѣнія въ газетахъ, издаваемыхъ для крестьянъ нашихъ прибалтійскихъ губерній. Ревнующіе о благѣ своихъ прихожанъ пастыри, съ своей стороны, не оставляли въ проповѣдяхъ обращать вниманія слушателей на пагубныя для души и тѣла слѣдствія пьянства, и на спасительное дѣйствіе трезвости. Богъ благословилъ ихъ труды успѣхомъ: въ нашемъ отечествѣ образовался также союзъ трезвости, и что конечно заслуживаетъ особенное замѣчаніе — онъ *возникъ и состоялся между самыми крестьянами*. Этотъ достойный уваженія и подражанія примѣръ подали *крестьяне Нижне-Бартовскаго прихода въ Курляндской Губерніи*. Внимая отеческимъ увѣщаніямъ своихъ пастырей, и убѣдясь въ своей душѣ въ неисчислимой пользѣ такого предпріятія, они сами положили учредить между собой *товарищество трезвости*. Въ Латышской газетѣ, N. 9, помѣщено слѣдующее извѣщеніе о томъ самихъ крестьянъ:

«Прихожане Нижне-Бартовскаго прихода желаютъ здорова и всякаго блага своимъ собратіямъ.

«Мы читали внимательно, что было писано въ нашей газетѣ о союзахъ трезвости въ другихъ земляхъ, и съ умиленіемъ слушали почтеннѣйшаго нашего пастыря - наставника,

когда онъ, въ своихъ проповѣдяхъ и бесѣдахъ съ нами, толковалъ, по словамъ Священнаго Писанія, о гибельныхъ для души и тѣла слѣдствіяхъ невоздержности, и какъ чрезъ сказанные союзы народъ отсталъ отъ пьянства, и какъ отъ того люди стали лучше, а разоренныя хозяйства поправлялись. Его наставленія не остались втунъ и подѣйствовали на благо-разумныхъ изъ нашихъ собратій. Они стали также отъ себя представлять прочимъ, и уговаривать ихъ прилечь за то же спасительное дѣло. Много объ этомъ было между нами толковъ; нѣкоторые соглашались; другіе думали, что трезвость не пойдетъ въ прокъ, а многіе даже насмѣхались надъ нашимъ помысломъ, и почитали его несбыточнымъ и напраслиной. Это противорѣчіе однакожь насъ не смутило; мы твердо держали въ умѣ наше намѣреніе, и наконецъ благое дѣло состоялось. На второй день праздника Рождества Христова, послѣ обѣдин, собрались изъ насъ 96 человекъ въ пасторатъ, и почтительно объявля г. Пастору свое намѣреніе: установить между собой *товарищество трезвости*, просвѣли, принять отъ нихъ обѣщаніе впередъ *не употреблять вина* и крѣпкихъ напитковъ, и *наблюдать другъ за другомъ, чтобы каждый изъ насъ въ точности исполнялъ это обѣщаніе*. Нашъ отецъ пасторъ, отъ всего сердца одобрилъ наше намѣреніе, благословилъ насъ на исполненіе, и записалъ имена всѣхъ участниковъ даннаго обѣщанія. Иному, конечно, сначала показалось труднымъ отстать советомъ отъ привычнаго крѣпкаго питья, но теперь уже перемоглись, и съ благодарностію отзываются, что чувствуютъ себя гораздо веселѣе и довольнѣе, чѣмъ прежде. Хотя не давно у насъ состоялось это благое положеніе, а уже видны его добрыя слѣдствія: у всѣхъ участниковъ въ домахъ и хозяйствахъ стало лучше; ссоры и раздоры кончились; вездѣ смирно и дружно; всякое дѣло идетъ гладко своимъ чередомъ; что прежде пропадало на хмѣльномъ, то нынѣ остается намъ въ прибыль, то есть — и здоровье, и деньги, и досугъ; какъ будто бы времени стало больше на всякое домашнее дѣло; работа не въ трудъ и на сердцѣ легче. Такимъ явнымъ благотворительнымъ усиліемъ нашего товарищества убѣдилось еще 83 человекъ изъ тѣхъ самыхъ крестьянъ, которые сначала надѣвались надъ нами; они сами изъявили желаніе пристать къ намъ, такъ что теперь уже наше товарищество трезвости состоитъ изъ

179 человекъ; съ помощію Божією ихъ прибудеть еще, и наше предпріятіе устоитъ.

«Издавъ на самихъ себя великую пользу отъ этого учрежденія, мы пожелали извѣстить объ немъ прочихъ нашихъ собратій. Пусть прочтутъ сіе наше извѣщеніе, подумаютъ объ немъ между собой, и попытаются сдѣлать, какъ мы сдѣлали. Стоитъ лишь только начать и укрѣпиться вповѣ, а тамъ, привыкнувъ и увидѣвъ великую пользу трезвости для души и тѣла и всего быта своего, уже и сами не захотѣть отстать. Ей такъ! Молимъ Господа Бога, да не оставитъ ихъ, какъ и насъ, своимъ благословеніемъ на благое дѣло.»

Честь и слава добрымъ и благоразумнымъ поселянамъ, подавшимъ первый примѣръ такого истинно благаго дѣла, и захотѣвшимъ сообщить объ успѣхъ своемъ и другимъ на пользу!

ШВЕЦІЯ И ДАНІЯ.

О путешествіи Государя Цесаревича Наслѣдника получены слѣдующія извѣстія: 6/18 Іюня. Государь Цесаревичъ съ Ея Величествомъ Королевою и Ихъ Высочествами Наслѣдною Принцессою и Наслѣднымъ Принцемъ, изволили ѣздить на пароходѣ по озеру Меларну въ замокъ Скоклостеръ (Skokloster), принадлежащій Маршалу Королевства, графу Браге. Древній замокъ сей содержитъ большое собраніе разнаго рода оружія, медалей и портретовъ лицъ, принадлежащихъ къ эпохѣ Тридцатилѣтней Войны. Высокіе Посѣтители, прибывъ въ Скоклостеръ около полудня, изволили осматривать въ немъ всѣ примѣчательности, и въ восемь часовъ вечера, послѣ обѣденнаго стола, отправились обратно въ Розерсбергъ.

На пути между Розерсбергомъ и Скоклостеромъ показаны были Государю Наслѣднику на берегу озера развалины города Сигтуны (Sigtluna), древней столицы языческой Швеціи.

На другой день, Государь Цесаревичъ, въ сопро-

вожденіи Наслѣднаго Принца и свиты, изволилъ выѣхать въ десять часовъ утра изъ Розерсберга въ Упсалу, куда и прибылъ въ часъ по полудни. У воротъ города былъ выстроенъ Упландскій пѣхотный полкъ. Пройдя по фронту; Ихъ Высочества были встрѣчены студентами Университета, которые, при радостныхъ восклицаніяхъ, съ пѣніемъ народнаго гимна, провожали Высокихъ Посѣтителей до замка. Здѣсь, по представленіи мѣстнаго начальства, Наслѣдный Принцъ, въ званіи Канцлера Упсальскаго Университета, представилъ Государю Цесаревичу Ректора, Профессоровъ и нѣсколькихъ изъ отличнѣйшихъ студентовъ. Послѣ сего Ихъ Высочества посѣтили университетъ и кафедральную церковь. Въ семь древнемъ, величественномъ храмѣ находятся мощи Св. Эрика и Св. Бригитты, и гробница Густава Вазы.

За обѣденнымъ столомъ, даннымъ Губернаторомъ, на который были приглашены всѣ Профессоры Университета, военное и городское начальство, Губернаторъ провозгласилъ тостъ за здравіе Его Императорскаго Высочества. Государь Цесаревичъ изволилъ отвѣчать тостомъ за здравіе Канцлера Университета — Наслѣднаго Принца, и въ лицѣ его, всего ученаго сословія. Въ шесть часовъ Ихъ Высочества выѣхали изъ Упсалы, и проѣхавъ около четырехъ миль, прибыли въ Эстербю (Oösterby), имѣніе, принадлежащее одному изъ владѣтелей Данеморскихъ рудниковъ. Осмотрѣвъ находящіеся здѣсь желѣзодѣлательный и чугуново-плавильный заводы, равно и производство цементовой стали, Ихъ Высочества изволили войти въ приготовленные хозяиномъ для ночлега Ихъ покон.

8-го Іюня, Ихъ Высочества ѣздили въ Данемору, отстоящую въ 3-хъ верстахъ отъ Эстербю. Желѣз-

ные рудники въ Данеморѣ принадлежать къ числу самыхъ богатѣйшихъ и лучшихъ въ Швеціи. Высочіе Посѣтителі изволили осмотрѣть все производство горной разработки въ главномъ рудникѣ, коего наибольшая глубина простирается до 500 футовъ. При Ихъ Высочествахъ произведены были, посредствомъ пороха, для отдѣленія камней, нѣсколько взрывовъ.

На возвратномъ пути изъ Данемора въ Стокгольмъ, Ихъ Высочества изволили останавливаться въ древней Упсалѣ на холмѣ, называемомъ могилою Одина, куда собрались всѣ профессоры и студенты университета, чтобы еще разъ привѣтствовать Высочіихъ Путешественниковъ.

9/31 Іюня. Въ полдень Государь Цесаревичъ изволилъ быть въ находящейся здѣсь при посольствѣ Русской церкви, гдѣ отслушалъ краткое молебствіе и приложился къ св. кресту. Откуда вздѣлъ осматривать домъ Дворянскаго Собранія (Ridershuse). Посѣтивъ за симъ Наслѣднаго Принца, Государь Цесаревичъ, вмѣстѣ съ Его Королевскимъ Высочествомъ, былъ въ Дворцовомъ Музеумѣ, содержащемъ значительное собраніе картинъ и скульптурныхъ произведеній. Послѣ сего Ихъ Высочества сѣли въ шлюпку, и отправились на Шведскій фрегатъ Жозефина, пришедшій на дняхъ изъ Средиземнаго моря съ корветомъ Налдою. Оба судна сіи найдены Его Высочествомъ въ отличномъ состояніи.

Въ пять часовъ пополудни, Его Императорское Высочество былъ на обѣденномъ столѣ у Королевы, а въ половинѣ десятаго на вечерѣ у Ея Величества, на который были приглашены всѣ знатнѣйшія особы дѣйствующей столицы и дипломатическій корпусъ.

Полагая на другое утро оставить Стокгольмъ, Государь Цесаревичъ, послѣ ужина, изволилъ про-

ститъся съ Ихъ Величествами Королемъ и Королевою. Его Величество съ Наслѣднымъ Принцемъ проводили Государи Наслѣдника до Его покоевъ.

$\frac{10}{22}$ Юня. Поутру, въ десять часовъ, Государи Цесаревичъ, въ сопровожденіи Наслѣднаго Принца и свитъ, выѣхалъ изъ столицы въ Готенбургъ. Въ половинѣ 4-го, Ихъ Высочества прибыли въ Тюльгарнъ (Tullgarn), въ 70 верстахъ отъ Стокгольма, гдѣ ожидала Ихъ Высочества Наслѣдная Принцесса. Послѣ обѣда, простившись съ Ея Королевскимъ Высочествомъ, отправились въ дальнѣйшій путь, и продолжали оный до слѣдующаго утра.

Проѣхавъ городъ Норчепингъ (Norköping), поутру 11-го Юля, Ихъ Высочества, въ десять часовъ остановились въ лагерь при мѣстечкѣ Бергъ, гдѣ изволили смотрѣть два гренадерскіе полка. Въ недалекомъ разстояніи отъ Берга, Ихъ Высочества вышли изъ экипажей, и сѣли на пароходъ въ Готскомъ каналѣ (Götha Canal). Отсюда дальнѣйшій путь былъ по каналу чрезъ Боренсгультскіе (Bogenshult) шлюзы до озера Веттерна. При впаденіи канала въ озеро, Ихъ Высочества изволили останавливаться въ мѣстечкѣ Мотала, для обозрѣнія фабрики чугунныхъ и желѣзныхъ издѣлій, принадлежащей Обществу Готскаго канала. Послѣ сего Ихъ Высочества снова сѣли на пароходъ, и въ половинѣ 7-го отправились по озеру Веттерну въ направленіи къ крѣпости Карлсборгъ (Karlsborg). Плаваніе по озеру было самое благопріятное; пароходъ остановился у крѣпости въ $9\frac{1}{2}$ часовъ. Ихъ Высочества, при пушечныхъ выстрѣлахъ, были встрѣчены на пристани мѣстнымъ начальствомъ. На площади былъ построенъ Скарборгскій полкъ, который, отдавъ честь Ихъ Высочествамъ, прощель потомъ церемоніальнымъ

маршемъ. Послѣ чего Высокіе Путешественники вошли въ королевскій павильонъ для ночлега.

Поутру, 12-го Іюня, Ихъ Высочества осматривали въ подробностяхъ крѣпостныя работы, и въ 11 часовъ отправились по сухопутному тракту въ Тральеру (Trolhöuta). Въ Аксвалльской долинь (Axvall), Ихъ Высочества заѣзжали въ лагерь Вестроготскаго пѣхотнаго полка. Въ 9 часовъ вечера прибыли въ Тральесту.

15/25 Іюня. Въ 9 часовъ утра, Ихъ Высочества изволили осматривать каналъ Тральетскій. Каналъ сей, проведенный частію чрезъ гранитную скалу, возвышается надъ поверхностію рѣки на 114 футовъ. На немъ устроены восемь шлюзовъ. Государь Цесаревичъ изволилъ присутствовать при проводѣ купческаго судна чрезъ оный. Потомъ Ихъ Высочества пошли къ порогамъ, образуемымъ рѣкою Гетаэльфъ (Gotha-Elf), почти при самомъ выходѣ своемъ изъ озера Веперна (Wenern). Неподалеку отъ водопадовъ, въ гротѣ скалы, изсѣчены имена знатныхъ особъ, посѣщавшихъ мѣста сіи; снисходя на предложеніе Наслѣднаго Принца, Его Императорское Высочество начерталъ тутъ и свое имя.

Въ полдень Ихъ Высочества отправились по тракту въ Готенбургъ. Государь Цесаревичъ, желая видѣть бытъ простаго народа въ здѣшнемъ краѣ, изволилъ входить въ крестьянскій домъ, неподалеку отъ станціи Эксель. Въ восемь часовъ вечера, при пушечной пальбѣ и звонѣ колоколовъ, Ихъ Высочества, привѣтствуемые многочисленною толпою, вѣхали въ Готенбургъ. У дома губернаторскаго, назначеннаго для Высокихъ Посѣтителей, стоялъ эскадронъ гусаровъ Наслѣднаго Принца полка, а на площадяхъ, чрезъ которыя проѣзжали, былъ расположенъ Готскій артиллерійскій полкъ.

Послѣ представленія мѣстнаго начальства и знатнѣйшихъ жителей, былъ поданъ ужинъ, по окончаніи коего военная музыка играла подъ окнами дома; къ ней присоединился хоръ, составленный изъ любителей, и пропѣлъ стихи, сочиненные на случай прибытія Ихъ Высочествъ. При повлеченіи Ихъ Высочествъ у окна, громкія восклицанія не преставали привѣтствовать Высокихъ Гостей.

По утру, ¹⁴/₂₆ Іюня, Ихъ Высочества изволили осмотрѣть двѣ артиллерійскія батареи и лейбъ-эскадронъ гусарскаго Принца Наслѣднаго полка, а въ часъ пополудни были на завтракъ, данномъ Готенбургскимъ градскимъ обществомъ. Во время стола, за коимъ находилось около 200 человекъ, были провозглашены Наслѣднымъ Принцемъ тосты за здравіе Государа Императора и Государа Цесаревича. Его Императорское Высочество отвѣчалъ тостомъ за здравіе Короля Шведскаго и Наслѣднаго Принца; послѣ сего Ихъ Высочества вмѣстѣ провозгласили тостъ въ честь города Готенбурга. При каждомъ изъ сихъ тостовъ, кромѣ послѣдняго, были пѣты на сей случай сочиненные стихи.

Въ четыре часа Государь Цесаревичъ, сопровождаемый Его Королевскимъ Высочествомъ, отправился въ гавань, на пароходъ Гельфъ (Hilfe), назначенный для переезда Его Императорскаго Высочества, со свитою, въ Копенгагенъ. Наслѣдный Принцъ Шведскій, проводивъ Государа Цесаревича до маяка Винго (Vingo), въ шесть часовъ простился съ Его Императорскимъ Высочествомъ.

Пароходъ вышелъ въ море при благопріятной погодѣ. Его Императорское Высочество, по благополучномъ плаваніи чрезъ Каттегатъ и Зундъ, прибылъ въ Копенгагенъ въ вождельяномъ здравіи на слѣдующій день, ¹⁸/₂₇ Іюня, въ часъ по полудни.

При входѣ изъ Каттегата въ Зундъ, Государь Цесаревичъ былъ встрѣченъ Россійскимъ военнымъ пароходомъ Геркулесъ, и въ сопровожденіи его вошелъ въ Копенгагенскій портъ, при салютѣ съ цитадели и всѣхъ укрѣпленій города. Россійскій Посланникъ при Датскомъ Дворѣ, съ Секретарями Посольства, выѣхалъ на семь кораблѣ на встрѣчу Его Императорскому Высочеству. Не смотря на дождливое время, многочисленныя толпы жителей города покрывали берега и прибрежныя укрѣпленія. Государь Цесаревичъ, переѣхавъ на пристань въ королевской шлюпкѣ, на которой былъ поднятъ флагъ Его Высочества, былъ встрѣченъ губернаторомъ Копенгагена, Ландграфомъ Вильгельмомъ Гессенскимъ, и первыми чинами двора, въ числѣ коихъ находился Датскій посланникъ при Россійскомъ дворѣ, графъ Бломъ. По принятіи поздравленій съ благополучнымъ прибытіемъ въ Копенгагенъ, Государь Цесаревичъ, въ придворной парадной каретѣ, въ сопровожденіи свиты своей, отправился къ Королю. Засимъ Государь Цесаревичъ былъ введенъ Его Величествомъ въ покои Королевы, куда прибыли всѣ Принцы и Принцессы Королевскаго Дома.

Въ три часа былъ фамильный обѣденный столъ у Короля, послѣ коего Государь Цесаревичъ изволилъ посѣтить Принцевъ и Принцессъ, и въ половинѣ шестаго, прибывъ въ изготовленный для него дворецъ Христиансборгъ, принималъ Ихъ Королевскія Высочества, Принцевъ Христиана и Фердинанда, и Ландграфа Гессенскаго.

Въ семь часовъ вечера, Государь Цесаревичъ изволилъ быть съ Королевскою Фамиліею въ театрѣ, гдѣ данъ былъ балетъ.

На другой день, $16/28$ Юня, въ девять часовъ утра, Его Величество Король посѣтилъ Государя Це-

саревича, послѣ чего Его Императорское Высочество изволилъ принимать министровъ, дипломатическій корпусъ и всѣхъ знатнѣйшихъ военныхъ, придворныхъ и гражданскихъ чиновъ. Въ одиннадцать часовъ, Его Высочество ѣздилъ въ Адмиралтейство, на осмотръ коего посвятилъ около трехъ часовъ времени.

Въ четыре часа по полудни былъ большой обеденный столъ у Короля, въ такъ называемой Рыцарской залѣ, на которомъ, кромѣ Королевской Фамиліи, присутствовали первые чины двора, дипломатическій корпусъ и свита Его Императорскаго Высочества. За обѣдомъ были провозглашены, съ пушечными выстрѣлами, нѣсколько тостовъ. На тосты въ честь Государя Императора и Государя Цесаревича, Его Императорское Высочество отвѣчалъ тостами за здоровье Короля, Королевы, Принца Христіана, и всего Королевскаго Дома.

Въ девять часовъ, Государь Цесаревичъ изволилъ быть на балѣ, данномъ Принцемъ Фердинандомъ для Его Императорскаго Высочества, который оставилъ въ половинѣ двѣнадцатаго часа.

Съ 16/28 на 17/29 Іюня, Государь Наслѣдникъ, возвратившись съ бала, почувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, и въ слѣдствіе оказавшейся простудной лихорадки, по совѣту медиковъ, не выѣзжалъ по 21-е число.

Въ теченіе сего времени болѣзнь продолжала свое теченіе правильно, безъ особенно важныхъ припадковъ, и Государь Цесаревичъ постепенно чувствовалъ себя лучше, такъ, что 21-го числа состояніе здоровья Его Высочества дозволило Ему, при ясной и тихой погодѣ, выѣхать для прогулки. Въ продолженіе болѣзни Государя Цесаревича, Его Величество

Король ежедневно навѣщалъ Его Императорское Высочество.

19-го числа, на загородной площади были парадъ и маневры войскамъ, собраннымъ въ Копенгагенѣ. Государь Цесаревичъ, не выходя еще изъ своихъ покоевъ, не могъ присутствовать на парадѣ, почему Его Величество Король, по окончаніи маневровъ, продолжавшихся отъ трехъ до половины седьмага часа по полудни, ввелъ войско въ городъ, и остановившись у дворца Христиансборга, у оконъ комнатъ, занимаемыхъ Государемъ Цесаревичемъ, приказалъ войску пройти церемоніальнымъ маршемъ. Его Императорское Высочество изволилъ смотрѣть на парадъ въ окно. Гвардейскій баталіонъ и нѣкоторые другіе полки, проходили подъ музыку Русскаго народнаго гимна: «Боже, Царя храни!» Въ строю было 17 баталіоновъ пѣхоты, 17 эскадроновъ кавалеріи, 1 батарейная пѣшая батгарея, и 3 легкихъ, всего около 9000 человекъ.

22-го Іюня (4-го Іюля). Здоровье Его Императорскаго Высочества, благодаря Богу, видимо поправилось. Сегодня Государь Цесаревичъ выѣзжалъ въ открытой коляскѣ за городъ, и проѣхавъ около десяти верстъ, изволилъ прогуливаться пѣшкомъ.

Въ остальное время пребыванія Государя Наслѣдника Цесаревича въ Копенгагенѣ, съ 23-го по 30-е Іюня, Его Императорское Высочество чувствовалъ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе облегченіе отъ болѣзни. Лихорадочные припадки не возвращались, но оставалась еще нѣкоторая слабость, почему Его Высочество изволилъ выѣзжать только на прогулку по окрестностямъ города.

24-го числа, Его Императорское Высочество изволилъ осматривать Музеумъ сѣверныхъ древностей,

находящійся во дворцѣ Христіансборгѣ, мѣстопробываніи Государя Цесаревича.

25-го Іюня, въ высокоторжественный день рожденія Государя Императора, Его Высочество вздѣль въ Греко-Россійскую, находящуюся при посольствѣ нашемъ церковь, для слушанія божественной литургіи. Во время провозглашенія многолѣтія Императорскому Дому, произведена была пушечная пальба изъ стоящихъ на рейдѣ Русскихъ военныхъ судовъ, парохода Геркулесь и фрегата Касторъ.

Изъ Церкви Его Императорское Высочество посѣтилъ Короля, но изъ предосторожности не изволилъ присутствовать на большомъ обѣдѣ, данномъ Его Величествомъ по случаю сего торжественнаго дня. На обѣдѣ къ Его Величеству была приглашена свита Государя Цесаревича, и всѣ Штабъ и Оберъ-Офицеры съ парохода и фрегата, и за обѣдомъ были провозглашены Королемъ тосты, при пушечныхъ выстрѣлахъ, за здравіе Государя Императора и Государя Цесаревича.

Въ этотъ день былъ назначенъ балъ у Русскаго Посланника Барона Николая, но отложенъ на 26-е число. — Его Высочество располагалъ быть на балѣ Посланника, но, по совѣту медиковъ, не присутствовалъ на немъ. Его Величество Король, и всѣ Принцы и Принцессы Королевской Фамиліи удостоили великолѣпный балъ сей своимъ присутствіемъ, на коемъ, кромѣ Дипломатическаго Корпуса, находилось болѣе 200 особъ высокаго общества.

27-го Іюня, Государь Цесаревичъ, послѣ утренней прогулки, въ часъ по полудни изволилъ смотреть изъ оконъ Дворца Христіансборга, вмѣстѣ съ Его Величествомъ Королемъ, на ученье двухъ пѣхотныхъ полковъ, произведенное на Дворцовой площади.

29-го Іюня. Его Императорское Высочество, намѣреваясь на слѣдующій день отправиться изъ Копенгагена въ дальнѣйшее путешествіе, изволилъ ѣздить, въ сопровожденіи свиты своей, прощаться къ Ихъ Величествамъ Королю и Королевѣ. Здѣсь Государь Цесаревичъ простился также и съ Принцами Христіаномъ и Фердинандомъ, Ландграфомъ Гессенскимъ и его сыномъ.

30-го Іюня. Въ два часа по полудни Его Величество Король посѣтилъ Государя Цесаревича, и желая проводить Его Высочество, отправился съ Нимъ на пристань, гдѣ собрались всѣ Принцы Королевскаго Дома, при многочисленномъ стеченіи народа. Король, вмѣстѣ съ Принцами, проводилъ Его Высочество на пароходъ Геркулесъ, на коемъ былъ принятъ со всѣми почестями, принадлежащими Его Величеству. Простившись здѣсь съ Государемъ Цесаревичемъ, Его Величество и Ихъ Королевскія Высочества возвратились на пристань.

Въ половинѣ третьяго, Геркулесъ поднявъ флагъ Государя Цесаревича, снялся съ якоря, и при салютѣ изъ крѣпости и всѣхъ военныхъ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ, оставилъ Копенгагенскій портъ, и отправился, послѣдуемый фрегатомъ Касторъ, въ Травермюнде, куда Его Императорское Высочество прибылъ благополучно на слѣдующій день, 1-го Іюля, въ десять часовъ утра.

Теплая и ясная погода благопріятствовала переезду Государя Цесаревича. Его Высочество провелъ ночь на пароходѣ хорошо, и вообще здоровье Государя Наслѣдника, благодаря Бога, замѣтно укрѣпляется.

При отъѣздѣ своемъ изъ Стокгольма, Государь Императоръ украсилъ Е. В. Наслѣднаго Принца Шведскаго орденомъ Св. Апостола Андрея, и пожа-

ловалъ знаки сего ордена Шведскому Министру Юстиціи Графу Розенбладу, и Маршалу Королевства Графу Браге; орденъ Св. Александра Невскаго пожалованъ ген.-лейт. Графу Мернеру; другіе военные и гражданскіе чиновники также награждены были разными Россійскими орденами. Е. В. Король Шведскій украсилъ орденомъ Серафимовъ Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича, и пожаловалъ знаки сего ордена Князю Ливену, Графу Орлову, Князю Меншикову; орденъ Полярной звѣзды Россійскому министру при Шведскомъ Дворѣ Графу Потоцкому, и многіе другіе знаки отличій военнымъ и гражданскимъ нашимъ чиновникамъ.

Юля 6-го, когда Е. В. Король Шведскій возвращался съ смотра войскъ, лошадь, на которой ѣхалъ онъ, начала бить. Престарѣлый Король не могъ удержаться, упалъ, и при паденіи вывихнулъ себѣ плечо. Немедленно приняты были всѣ мѣры пособія и предосторожности, и отъ 10-го числа писали уже изъ Стокгольма, что ни какой опасности отъ ушиба нѣтъ, такъ что, по Королевскому повелѣнію, прекратили даже ежедневныя извѣстія о болѣзни Е. В., изданія, которыхъ требовало усердіе народа, встревоженнаго столь неприятнымъ событіемъ.

А н г л и я.

Всѣ газеты Англійскія наполнены теперь извѣстіями о коронованіи Королевы Викторіи, послѣдовавшемъ 28-го Іюня. Великолѣпіе, съ какимъ совершился сей священный обрядъ, радость народа, изъясненная при семъ торжественномъ случаѣ, и множество любопытныхъ подробностей, какъ будто заглянули на время всѣ клики буйныхъ страстей и вопли политическихъ партій.

Королева прибыла въ Лондонъ изъ Виндзора 15 Юня. Юня 21-го, въ день годовщины со времени ея вступленія на престоль, при дворѣ былъ вечеръ, а потомъ черезъ нѣсколько дней данъ концертъ; въ оба дня приглашены были всѣ послы иностранныя и знатнѣйшая аристократія Англійская. Маршалъ Сультъ дружески встрѣтилъ здѣсь храбраго Лорда Гилля, котораго тщетно преслѣдовалъ нѣкогда въ Португаліи. Ah! je vous rencontre enfin (сказалъ онъ, шутя) moi qui ai sougu si longtemps aprèз vous! — Веллингтонъ дружески пожалъ при семъ случаѣ руку Сульта. — Юня 22-го прибылъ въ Лондонъ Принцъ Немурскій, и также находился въ концертѣ. — Между тѣмъ весь Лондонъ былъ въ движеніи; милліоны сыпались всюду; сотни тысячъ рукъ работали, и, конечно, весь Лондонъ не спалъ въ ночь, предшествовавшую дню коронованія. Вотъ описаніе его, помѣщенное въ газетахъ на другой день, и повторенное во всѣхъ газетахъ Европейскихъ:

Коронація Ея Величества Королевы Викторіи совершилась вчера благополучно. Безчисленное множество народа толпилось съ самаго утра по улицамъ, черезъ которыя должна была проходить процессія; многіе провели даже тамъ всю ночь, опасаясь, чтобы кто нибудь не занялъ ихъ мѣсть. Кое гдѣ видѣлись еще на балконахъ надписи: *отдается въ наемъ,* но въ шесть часовъ все уже было наполнено народомъ. На всемъ протяженіи дороги приняты были строжайшія мѣры предосторожности. По обѣимъ сторонамъ триумфальныхъ воротъ, на углу Гейдъ-Парка, были выстроены галереи, съ которыхъ можно было видѣть всю процессію. Предъ домами барона Ротшильда и лорда Ковентри сдѣланы были также надежныя подмости. Многіе частныя дома были убраны съ большимъ вкусомъ. Одинъ изъ балконовъ дворца герцога Девонширскаго походилъ великолѣпнѣе на театральную ложу; онъ былъ весь покрытъ алымъ сукномъ съ золотыми украшеніями. Клубы Краффордъ, Грука, Вейта и Артура, въ Сепъ-Джемской улицѣ, также отличались своимъ убранствомъ.

Почти вездѣ видны были изображенія короны, съ звѣздою и вензелемъ V. R. Марльбору-гоуэ, дворецъ вдовствующей Королевы, обвить былъ лаврами. На всѣхъ улицахъ развѣвались знамена Союза. Морское Министерство отличалось своею огромною короною и военными украшеніями. Съ такимъ же великолѣпиемъ были убраны оперный театръ, національная галлерей, и проч. Входъ въ Доуингстритъ образовали ворота, составленныя изъ разноцвѣтныхъ лампъ. Въ четыре часа утра возвыщено было наступленіе торжества 21 пушечнымъ выстрѣломъ. Между тѣмъ, еще въ полночь, экипажи двинулись въ направленіи къ Аббатству Вестминстерскому, и въ часъ по полуночи составила уже линія, простиравшаяся до конца Парламентской улицы. Въ четыре часа утра, вмѣстѣ съ пушечными выстрѣлами, раздался звонъ колоколовъ Аббатства, и Королевскіе штандарты были вынесены изъ Адмиралтейства и главной квартиры Главкомаандующаго сухопутныхъ войскъ. Въ пять часовъ, площадки Парламентской улицы покрылись зрителями, въ богатыхъ нарядахъ. Ложы, выстроенныя предъ Реформатскимъ Клубомъ, могли вмѣщать въ себѣ болѣе 600 дамъ. Въ девять часовъ собралось около 500 членовъ Нижней Палаты. Они почти всѣ были въ мундирахъ, или въ придворномъ костюмѣ. Даже тѣ изъ нихъ, которые всегда отличались чрезвычайною небрежностію одежды, долгомъ почли при этомъ случаѣ выказать всю возможную пышность. Въ половинѣ десятаго началось шествіе къ Аббатству, а въ десять часовъ войска стояли уже на всемъ протяженіи отъ Чарингъ-Кроса до Аббатства. Въ Сень-Джемскомъ паркѣ устроены были лагерь. При сѣверномъ входѣ его былъянсь 17 палатокъ, и поставлено было 12 пушекъ. Въ то же самое время, передъ Сень-Джемскимъ дворцомъ Королева съѣла въ карету, и залпъ изъ пушекъ возвыстиль о томъ безчисленному множеству народа. Процессія медленно потянулась впередъ. Трубачи и эскадропъ лейб-гвардіи открывали шествіе. За ними ѣхали иностранные послы, посланники и повѣренные въ дѣлахъ при здѣшнемъ дворѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ: повѣренные въ дѣлахъ, Мексиканскій, Португальскій, Шведскій; Послы, Саксонскій, Ганноверскій, Греческій, Сардинскій, Испанскій, Соединенныхъ Штатовъ, Нидерландскій, Бразильскій, Баварскій, Датскій, Бельгійскій, Виртембергскій и Прусскій. Далѣе слѣдо-

вали кареты чрезвычайныхъ пословъ: Ахмедъ-Фети-Паши (самъ онъ еще не прѣхалъ), маршала *Султы*, герцога *Пальмеллы*, графа *Левенгелма*, маркиза *Брингалла*, графа *Альтена*, князя *Путбуса*, маркиза *Мирафлореса*, барона *фонъ деръ Капеллена*, князя *Шварценберга*, графа *Строганова*, князя *де Линя*, и графа *Лудольфа*. Далѣе ѣхали четыре непремѣнные посла: Турецкій, *Саримъ Эфенди*, Французскій, графъ *Себастіани*, Россійскій, графъ *Поццо ди Борго*, и Австрійскій, князь *Эстергази*. Шествіе дипломатическаго корпуса замыкалось отрядомъ трубачей и взводомъ лейбъ-гвардіи. Потомъ ѣхали кареты Королевской фамилии, Герцогини Кентской и Глостерской, Герцога и Герцогини Кембриджскихъ и Герцога Суссекскаго, подъ прикрытіемъ собственной ихъ лейбъ-гвардіи. За ними шли Королевскіе штурманъ и 48 гребцовъ, и потомъ ѣхали 12 каретъ Королевы, въ шесть лошадей, съ придворными дамами и кавалерами, со святою. Новые отряды войскъ и музыкантовъ, и въ числѣ ихъ сто человекъ гвардейской милиціи, по четыре въ рядъ. Наконецъ показала карета Ея Величества, запряженная восьмью бѣлыми лошадьми. Шествіе замыкали многіе знатные придворные чиновники и войско. — Погода была сперва неблагопріятна, шелъ мелкой дождь, но въ семь часовъ небо прояснилось, и время во весь день стояло хорошее. Число народа, столпившагося на пути отъ дворца къ Аббатству, простиралось до 200,000 человекъ; не смотря на то, при стараніи войска и полиціи, не было ни малѣйшаго безпорядка. Изъ числа членовъ Королевской фамилии, публичка приняла съ особеннымъ усердіемъ Герцога Суссекскаго и Герцогиню Кентскую (мать Королевы). Но невозможно описать восторга, обнаруживавшагося повсюду при появленіи самой Королевы. На лицѣ ея сіли радость и удовольствіе, и она привѣтствовала своихъ подданныхъ съ непринужденностію и непритворною ласкою. На всѣхъ балконахъ дамы махали бѣлыми платками, и бросали на улицу цвѣты. Королева нѣсколько разъ обращалась къ сидѣвшей съ нею гардеробмейстерницѣ, Герцогинѣ Сутерландъ, чтобы высказать ей свои чувства. Когда поравнялась она съ Морскимъ Министерствомъ, музыканты заиграли *God save the Queen*. Процессія представляла самый живописный видъ на Чарингъ-Кросъ. У воротъ Аббатства, Королеву встрѣтили десять придвор-

ныхъ чиновниковъ, и когда она вышла изъ кареты, со всѣхъ сторонъ раздалось *ура*, повторенное на самыхъ дальнихъ улицахъ, и служившее сигналомъ для артиллеріи. Многія мѣста въ Аббатствѣ заняты уже были съ пяти часовъ; прїѣздъ перовъ и ихъ супругъ продолжался отъ семи до девяти часовъ. Герцогъ Немурскій, являсь безъ свиты, занялъ мѣсто въ дипломатической галлерей. Дипломатическій корпусъ вошелъ туда въ томъ же порядкѣ, въ какомъ ѣхалъ. Каждый посланникъ имѣлъ при себѣ самую блистательную свиту. Князья *Шварценбергъ* и *Эстергази* были въ ботатѣйшихъ Венгерскихъ костюмахъ. Князь *Шварценбергъ*, Графъ *Строгановъ* и Принцъ *де Линь* прїѣхали съ своими супругами. При входѣ Королевы всѣ встали, и приняли ее съ глубочайшимъ почтеніемъ. Вступивъ въ Аббатство, Королева казалась блѣдною и встревоженною, однакожь скоро оправилась, и тихо шла впередъ, при пѣніи хора. Когда Ея Величество заняла свое мѣсто, всѣ умолкли и церемонія началась. Когда Архіепископъ Кантербурійскій, благословивъ корону Св. Эдуарда, возложилъ ее на голову Королевы, раздались общія восклицанія: *God save the Queen!* Въ то же время епископы надѣли свои митры, а перы, ихъ супруги и герольды свои короны. При звукѣ трубъ и литавръ, съ Товея и въ паркѣ загремѣли пушечныя выстрѣлы. За коронаціею слѣдовали поднесеніе Библии и благословеніе на царство, *Te Deum*, возведеніе на престолъ, и наконецъ присяга. Архіепископъ, преклонявъ передъ трономъ колѣни, и поцѣловавъ руку Ея Величества, произнесъ: «Я, *Вильямъ*, Архіепископъ Кантербурійскій, клянусь быть вѣрнымъ тебѣ, законная наша Государыня, и наследникамъ твоимъ, королямъ, или королевамъ соединенныхъ державъ Великобританіи и Ирландіи, и исполнять все, что предписываетъ мнѣ санъ мой и званіе.» Прочіе епископы произнесли такую же присягу, цѣлуя равнымъ образомъ руку Королевы. Потомъ, всѣ бывшіе при семъ торжествѣ перы всходили на ступени трона, прикасались къ коронѣ, цѣловали у Е. В. руку, и удалялись. При сей церемоніи, Лордъ *Ролль*, страждущій подагрой, упалъ было на полъ, однакожь скоро оправился и всталъ. Во время присяги Герцога *Веллингтона* и Графа *Грея*, слышались громкія одобрительныя восклицанія. Между тѣмъ, Лордъ Казначей занимался раздачею медалей, выбитыхъ по случаю корона-

иди. Гимны и музыкальныя ораторіи были выполнены превосходно. Ея Величество имѣла на головѣ корону, въ правой рукѣ скипетръ, а въ лѣвой державу. Въ половинѣ четвертаго, процессія двинулась обратно къ воротамъ Аббатства, гдѣ кареты были уже готовы. Многіе перы, и между прочими герцогъ Веллингтонъ, въ своей коронѣ и съ маршальскимъ жезломъ въ рукѣ, не имѣя возможности добратся до экипажей, должны были идти пѣшкомъ сквозь толпы народа. Обратное шествіе ко дворцу совершилось въ томъ же порядкѣ. Королевская карета подъѣхала ко дворцу не ранѣе шести часовъ. Ея Величество вышла изъ нея съ яснымъ взоромъ и свѣжимъ лицомъ, при непрерывныхъ восклицаніяхъ народа. Освѣщеніе главныхъ улицъ вечеромъ было вообще блистательно, однакожъ уступало иллюминаціи при коронованіи Георга IV. Особенно отличалось зданіе Морскаго Министерства, освѣщенное 60,000 лампъ, съ бѣлою розой, украшенной государственною короною, которая блистала всеми возможными цвѣтами. Иностранные послы не щадили ничего, чтобы освѣтить гербы свои самымъ лучшимъ образомъ. Прозрачная картина у дома Турецкаго посольства, въ которой сверкала брилліантовыми огнями полумѣсяцъ, обращала на себя особенное вниманіе. Графъ Себастьянъ выставилъ картину въ 33 фута длины и 26 ширины, съ начертанными на желтомъ полѣ буквами L. P., и надписью кругомъ: Nonneig et Patrie. Россійскій двуглавый орелъ, съ распростертыми крыльями, блисталъ бѣлыми огнями. Домъ, занимаемый герцогомъ *Оссунго*, маркизомъ *Милафлорессо*, княземъ *Путбусомъ* и принцемъ *Капуанскимъ*, освѣщенный газомъ, представлялъ восхитительное зрѣлище. Королевскій театръ выставилъ превосходную картину, на которой изображена была Королева, вѣнчаемая Британніею; люди всѣхъ цвѣтовъ присягаютъ ей; морскія нимфы рѣзвятся вокругъ Викторіи. Фейерверкъ былъ великолѣпенъ. На платформѣ Гейдъ-парка горѣло изображеніе Королевы на конѣ. Тѣснота на улицахъ продолжалась до втораго часа ночи; однакожъ, при этомъ случаѣ потерпѣлъ только одинъ человекъ. Около сотни потерянныхъ дѣтей уже найдены. — Сверхъ того, въ день коронаціи спущены были два воздушные шара; на нихъ *Гринъ* и мистрисъ *Грагалъ* совершили благополучно свое путешествіе. — Разумѣется, что въ этотъ день

данъ былъ обѣдъ для нищихъ, и были большія собранія. Самый блистательный праздникъ былъ у герцога *Веллингтона* на который явились 2000 приглашенныхъ особъ. Въ числѣ ихъ были Принцы и Принцессы Королевскаго дома, Герцогъ Немурскій, Принцъ Христианъ Голштейнъ-Гликсбургскій, и всѣ посланники.

За три дня до коронованія, Королева отпра-
вилась на гулянье въ паркъ, но тѣснота отъ народа
столпившагося на пути ея, была такова, что карета
Королевы не могла проѣхать, и Королева принужде-
на была воротиться во дворецъ.

Въ день коронованія были объявлены многія на-
грады: возведены въ званіе перовъ, Вице-Король
Ирландскій Лордъ Мульгрэвъ, съ титуломъ *Марки-
за Норменби*; Лордъ Дундасъ, съ титуломъ *Графа
Зетланда*; Лордъ Кингъ, съ титуломъ *Графа Лок-
ласа*; Графъ Кинторъ, Виконтъ Лисморъ, Лордъ Рос-
моръ, Лордъ Карью съ титулами бароновъ; В.
Понсонби, съ титуломъ *Барона Менделъ*; члены
Нижняго Парламента: К. Гендбури Траси, съ титу-
ломъ *Барона Суделелъ*; Г-да Метюзъ и Уроттеслей,
съ титулами бароновъ, и Маркизь Кармартенъ, съ
титуломъ *Барона Осборна*. Тридцать двѣ особы полу-
чили званія баронетовъ (въ числѣ ихъ астрономъ
Гершель и литераторъ Бульверъ). По флоту и вой-
ску, вице-адмиралы: Дж. Эрскинъ Дугласъ, сиръ Р.
Доннелли, сиръ Дж. Пу-Бересфордъ произведены
въ адмиралы сняго флага, 17 генераль-лейтенан-
товъ въ полные генералы, 37 генераль-майоровъ въ
генераль-лейтенанты. Графъ Брусъ, сынъ Маркиза
Эйлсбури, получилъ титулъ пера, съ названіемъ *ба-
рона Бруса-Тоттенгема*.

Кромѣ бала у Герцога Веллингтона, были по-
томъ великолѣпные завтраки, обѣды, концерты, ве-
чера и балы у многихъ знатнѣйшихъ особъ. Такъ
въ теченіе одной недѣли даны были: обѣдъ у гра-

за Эрроля, вечеръ у сира Р. Пилля, балъ у Маркизы Салисбури, обѣдъ у Графа Строганова, обѣдъ у Маркиза Вестминстера, балъ въ Альмакъ, обѣдъ у Герцога Кембриджскаго, балъ у Герцогини Глостерской, балъ и ужинъ у маршала Сульта. Говорить о великолѣпнн всѣхъ сихъ праздниковъ было бы излишне. У маршала Сульта съѣхалось болѣе 12,000 гостей; съѣздъ продолжался отъ 10-ти часовъ вечера до втораго часа ночи; десертъ подавался на позолоченномъ сервизѣ, который цѣнять въ 250,000 рублей. На балѣ у Герцога Веллингтона, кромѣ Королевскаго семейства, Принца Немурскаго, Принца Голштейнъ-Гликсбургскаго, и пословъ, было: 7 князей, 2 княгини, 11 герцоговъ, 6 герцогинь, 17 маркизовъ, 8 маркизъ, 26 графовъ и 26 графинь. Балъ у Королевы былъ Юля 2-го, и превзошелъ блескомъ всѣ празднества, какія бывали при дворѣ со времени Георга II-го. Королева открыла танцы съ Герцогомъ Немурскимъ; вторую кадрили танцевала она съ Георгіемъ Принцомъ Кембриджскимъ; третью съ Герцогомъ Саксенъ-Кобургскимъ. Танцы продолжались до разсвѣта; ужинъ былъ въ часъ по полуночи. Королева была въ голубомъ атласномъ платьѣ, съ бѣлыми розами на головѣ.

Королевскія регалии при коронованнн несли слѣдующія знаменитыя особы: Герцогъ Роксбукширъ жезлъ Св. Эдуарда, Лордъ Байронъ шпоры; Герцогъ Клевеландъ скипетръ съ крестомъ; Маркизь Вестминстеръ мечъ гражданскаго правосудія; Герцогъ Сутерландъ мечъ духовнаго правосудія; Герцогъ Девонширъ мечъ милосердія; Виконтъ Мельбуриъ мечъ государственннй; Герцогъ Ричмондъ скипетръ съ голубемъ; Герцогъ Сомерсетъ державу; Герцогъ Гамильтонъ корону св. Эдуарда; Епископъ Гангор-

скій дароносицу; Епископъ Линкольнскій чашу; Епископъ Вивчестерскій Библию.

Юля 3-го Королева удостоила быть восприемницею у Герцога Сутерландскаго, что почитается въ Англіи величайшею почестью.

Указомъ Королевы объявлено, что отнынѣ въ Англіи будутъ биты золотые полусуверены, суверены, двойные суверены и пяти-фунтовыя монеты; серебряныя кроны, полу-кроны, шиллинги, шестипенсовики и гроши, или четыре-пенсовики (groat), мѣдныя пенни, полупенни и фартинги; 100 шиллинговъ должны составлять цѣнность 5-ти фунтовой монеты, 40 шилл. двойнаго суверена, 20 шилл. суверена, 10 шиллинг. полусуверена, 5 шилл. кроны, 2 ш. 6 п. полукроны, и т. д.

Вотъ разныя мелочныя подробности изъ безчисленныхъ статей, какими наполнены всѣ иностранныя, и особливо Англійскіе журналы: 2000 констеблей наряжено было въ день коронаванія, сверхъ обыкновенной полиціи, для соблюденія порядка, и каждому констеблю выдано потомъ по 5 шилл. — Окна въ домахъ, по улицамъ, гдѣ проходила процессія, отдавали въ наемъ за цѣну отъ 10-ти до 20 гиней (500 рублей); въ Пиккадилли, Сень-Джемской и Пелль Мельской улицъ мѣсто на подмосткахъ у домовъ стоило 5 ф. ст. (125 рублей), а окно не менѣе 20 ф. ст. — Замѣчаютъ, что въ Іюль мѣсяцъ изъ всѣхъ Англійскихъ государей короновались донинѣ только Эдуардъ IV-й, въ 1461 г., и Генрихъ VIII-й, въ 1509 г. — Число экземпляровъ газетныхъ листовъ, отправленныхъ изъ Лондона въ разныя мѣста, и содержавшихъ въ себѣ описаніе коронаціи, въ одинъ день, простиралось до 175,000. — Во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ Англіи, коронація празднована торжественными про-

цессіями, балами, ужинами, гуляньями, освѣщеніями, спектаклями; лошадиными скачками, угощеніемъ бѣдныхъ, благотворительными подписками, и проч. — Въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ данъ былъ великолѣпный концертъ, въ пользу бѣдныхъ. Пѣвица Гризи не согласилась взять ни какой платы за участіе въ этомъ концертѣ, и пѣла даромъ. — Всѣ театры были открыты въ день коронаціи безденежно: правительство заплатило содержателямъ ихъ, и плата главѣйшимъ составляла около 10,000 рублей. — Считаютъ, что число народа въ Лондонѣ во время коронаціи, считая всѣхъ съѣхавшихся на сей случай въ Лондонѣ иностранцовъ, простаралось до 2 милліоновъ. — На личные расходы Королевы въ день коронаціи опредѣлено было 70,000 ф. ст. — Полагаютъ, что наемка мѣстъ частными людьми для смотрѣнія процессіи въ разныхъ мѣстахъ, составила сумму въ 200 тысячъ ф. ст. — Обширный Гейдъ-паркъ, представлялъ нѣсколько дней зрѣлище превосходное: тысячи балагановъ и палатокъ были тутъ устроены, и въ нихъ находились рестораціи, кофейни, бальные залы, магазины, лавки, палцы, комедіи, звѣринцы, и проч. — Въ одной изъ залъ временнаго клуба могли по сторонамъ ѣсть бифштексъ, а по срединѣ танцовать, не мѣшая другъ другу, 10,000 человекъ. Любопытны были устроенныя въ Гейдъ-паркѣ національныя игры Англичанъ: стрельба изъ лука, ѣзда на ослахъ, бѣгъ на лодкахъ, и проч. Полагаютъ, что Гейдъ-Паркъ посѣщало по два дня не менѣе какъ по милліону человекъ. — Одинъ ресторатеръ, во славу Королевы, торжественно жарилъ цѣликомъ быка; жаренье продолжалось 32 часа, а разрѣзываніе три часа; все это происходило при звукахъ музыки и пѣніи гимновъ въ честь ростбифа, и во все это время брали съ любо-

пытныхъ посѣтителей по 6-ти пенсовъ; ловкаго ресторатера посѣтили 4000 человекъ, и слѣдственно, заплатили ему за быка его 24,000 пенсовъ. — Изъ одного Гонимера во Франціи было отправлено въ Лондонъ для продажи 600,000 яицъ; по этому можно судить, какое количество съѣстныхъ припасовъ привезено было на праздники въ Лондонъ. — Достать билетовъ въ Вестминстерское Аббатство не было ни какой возможности; извѣстный поэтъ Т. Кемпбелль, написалъ записку къ церемоніймейстеру, гдѣ говорилъ: «въ Вестминстерѣ есть уголь для мертвыхъ поэтовъ, но неужели не найдется въ немъ уголь для поэта живаго?» Въмѣсто отвѣта, Кемпбеллю прислали билетъ. — Въ Лондонскомъ циркѣ дають теперь полное представленіе коронаціи; поставка этого великолѣпнаго спектакля стоила нѣсколько сотъ тысячъ, но содержатель не будетъ въ убыткѣ — къ нему сходятся зрители десятками тысячъ. — Общее вниманіе привлекала поздравительная грамота, присланная Королевѣ отъ Султана, на атласистой бумагѣ, въ 36 дюймовъ длины, разрисованная золотомъ, и положенная въ бархатный съ золотомъ мѣшокъ. Всѣмъ заключеннымъ въ тюрьмы раздавали въ день коронаванія мясо, картофель и пиво. — Народъ кричалъ и хотѣлъ бить Оконнеля, когда онъ тихонько шелъ изъ Вестминстерскаго Аббатства, по окончаніи церемоніи. Въ журналахъ жестоко ругаютъ Брума, за то, что онъ отказался отъ всякаго участія въ праздникахъ. — Наконецъ были жертвы хлопотъ и излишняго усердія при торжествѣ; старику декану Вестминстерскому Д. Эйрланду, отъ бессонницы и безпрестанной бѣготни при устройствѣ Аббатства, сдѣялся ударъ, а г. Ли, оберъ-констебель Вестминстера, умеръ отъ утомленія на другой день, на 63 году жизни.

Второй переход парохода Great-Western изъ Англіи черезъ Атлантическій Океанъ совершился въ 14 дней; отправясь изъ Бристоля вечеромъ 2-го Іюня, утромъ 17-го пароходъ былъ уже въ Нью-Йоркѣ. Пароходъ Сиріусъ совершилъ вторую повѣзку свою въ 17 дней. Но возвращеніи изъ Америки, мы увидимъ его у насъ въ Кронштадтѣ, ибо онъ предназначается для сообщеній между Лондономъ и Петербургомъ.

Торговый домъ Вильда и К., прекратившій въ прошломъ году платежи, нынѣ выдалъ всѣмъ своимъ кредиторамъ сполна деньги по всѣмъ своимъ векселямъ съ процентами.

Здоровье вдовствующей Королевы Аделаиды такъ разстроилось, что она по совѣту врачей отправляется для поправленія его въ Италію.

Изъ Ливерпуля также отправился въ Нью-Йоркъ пароходъ Royal-Williams. Пушечные выстрѣлы и клики народа привѣтствовали отбытіе его 6-го Іюля.

По обзоренію инженера Валькера, работы въ Лондонскомъ тоннелѣ не могутъ быть продолжаемы, безъ большой опасности, если не примутъ особенныхъ мѣръ для укрѣпленія подземнаго прохода, по причинѣ рыхлости земли.

Корона для Англійской Королевы сдѣлана была вновь ювелирами Рунделемъ и Бриджемъ. Она вѣситъ три фунта, и состоитъ изъ нѣсколькихъ обручей серебряныхъ, въ которыхъ заключается синяго бархата шапочка; къ верху оканчивается она шарикомъ съ Мальтійскимъ крестомъ, а мѣста между обручами усажены лиліями и крестами; снизу горностаева опущка; вышина короны 7 дюймовъ, а поперечникъ нижняго кружка ся 5 дюймовъ. Бриллиантовъ, употребленныхъ на нее, считаютъ до 400,

изъ конкъ два стоятъ по 2,000 ф. ст., 20 по 1500, 4 по 10,000, а всѣ брилльянты и жемчугъ на коронѣ оцѣняютъ около 112,000 ф. ст. — Кромѣ того, шарикъ на ней составляетъ драгоценный сафиръ, а спереди вставленъ знаменитый огромный рубинъ принца Эдуарда Чернаго. Тронъ, на которомъ короновалась Королева, называется *трономъ Св. Эдуарда*; это старинныя, грубыя кресла, на конкъ нѣкогда короновались Шотландскіе Короли, и которые вывезъ въ Англію Король Эдуардъ въ 1296 году, послѣ побѣды надъ Шотландцами. Во внутренности ихъ вѣланъ камень, на которомъ, по преданію, спалъ Патріархъ Іаковъ, когда видѣлъ во снѣ небесную лѣствицу. Всѣ остальные регалии Королевскія суть тѣ, которыя сдѣланы были для коронованія Карла II-го, ибо древнія регалии Англійскихъ Королей погибли во время Кромвеля.

Ф р а н ц і я

Іюня 21-го закрыты засѣданія Палаты Депутатовъ. Съ 18-го Декабря продолжались они 186 дней. Публичныхъ засѣданій было 137, и каждое продолжалось отъ трехъ до шести часовъ, а среднимъ числомъ по четыре часа. *Шесть* засѣданій употреблено было на пренія объ адресъ Королю, 6 на пренія о нисшихъ судебныхъ мѣстахъ, 5 на пренія о департаментскихъ судахъ, 2 на пренія о суммахъ для секретныхъ расходовъ, 4 на пренія о законахъ, касательно банкротствъ и несостоятельности, 8 на пренія объ уменьшеніи процентовъ государственнаго долга, 4 на пренія о желѣзныхъ дорогахъ, 5 на пренія о законахъ, касательно внутренняго судоходства, 3 на пренія, касательно Алжирской колоніи. — Въ Палатѣ предсѣдалъ по 28 Декабря старшій по лѣтамъ депутатъ г-нъ Нугаре, а потомъ 111

засѣданій предсѣдателемъ былъ Дюпенъ, 10 Кюенень-Гриденъ, четыре Кальмонъ, два Жакемино и два Ипполитъ Пасси. — Кромя многихъ частныхъ постановленій и рѣшеній, Палата утвердила во все это время восемь общихъ государственныхъ законовъ и уставовъ: о департаментскихъ и окружныхъ судахъ; о низшихъ гражданскихъ судахъ; о мирныхъ судьяхъ; о несостоятельности и банкротствѣ; о надзорахъ за перевозами тяжестей; о людяхъ ума лишенныхъ; о внутреннемъ судоходствѣ; о возвратныхъ имѣнїяхъ (*voies redhibitoires*). — Наконецъ, отвергнувъ общій проектъ устройства желѣзныхъ дорогъ, Палата утвердила постройку частныхъ дорогъ изъ Парижа въ Гавръ, Діешъ и Орлеанъ, изъ Страсбурга въ Базель, изъ Лиля въ Дюнкирхень и Кале, изъ Нима въ Монпелье и изъ Седжа въ Мезьеръ.

Поручикъ Лети (*Laity*), участвовавшій въ Страсбургскомъ волненіи, какое причинилъ тамъ одинъ изъ членовъ Бонапартовой фамиліи, издалъ теперь брошюрку о семъ событіи. Это сочиненіе признано возмутительнымъ, было отобрано, и сочинитель его подвергнутъ суду Палаты Перовъ, которая осудила его на пяти-лѣтнее заключеніе въ тюрьму, уплату 10,000 франковъ пени и надзоръ полицейскій во всю жизнь.

Съ Сардиніею заключенъ дружескій договоръ, касательно взаимнаго торговаго мореплаванія. Споры о вѣзѣ Батавскою таможеню Французскихъ товаровъ, по случаю перемѣнъ въ тамошнемъ тарифѣ, окончены дружелюбно съ Голландскимъ правительствомъ.

Парижскій домъ Талейрана купилъ Баронъ Іаковъ Ротшильдъ, за 1,181,000 франковъ. На мѣсто Талейрана въ Академію выбранъ депутатъ Пасси; други-

ми кандидатами были М. Шевалье и Коста, но оба забалотированы.

Ужасное мщение; известное подъ именемъ *осидетты*, и требующее крови оскорбителя, до сихъ поръ не выводится въ Корсикъ. Мая 27-го, на дорогъ изъ Аяччо былъ остановленъ и застрѣленъ двумя неизвестными людьми казначей Корсиканскаго департамента Поццо-ди-Борго. Убийцы мстили ему за какую-то личную семейственную обиду.

Юня 28-го явилась въ Тулонъ Английская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Стопфорда, недавно бывшая въ Неаполь. Самый дружескій приемъ былъ оказанъ Английскимъ кораблямъ, которыхъ не видывали въ такомъ значительномъ числѣ въ Тулонѣ съ самой знаменитой осады сего города, которою управлялъ тогда молодой артиллерійскій офицеръ, довольно известный потомъ Наполеонъ *Буонапарте* (такъ писалъ онъ тогда свое имя). Мѣстное начальство роскошно угощало Английскаго Адмирала и офицеровъ. Адмиралъ также далъ на корабль своемъ большой обѣдъ и балъ, гдѣ присутствовало все, что только есть въ Тулонѣ чиновнаго и богатаго.

Бригъ *Le jeune Auguste*, на пути изъ Гаити въ Гавръ, загорѣлся въ открытомъ морѣ, и огонь распространился на немъ такъ быстро, что экипажъ едва успѣлъ спастись въ лодки. На другой день встрѣтилъ и взялъ его фрегатъ *Нерейда*. Полагаютъ, что отсырѣвшая шерсть, которою нагруженъ былъ бригъ, загорѣлась сама собою, и сдѣлалась причиною бѣдствія, а потому опасаются подобныхъ несчастій съ другими кораблями, нагруженными тѣмъ-же товаромъ, ибо обо многихъ изъ нихъ нѣтъ слуху послѣ ихъ отправленія. Корабль Генераль Фуа отплылъ съ шерстью изъ Гаити 7-го Февраля въ Фальмутъ, и донынѣ не приходилъ туда.

Въ Парижѣ въ послѣднее время особенно усилились грабежи и воровства. Полиція успѣла наконецъ открыть многочисленную шайку грабителей, состоявшую почти изъ 60-ти человекъ; въ убижищѣ главнаго атамана ихъ найдено множество награбленныхъ вещей.

Правительство официально объявило иностраннымъ посланникамъ о блокадѣ Буэносъ-Айреса и всего Аргентинскаго, или Дезаплатскаго берега, съ 28-го Марта, по неудовлетворенію законныхъ требованій Франціи тамошнимъ правительствомъ.

Баронъ Барантъ прибылъ 9-го Іюля въ Марсель и оттуда отправляется въ Грецію и Царьградъ, чтобы пріѣхать потомъ въ Петербургъ черезъ Одессу.

ГЕРМАНІЯ.

Король Саксонскій возвратился изъ путешествія своего въ Далмацію, и 20 Іюня прибылъ въ замокъ Пильницъ, гдѣ, какъ мы выше упоминали, посѣтилъ его 17-го Іюля (н. с.) августѣйшій гость, нашъ Государь Императоръ.

Принцъ Канино (Луціанъ Бонапарте) прибылъ изъ Лондона въ Остенду, Іюня 5-го.—Въ Теплицъ пріѣхали Графъ де-ла-Феронне, Французскій посланникъ при Вѣнскомъ Дворѣ, и Герцогъ Рагузскій (маршалъ Мармонъ).

НИДЕРЛАНДЫ.

Принцъ Гейнрихъ благополучно возвратился изъ отдаленнаго путешествія своего въ Батавію и Индію.

Въ Амстердамскомъ Handelsblad напечатано письмо, гдѣ увѣдомляютъ, что всѣ препятствія для окончанія Лондонскихъ конференцій, въ слѣдствіе коихъ долженъ послѣдовать миръ между Нидерландією и Бельгією, устранины. Король Нидерландскій не могъ

согласиться на уступку Бельгій части Люксембурга безъ согласія Германскаго Сейма, а безъ этого нельзя было окончить переговоровъ. Теперь согласіе Сейма получено, конференціи начнутся окончательно, и вѣроятно, увѣнчаются желаннымъ успѣхомъ.

И Т А Л І Я .

Императоромъ Австрійскимъ утверждено официальное росписание обрядовъ и празднествъ, которыми ознаменуется коронованіе его въ Миланѣ: Сентября 1-го будетъ торжественный въездъ въ Миланъ; 2-го представленіе при дворѣ, и спектакль на театрѣ della Scala; 3-го присяга; 4-го городской балъ; 6-го коронованіе; 7-го концертъ при Дворѣ; 8-го балъ при Дворѣ; 9-го балъ въ театрѣ; 10-го освѣщеніе торжественныхъ воротъ мира, спектакль и фейерверкъ; 11-го балъ у губернатора; 12-го балъ при дворѣ; 13-го народный праздникъ; 14-го прощальный вечеръ при дворѣ.—Здоровье Императора совершенно возстановилось, и въ Вѣнѣ отправлено по сему случаю молебствіе.

Ахметъ-Фети Паша оставилъ Римъ 15 Іюня. Онъ осматривалъ всѣ достопамятности Папской столицы, и показалъ отличное образованіе и остроуміе во многихъ случаяхъ. Его принимали съ большими почестями.

Въ Неаполѣ объявлено о беременности Неаполитанской Королевы, и повелѣно отправлять молитвы о благополучномъ разрѣшеніи Ея Величества.

Эскадра Англійская, подъ начальствомъ адмирала Стопфорда, остановившаяся въ Неаполитанскомъ заливѣ, была встрѣчена съ почестями. Король, Королева, Принцы и Принцессы, а также находившіеся тогда въ Неаполѣ Принцъ Саксонскій Іоаннъ, и Герцогъ Саксень-Веймарскій, удостоили присутствіе-

емъ обѣдъ, данный на адмиральскомъ кораблѣ, куда приглашены были всѣ посланники и знатнѣйшіе Неаполитанцы. Тысячи лодокъ покрывали Неапольскій заливъ, и съ кораблей раздавалась непрерывная пальба. Мы уже говорили выше, что эскадра Англійская, оставивъ Неаполь, перешла въ Тулонъ.

Испанія.

Вотъ нѣсколько новыхъ извѣстій о войнѣ въ Испаніи: Эспартеро велѣлъ разстрѣлять всѣхъ офицеровъ національной гвардіи, производившихъ смуты и убійства въ Витторіи. — Карлисты жестоко стѣснили Пампелуну и Бильбао. Донъ Карлосъ перевелъ главную квартиру, 12-го Іюня, въ Аспентію, а 16-го въ Элорріо. — Д. Карлосъ перемѣнилъ всѣхъ членовъ Гвипускойской юнты. Герцогъ Гренадскій наименованъ президентомъ ея, а Баронъ Арензага, Маркизь Нарросъ, братъ Зумалакарегви, и генераль Итурриза членами. — Въ корпусъ Кабреры считаются 21,590 человекъ пѣхоты, и 1,570 конницы, но изъ пѣхоты у 7,600 человекъ нѣтъ вовсе оружія, до 3,360 составляютъ гарнизоны въ разныхъ мѣстахъ, а 2,000 считается больныхъ и въ бѣгахъ; у 500 кавалеристовъ лошади вовсе не годятся для службы, а у 500 едва движутъ ноги. — Новый партизанъ Карлистскій Пердизъ находится близъ Мадрита. — Валенція сильно стѣснена Карлистами. — Извѣстный Графъ Эспанья бѣжалъ изъ Франціи, и являлся къ Д. Карлосу, который встрѣтилъ его съ большою радостью. — Генераль Нарваезъ разбилъ храбраго Карлистскаго партизана Олехиту, но гораздо важнѣе сей побѣды было разбитіе Карлистовъ подъ Пеньясеррадою, и взятіе приступомъ сего города, гдѣ захвачено 2,000 пленныхъ. Карлисты пишутъ, что этотъ успѣхъ стоилъ Эспартеро 5000 уби-

тymi и ранеными, а Эспартеро увѣряеть, что вся потеря его не превышаетъ 800 человекъ.

Рибера-Геррера назначень посланникомъ Испанскимъ въ Мексику.

Кортесы опредѣлили часть бюджета на 1838 годъ. На расходы малолѣтней Королевѣ назначается 12 милл. реаловъ, Королевѣ Правительницѣ 28 милл., инфанту Д. Франциско $3\frac{1}{2}$ милл., а на министерство иностранныхъ дѣлъ 8,801,220 реаловъ.

Мадридская Палата Депутатовъ состоитъ нынѣ изъ 239 человекъ; въ семь числъ считается: 12 бывшихъ министровъ, 3 нынѣшніе министра, 7 грандовъ Кастильскихъ, 90 чиновниковъ, находящихся въ дѣйствительной службѣ, и получающихъ жалованье отъ Правительства, такъ, что независимо выбранныхъ депутатовъ находится на лицо только 92, ибо, изъ числа выбранныхъ 19 не явились къ должности, а отъ 17-ти мѣстъ вовсе не хотѣли никого выбирать и не выбрали.

ПОРТУГАЛІЯ.

Въ Божій Праздникъ (Fête-Dieu), благоразумными мѣрами полиціи спокойствіе было сохранено въ Лонецѣ, хотя толпы народа бродили заранѣе, и шумно пѣли буйныя пѣсни. Чернь бросилась было на ненавистнаго ей министра Сильву-Карвальо, но войско защитило его. Опредѣлено послѣ сего распустить Лиссабонскую національную гвардію, ввести новыя регулярныя полки въ Лиссабонъ, и приступить къ изысканію и открытію зачинщиковъ смутеній, которое, безъ твердости, оказанной Королемъ, могло имѣть пагубныя послѣдствія.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Ужасное событіе произошло въ Сентъ-Галленѣ, Іюня 5-го: въ $\frac{3}{4}$ мѣ отъ города находилась тамъ

пороховая мельница, принадлежавшая совѣтнику Лохнеру. Нѣсколько дѣтей собрались на горныхъ высотахъ, среди которыхъ уединенно стояла мельница, и бросали камешки черезъ ея крышу; одинъ камешекъ ударился объ желѣзный гвоздь, бывшій въ крышѣ мельницѣ, высккъ искру, отъ которой вспыхнула мелкая пороховая пыль на крышѣ, и вса мельница взлетѣла на воздухъ съ ужаснымъ трескомъ; одиннадцать человекъ погибло при взрывѣ.

Греція.

Рауль-Рошетъ прибылъ въ Аѣины, и присутствовалъ на праздникъ, который давалъ Аѣинскій Университетъ, на мѣстѣ древней Платоновой Академіи, въ память годовщины со времени своего основанія.

Около Пирея велѣно отвести земли переселенцамъ съ острова Идры, съ условіемъ: заплатить за нихъ небольшую цѣну въ теченіе 10-ти лѣтъ, и развести масличныя насажденія на древней землѣ Минервы, столько вѣковъ погибавшей впустѣ.

Вотъ перечень новѣйшихъ извѣстій о нынѣшнемъ состояніи Греціи, помѣщенный въ Allgemeine Zeitung:

Рекрутскій наборъ кончился; рекруты такъ уже привыкли къ службѣ, что могутъ выполнять ее. Большая часть ихъ служить усердно, но еще весьма молоды и слабы. Сыновья примасовъ занимаютъ почетныя должности въ королевскомъ дворцѣ. Изъ фанариотовъ ни одинъ не явился добровольно; они ищутъ только офицерскихъ мѣстъ. Вообще въ нихъ больше замѣтно склонности къ городскимъ увеселеніямъ и придворной жизни, нежели къ военному дѣлу. Предполагавшійся сначала налогъ съ жалованья военнослужущихъ остается безъ исполненія. Большая часть молодыхъ Нѣмецкихъ офицеровъ уволены отъ службы — Общество народнаго просвѣщенія ежедневно принимаетъ новыхъ членовъ, и получаетъ много пожертвованій. Т. Антопопуло, изъ Андризены, принесъ ему недавно въ подарокъ 800 рѣдкихъ Греческихъ книгъ. По

случаю перемѣны ректора въ Аѳенскомъ университетѣ, объявилъ, что здѣсь считается теперь болѣе 70 студентовъ, и что со времени учрежденія сего университета число учащихся въ гимназіяхъ возвысилось отъ 200 до 500. — Островъ Эвбея по причинѣ сполненія одного изъ жителей его съ матросомъ корабля, находящагося въ карантинномъ состояніи, былъ оцепленъ, 15 Мая, на девять дней. Открытіемъ школы для новивальныхъ бабокъ здѣшніе жители обязаны заботливости Нѣмецкихъ врачей, особенно лейбъ-медиковъ Вибмера и Резера. Во внутреннихъ областяхъ господствуетъ совершенное спокойствіе. Разбойничьи шайки, иногда появляющіяся на границѣ, немедленно истребляются; многіе изъ главнѣйшихъ ихъ атамановъ убиты, или взяты въ плѣнъ. Сильныя шайки, гнѣздившіяся въ провинціи Ливадія и на берегахъ Сперхіа, разбиты и разсѣяны. Въ Аѳинахъ и Пиреѣ выстроены многія новыя зданія и вымощены улицы. Тротуары выложены каменными плитами. За устройство улицъ и полезныхъ городскихъ заведеній должно благодарить дѣятельность губернатора, храбраго Аксіоти. — Въ Аѳинахъ помышляютъ объ учрежденіи большаго общаго госпиталя, рабочаго дома и театра, въ которомъ страсти могли бы охлаждаться, а политика находить для себя разсѣяніе.

Турція.

Знаменитый Гуссейнъ-Паша, бывшій предсѣдатель Военнаго Департамента, смѣненъ за разныя злоупотребленія по коммиссаріату. На его мѣсто определенъ Селимъ-Эфенди.

Султанъ повелѣлъ посланнику своему при Вѣнскомъ Дворѣ отправиться въ Миланъ, и присутствовать при коронаціи Австрійскаго Императора.

По случаю праздника Мевлуда, начавшагося 5-го Іюня, издано повелѣніе Султана, коимъ опредѣленъ порядокъ и степени при иллюминаціи Царяграда. Вотъ переводъ этого опредѣленія изъ Турецкой Газеты:

«Относительно иллюминаціи города, въ три торжественныя почы, по случаю годичнаго воспоминавія рожденія Пророка,

восшествия на престолъ и рожденія Его Величества Султана, усердіемъ чиновниковъ и върпоподданныхъ Верховной Порты, послѣдовало слѣдующее повелѣніе: «Картину, изображающую солнце, Его Величество предоставляетъ себѣ. Прибрежные дворцы султанскіе будутъ имѣть надъ каждымъ входомъ вѣнзель Султана, а на оклахъ по 2500 лампъ. Картины съ вѣнзелемъ, луною и звѣздами, пазиачаются для Пашъ-Векла, Муотія, Сераскира, мушировъ, Капудана-Паши и визирей. Первые три должны выставить по 2500, Муширы, Капуданъ-Паши и Визири по 1500 лампъ. Казармы и прочія императорскія зданія должны быть освѣщены лампами, которыя будутъ представлять на воротахъ луну и звѣзды. Казаскиры, Румели и Анатоли обязаны засвѣтить отъ 1000 до 750 лампъ, чиновники перваго класса и ферики отъ 750 до 500, судьи Константинополя, генераль-маіоры, чиновники втораго класса, полковники, улемы, до чина судьи Скутарскаго, и наконецъ чиновники третьаго класса, отъ 500 до 300. Для чиновниковъ четвертаго класса, кашиджи-пашей, ходжагановъ, и всѣхъ частныхъ лицъ, желающихъ въ этомъ участвовать, положено отъ 300 до 200 лампъ. Луну и звѣзды могутъ имѣть только чиновники до третьаго класса, а прочіе лишь одиъ звѣзды.»

Въ Царѣградѣ опять появилась чума. Султанъ немедленно велѣлъ оцѣпить дома, гдѣ она лвилась, и жителей ихъ всѣхъ отвести въ карантинъ.

Молнія ударила въ Галацкую башню, и по повелѣнію Султана на всѣхъ казенныхъ строеніяхъ ставтъ теперь громовые отводы.

Предводитель Курдинскаго племени Заху, и старшина племени Афзаль, производили грабежи по дорогамъ. Отряды войскъ Султанскихъ окружили ихъ; послѣ упорной битвы, Курды просили помилованія, и получили его, съ условіемъ мирно возвратиться въ дома и навсегда отказаться отъ хищничества.

Аудіенція Бельгійскаго Посланника при Стамбульскомъ Дворѣ лучше всего характеризуетъ измѣненія происшедшія нынѣ въ образованіи двора Султанъ.

Т. IV. — Отд. V.

7⁵/₄

скаго. Вотъ описаніе ея, помѣщенное въ Бельгійскомъ Монитерѣ:

«Аудиенція Посланника нашего, бывшая предъ заключеніемъ трактата, представляетъ необыкновенно рѣдкій фактъ. До пачатія ея, баронъ О'Сулливанъ Графъ, якогь Виллеъ и маркизъ де Родъ, пробыли около часа у Сандъ-Бей, который поднималъ ихъ трубками и кофеемъ, въ богатыхъ чашкахъ, осыпанныхъ брилліантами. Решидъ-Паша, говоря очень хорошо по-Французски, ничѣмъ не отличался во время переговоровъ отъ министра какой нибудь другой Европейской державы. Сандъ-Бей, напротивъ того, говоритъ лишь по-Турецки, и потому могъ участвовать въ переговорахъ не иначе, какъ посредствомъ Решидъ-Паши. Отправившись въ аудиенцъ-залу, посланники просили сперва большую комнату, потомъ другую поменьше, и наконецъ вступили въ довольно обширный покой, гдѣ Султанъ сидѣлъ на диванѣ. Вѣжо отъ него стояли три, или четыре молодые Турка. Во время переговоровъ, Султанъ замѣтилъ, что Французскій языкъ есть самый употребительный, и потому онъ велѣлъ обучать оному многихъ молодыхъ людей. Баронъ О'Сулливанъ возразилъ, что чужестранные посланники не могутъ искать лучшаго истолкователя для своихъ чувствованій, какъ Решидъ-Па у. Когда баронъ хотѣлъ откланяться, Султанъ приказалъ проводить его въ комнату, гдѣ виситъ портретъ Его Величества, а потомъ пригласилъ прогуляться къ дворцовыхъ садахъ — почестъ необыкновенная. После прогулки, Сандъ-Бей угощалъ посланниковъ шербетомъ, въ своихъ покахъ. Въ сіе время баронъ О'Сулливанъ объявилъ, что онъ готовъ предложить условія, которыя должны служить основаніемъ торговаго трактата, и Решидъ-Паша отвѣчалъ, что готовъ принять ихъ. Подарки, назначенные для Султана, отпесены были во дворецъ за два дня до сего представленія. Драгоманъ, и еще другой чиновникъ, принадлежащій къ посольству, которые сопровождали ихъ, нашли такой же благосклонный приемъ, и получили приглашеніе взглянуть на султанскій портретъ, причѣмъ Его Величество объявилъ, что онъ, желая дать имъ болѣе возможности судить о сходствѣ рисунка, самъ пойдетъ съ ними.»

Вотъ еще любопытное извѣстіе о приемѣ Саксонскаго Короля храбрыми Черногорцами, во время

путешествія Е. В. по берегамъ Далмаціи: Черногорцы встрѣтили Короля, предводимые своимъ Владыкою, или Митрополитомъ, который представилъ Королю прекрасную лошадь, поклонился ему низко, просилъ принять подарокъ, и посѣтитъ ихъ землю. Всѣ отправились верхомъ. На половинѣ дороги былъ завтракъ — изжарили цѣлаго барана, разрубили его ножами на куски, и раздали всѣмъ присутствующимъ. Питье составляла чистая вода. Во всю дорогу, въ знакъ почета, Черногорцы стрѣляли изъ ружей. Король провелъ ночь въ домѣ Владыки, и препровожденъ былъ обратно съ прежнею почестью и ружейными выстрѣлами.

Султанъ повелѣлъ, чтобы всякій желающій подать ему просьбу, являлся для сего въ пятницу, съ опасеніемъ, что за не дѣльную, или несправедливую просьбу, а также за подачу въ другіе дни, проситель подвергается наказанію.

Азія.

Извѣстія изъ Сиріи противорѣчатъ одно другому, смотря по тому, отъ кого идутъ они: *Турецкія* извѣщаютъ о бунтахъ, чумѣ, опасности, почти разрушеніи власти Мегемета-Али въ Сиріи и ненависти къ нему народа, а *Египетскія*, напротивъ, говорятъ о счастливомъ окончаніи бунтовъ, покорности жителей, и любви къ своему повелителю. Сирія наполнена войсками Египетскими, Ибрагимъ Паша и отецъ его оказываютъ дѣятельность необыкновенную, готовятъ флотъ, войско, снаряды, и все отправляютъ въ Сирію.

Принцъ Максимиліанъ въ началѣ Мая былъ въ Іерусалимѣ, гдѣ встрѣтили его сообразно высокому его сану и роду. Самъ Паша тамошній сопровождалъ его всюду; Іюня 12-го, Принцъ прибылъ обратно

въ Александрію, откуда отправляется въ Мальту и Италію.

Изъ Бомбая получены извѣстія отъ 21 Мая. Въ Калькуттѣ свирѣпствуетъ холера, и въ теченіе Апрѣля умерло отъ нея болѣе 1000 человекъ.

На Филиппинскихъ Островахъ произошло смятеніе, по случаю странной ссоры генераль-капитана тамошняго Камбы съ мѣстными чиновниками. Лишась жены своей, генераль-капитанъ хотѣлъ воздать ей при погребеніи такія почести, что никто не согласился слушать его приказовъ, утверждая, что подобныя почести могутъ быть воздаваемы только королевамъ. Въ гнѣвъ, генераль-капитанъ велѣлъ забрать подъ стражу ослушниковъ, силою принуждалъ ихъ повиноваться, и чуть не произвелъ бунта. Изъ Мадрита послали немедленно смѣнить этого самовольнаго чиновника. Преемникомъ его назначенъ донъ Лардизабаль.

Апрѣля 6-го, въ Гератскій лагерь прибылъ изъ Тавриза Английскій Посланникъ, съ тѣмъ, чтобы быть посредникомъ при примиреніи Шаха съ Гератскимъ владѣльцомъ. Шахъ самъ видитъ теперь невозможность принудить бунтовщиковъ къ повиновенію оружіемъ, ибо Герать выдерживаетъ всѣ его нападенія, и покорить его нельзя по крѣпкому положенію, рѣшительности жителей, и при слабости силъ Персидскихъ. Пишутъ, что Шахъ согласенъ на миръ. — Онъ отправилъ посла своего Гуссейнъ-Хана въ Лондонъ, для поздравленія Королевы, и поднесенія ей подарковъ. — Племянникъ Шаха, Цели-Султанъ, успѣлъ бѣжать изъ-подъ стражи въ Ардебиль, и теперь укрылся въ Арзерумъ. Его ждутъ въ Царьградъ. Махмутъ велѣлъ изъяснить ему дружбу и полное участіе.

А Ф Р И К А.

Въ Алжиръ прибылъ, назначенный отъ Папы, Католическій Епископъ, поставленный на тамошнюю епархію.

Посланникъ Абдъ-эль - Кадера возвратился изъ Франціи въ Алжиръ. Онъ хвалитъ Францію, доволенъ пріемомъ, но жалуется на путешествіе по морю, увѣряя, что ѣздить верхомъ гораздо лучше и спокойнѣе. Объ успѣхъ своего посольства онъ не говоритъ ни слова.

Въ Тунисъ явился посоль отъ Султана, съ фирманомъ на званіе паши тамошнему Бекю. Притѣсненія Французовъ въ Тунисъ, и слухи, что въ Тунисъ придетъ Турецкая эскадра, заставили контръ-адмирала Лаланда отправиться туда, на линейномъ корабль Іена. Его приняли весьма ласково, увѣрили въ дружбу, и въ томъ, что Султанъ не имѣетъ никакихъ непріязненныхъ намѣреній, и что слухи о прибытіи Турецкой эскадры несправедливы. Но Бей жаловался на дерзость Французскаго Консула, и слагалъ на него вину всѣхъ неудовольствій.

Войска, высланныя противъ Кафровъ, разогнали толпы ихъ, захватили стада и 500 женщинъ. Пленныхъ Кафровъ судили военнымъ судомъ за причиненные ими грабежи и убійства, и желая устрашить этихъ дикарей, разстрѣляли нѣсколько изъ ихъ предводителей.

А в с т р а л и я.

Дворъ Гавайскаго Короля издавна сдѣлался мѣстомъ жестокихъ интригъ между Французскими и Англійскими миссіонерами и искателями приключеній изъ обѣихъ націй. Въ концѣ прошлаго года, Англичане уговорили наконецъ Короля — изгнать всѣхъ Французовъ изъ его владѣній. Прибытіе Фран-

дузскаго капитана Пети-Туара, на 60-ти пушечномъ фрегатѣ Венера, заставило отмѣнить столь несправедливое повелѣніе, и Французамъ снова возвращено спокойное пребываніе на островахъ Гавайскихъ.

А М Е Р И К А.

Вотъ прокламація, которую издалъ лордъ Дургамъ, по прибытіи своемъ, 27-го Мая, въ Квебекъ:

«Ея Величество Королева удостоила мнѣ управленіе Северо-Американскими владѣніями Британніи, и сегодня вступилъ я въ новую свою должность. При выполнении сей важной обязанности, я твердо надѣюсь на искреннее пособіе всѣхъ подданныхъ Ея Величества, какъ на лучшее средство счастливо исполнить все, что только можетъ служить къ ихъ благосостоянію. Честные, добросовѣстные поборники преобразованій и улучшеній въ нынѣшнихъ учрежденіяхъ найдутъ во мнѣ, не смотря на партіи, происхожденіе и политическіе виды, твердѣйшую опору, и могутъ требовать всего, что только можетъ служить къ укрѣпленію связи между отечествомъ и колоніями. Но возмутители общественнаго спокойствія, нарушители закона, враги престола и Британніи, встрѣтятъ во мнѣ непримиримаго противника, который долженъ будетъ употребить противъ нихъ всю гражданскую и военную власть, коюю онъ облеченъ. Несчастныя происшествія въ одной провинціи заставили меня отмѣнить прамѣніе представительное, и верховная власть перешла въ мои руки. Великая, лежащая на мнѣ отвѣтственность, и трудность въ исполненіи обязанностей, мнѣ предписанныхъ, безъ сомнѣнія, побудятъ меня ускорить ту минуту, когда исполнительная власть выйдетъ изъ предѣловъ, въ которые заключена она теперь, и будетъ слобразнѣе съ Британскими постановленіями. Отъ вашего поведенія, и слѣдственно, отъ вашего содѣйствія будетъ зависеть, замедлитъ, или ускоритъ это мгновеніе. И потому я требую, чтобы вы изъявляли мнѣнія свои откровенно и чистосердечно; прошу васъ смотреть на меня, какъ на лучшаго своего защитника и друга, который всегда готовъ слушать ваши требованія и жалобы, и рѣшать ихъ съ возможнымъ безпристрастіемъ и справедливою.

Если вы, съ своей стороны, оставивъ вражду и духъ партій, соединитесь со мною для общаго дѣла мира и тишины, то я увѣренъ, что положу основаніе новой правительственной системѣ, которая защититъ права и выгоды всѣхъ сословій въ народѣ, устранивъ вражду и несогласіе, и съ Божіею помощію, дастъ прочное основаніе величію, счастью и богатству, которыя въ плодородной странѣ сей имѣютъ много неисчерпаемыхъ источниковъ.»

Между тѣмъ спокойствіе далеко еще не утвердилось въ Канадѣ. Толпы бунтовщиковъ укрѣпились въ лѣсахъ, и смѣло разъѣзжаютъ на легкихъ судахъ по рѣкѣ св. Лаврентія. Предводителемъ у нихъ теперь нѣкто *Вилліамъ Джонсонъ*, отчаянный удалецъ. Онъ напалъ на Англійскій пароходъ Сиръ Робертъ Пиль, разграбилъ и сжегъ его. Приписывая сей поступокъ Сѣверо-Американцамъ, нѣкоторые изъ Англичанъ нападали на Американскій пароходъ Телеграфъ. Дѣло объяснилось прокламаціею Джонсона, который объявилъ себя защитникомъ независимости Канады и врагомъ Англии, онъ грабитъ и убиваетъ Англичанъ и ихъ сообщниковъ; за голову его объявлена большая награда.—Число Англійскихъ войскъ, находящихся въ Канадѣ, простирается до 11,000, но лордъ Дургамъ требуетъ новаго подкрѣпленія. Многимъ не нравится рѣшительный тонъ, съ какимъ хочетъ онъ безусловнаго повиновенія, отвѣчая на всѣ требованія о прежнихъ правахъ, что они зависятъ отъ мѣры покорности Канадцевъ, и великодушія Королевы и ея правителей.

Партія людей, которые противятся защитникамъ свободы и образованія Негровъ, извѣстнымъ въ Соединенныхъ Штатахъ подъ именемъ *аболиционство*, произвела большіе беспорядки въ Филадельфій. Предводимыя ими, толпы народа напали на домъ, гдѣ аболиционисты завели школу для Негровъ, и со-

бирался для совѣщаній, разграбили и сожгли его, 16-го Мая. На другой день бросились они къ дому, гдѣ находится редакція аболинистскаго журнала; здѣсь успѣли ихъ разогнать, но Меръ Филадельфійскій былъ встрѣченъ свистками, и только силою, и тѣмъ, что захватили зачинщиковъ мятежа, спасли несчастныхъ Негровъ, жилища которыхъ мятежники хотѣли грабить и жечь ночью.

Рудники золота, серебра, мѣди, свинцу, цинку, желѣза, олова и каменнаго угля открываются въ изобиліи въ Соед. Штатахъ. Жители все еще мало обращаютъ на нихъ вниманія, и лучшія земли, гдѣ находятъ пріиски рудъ, можно еще покупать отъ 10 до 20 доллеровъ за акръ. Правительство Американское даетъ совершенную свободу отыскивать и плавить металлы. Въ Миссури учредилась компанія для разработки желѣзныхъ рудниковъ, и отъ Миссиссипи проводятъ туда желѣзную дорогу. Вѣроятно, вскорѣ добываніе металловъ получить въ Соединенныхъ Штатахъ большое развитіе; уже составляются многія компаніи для сего предмета.

Принцъ Жуанвильскій посѣтилъ Ямайку, и 5-го Мая былъ въ Гаванѣ; 23 - го Мая прибылъ онъ въ Вашингтонъ, объѣхалъ потомъ Филадельфію, Балтиморъ, осмотрѣлъ Ніагарскій водопадъ, и 15-го Іюня былъ уже въ Нью - Йоркѣ, откуда отправился во Францію (отъ 18 - го Іюля изъ Парижа пишутъ о прибытіи его въ сію столицу).

Въ Квебекѣ былъ поединокъ между маіоромъ Варломъ и какимъ - то Свинеемъ, котораго Вардъ рсвновалъ къ женѣ своей. Бѣдный мужъ былъ убитъ. — Папино живъ и находится теперь въ Филадельфіи.

Извѣстія о взятіи Франпузами Мексиканской крепости Сень-Жуанъ Уллоа не подтвердились, но блю-

када наблюдается строгая, и Мексиканскіе берега чрезвычайно стѣснены надзоромъ Французской эскадры). Северо-Американскій корабль Анна Элиза, пробравшійся въ Вера-Крузъ, не смотря на пальбу съ Французскаго сторожеваго бота, былъ причиною большихъ споровъ между капитаномъ Базошемъ и начальникомъ Американскаго брига Онтарио, ибо Французы объявили его своимъ призомъ. Изъ Луизианы доставляютъ на Французскую эскадру въ изобиліи припасы.

Американскій пароходъ Вашингтонъ сгорѣлъ на открытомъ морѣ, и при семъ случаѣ погибло 40 человекъ. На пароходъ Пулавскій, въ 30 миляхъ отъ берега Северной Каролины, лопнулъ котель, и изъ 150 пассажировъ спаслось не болѣе 30, на подоспѣвшую на помощь имъ шкуну.

Пожаръ истребилъ до основанія главный городъ на островѣ Маріа Галантъ. Только церковь и тюрьма уцѣлѣли.

Блокадная Французская эскадра передъ Буэносъ-Айресомъ состоитъ изъ 4 кораблей, подъ начальствомъ вице-адмирала Дагенета. Съ 28-го Марта ни одинъ корабль не допускается уже къ Деллаплатскимъ берегамъ.

Чилийскій Губернаторъ въ Вальпарейзо велѣлъ въ 24 часа выѣхать изъ города живущему тамъ Французу Губеру, и тщетно просили на сей поступокъ объясненія самъ Губеръ и Французскій Консулъ. Губеръ остался, не смотря на приказъ Губернатора, переехалъ на Французскій бригъ, и Консулъ потребовалъ удовлетворенія въ обидѣ.

По отчету Бразильскаго Министра Финансовъ, расходы Бразильской имперіи прошлаго года превзошли доходы 380,000 ф. ст., а на нынѣшній годъ по бюджету недостаетъ 140,000 ф. ст.

Въ началѣ Мая, Гаитскій генераль Энжиннакъ, пользующійся большою властью въ Гаити, подвергся злодѣйскому покушенію людей, недовольныхъ послѣднимъ рѣшеніемъ несогласій съ Францією. Убийца явился къ генералу съ письмомъ, выстрѣлилъ въ него, ранилъ жестоко и бѣжалъ. Полагая, что генераль уже убитъ, сообщники убійцы хотѣли возмутить солдатъ, но благоразуміе президента Бойе прекратило беспорядки. Полагаютъ, что Энжиннакъ будетъ преемникомъ Президента. Рана его оказалась не опасна.

Н Е К Р О Л О Г Ъ .

Карлъ Ивановичъ Бистромъ 1-й, генераль-адъютантъ, генераль отъ инфантеріи, командиръ Л. Г. Егерскаго полка, и командующій всею пѣхотою Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса, кавалеръ орденовъ: Св. Александра Невскаго, Св. Георгія 2-й, Св. Владимира 1-й, Св. Анны 1-й и 4-й степеней, Прусскихъ Краснаго Орла 2-й степ., за Заслуги и Желѣзнаго креста, и Св. Іоанна Іерусалимскаго, имѣвшій золотыя шпаги съ алмазами, и съ надписью: *за храбрость*, сер. медали 1812 и 1814 г., за Турецкую войну, знакъ отличія Военнаго Достоинства 1-й степ., и знакъ за XXXV лѣтъ службы, одинъ изъ героев отечественной брани 1812 года — скончался въ Киссингенѣ 16-го Іюня. Жизнь Бистрома, вся посвященная отечеству, славныя раны, какими покрылся онъ на поляхъ брани, участіе почти во всѣхъ великихъ событіяхъ, какими ознаменованы были военныя наши лѣтописи текущаго столѣтія, и безпорочное имя честнаго, благороднаго воина — вотъ по чему останется память Бистрома навсегда для насъ незабвенною. Забудемъ ли одно то, что судьба ему судила *начать* безсмертный бой Бородинскій 26-го

Августа 1812 года: въ 6 часовъ утра, подъ громомъ 120-ти орудій главной баттарей, Французы ударили на село Бородино. Здѣсь стоялъ Бистромъ, тогда еще полковникъ Лейбъ - Гвардіи Егерскаго полка; мужественно встрѣтилъ онъ непріятеля, и—загорѣлся великій бой Бородинскій!...

Докторъ Франція, таинственный властитель и основатель новаго царства въ лѣсахъ Южной Америки, умеръ, по новѣйшимъ извѣстіямъ изъ Курасао. Мы сообщимъ читателямъ нашимъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ странномъ челоѣкѣ, въ свое время обращавшемъ на себя вниманіе Европейцовъ. Пишутъ, что съ кончиною его, мгновенно разрушился весь заведенный имъ въ Парагваѣ порядокъ дѣлъ, и что даже приверженцы его принуждены были немедленно бѣжать въ Монтевидео, страшась мщенія жителей, досель стѣсненныхъ деспотизмомъ бывшаго ихъ властителя.

Графъ Максимилианъ Монжелла, Баварскій государственный министръ, скончался въ Минхенѣ, 13-го Мая, на 79 году отъ рожденія. Съ 1799 по 1817 годъ, онъ былъ двигателемъ государственнаго внѣшняго и внутренняго управленія Баваріи. Уволенный послѣ того, онъ принималъ участіе въ дѣлахъ, какъ членъ первой Палаты и Государственнаго Совѣта, и принадлежалъ къ числу тѣхъ знаменитыхъ дипломатовъ современныхъ, между коими встрѣчаемъ имена Меттерниха, Талейрана, Кастельере, Бернсторфа, и другихъ.

Виконтесса Монморанси-Лаваль, урожденная Ларошфуко-Ланкуръ, умерла въ Парижѣ на 87 году. Она пережила друга своего Талейрана только немногими днями.

Герцогъ Лидсъ (Leeds), перъ Великобританіи, умеръ въ Лондонѣ, 7-го Іюля, на 63 году жизни.

Титуль его наследовалъ старшій сынъ его, Маркизь Кармартенъ.

Баронъ Францъ, Николай Бенуа Гаксо, скончался въ Парижѣ, 26-го Іюня, на 64 году. Онъ былъ однимъ изъ отличныхъ инженеровъ при Наполеонѣ — находился при осадѣ Саррагоссы, подъ Ваграмомъ, при обозрѣніи Наполеономъ переправы черезъ Нѣмень въ 1812 году, и взятъ Русскими въ плѣнъ въ 1813 году, вмѣстѣ съ Вандамомъ. Передавшись Наполеону въ 1815 году, послѣ Ватерлоо опять приобрѣлъ онъ благосклонность Людовика XVIII-го, и былъ генераль-инспекторомъ по инженерной части. — Онъ управлялъ осадкою Антверпена, во время геройской защиты его генераломъ Шассе, и послѣ того жилъ въ совершенномъ уединеніи.

Профессоръ физики и химіи, Докторъ Аккумъ, умеръ въ Берлинѣ.

Докторъ Итаръ, благотѣльный врачъ, бывшій много лѣтъ при Парижскомъ институтѣ глухо-нѣмыхъ, скончался въ Парижѣ. По завѣщанію своему онъ оставилъ Институту глухо-нѣмыхъ 8000 фр. дохода.

Въ числѣ Русскихъ литераторовъ, которыхъ лишились мы въ послѣднее время, должно упомянуть о Князѣ Сергѣи Александровичѣ Шпринскомъ-Шахматовѣ, скончавшемся въ прошедшемъ году, въ тишинѣ монастырской обители, подъ именемъ *іеромонаха Аникиты*. — Въ нынѣшнемъ году скончался въ Петербургѣ Гавриилъ Васильевичъ Герраковъ, извѣстный сочиненіемъ *Твердости духа Русскихъ*, и многихъ другихъ книгъ.

VI.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

Кирило Тимоѣевичъ Хлѣбниковъ. Съ чувствомъ прискорбія хотимъ мы вспомнить здѣсь о недавней потерѣ друга, любезнаго, образованнаго, полезнаго челоуѣка и гражданина. Да будетъ воспоминаніе ваше объ немъ слабымъ свидѣтельствомъ той сердечной привязанности, и того душевнаго уваженія, какія питали мы къ нему при жизни его!

К. Т. Хлѣбниковъ происходилъ отъ почетнаго рода гражданъ Сибирскихъ. Предокъ его, Козьма Хлѣбниковъ, былъ переведенъ некогда изъ Новагорода, вмѣстѣ съ многими соотечественниками, на жительство въ Сибирскія мѣста, и поселенъ въ Кунгуръ. Прадѣдъ, Михаилъ Козьмичъ, служилъ Кунгурскимъ бурмистромъ, и отъ городского общества посыланъ былъ по дѣламъ въ Петербургъ, въ 1737 году. Дѣдъ, Иванъ Михайловичъ (сконч. въ 1773 г.), двадцать лѣтъ былъ президентомъ въ Кунгуръ. Дяди, Емельянъ Ивановичъ, отличился храбростію при нападеніи на Кунгуръ шайки Пугачева, и за то награжденъ былъ золотою саблею. Отецъ, Тимоѣей Ивановичъ (сконч. 9 Окт. 1790 г.), былъ президентомъ и головою Кунгурскимъ. *К. Т.* третій, младшій сынъ его, родился въ 1776 году. Родъ Хлѣбниковыхъ пришелъ тогда въ упадокъ. Юный *К. Т.* чувствовалъ, что мелочныя занятія на родинѣ не дадутъ ему средствъ удовлетворить страстному желанію видѣть свѣтъ, и сдѣлаться со временемъ достойнымъ гражданиномъ.

Т. IV. — Стл. VI.

номъ; двадцать четыре года было ему, когда онъ согласился вступить въ число искателей приключеній, набираемыхъ въ Американскія колоніи по всей Россіи и по Сибири, и въ Декабрѣ 1800 года надолго простился съ родиною, отправясь въ Иркутскъ, съ комисіонеромъ Росс. Америк. Компаніи Горповскимъ. Большею частью, эти набираемые для колоній нашихъ, такъ называемые, *воляжные*, состоятъ изъ отчаянныхъ удалцовъ, которымъ терять ничего, и многіе, записываясь въ воляжъ, стараются только взять что нибудь впередъ, на что можно бы было въ послѣдній разъ *погулять*, не помышляя о будущемъ. Съ ними прощаются, какъ съ обреченными на смерть. И дѣйствительно, не многіе изъ нихъ возвращаются на родину: большая часть умираетъ, или навсегда остается въ Америкѣ, и весьма рѣдкіе успеваютъ скопить себѣ что нибудь, скоро прибрѣтая, но проживая еще скорѣе. Не таковъ былъ Хлѣбниковъ. Онъ отличился между всеми своими товарищами, и, по пріѣздѣ въ Иркутскъ, оставленъ былъ при тамошней конторѣ, а потомъ отправленъ въ Охотскъ въ 1801 году. Тутъ договорился онъ быть прикащикомъ Компаніи въ Ижигинскъ, и отправленъ туда моремъ — здѣсь было начало его знакомства съ грозною стихіею (которая привѣтствовала его немедленно жестокою бурей). Онъ объѣхалъ потомъ на оленяхъ и собакахъ Тунгусскія и Коряцкія селенія, познакомился съ дикарями, моремъ воротился обратно въ Охотскъ, заключилъ договоръ еще на годъ, а въ 1803 году, бывши опять въ Охотскѣ, условился быть прикащикомъ Компаніи въ Камчаткѣ. Десять лѣтъ пробылъ онъ тамъ, имѣя съ 1808 года уже званіе компанейскаго комисіонера. Только въ 1807 году приходилъ онъ на время въ Охотскъ, и все время посвящая служенію ревностному и тяжкому, болѣе десяти разъ объѣздивши всю Камчатку, узнавши вполнѣ сей отдаленный край, и нѣсколько разъ подвергая опасности жизнь свою. Такъ, въ 1802 году, болѣе 20 дней Хлѣбниковъ претерпѣвалъ гибель отъ противныхъ вѣтровъ на морѣ, не имѣя уже ни капли воды, едва могъ воротиться и зимовать въ Ямскѣ, гдѣ едва не погибъ, идя черезъ ледъ на лыжахъ весною. Зимой 1805 года отморожилъ онъ себѣ руки и ноги, перѣзжалъ черезъ Коряцкій хребетъ. Въ Августѣ 1807 года едва спасся на шлюпкѣ, когда судно, гдѣ былъ онъ, опрокинуло въ устьѣ рѣки Камчатки. Въ томъ же году, на другомъ суднѣ, онъ едва не по-

гнѣть, наплывши въ морѣ на соннаго, огромѣйшаго кита. Въ Декабрѣ 1808 г. едва не утонулъ онъ на льду рѣки Камчатки, при внезапной оттепели и сильномъ дождѣ. Отличаясь усердіемъ, онъ успѣлъ пріобрѣсть знакомство и дружеское расположеніе всѣхъ, и особенно начальника первой экспедиціи Русскихъ кораблей кругомъ свѣта, П. Ф. Крузешитерна (въ 1805 году, когда корабль Надежда возвратился изъ Японіи и готовился плыть въ Кантонъ), а также бывшаго при экспедиціи естествоиспытателя Лапгсдорфа (знакомство сего знаменитаго ученаго, съ которымъ объѣхалъ онъ зимою Камчатку, а потомъ плавать въ Охотскъ, развило въ немъ склонность къ естествоиспытанію), и извѣстныхъ моряковъ Хвостова и Давыдова (отправившихся въ 1807 году изъ Камчатки въ Японію). Здоровье К. Т. такъ было разстроено трудами, что онъ отказался отъ должности, выѣхалъ въ 1813 году въ Иркутскъ, гдѣ и пробылъ весь 1814 годъ. Но тогда наступала важнѣйшая эпоха его жизни. Онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, и ему предложили мѣсто правителя главной конторы въ Америкѣ, по новому образованію управленія колоніями, въ слѣдствіе просьбы объ увольненіи престарѣлаго А. А. Баранова. Любознанию и дѣятельности К. Т. открывалось теперь новое поприще; онъ не отказался, и въ Сентябрѣ 1816 года отправился кругомъ свѣта на корабль Кутузовъ, бывшемъ подъ начальствомъ капитана Гагемейстера. Благополучно достигнувъ Ситхи, и принявъ послѣ Баранова должность, шестнадцать лѣтъ продолжалъ онъ свое пребываніе въ сѣверо-западныхъ нашихъ колоніяхъ. Не будемъ входить въ подробности трудовъ его по управленію вѣрренной ему части: соблюдая и умножая пользы Компаніи, онъ умѣлъ заставить начальниковъ любить, подчиненныхъ уважать его, иностранцевъ, жившихъ съ нимъ сошенія, быть его друзьями. Нѣсколько разъ плавалъ онъ въ Калифорнію, Мексику, Перу, Чили, обозрѣвъ, подробно узнавъ всю Русскую Америку, и едва ли кто имѣлъ о тамошнихъ странахъ понятія столь вѣрныхъ, опытныхъ и обширныхъ. Онъ приготовилъ Компаніи людей достойныхъ по всѣмъ частямъ управленія, отличался кротостью и снисхожденіемъ въ дѣлахъ съ дикарями, и въ тоже время неутомимо трудился надъ собственнымъ образованіемъ: выучился Испанскому и Англійскому языкамъ, занимался естествознаніемъ, читалъ, поучался бесѣдою умныхъ и опытныхъ людей, и если былъ лишонъ

*

Европейскаго общества и тѣхъ гособій, какія даетъ намъ общественная жизнь въ Европѣ, тѣмъ драгоценнѣе были для него бесѣды моряковъ, путешественниковъ, и изученіе Американской природы, первобытнаго состоянія дикихъ ея обитателей, и страннаго состоянія Америки Мексиканской и Южной, гдѣ непрерывно имѣлъ онъ сношенія съ Северо-Американцами и Англичанами. Разстроенное трудами и лишениями всякаго рода, въ теченіе тридцати лѣтъ, здоровье, и пріобрѣтенное честнымъ трудомъ независимое состояніе, которое могло дать ему тихій пріютъ и довольство на старости лѣтъ въ отечествѣ, заставило К. Т. желать и просить возвращенія въ Россію. 30 Ноября, 1832 года, онъ отправился изъ Ситхи на военномъ шлюпѣ Америка, и 13 Сентября 1833 года прибылъ благополучно въ Кронштадтъ. Его встрѣтили здѣсь съ особеннымъ уваженіемъ. Въмѣсто прежняго рѣшенія удалиться на родину, К. Т. остался въ Петербургѣ. Умъ его, обширная опытность, доказанная честность заставили Компанію предложить ему должность правителя дѣлъ, а въ 1835 году избранъ онъ былъ въ число директоровъ Компаніи. Труды его удостоились потомъ всемплоштивѣйшаго Монаршаго награжденія орденомъ Св. Анны 3-й степени. С. Петербургская Академія Наукъ избрала его въ свои члены-корреспонденты. Не смотря на всегдашнюю скромность и тихую, уединенную жизнь, просвѣщенные и образованные люди, моряки, литераторы, ученые, знатныя особы, Русскіе и иностранные купцы и негоціанты составляли всегдашнее общество почтеннаго К. Т., любили его, любили бесѣду съ нимъ и простое, радушное его гостепримство. Забывая труды свои, непрерывныя занятія, жестокіе ревматическіе припадки — слѣдствіе отдаленныхъ и опасныхъ путешествій— К. Т. былъ истинно-Русскимъ хлѣбосоломъ, и любезнымъ, просвѣщеннымъ собесѣдникомъ. Досугъ посвящалъ онъ чтенію, наукъ и литературнымъ занятіямъ. Всѣмъ просвѣщеннымъ читателямъ извѣстно изданное имъ жизнеописаніе А. А. Баранова, многія статьи его въ журналахъ, газетахъ, въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ. Съ нимъ приходили совѣтоваться, когда рѣчь заходила объ Америкѣ, и охотно сообщалъ онъ каждому свои свѣдѣнія. Обширное чтеніе, наблюденіе и вкусъ дѣлали К. Т. умнымъ, пріятнымъ писателемъ, хотя онъ не получалъ въ юности никакого образованія, и никогда не го-

тоился къ литературнымъ занятіямъ. Прочтите его статью въ Сынѣ Отечества 1836 года: *Взглядъ на полѣтка моей жизни*, и въ С. О. нынѣшняго года небольшую статью его, въ III-й книжкѣ (отд. 6-е), и вы убѣдитесь въ разнообразныхъ свѣдѣніяхъ автора, и въ умѣнь рассказывать занимательно, легко, пріятно. Но скромность К. Т. была такова, что ояъ уступалъ только самой неотступной просьбѣ другихъ, и самъ никогда не хотѣлъ ничего печатать. Вѣроятно, въ бумагахъ, его найдется много любопытнаго и неизвѣстнаго. Мы видѣли у него богатые запасы свѣдѣній по исторіи Русской Америки и Русскихъ путешествій, которыхъ не находимъ ояъ времени привести въ порядокъ. Записки о своихъ собственныхъ путешествіяхъ составляли у К. Т. большіе портфели.

Независимое состояніе, обще уваженіе, полезная отечеству, дѣятельная жизнь, пріятнос, избранное общество, средства для занятій умственныхъ, казалось, могли доставить К. Т. спокойную, пріятную старость послѣ жизни, исполненной столькихъ трудовъ и странствованій, но Провидѣнію угодно было прервать внезапно жизнь сего столь полезнаго, почтеннаго и любезнаго челоуѣка.

Весело встрѣтилъ ояъ Свѣтлое Воскресенье нынѣшняго года, казался здоровъ, не чувствовалъ даже всегдашнихъ своихъ недуговъ ревматическихъ. Апрѣля 14-го пришелъ ояъ пѣшкомъ, бодрый и веселый, изъ дома Россійско-Американской Компаніи, что у Синяго Моста, въ домъ, занимаемый Департаментомъ Корабельныхъ Лѣсовъ, что въ Грязной улицѣ, къ почтенному начальнику Департамента, Барону Ф. П. Врангелю. Здѣсь всегда принимали его, какъ добраго семьянина, и К. Т. не могъ безъ особеннаго почтенія произнести имени этого знаменитаго мореплавателя нашего, столь извѣстнаго по своимъ заслугамъ, и бывшаго нѣсколько лѣтъ начальникомъ колоній въ Русской Америкѣ, гдѣ К. Т., состоя подъ его начальствомъ, пользовался его особеннымъ покровительствомъ и дружбою, бывши тогда въ Ситхѣ главнымъ правителемъ конторы. Г-нъ Васильевъ, назначенный въ путешествіе по Сибири, Камчаткѣ и Америкѣ, явился также къ г-ну Врангелю. Обѣдъ и время до вечера пролѣтали непримѣтно въ бесѣдѣ, и никогда еще К. Т. не бывалъ такъ любезенъ и разговорчивъ, особливо вспоминая свое житье-бытье въ Америкѣ. Ояъ пошелъ домой пѣшкомъ, вмѣстѣ съ г-мъ

Васильевымъ, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ лишился чувствъ. Попытки перенести его опять къ г-ну Врангелю, гдѣ за нѣсколько минутъ такъ весело простился онъ — ни какія пособія науки, ни какія старанія дружбы, не могли спасти жизни его. К. Т. не приходилъ уже въ чувство, и скончался въ ночи на 15-е Апрѣля. Гробъ его на Волковское кладбище сопровождали многочисленныя друзья и люди всѣхъ званій, съ искреннимъ прискорбіемъ. Безродный и одинокій въ С. Петербургѣ, онъ умѣлъ приобрести себѣ любовь и дружбу столь многихъ, любившихъ его, какъ родного, что гробъ его опустили въ землю не хладнокровное сожалѣніе, но искреннее, сердечное участіе. Родные и двоюродные братья и сестры его все находятся въ Куптурѣ.

Мы невольно изобразили бы челоуѣка, столь любимаго и сожалѣмаго нами, если бы къ описанію его ума, его образованія, его любезнаго характера, не присовокупили нѣсколькихъ словъ о нравственныхъ свойствахъ души его. Строгая честность всегда руководствовала его поступками. Никогда не измѣнялъ онъ другому, разъ полюбивши челоуѣка; не терпѣлъ злорѣчія — молчалъ, если сказать было нечего, и всегда извѣщалъ проступокъ и слабость другихъ, строгій только къ самому себѣ. Веселый и разговорчивый въ дружеской бесѣдѣ, онъ былъ застѣнчивъ и молчаливъ въ большомъ обществѣ, особливо между незнакомыми, но поучительны бывали разговоры и рассказы его, когда заходила рѣчь о любимыхъ его предметахъ — морскихъ путешествіяхъ, Америкѣ, Мексикѣ, Перу, Чили, бывалой жизни и трудностяхъ ея въ Сибири, Камчаткѣ, Америкѣ и на моряхъ. К. Т. помнилъ добро, сдѣланное ему другими; самъ не жалѣлъ ничего на добро, и только послѣ смерти открылись его благодаренія и пособія многимъ. Бѣдный и скорбищій находили въ немъ друга и утѣшителя.

Потеря К. Т. едва-ли можетъ замѣниться кѣмъ-либо въ настоящее время для нашей Американской Компаніи. Такъ незамѣнима потеря его и для друзей. Странная судьба челоуѣка: родиться въ Сибири, десять лѣтъ жить въ Камчаткѣ, шестнадцать въ Америкѣ, два раза обойти кругомъ свѣта, быть среди столькихъ бурь и бѣдствій на землѣ и на сушѣ, и — умереть тихо и безболѣзненно, одинокимъ и безроднымъ, во въ объятіяхъ дружбы, съ привѣтомъ всѣхъ добрыхъ людей,

кто только зналъ его, но въ то время, когда жизнь его могла бы наиболѣе быть полезна отечеству, вмѣстѣ съ тѣмъ вознаграждая спокойствіемъ и наслажденіемъ за прошедшія скорби и тяжкіе опыты....

Н. ПОЛЕВОЙ.

Живописная Россія, издаваемая г-ми Делакроа и П. П. Свиньинъ. Считаемъ себя виноватыми предъ почтеннымъ г-мъ Делакроа: до сихъ поръ мы ничего еще не говорили объ его *живописныхъ* изданіяхъ, и падѣмся исправить теперь вину нашу, извѣстивши о повомъ его предпріятіи, которое для насъ, Русскихъ, имѣетъ особенный интересъ.

Искусство гравированія на стали дало нынѣ средство издавать книги, украшенныя превосходными гравированными картинками. Не говоримъ, чтобы въ художническомъ отношеніи гравированіе что либудь здѣсь выиграло. Напротивъ, оно становится механизмомъ, до того, что даже машина замѣняетъ здѣсь руку художника. Но удивительная тонкость очерковъ дѣлетъ стальному гравированію нѣжность необыкновенную, а безчисленное количество оттисковъ, выдерживаемыхъ стальною доскою, возможность продавать ихъ такъ дешево, что они произвели особенный родъ книгъ, *illustrated works* и *кипсековъ*, гдѣ на заказъ по картинкамъ прибирается содержаніе, и все достоинство книги, большею частью, составляютъ самыя картинки. Такъ издано донинѣ множество *живописныхъ* описаній разныхъ странъ и городовъ, альманаховъ даже романовъ, и одиѣ и тѣ же картинки издаются съ текстами Англійскими, Французскими, Нѣмецкими, въ разныхъ видахъ, подъ разными заглавіями. Англійскіе издатели готовы продать кому угодно и сколько угодно оттисковъ отдѣльно, а купи эти оттиски, можете придѣлывать къ нимъ текстъ, какой заблагоразсудите.

Пользуясь симъ удобствомъ, г-нъ Делакроа, нѣкогда издававшій съ Н. И. Гречемъ *Геніал Временъ* и *Журналъ новѣйшихъ путешествій*, а нынѣ живущій въ Митавѣ, и посвятившій себя службѣ, рѣшился удѣлать немногіе досуги на передачу *живописныхъ* изданій на Русскомъ языкѣ. Онъ выписалъ лучшіе гравюры Англійскихъ изданій, по при выборѣ

предметовъ снабдилъ ихъ, имъ самимъ составленнымъ, занимательнымъ текстомъ. Такимъ образомъ образовались у него, изданныя уже имъ на Русскомъ языкѣ, книги: *Восточная Палорама*, два тома, въ каждомъ по 48 превосходныхъ эстамповъ; *Греція*, одинъ томъ, съ 30-ю рисунками, и *Швейцарія*, одинъ томъ, съ 24 рисунками; первая продается по 40, вторая и третья по 25 рублей за каждый томъ. Дешевизна удивительная, ибо не считая текста (весьма хорошо и дѣльно составленнаго, и отпечатаннаго на веленовой бумагѣ) картинки приходится копѣекъ по *восьмидесяти* за штуку! Мы советуемъ купить книги г-на Делаacroa въмъ охотникамъ до полезнаго чтенія и изящныхъ изданій, это прекрасная *живописная пинорама*. Но особенно должно обратить вниманіе читающей публики на новое предиріятіе г-на Делаacroa: онъ, вмѣстѣ съ П. П. Свищинымъ, издаетъ теперь виды и изображенія, какіе составилъ г-нъ Свищынъ въ путешествіяхъ своихъ по Россіи, въ теченіе многихъ лѣтъ. Соединяя въ себѣ дарованія литератора и художника, г-нъ Свищынъ написалъ къ рисункамъ своимъ изъяснительный текстъ, а рисунки гравированы въ Лондонѣ на стали, и отдѣлкою не уступятъ гравюрамъ лучшихъ Англійскихъ кипсековъ. Подъ заглавіемъ: *Картины Россіи и бытъ разноплеменныхъ ея народовъ*, предполагается издать *восемь* томовъ, въ каждомъ 40 рисунковъ, и при каждомъ рисункѣ около листа печатнаго текста, гдѣ помѣстятся историческія, географическія, мѣстные и живописныя поясненія (для ознакомленія публики съ содержаніемъ этого занимательнаго текста, мы помѣстимъ въ слѣдъ книжкѣ С. О. одну статью). На первый случай принимается подписка на одинъ томъ, гдѣ помѣстится, какъ мы сказали, 40 рисунковъ. Вотъ исчисленіе ихъ, по которому можно судить о занимательности и счастливомъ выборѣ предметовъ: Кремль Московскій; Василій Блаженный; Оружейная Палата, Коломенское, Царицыно, Троицко-Сергіевская лавра, Византская церковь, Теремъ Царевича Дмитрія въ Угличѣ, Кострома, Ипатьевскій монастырь, Галичъ, Воронежъ, Кіевъ, Кіевская мѣзаница, Пещеры Кіевскія, Бахчисарайскій дворець, фонтанъ и кофейня въ Бахчисарай, Кучукъ-Ламбатъ, Судацкая долпа, Керчь, Волжскій Жареный Бугоръ, Новочеркасскъ, Шведская мюгала близъ Полтавы; костюмы: *Кострома* — мѣщанинъ и мѣщанка; *Галичь* — старинный уборъ и уборъ Галичанки;

Воронежъ — купецъ и купчиха; *Донъ* — казакъ и казачка; *Малороссія* — горожанинъ, чабапъ и крестьянка; *Крымъ* — Грекъ и Гречанка; Цыгане; служеніе дервишей; посидьки Русскія. — И все это, составляя щегольскую, прелестную, занимательную книгу, напечатанную на лучшей веленовой бумагѣ, и состоящую изъ 40 печ. листовъ, съ 40 картинами, гравир. на стали лучшими Англійскими художниками, будетъ стоить — 30 *рублей*, такъ, что картинки обойдутся покупателямъ по 75 *коп.* за штуку.

Питая глубокое уваженіе къ почтенному П. П. Свиныну, мы боимся упреска въ пристрастіи, если сами станемъ хвалить его безспорное и драгоценное дарованіе — отыскать и мастерски выказать все отечественное, все родное, чему посвятилъ онъ всю жизнь свою. Приведемъ здѣсь лучше нѣсколько словъ изъ объявленія г-на Делаacroa, радуясь, что прекрасные труды почтеннаго П. П. нашли себѣ столь усерднаго и благонамѣреннаго издателя.

«Въ благородномъ стремленіи Россіявъ во всѣхъ сословіяхъ къ узванію обширнаго, необъятнаго своего отечества, и въ радушноиъ вниманіи просвѣщенныхъ согражданъ къ каждому новому открытію въ хранилищахъ отечественной исторіи, просвѣщенный наблюдатель жизни народовъ видитъ вѣрвый залогъ быстрыхъ и утѣшительныхъ успѣховъ Россіи. Знаніе различныхъ подробностей, касающихся до родной старины, питаетъ любовь къ ней, возбуждаетъ народную гордость, всегда готовую на подвиги для славы отечества, и одушевляя усердіемъ къ самоотверженію, ведетъ государство на верхъ славы и могущества. Мы жадно ищемъ познать во всѣхъ отношеніяхъ государство, къ которому принадлежимъ, т. е. его народный бытъ, мѣста историческихъ воспоминаній, даже живописное положеніе ихъ, однимъ словомъ все то, что воепламеняетъ сердца наши чистѣйшими чувствами любви и приверженности къ святой родинѣ, можетъ радовать, возвышать нашу душу. Но издаваемая досель въ семь родѣ книги выполняютъ ли сію цѣль?»

«Описанія и изображенія Россіи, составленные въ послѣднее время, большею частію, въ кабинетахъ издателей, немнѣшихъ средствъ обозрѣть со всѣхъ сторонъ наше отечество, естественно не могутъ удовлетворить потребности патриотовъ, и соответствовать ожиданіямъ Европы, слѣдящей за испо-

линскими шагами Россіи. Ласкаю себя надеждою, что въ скорости буду имѣть возможность замѣнить такой недостатокъ издаемъ въ свѣтъ прекрасныхъ альбомовъ Павла Петровича Свиньина. Принявъ на себя всю отвѣтственность по искусственной и исполнительной части, надѣюсь, что издаанныя мною двѣ части *Всемирной Панорамы*, *Греція* и *Швейцарія*, могутъ ручаться, какъ за исправность мою, такъ и за возможность выполнить мою обязанность передъ публикою, и передъ почтеннымъ авторомъ достойнымъ ихъ образомъ.

«П. П. Свиньинъ, Издатель *Отечественныхъ Записокъ*, журнала, неоспоримо болѣе многихъ другихъ распространявшаго въ прошедшемъ десятилѣтіи любовь и уваженіе къ родному, народному — Русскому, посвятилъ нѣсколько лучшихъ лѣтъ жизни для изученія Россіи на самыхъ классическихъ ея мѣстахъ. Съ пособіемъ исторіи и статистики г. Свиньинъ обозрѣлъ достопамятнѣйшіе города и урочища, отъ береговъ Севернаго Океана до Чернаго Моря, отъ Балтики до Каспія, отъ степей Бессарабскихъ до снѣжнаго хребта Кавказа и гордаго Урала, замѣчая все достойное вниманія, съ безпристрастіемъ наблюдателя опытнаго, съ искусствомъ знатока просвѣщеннаго, и съ рѣдкою способностію пользоваться всѣмъ, что природа и люди представляли взорамъ его въ современномъ бытѣ своемъ и обычномъ движеніи. И отъ того какая правда, какая истина дышать въ его рисункахъ! Въ нихъ подмѣчены, уловлены, не только малѣйшія измѣненія въ чертахъ разнородныхъ племенъ, населяющихъ безконечныя предѣлы царства Русскаго, но и различныя отливки неба и особенности мѣстности; даже фізіогноміи растений сохранены съ удивительною отчетливостію. Отъ того и описанія его исполнены свѣтлыми, самобытными мыслями и замѣчаніями, обличающими вмѣстѣ съ тѣмъ и опытнаго литератора, владѣющаго перомъ сильнымъ и увлекательнымъ, знакомаго съ просвѣщенными странами Стараго и Новаго Свѣта. Въ свѣдѣтельство этого напомнимъ, что отрывки изъ наблюденій г. Свиньина помѣщаемы были въ Европейскихъ и Американскихъ періодическихъ изданіяхъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, а съ 1815 года въ Сынѣ Отечества, гдѣ также въ послѣдствіи видѣли мы и многіе опыты его путешествій по Россіи, и что онъ, находясь при посольствѣ нашемъ въ

Америкъ, издавъ въ Филадельфiи въ 1813 году весьма любопытную книжку о Россiи: *Sketches of Moscow and St. Petersbourg*, съ картинками. Америкапскiе журналы весьма выгодно отзывались о семъ необыкновенномъ явленiи въ ихъ литературѣ, замѣчая, что эта книжка была принята тѣмъ съ большимъ любопытствомъ и вниманiемъ Америкапскою публикою, что явилась въ такое время, когда всѣ жаждали получить ближайшее понятiе о государствѣ, низпровергнушемъ колоссъ, подавлявшiй Европу. Наши лучшiе журналы того времени, Вѣстникъ Европы и Россiйскiй Музеумъ, также достойно оцѣнили заслуги и дарованiя Русскаго въ Америкъ.

«Все это сообщаю я публикѣ не для того, чтобы привлечь ее къ подпискѣ, но единственно для приписанiя признательности моему почтенному автору за то, что онъ избралъ меня быть распространителемъ полезныхъ, занимательныхъ и благонамѣренныхъ трудовъ его, представляющихъ драгоценный плодъ многолѣтнихъ, непрерывныхъ путешествiй его по отечеству, чтобы показать Европейцамъ Россiю въ достойной ея картинѣ, не щадя никакихъ усилiй и пожертвованiй къ выполнению любимой мысли, цѣли занимательной, поэтической жизни его. Въ участiи же почтенной публики въ моемъ предпрiятiи я ни сколько не сомнѣваюсь: радушная готовность ея споспѣшествовать всему полезному и патрiотическому, мнѣ уже извѣстна.»

«Книга сiя выйдетъ въ концѣ 1838 года, и тотчасъ же будетъ разослана г-мъ подписавшимся. По выходѣ ея, если Издатели встрѣтятъ благосклонное принятiе почтеннѣйшею публикою, подписка можетъ быть открыта и на продолженiе сочиненiя.»

Портретъ В. А. Каратыгина. Многiе почитатели талантовъ нашего гениальнаго артиста сожалѣли, что донынѣ не было у насъ хорошаго портрета его. Спѣшимъ увѣдомить, что недавно отпечатанъ портретъ В. А., литографированный г-мъ Машарскимъ, и писанный на камнѣ г-мъ Головачевскимъ, прекрасной отдѣлки, на листъ, и чрезвычайно похожiй. Ка-

ратыгнѣ изображенъ въ любимой роли его *Гамлета*. Кажется, на благородномъ, прекрасномъ сильнѣмъ выраженіи лицъ его читаете тѣ грустныя мысли, какими омрачается душа Датскаго Принца, когда онъ разговариваетъ съ Горацио на кладбищѣ, подъ голосъ пѣсни могильщика, когда вдали несутъ гробъ Офеліи, и судьба, безмолвная, страшная судьба, уже вынимаетъ надъ головою его неизбѣжный приговоръ изъ роковой урны своей. Кто не помнитъ Каратыгина въ эти минуты грустной мечтательности—одномъ изъ лучшихъ мѣстъ, какими исполнена вся игра его въ безсмертномъ созданіи Шекспира!

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Конечно, однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ ученое мѣръ надобно почесть возвращеніе Англійскаго астронома Гершеля съ Мыса Доброй Надежды, гдѣ пѣсколько лѣтъ провелъ онъ въ непрерывныхъ наблюденіяхъ. Еще неполнѣ известны всѣ новыя открытія, какими обогатилъ онъ науку, но открытія сія весьма важны. Въ Парижскомъ Филомаэическомъ Обществѣ, 23 Іюня, читано было объ нихъ краткое извѣстіе. Гершель наблюдалъ постоянно купы міровъ, извѣстныя подъ именемъ «туманныхъ звѣздъ». Касательно двойныхъ звѣздъ, и обращенія ихъ одной около другой, такъ, что для пѣкоторыхъ уже и періодъ обращенія опредѣленъ; разноцвѣтныхъ туманныхъ звѣздъ, изъ коихъ нѣкоторыя являются желтыя, синія, красныя, зеленыя; двухъ (а не шести) спутниковъ Урана, и наконецъ удивительнаго увеличенія звѣзды Аргуса, собраны имъ важныя свѣдѣнія. Гершеля приняли въ Англій сѣ торжествомъ, и угощали еликокопнымъ обѣдомъ, причеиъ самъ Герцогъ Суссекскій поднесъ ему вазу серебряную. Королева пожаловала ему титулъ баронета. Гершель 10 Іюля прибылъ въ Ганноверъ, родину дѣда своего, для свиданія съ своими родственниками. Здѣсь жива еще старушка, сестра дѣда его; ей теперь около 90 лѣтъ.

Опытъ переливанія крови съ успѣхомъ совершенъ былъ недавно въ Лондонѣ надъ г-жею Гарслей, которая отъ силь-

наго кровотеченія была на краю гроба. Доктора Джонъ Вильсонъ и Ричардъ Виллей впустили въ умирающую часть крови изъ сестры ея и мужа, которые умоляли ихъ отразиться на сей опытъ, и жертвовали своею жизнью для спасенія жизни имъ драгоценной. Умирающая ожила, и теперь уже почти здорова; особы, изъ которыхъ перелита кровь, также остались совершенно здоровы.

Недавно въ Парижѣ, одинъ изъ обвиняемыхъ въ зажигательствѣ, утверждалъ, что пожаръ, въ которомъ обвиняютъ его, произошелъ отъ огненнаго метеора, и свидѣтели утвердили, что метеоръ точно былъ видѣнъ, и упалъ на мѣстѣ пожара. Потому послѣдовалъ вопросъ Академіи: могутъ-ли падающія звѣзды и огненные метеоры зажигать? Голоса академикомъ раздѣлились, и Арраго, въ засѣданіи 9 Іюля, приводилъ примѣры, что метеоры, дѣйствительно, могутъ произвести пожаръ, но другіе члены считаютъ это дѣло сомнительнымъ.

Въ Корол. Лондонскомъ Астрономическомъ Общ., Г. Ротманъ читалъ записку о достовѣрности знаменитаго затмѣнія, о которомъ упоминаютъ лѣтописи Китайскія, и на чемъ основывается одно изъ доказательствъ древности Китая (См. Histoire de l'astronomie ancienne, Деламбра, Т. I. стр. 350). Европейскіе астрономы находили невѣрнымъ показаніе Китайцевъ, относя затмѣніе это къ 2159 или къ 2007 годамъ. Но Ротманъ доказываетъ, что оно было дѣйствительно въ 5-й годъ царствованія Tchong-kang, въ 1-й день девятаго мѣсяца, что соответствуетъ 13-му Октябрю 2128 года до Р. Х. и оправдывается математическими вычислениями.

Казено (Cazenaud), Нефшательскій хирургъ, доставилъ (21 Мая 1838 г.) въ Парижскую Академію записку, объ изобрѣтенномъ имъ инструмѣнтѣ, который назвалъ онъ *citeuxisier*, и состоящій изъ лѣщка, въ который вкладывается членъ большаго, и операція отнятія руки, или ноги, совершается въ одну секунду.

Въ подтвержденіе мнѣній Эліа де Бомона, г. Бѣданъ сооб-

диль Парижской Академіи свои наблюденія надъ градомъ, бывшимъ въ Маѣ, вечеромъ въ 5 часовъ. Градины падали круглыя, но послѣ удара грома, онѣ посыпались въ большае число, и были пирамидальны, величиною въ половину круглыхъ; слѣдственно, это были разломанныя на двѣ части круглыя градины. Наблюдатель полагаетъ, что положенныя въ безвоздушное пространство, градины круглыя будутъ распадаться сами собою, и обѣщаетъ продолжать опыты надъ сямъ любопытнымъ явленіемъ.

Вортманнъ изъ Женева прислалъ извѣстіе о дождѣ, бывшемъ тамъ 31 Мая, въ $7\frac{1}{2}$ часовъ вечера. Термометръ, поставленный отъ земли на $3\frac{1}{2}$ фута (100 град.), показывалъ $+ 18^{\circ},5$, а барометръ 727 тыс., 87; небо было совершенно ясно, луна всходила на горизонтъ, но дождь падалъ отвѣсно крупными каплями, которые превратились потомъ въ мелкія.

Г. Гей сообщаетъ подробности объ ужасномъ землетрясеніи, разрушившемъ въ Ноябрь прошлаго года Вадивію и другіе города. Всѣ каменныя зданія разрушились; люди не могли держаться на ногахъ; въ Чилоэ предшествовала ему жестокая буря, и въ полчаса море приливало и отливало три раза. Въ Санъ-Карло выдвинуло изъ земли мачту, утвердившую въ террасѣ крѣпости на 10 метровъ, такъ, что яма сохранила цѣлость свою, какъ будто кто нибудь руками выдернулъ мачту. Г. Гей замѣчаетъ, что съ нѣкотораго времени въ Чили землетрясенія сдѣлались весьма часты; къ сѣверу они непрерывно оказываются подземнымъ шумомъ, а къ югу непрерывными потрясеніями отъ юга на сѣверъ; съ 1820 года, они произвели уже три страшныя опустошенія.— Не готовится ли здѣсь грозное вулканическое явленіе?—Когда въ Европѣ видѣли сѣверное сіяніе, на 18-е Ноября 1835 года, въ Чили замѣтилъ г. Гей безпорядокъ въ магнитной стрѣлкѣ (affolements), и полагаетъ, что и тамъ было тогда австралийское сіяніе, но не замѣчено только по причинѣ закрытаго облаками неба, выводя, что замѣчанія о вліяніи сѣверныхъ сіяній на магнитную стрѣлку подтверждаются его замѣчаніемъ.

Дюроше передалъ Парижской Академіи извѣстіе, что онъ нашель зимою во впадинѣ стѣны двухъ ласточекъ, которыя казались замерзшими, но внесенныя въ тепло, ожили, и стали летать. Докторъ Ларрей припомнилъ при семъ случаѣ, что въ своей исторіи Италійскихъ компаний, онъ говорилъ о ласточкахъ, которыхъ нашель зимою 1797 года въ Мавріенской долинѣ, во глубинѣ пещеры, называемой *ластоттиколы* (*hirondellière*), по причинѣ обилія тамъ гнѣздъ ласточекъ. Птички эти казались замерзшими, но въ теплѣ ожили. Все доказываетъ, что ласточки могутъ проводить зиму въ Европѣ.

Дюжарденъ представилъ Академіи Французской опыты свои надъ морскими и рывчими губками, изъ которыхъ выводитъ онъ доказательства, что ихъ должно рѣшительно отнести къ царству *животныхъ*, а не *растений*, какъ многіе полагають. Ключокъ губки, положенный подъ микроскопъ, явно показываетъ, какъ животное вещество выступаетъ изъ него въ видѣ разноцвѣтныхъ шариковъ, которые шевелятся и измѣняютъ цвѣта. Дюжарденъ производилъ опыты свои надъ *Spongia rapissa* и *Cliona celata*, на берегу Ламапша, и надъ обыкновенными *Spongilles de l'Orne*.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Джанбатисто Тенерани, ученикъ Торвальдсена, изваялъ барельефъ, изображающій послѣднюю сцену Мучениковъ Шатобріана. Самъ Папа пожелалъ видѣть это произведеніе, которое, какъ пишутъ, показываетъ дарованіе необыкновенное.

Допытъ въ Британскомъ Музеѣ, въ Лондонѣ, не позволяли снимать слѣпковъ съ древнихъ, драгоценныхъ памятниковъ, тамъ находящихся, исключая Эльгинывы мраморы. Теперь это смѣшное запрещеніе уничтожено, и слѣпки дозволяютъ дѣлать со всего, что только находится въ Музеѣ.

Юня 30-го, подъ смотрѣніемъ литейщика Стигльмейера, въ Мюнхенѣ отлиты колоссальную статуя Шаллера, изваянную Торвальдсепомъ, по заказу въ Стутгартѣ.

Близъ Бордо, въ Сентъ-Эмильонскомъ приходѣ, находится древняя церковь, изсѣченная въ цѣльномъ утѣсѣ, и простирающаяся на 80 футовъ въ длину и 50 въ ширину, такъ, что она превосходить обширностью всѣ монолитныя зданія Египта. Но церковь эта со времени революціи была уничтожена и обращена въ кладовую. Теперь епархіальный епископъ велѣлъ очистить сей драгоценный памятникъ, украсилъ его, возстановилъ въ немъ церковь, и 3-го Юля было освященіе сего храма.

Въ засѣданіе Римской Археологической Академіи, Висконти, секретарь Академіи и комиссаръ Римскихъ древностей, читалъ отчетъ о важномъ открытіи. Онъ нашелъ драгоценныя катакомбы, въ виноградникѣ г-дѣ Франческо и Нотале дель Гранде, за Порте-Маджоре, неподалеку отъ церкви Св. Марцелина и Св. Петра и гробницы Св. Елены, принадлежащія къ кладбищу, именуемому кладбищемъ Св. Тибурціи, Св. Марцелина, Св. Петра и *Inter duos lauros*; оно знаменито въ летописяхъ христіанства, и извѣстно было археологамъ потому, что здѣсь найдена большая часть медальоновъ Карпенскаго Музея, описанныхъ Буонаротти. Полъ въ новооткрытыхъ катакомбахъ весь состоитъ изъ превосходныхъ мозаикъ, въ длину на 62 пальмы. Тутъ особенно отлпчаются шесть картинъ, изъ цвѣтной мозаики, красоты необыкновенной.

Докторъ Берендъ, въ Берлинѣ, изобрѣлъ составъ, которымъ замѣняется литографическій камень. Составъ этотъ наливается на оловянную доску тонкимъ слоемъ, крѣпится застывая и походитъ на эмаль. Изобрѣтатель получилъ привилегію. — Энгельманъ въ Парижѣ разрѣшилъ задачу Парижскаго Общества поощренія промышленности, и представилъ образцы и опыты превосходной *хромо-литографии*, то есть, искусства литографировать и отпечатывать красками, такъ,

что рисунки обходятся вдвое дешевле раскрашенныхъ, не смотря на пѣжность красокъ и чистоту. Способъ его весьма легкій, и Энгельманъ вошелъ уже по сему изобрѣтенію въ сношенія съ Австрією, Бельгією и Неаполемъ. Онъ беретъ за выучить мастера за 12 тысячъ франковъ. Въ сутки можно отпечатывать до 100 экземпляровъ въ 4-ку. — Вотъ еще новое приложение литографіи: въ Швейцаріи придумали отпечатывать литографически, масляными красками, бумажныя ткани, что весьма красиво для занавѣсъ и гардинъ.

Вернету заказали двѣ картины: взятіе Константины Французами, и смерть генерала Дамремона. Онъ отправился въ Африку для снѣтій мѣстности.

Знаменитые часы на Страсбургской колокольнѣ определенно починить. По смѣтѣ это будетъ стоить до 30,000 фр., и кончится въ три года.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ.

Важное неудобство для дальнихъ плаваній пароходами состоитъ въ томъ, что потребенъ большой запасъ угля, и мѣсто для его помѣщенія. Араго представилъ Парижской Академіи новое изобрѣтеніе г-на Бешамеля, приложение коего къ парокордству обѣщаетъ важныя выгоды: изобрѣтатель придумалъ такой механизмъ мачтъ и оснастки, что при благопріятной погодѣ пароходъ идетъ на парусахъ, а при переменѣ, въ 35 минутъ мачты и снасти убираются, и пароходъ дѣйствуетъ машиною. Извѣстно, что обыкновенная корабельная оснастка и мачты не годятся для парохода, ибо представляютъ сильное сопротивленіе воздуху, и задерживаютъ ходъ.

Въ Лондонѣ произведены удачныя опыты надъ судномъ, которое надобно будетъ называть *ртутородомъ*, если такія суда дѣйствительно станутъ плавать по морямъ, ибо механизмы ихъ будутъ приводиться въ движеніе — *ртутью*. До сихъ поръ не придумали только регулятора для этого новаго двигателя.

Начало прямого сообщенія между Петербургомъ и Гавромъ уже сдѣлано: прекрасный пароходъ La Tage прибылъ изъ Гавра въ Кронштадтъ, въ восемь дней, и готовъ везти пассажировъ и тяжести въ Гавръ, мимоходомъ оставаясь въ Копенгагенѣ. До Копенгагена, съ пиццою, платится 145 и 180 рублей, до Гавра 180 и 325 рублей. Въ Петербургъ составила уже компанія по сему предмету, и ея пароходъ совершитъ три курса нынѣшнимъ лѣтомъ въ Гавръ. — Такимъ образомъ, предположите, что изъ Москвы выѣхалъ пассажиръ за 75 рублей, и въ три дни доѣхалъ до Петербурга въ спокойномъ дилижансѣ; въ восемь дней, отъ въ Гавръ, за 325 рублей, въ прекрасной каютѣ; недѣлю употребляетъ онъ на поѣздку въ Парижъ и обратно, плыветъ восемь дней до Кронштадта, ѣдетъ три дня до Москвы, и такимъ образомъ — въ *мѣсяцъ*, со всеми удобствами, съѣздитъ отъ изъ Москвы въ Парижъ и обратно, и истратитъ едва ли болѣе 1500 рублей.

Томасъ Вичамъ, въ Англии, изобрѣлъ приложеніе механизма къ паровой машинѣ, посредствомъ коего можно будетъ рыть каналы и уравнивать землю, безъ пособія заступа и лопаты. Машина можетъ замѣнять 3000 работниковъ, ибо срываетъ и вырываетъ въ день 150,000 куб. фут. земли, а для управленія ею потребно только четыре человека.

Въ Пиръ - Гидъ, въ Англии, производили удачные опыты пасть изобрѣтеніемъ для спасенія утопающихъ въ морѣ. Новый способъ состоитъ въ особеннаго устройства ракетъ, къ которой привязывается веревка; ракету пускаютъ въ то мѣсто, гдѣ бѣдствуютъ утопающіе, и она, упавъ въ воду, даетъ средство ухватиться за пустой цилиндръ, привязанный къ концу веревки.

Но если люди придумываютъ средства спасать, то не забываютъ средства и губить своихъ ближнихъ. Юня 6-го произвели близъ Лозанны опыты надъ зажигательными пулями (balles incendiaires), которыя изобрѣлъ Родольфъ Пикааръ, помощникъ Лозанской школы рисованья. Безъ всякой опасности для стрѣлка, проклятыя пули эти далеко и мѣтко попадали, и зажигали все, къ чему касались.

Не столько говорятъ теперь объ Испанской войнѣ, сколько объ асфальтѣ и мощеніи имъ тротуаровъ. Опытъ сдѣланъ уже теперь и въ Петербургѣ, на пространствѣ нѣсколькихъ саженъ, подѣ забора Исакиевскаго собора, между Почтамтскою и Морскою. Во Франціи асфальтъ сводить съ ума не менѣ желѣзныхъ дорогъ. Мы поговоримъ подробнѣе объ этомъ предметѣ.

Съ восторгомъ описываютъ въ Англійскихъ газетахъ новое изобрѣтеніе, посредствомъ коего найдено средство очищать дно гавани и проливы отъ кораблей, въ нихъ потопившихся, и опасныхъ не менѣ подводныхъ камней. Въ устьѣ Темзы находился громаднѣйшій оставъ корабля подѣ водою. Спустившись въ водолазномъ колоколѣ, привертѣли къ нему цилиндры съ порохомъ, и провели трубки отъ нихъ, съ мягкоюю, на берегъ. Потомъ зажгли эту подводную мишу, и дѣйствіе ея было великолѣпно и ужасно: отъ 4000 фунтовъ загорѣшагося пороха, вода взлетѣла горою на 70 футовъ вышины, чернѣйшій паръ хлынулъ со дна рѣки, и къ нему вылетѣли во всѣ стороны доски, мачты, бревна; берега Темзы потряслись на нѣсколько верстъ кругомъ. Громъ рукоплесканій загремѣлъ между зрителями, которые собрались толпами, и лодки начали подбирать обломки корабля, плававшіе по рѣкѣ.

Извѣстно, какое опустошеніе причиняетъ винограду насѣкомое, извѣстное подѣ именемъ *огноты* (rugale). Тулузскій ботаникъ Депаксъ испыталъ, что это насѣкомое особенно любитъ лѣсть *болотныхъ бобовъ* (fèves de marais). Обсаживая ими виноградъ, Депаксъ всегда охранялъ его отъ вреда, ибо насѣкомое бросалось съ особенною жадностью на бобы, мало потому на нихъ свои лички, и потому легко было осенью вырвать это растеніе, и сжечь его, вмѣстѣ съ зародышами насѣкомыхъ.

Томасъ Френчъ, въ Нью-Йоркѣ изобрѣлъ книгопечатный станокъ, который печатаетъ на безкопечномъ листѣ бумаги. Бумага выдѣлывается длиною смотря по тому, сколько надо по листовъ для книги, при готовомъ наборѣ литеръ въ кассы.

Такимъ образомъ при сдѣланномъ опытѣ, въ три минуты готовъ былъ экземпляръ книги въ 356 страницъ.

По изслѣдованіямъ Дерптскаго химика, г-на Гобеля, можно добывать превосходную красную краску изъ растеній, находящагося въ изобиліи по низовью Волги, въ Кавказской области и въ Крыму, и называемаго *юзурукъ* (*rehaniun hatmala*). Его употребляютъ въ Анатолиі для крашенія ессокъ особенно. Бумага, имъ окрашенная, терпѣть мытье, и лицлетъ только отъ мыла. Но этому надвуются пособить химическимъ приготовленіемъ бумаги прежде крашенія.

Въ Кенигсбергской газетѣ увѣдомляютъ, что Жиды вывезли изъ Сѣверной Америки большое количество желтой, прозрачной копаловой смолы, и продаютъ ее за янтарь. Правительство Прусское предостерегаетъ объ этомъ обманѣ.

Перепечатываніе въ Бельгій достигло высшей степени совершенства. Тамъ изобрѣли средство дѣлать химическіе оттиски съ листовъ газетъ, не пабирая ихъ вновь, такъ, что тотчасъ по полученіи иностранной почты *Journal des Débats* будетъ перетиснуть, и продадемъ *вчетверо* дешевле противъ настоящаго листа. Если уже Бельгійскіе перепечатки и безъ того губили иностранныхъ книгопродавцевъ, что будетъ теперь, когда всякую книгу перетиснуть безъ литеръ и типографій, и точно въ такомъ, какъ Парижскій, напримѣръ, форматъ, станутъ продавать за четвертую долю цѣны?

Извѣстно, какую гибель причиняли пожары бумагамъ, билетамъ, ассигнаціямъ. Механикъ Чуббъ изобрѣлъ теперь сундуки, въ которыхъ все это безопасно отъ огня. Сундуки его поставили въ печь, раскалили до красна, и бумагу въ него положенную, были потомъ найдены совершенно цѣлыми. Кромъ того, сундука этого нельзя взломать, и невозможно отпереть его, не зная секрета.

Географія и Статистика. Во время ужаснаго землетрясенія, опустошившаго Таоманійскій городъ Лезя (С. О. Мартъ, отд. V, стр. 84), послѣдовало рѣдкое вулканическое явленіе: близъ

Австралийских береговъ, въ $2\frac{1}{2}$ мь, изъ пѣдръ моря выдвинулся на 150 футовъ надъ поверхностью морскою островъ, $\frac{1}{4}$ мь шириною, $1\frac{1}{4}$ мь длиною и около трехъ мь окружностью. Почву его составляетъ безобразная гряда гранита, лавы, известкового камня, покрывтая раковинами и морскими растеніями.

По ревизіи Нидерландскаго Королевства, въ Январь 1837 года, народонаселеніе его было слѣдующее:

Сѣверный Брабантъ	362,781
Гельдернъ	332,395
Сѣверная Голландія	422,503
Южная —	503,354
Зеландія	144,220
Утрехтъ	138,922
Фрисландія	224,615
Оверъ-Эйссель	183,722
Гронингенъ	170,691
Дрентъ	69,319
	2,557,522.

Въ семь числъ: Реформатовъ 1,518,700, Лютеранъ 55,400, Католиковъ 877,674, Анабаптистовъ 160,000.

Число Англійскихъ кораблей, отъ 3-хъ до 120 пушекъ, находящихся теперъ въ дѣйствительной службѣ по всѣмъ морямъ, простирается до 166; военныхъ шлюповъ, служащихъ пакетботами, считаютъ до 24.

Число родившихся въ Россіи, въ 1837 году, Христіанъ Католическаго и Армяно - Католическаго исповѣданія, составляло 50,282 муж. и 53,785 женск. пола; умершихъ было 35,845 муж. и 33,973 женск. пола; бракомъ сочетавшихся 26,332 пары.

- Въ 1837 году выдѣлано въ Россіи картъ игральныхъ 173,338 дюжинъ и 9 колодъ (то есть, 2,080,065 колодъ). Въ томъ числъ: газетныхъ 250 дюжинъ, атласныхъ 8,000, золотообразныхъ 14,000, отборныхъ 55,000, 1-го разбора 76,100, низшихъ сортовъ 19,988.

О Дюмонъ-Дюрвилъ получены извѣстія, что 12-го Декабря корабли его экспедиціи находились при входѣ въ Магеллановъ Проливъ; они пошли по проливу, и 15-го стали въ Годномъ Заливѣ; 28-го прошли мимо крайней оконечности Южной Америки, мыса Фраворда, гдѣ сливаются волны Атлантическаго и Тихаго Океановъ, и 29-го стали въ заливъ Фортеске. Декабря 31-го перешли въ заливъ Французовъ, и 10-го Января предполагали выйти изъ залива и направиться къ южному полюсу. Состояніе экипажей и кораблей благополучно.

Зрѣлища и Музыка.

Вдова Веберъ продала одному изъ Берлинскихъ издателей сочиненія мужа своего, до нынѣ бывшія неизвѣстными. Въ числѣ ихъ находятся: симфонія для большаго оркестра, *en ut majeure*; концертно для виолончели *en re majeure*; канонъ на 6 голосовъ; собраніе квартетовъ, для двухъ скрипокъ, альты и баса; похоронная пѣснь, на 4 голоса, съ оркестромъ; сола для флейты, съ аккомпаньманомъ, и разныя пѣсы для фортепіано. Все это уже гравировано.

Дилеттанты Петербургскіе съ восторгомъ услышали о прїездѣ въ Петербургъ г-жи Шоберлехнеръ, (урожденной *Далокка*), и о томъ, что она намѣрена дать здѣсь концертъ, или лучше сказать, согласилась на просьбу — позволить послушать ея голосъ, столь прежде знакомый слуху и сердцу. Мы слышали, что она признается теперь одною изъ первыхъ кантатрисъ въ Европѣ; что въ Вѣнѣ увѣнчали ее лаврами, и съ торжествомъ провожали до ея квартиры; что она спѣшитъ скорѣе ѣхать въ Миланъ, гдѣ на праздникахъ вдохновенной Италіи ждуть ее восторги юга; что она прїѣхала въ Петербургъ только повидаться съ престарѣлымъ своимъ отцомъ. И вотъ, Юня 13-го слышали мы г-жу Шоберлехнеръ. Не смотря на жары, на дачи, на цѣпу мѣсть въ Большомъ Театрѣ (ложи были 100, 75, 50, 25, 15 руб., кресла 25, 15, 10 руб.), на то, что г-жа Шоберлехнеръ пѣла только каватину Доницетти, арію изъ Нормы и Швейцарскія варіаціи Пиксиса, театръ былъ полонъ, публика въ восторгѣ, пѣвица вызвана семь разъ, рукоплесканія были à la Tagliocci, и дилеттанты чуть не плачутъ, что спѣ-

ствомъ провожали его домой, а купечество Бостонское поднесло ему богатую табакерку.

Въ одномъ изъ Шотландскихъ архивовъ отыскали печать, которую Марія Стуртъ вырвала себѣ послѣ брака съ Герцогомъ Норфолькскимъ.

Одинъ Англійскій молодой актеръ удивительно походить на великаго Шекспира, и какъ увѣряютъ, происходитъ по прямой линіи отъ него, а всего страннѣе, что фамилія его *Шекспиръ*, и имя *Вилліамъ*. Подобно мнимому, или настоящему предку своему, этотъ Вилліамъ Шекспиръ плохой актеръ, и рѣшился сдѣлаться драматическимъ писателемъ. Въ Лондонѣ ставятъ пьесу его сочиненія. Вотъ страшно для автора! Не всякій, думаемъ, рѣшился бы писать стихи, если бы назывался Данте, Гете или Державиннымъ....

Первый изъ современныхъ фортепьянистовъ, Тальбергъ пишетъ къ другу своему, Дохлеру, въ Вѣну, что ему нужны и слава, и деньги, которыя сыплются къ нему отвсюду, и что онъ хочетъ съѣздить въ Лондонъ, въ Петербургъ, навсегда потомъ отказаться отъ концертовъ и публичной игры на фортепьяно, и провести остатокъ жизни въ уединеніи, играя только про себя. Вѣнскіе мелодавы смертельно испуганы такимъ извѣстіемъ.

Бывшій некогда аббатомъ, а потомъ основателемъ и издателемъ Парижскаго *Журнала Дамскаго*, Мезапжеръ преслѣдовалъ съ негодованіемъ папалюны, до смерти ходилъ въ короткихъ штанахъ, въ башмакахъ, и особенно щеголялъ шелковыми чулками. Всякую недѣлю заказывалъ онъ новые башмаки; всегда ходилъ пѣшкомъ, и не имѣлъ никогда зонтика при себѣ, такъ, что если заставалъ его на дорогѣ дождь, а надобно было идти, онъ покупалъ себѣ зонтикъ въ первой лавкѣ. Послѣ смерти великаго аббата найдено у него: 1000 паръ шелковыхъ чулокъ, 2000 паръ башмаковъ, 100 шляпъ, 40 зонтиковъ, 90 разныхъ табакерокъ, и на 10,000 франковъ мелкихъ, новенькихъ монетъ, которыя любилъ онъ, и парочко вымѣнивалъ.

Тальони прибыла на пароходъ изъ Лондона въ Гамбургъ, 16-го Іюля.

Добродѣтельный помѣщикъ въ Австрійской Галиціи, Графъ Станиславъ Габдикъ Сварбекъ, устроиваетъ въ Лембергъ благотворительное заведеніе, гдѣ предполагаетъ учредить больницу на 400 кроватей, и ремесленную школу на 600 чело-вѣкъ бѣдныхъ сиротъ. Завѣщаніемъ своимъ отказывается онъ сему заведенію все свое имѣніе, состоящее изъ трехъ мѣстечекъ, тридцати деревень и театра въ Лембергъ.

Пипуть, что какой-то ученый браминъ въ Индіи пере-велъ на Санскритскій языкъ Иліаду, которую хотѣтъ пече-тать въ Калькуттѣ. Имя переводчика Боебу-Гришадеръ-Бо-рессъ.

Изъ Теплицъ писали отъ 16-го Іюля: «Не смотря на дур-ную, неблагоприятную для пользованія водами погоду, число посѣтителей возрастаетъ здѣсь болѣе и болѣе. Этому не мало способствуетъ извѣстіе, что въ скоромъ времени съѣдутся въ здѣшней вородѣ многія знаменитыя особы. Между прочимъ ждутъ Принца Адама Виртембергскаго, Принца Георга Ангальтъ-Дессаускаго, Князей Лихтенштейна и Виндишь-Грца, Россійскаго вице-канцлера Графа Нессельрода, Прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ Барона Вертера и Россійскаго посла при Вѣнскомъ дворѣ, Татищева. Генераль-фельд-маршалъ, Графъ Менсдорфъ-Пуцльн, командующій войсками въ Богеміи, находится уже здѣсь. Въ теченіе года въ Теп-лицѣ произошло важныя перемѣны и улучшенія, и видъ его весьма измѣнился. Этимъ доказывается желаніе доставить посѣтителѣмъ всѣхъ подобныя заведенія Богеміи возможныя пріятность и удобство. Для сего стоить только взглянуть на новое прелестное заведеніе на Юденбергѣ, откуда открываются, въ великолѣпной картинѣ, весь Теплицъ и Шемау, Рудныя Горы, Шлоесбергъ, и знаменитая гора Мылшауеръ (Доннерсбергъ); на прекрасную, вновь продолженную дорогу къ величественному Шпиттельбергу; на постройкія въ городѣ и въ Шемау многихъ красивыхъ домовъ; на улучшение на-ружнаго и внутренняго вида купалень. Площадн и улицы вымощены дикимъ камнемъ; словомъ, попечительность Пра-

вительства и дѣятельность чиновниковъ не перестаютъ дѣлать повсюду переменны и улучшения.»

Марта 16-го, на Англійскомъ пароходѣ Викторія лопнулъ котель, при чемъ убито было пять человекъ. Юня 14-го несчастный пароходъ этотъ съехался на Темзѣ съ бригомъ — при жестокомъ ударѣ опять лопнулъ на немъ котель, и два машиниста и трое матросовъ были убиты.

Въ воскресенье, 3-го Юля, случилось замѣчательное происшествіе на Царскосельской желѣзной дорогѣ. На 16-й верстѣ отъ С. Петербурга, шины были положены съ весьма малыми промежутками въ стыкахъ, и при сильномъ солнечномъ зноѣ, вся линія шинъ, раздаваясь мало по малу, заставила двѣ изъ нихъ выпереться изъ прямой линіи. Когда же паровозъ приблизился къ этому мѣсту въ третьемъ часу, то сторожъ, на семь простраствъ находившійся, далъ знакъ Англичанину, управлявшему паровозомъ, который немедленно пріостановилъ ходъ машины. Не смотря на то, два заднія колеса сошли съ рельсовъ, и паровозъ вмѣстѣ съ тѣмъ остановился; пассажиры перемѣщены были на прѣхавшіе изъ Царскаго Села экипажи, и отправились къ мѣсту. Между тѣмъ приступили къ выравнию линіи, но когда стали вкладывать послѣднюю пару шинъ, то оказалось, что онѣ на цѣлый вершокъ длиннѣе, нежели оставшееся для нихъ мѣсто, что произошло по причинѣ расширенія шинъ отъ солнечныхъ лучей. Посему принуждены были послать шины въ Царское Село, дабы отрубить отъ нихъ по вершку, и тогда токмо возможно было вставить ихъ на свои мѣста. Въ семь часовъ пополудни, поѣздки опять начались, и продолжались правильно.

Вотъ примѣры необыкновенныхъ рожденій въ Россіи: Декабря 21-го, 1837 г., Богуславскаго уѣзда, въ селѣ Карниловкѣ крестьянка родила трехъ младенцовъ; Ноября 25-го, Хотинскаго уѣзда, въ селеніи Тарасоуцѣ, Марія Коржетъ родила также тройни; подобные же примѣры замѣчены въ Февралѣ сего года, Котельвинскаго уѣзда, въ селѣ Зиновскомъ, Вилейскаго уѣзда, въ деревнѣ Раевщицѣ, и Калужск. уѣзда въ селѣ Чижоккѣ. — Ворон. губ. Павловск. уѣзда, въ селѣ

Кленовкѣ, у однодворца Пономарева, въ Іюнь 1837 г. родилось дитя безъ ногъ и съ одною рукою; Новг. губ. Тихъ узда, въ селѣ Лукѣ, крест. Андреева родила двухъ сросшихся дѣвочекъ, умершихъ черезъ два часа.

Поговоримъ о *странностяхъ* — не *любви*, а — *погоды*. Іюня 10-го на берегахъ Неккера выпалъ градъ съ снѣгомъ, и сдѣлался такой свѣдный холодъ, что вода замерзла и молодежь вечеромъ играла въ снѣжки. Въ тотъ-же день, въ Итали, въ окрестностяхъ Пренесты и Тускулума былъ морозъ. — Близъ острова Олагда, въ началѣ Іюня лежало еще много льду, и даже плавали льдины толщиной въ 9 локтей. — Іюня 13-го въ Казани свирѣпствовала жестокая буря. — Іюня 14, близъ Шамбери, въ Савоин, подлѣ деревни Чизинно выпало множество аэролитовъ. — Іюня 15-го, въ Севъ-Кентенъ, во Франціи, жестокая тромба переломала множество деревъ и строеній. — Апрѣля 4-го, въ Кизлярѣ, вечеромъ, при ясномъ небѣ видѣли огненный метеоръ; растянутый на подобіе ужасной змѣи, онъ горѣлъ около четверти часа.

А вотъ и «странности любви» — Лордъ Кастельре такъ влюбился въ славную пѣвицу Гриси, что написалъ къ ней письмо: Мужъ пѣвицы, monsieur Мельси разсердился, вызвалъ лорда на дуэль; они стрѣлялись, лордъ былъ раненъ, и клятвою увѣрилъ раздраженнаго супруга, что жена его ни когда не подавала ему лорду никакого повода къ дерзкому посланію.

Кто не надѣялся, что изъ билетовъ лотерей Польской не выпадетъ на его именно долю драгоценный No, въ которомъ будетъ 900,000 золотыхъ, столь пестро и обольстительно выглядывающихъ изъ оконъ магазиновъ и конторъ по Невскому проспекту? Тысячи ожидали, но нашелся *одинъ* счастливецъ, которому скатились съ колеса фортуны 900 т. золотыхъ! Куда-же скатились они? Въ Палкинскій трактиръ, въ карманъ *маркера Алекся Ражскаго*. Любопытно-бы видѣть этого человека, когда среди восклицаній его: «Десять и ничего» — пятнадцать и три» — ему возвѣстили, что онъ обладаетъ *полу-милліономъ* рублей!...

